

сказки и предания нганасан

сказки и предания
НГАНАСАН

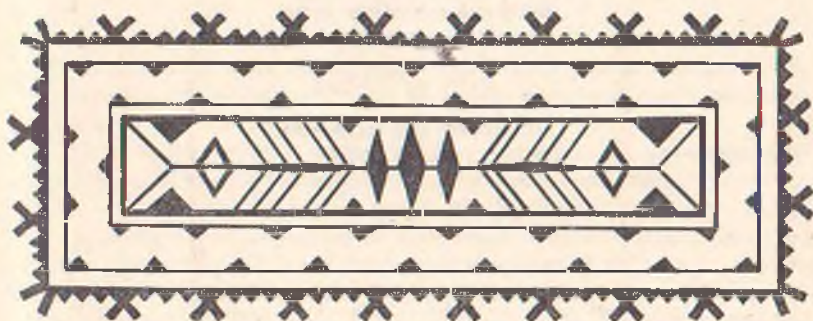

**СКАЗКИ
И
МИФЫ
НАРОДОВ
ВОСТОКА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

**мифологические сказки
и исторические предания
НГАНАСАН**

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МОСКВА 1976

С

М68

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ ВОСТОКА»

Н. С. БРАГИНСКИЙ, Е. М. МЕЛЕТинский,
С. Ю. НЕКЛУДОВ (секретарь), Д. А. ОЛЬДЕРОГЕ (председатель),
Э. В. ПОМЕРАНЦЕВА, Б. Л. РИФТИН, С. А. ТОКАРЕВ, С. С. ЦЕЛЬНИКЕР

Запись и подготовка текстов,
введение и комментарии
Б. О. ДОЛГИХ

Ответственный редактор
Э. В. ПОМЕРАНЦЕВА

М $\frac{70304-070}{013(02)-76}$ 204-76

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1976.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Работа Б. О. Долгих «Мифологические сказки и исторические предания нгасан» издается посмертно. Она была закончена автором и отредактирована Э. В. Померанцевой.

Всю свою творческую жизнь В. О. Долгих посвятил изучению народов Сибири. Особенно его интересовали народы самодийской языковой группы — энцы и нгасаны. Основной темой его исследований был этногенез народов Севера, родовой и племенной состав народов Сибири к приходу русских в XVII в., эволюция родо-племенной структуры. В своих научных изысканиях Б. О. Долгих использовал как полевые, так и архивные материалы. Прделав тятаническую работу, Борис Осипович создает труд «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.». Им была составлена карта распространения этнических групп, племен и родов народов Сибири в XVII в. В 1970 г. выходит книга «Очерки по этнической истории непцев и энцев». Помимо книг Б. О. Долгих написал огромное число статей, большинство которых опубликовано. Пока не опубликована большая работа «Родовой и племенной состав народностей севера Средней Сибири», неоконченная монография «Нгасаны» и ряд статей.

В своих исследованиях Б. О. Долгих широко использовал фольклор народов Севера. Интерес к фольклору у него проявился очень давно: в 1938 г. в Красноярске выходит книга «Легенды и сказки нгасан», в 1961 г. был выпущен сборник «Мифологические сказки и исторические предания энцев», а в 1962 г. — «Бытовые рассказы энцев». Все опубликованные тексты были записаны Б. О. Долгих и им же снабжены комментариями.

Настоящая книга продолжает эту серию работ Б. О. Долгих.

Сборник нгасанских сказок и преданий дает представление о сложных этногенетических процессах на Крайнем Севере, о древнейшей мифологии и религиозных верованиях северо-азиатских аборигенов.

Почти все тексты, вошедшие в сборник, записаны Б. О. Долгих.

Следует подчеркнуть, что все тексты рассказывались инанасанами по-русски и поэтому, естественно, имеют ряд отклонений от норм современного русского языка. Но, с другой стороны, эти подлинные, необработанные записи имеют особую ценность как своеобразные документы двуязычия, интерференции языков и культур.

Тексты предваряет содержательный исследовательский очерк покойного ученого о гланасанах, их происхождении, этнической истории, современном быте и основных жанрах их фольклора. Этот очерк — итог многолетней работы этнографа.

Некоторые общетеоретические положения, высказанные Б. О. Долгих во Введении, кстати сказать до сих пор разделяемые рядом этнографов, представляются несколько спорными в свете последних работ исследователей фольклора народов Севера. Однако они достаточно обстоятельно обоснованы автором и дают материал для дальнейших разысканий.

ВВЕДЕНИЕ

I

Нганасаны живут в Дудинском и Хатангском районах Таймырского национального округа Красноярского края. В Дудинском районе нганасаны вместе с долганами входят в колхоз им. Калинина, в Хатангском районе — в колхоз им. Гагарина и «Путь к коммунизму». В недавнем прошлом, когда нганасаны на лето откочевывали в глубь полуострова Таймыр, они были самым северным народом Евразии. Да и сейчас, если не считать населения советских полярных станций, оленеводческие и охотничьи бригады, состоящие из нганасан, заходят на материке Евразии на север дальше всех других его обитателей.

По языку и основным этнографическим признакам нганасаны сейчас представляют северо-восточную периферию так называемых самодийских («самоедских») народов. Но ряд этнографических черт тем не менее отличал нганасан от ненцев, основного самодийского народа Северной Сибири и европейской части СССР. Сюда надо отнести особенное значение еще в недавнем прошлом охоты на диких оленей в хозяйстве нганасан, навыки и пережиточные детали в технике охоты, характерные именно для очень архаичных пещных, безолешных охотников, отсутствие прочной оленеводческой традиции, ряд других несамодийских бытовых особенностей и, как увидим ниже, несамодийский пласт в фольклоре. По этим и по ряду других своих этнографических особенностей (одежда, устройство чума, типы оленьих санок, орнамент и т. п.) нганасаны образовали одно целое с тундровыми эндами и вместе с ними могли быть противопоставлены ненцам. Но фольклор нганасан, хотя и обнаруживал в отдельных случаях сходство с энецким, в целом отлячался от последнего и включал целые разделы, отсутствующие у энцев, и, наоборот, не имел циклов и сюжетов, характерных для энцев. Значительна разница между нганасанами и энцами по языку. Если в отношении материальной куль-

туры нганасаны вместе с тундровыми энцами могли быть противопоставлены пенцам, то в языковом отношении энцы скорее ближе к ненцам, а нганасаны стоят несколько более изолированно.

Все эти особенности нганасан по сравнению с другими самодийскими народами объясняются их особым происхождением. Вкратце наши сведения об этом сводятся к следующему¹.

В сравнительно отдаленное время полоса лесотундры, по крайней мере от р. Таз на западе и до Лены на востоке, была, по-видимому, занята племенами пещих, т. е. безоленных, охотников на дикого северного оленя. Эти племена не были по своему языку и культуре самодийскими, а, вероятно, представляли западное продолжение того палеоазиатского населения Северной Сибири, которое сохранилось к приходу русских в XVII в. лишь к востоку от Лены, где было известно под названием юкагир.

К западу от Лены эти палеоазиаты к XVII в. уже повсеместно были поглощены самодийцами и тунгусами. Таким образом, между Тазом и Енисеем образовалось, в частности, самодийское племя тундровых энцев сомату.

К востоку от него, в бассейне р. Пясины, в результате аналогичного процесса к XVII в. образовались еще две небольшие самодийские группы, которые русским стали известны под названиями «самоседов»-кураков (т. е. «самоедов-поронов») и так называемых пясидских «самоедов».

Распространение самодийского языка и оленеводческой самодийской культуры на местные палеоазиатские племена охотников на дикого северного оленя, очевидно, объясняется превосходством и относительной прогрессивностью того комплексного оленеводческого и в то же время охотничьего и рыболовческого хозяйства, которое сложилось у самодийцев в районе бассейнов Пура и низовьев Оби по сравнению с односторонним, примитивным, еще неолитическим по технике изготовления орудий производства хозяйством и культурой охотников-палеоазиатов. Самодийцы, а также угры, предки современных хантов, кроме того, вероятно, приносили в тундру и лесотундру Северо-Западной Сибири также и знакомство с металлами, с медью во всяком случае. С самодийцами не только, видимо, пришли в северо-западные тундры Сибири домашние олени, но ими же в тесном взаимодействии с теми же более высокими по своей культуре угорскими племенами Оби была выработана та система тундрового оленеводства, которая так характерна в настоящее время для тундровых самодийских народов и которая обеспечила пенцам, в частности, возможность распространения в полосе тундр в обе

---

¹ Б. О. Долгих, Происхождение нганасан, — «Труды Института этнографии АН СССР», 1952, т. XVIII, стр. 4—81.

стороны от низовьев Оби и бассейна Пура — до Мезени на западе и Енисея на востоке. Вместе с этим самодийцы явились в этом районе также распространителями патриархально-родовых социальных отношений и способствовали распадению у палеоазиатов их материнского родового строя и переходу их к отцовскому роду со всеми сопутствующими этой форме социальной организации явлениями — большой патриархальной семьей, домашним рабством, сравнительно приниженным положением женщины, многоженством, имущественной дифференциацией в роде. Последняя в данном случае происходила на базе крупных оленьих стад, являвшихся экономической основой богатства социальной верхушки тундровых самодийских народностей в прошлом.

Несколько иначе протекала история охотников-палеоазиатов на более восточном участке их распространения, к западу от Лены, в противостоянии между ней и Хатангой, главным образом в бассейнах Оленека, Анабара и самой Хатанги. Здесь палеоазиаты рано подверглись влиянию тунгусов и в конце концов были в языковом отношении ассимилированы последними и оттеснены, частью к самому берегу Лавтевых, частью в район верховьев Анабара и среднего течения Хатанги. Но хотя эти палеоазиаты и были по языку отунгушены, они отличали себя от настоящих тунгусов, тем более что между ними и собственно тунгусами не прекращалась борьба из-за районов охоты на диких оленей, усугублявшаяся набегами для захвата домашних оленей, столкновениями на почве похищения женщин и т. п.

Несмотря на враждебные отношения, в результате этих контактов палеоазиаты познакомились с оленеводством и получали изделия из железа. В отличие от самодийцев на западе тунгусами не было выработано специализированной тундровой системы оленеводства. Поэтому и сами тунгусы, и палеоазиаты, усвоившие тунгусский язык и ряд других элементов тунгусской культуры, оставались оленеводами не крупными, не знавшими долгое время езды на оленях в санках, использовавшими оленью только для езды верхом и перевозов грузов выюком.

Для охоты на диких оленей эти обитатели низовьев Анабара и Поппая проныкали в глубь Таймыра. Там они встречались с упомянутыми пясидскими «самоедами» и с расположенными западнее последних «самоедами»-кураками. Подвергаясь все время нападениям тунгусов, эти пришельцы перестали возвращаться из своих охотничьих районов на Таймыре обратно на восток, за Хатангу. Они стали зимовать в землянках по р. Таймыру или уходили зимовать в леса по рекам Хете, Дудыпте, Аваму и постепенно ассимилировались «самоедами» (точнее, «осамоедившимися» палеоазиатами). Так на Таймыре образуется племя тавгов, которое русские застали здесь в XVII в. Незадолго до прихода русских в лесотундре, в районе оз. Пясины, из «осамоедившихся» тунгусов обра-

зуются еще одна группа обитателей тундры и лесотундры, которая под названием тидирисов также зафиксирована русскими актами начала XVII в.

В течение XVII и первой половины XVIII в. тавги, тидирисы, пясидские «самоеды» и «самоеды»-кураки сливаются в одно племя авамских нганасан. В этом племени потомками тавгов, видимо, являются роды Чунанчера и Нинюнде, потомками тидирисов — род Линанчера, потомками пясидских «самоедов» — род Нгомде и потомками «самоедов»-кураков — род Нгамтусо. Свое название это племя получило от р. Авам и Авамского зимовья, где оно платило ясак.

Причина, по которой тавги и тидирисы были ассимилированы пясидскими «самоедами» и кураками, заключается, по всей вероятности, все в том же превосходстве самодийской системы тундрового оленеводческого хозяйства над малоолениным, охотничьим по преимуществу хозяйством предков тавгов и тидирисов, лучшей приспособленности к условиям тундры всей самодийской бытовой обстановки, например чума, одежды и т. п., превосходстве более рационального самодийского способа езды зимой в тундре на саних по сравнению с тунгусской верховой ездой и т. д. Кроме того, пясидские «самоеды», во всяком случае уже в XVII в., представляли сравнительно более крупных оленеводов, от которых малоолениные, плохо обеспеченные охотники тавги и тидирисы временами, в годы неудачной охоты на диких оленей, могли находить в прямой материальной зависимости. Усвоенные тавгами и тидирисами самодийской тундровой оленеводческой культуры, главным образом тундрового оленеводства, сопровождающегося ездой на оленях, запряженных в сани, дало им даже некоторый перевес по сравнению с их соседями тунгусами. Езда на саних не только расширила хозяйственно используемую территорию, но позволила также усовершенствовать и традиционную охоту на диких оленей, например сделала возможной охоту на диких оленей с сетью. Благодаря всему этому в начале XVII в., к приходу русских, тавги снова могли кочевать в районе устья Анабара, откуда, вероятно, совершился переход их предков на Таймыр.

Другое отунгушенное, палеоазиатское по происхождению племя занимало верхнее течение р. Анабара и среднее течение р. Хатанги с оз. Ессей в качестве его центра. Русским оно стало известно под именем тунгусов ваяндыров, или ваяндов. В течение первой половины XVIII в. в результате неудачных восстаний, голодовок и т. п. это племя распалось. Часть его вошла в состав смежных тунгусских племен, часть — в состав занявших район оз. Ессей и бассейны Анабара и Оленека якутов, а часть, во главе с «Заячьим» (Мупуковым) родом, тоже ушла на Таймыр, поселилась здесь к востоку от авамских нганасан и в течение второй половины XVIII в. тоже подверглась «самоедизации». Быстро

увеличиваясь в численности, эта группа «самоедлившихся» тунгусов в течение конца XVIII и первой половины XIX в. оформилась в качестве племени вадеевских нганасан — второго племени, входившего в нганасанскую народность.

В начале XIX в. тунгус рода Долган по имени Око стал жить вместе с нганасанами. Из его потомков к концу XIX в. образовался отдельный нганасанский род Око, или Долган, не входивший ни в одно из двух вышеописанных племен (авамских и вадеевских нганасан), но продолжавший считаться в составе того объядученного тунгусского рода, из которого вышел его основатель. Так к 1926—1927 гг. сложились родо-племенной состав нганасанской народности в составе двух племен, состоящих каждое из нескольких родов, и одного рода, не входившего в эти племена.

Авамские нганасаны в 1926—1927 гг. состояли из родов Нгомде (Пиговы) — 14 семей, 76 человек, Нгамтусо (Кестеркины) — 16 семей, 81 человек, Чунапчера (Курсимины) — 20 семей, 103 человека, Нипонде (Порбины) — 39 семей, 175 человек, Линапчера (Турдагины) — 29 семей, 139 человек.

Вадеевские нганасаны в 1926—1927 гг. состояли из родов Асянду — 6 семей, 33 человека, Купчик — 12 семей, 71 человек, Кокары — 15 семей, 73 человека, Лапсаха — 5 семей, 24 человека, Нгойбу — 2 семьи, 12 человек, Нёрхо — 1 семья, 11 человек.

В роде Око (Яроцкие) в 1926—1927 гг. было 11 семей, 69 человек.

Всего нганасан в 1926—1927 гг. было 170 семей, 867 человек.

Таким образом, 82% нганасан происходило из племен и родов, которые в свое время были если не тунгусами по происхождению, то, во всяком случае, какое-то время говорили на языках тунгусской группы. Тунгусский этап истории нганасан, как мы увидим ниже, наложил характерный отпечаток также и на их фольклор.

История нганасан в период после присоединения их к Российскому государству в общих чертах протекала следующим образом. С 1618 по 1639 г. идет процесс подчинения предков нганасан. Первыми в 1618 г. были обложены ясаком «сяидские самоеды», в 1625 г. платила ясак и часть кураков, в 1627 г. платят тидирисы и часть тавгов. В 1625 г. впервые упоминается, что заплатила ясак группа ваяндов, или ваяндыров, предков вадеевских нганасан. В период 1639—1664 гг. произошло несколько столкновений ваяндов с оленекскими тунгусами племени адян (эдян), зафиксированных русскими источниками. В 1666 г. произошло большое восстание авамских нганасан, когда было убито ими более 30 русских служилых и промышленных людей и 4 тунгуса. В 1679 г. имели место последние крупные столкновения авамских нганасан и энци с пенцами, причем нганасаны и энци оказались здесь в одном лагере

с русскими и вместе с последними выступили против ненцев. В 1683 г. произошло восстание предков вадевских нганасан ваиядов (ваиядыров) на оз. Есеей, когда ими было убито 11 служилых и несколько промышленных людей. Еще одно восстание ваиядов имело место в первой половине XVIII в. Затем каких-либо крупных событий в истории нганасан не отмечается, за исключением времени от времени постигавших их эпидемий оспы, последняя из которых, и, по-видимому, очень сильная, была в 1907—1908 гг. В течение XIX и в начале XX в. на базе неравномерного владения оленями у нганасан складывается значительная прослойка крупных оленеводов. В 1926 г. 10% хозяйств владели 60% всех оленей. В 1921 г. к нганасанам прибыли первые представители Советской власти. В 1925 г. нганасанские «родовые» (фактически племенные) управления во главе с «князьями» преобразуются в «родовые» советы во главе с председателями. В 1928 г. Авамский родовой совет разделяется на Авамский и Таймырский. В 1931 г. родовые советы заменяются территориальными кочевыми, а позже и сельскими Советами. С этого же, 1931 г. нганасаны входят в Таймырский национальный округ. С 1931 по 1938 г. идет процесс коллективизации нганасан. В 1938 г. организуется первая нганасанская начальная школа. В период с 1938 по 1948 г. почти все дети школьного возраста охватываются начальным образованием, а значительное количество взрослых нганасан проходит через ряд специальных курсов, готовящих кадры для колхозного строительства. В период Великой Отечественной войны советского народа с немецко-фашистскими захватчиками многие нганасаны с оружием в руках в рядах Советской Армии защищали СССР на фронтах².

В 1966 г. колхозы, в которые входили нганасаны, были преобразованы в совхозы. В этих совхозах основными отраслями хозяйства продолжают оставаться оленеводство, охотничий промысел и рыболовство.

Большую часть оленей составляют сейчас совхозные стада, меньшая — является личной собственностью трудящихся совхозов. Оленеводство обеспечивает нганасан мясом и шкурами как для сбыта, так и для личного потребления. Но большую часть мяса и шкур для личного по-

---

² Старый быт, материальная культура и частично религия нганасан описаны в работах А. А. Попова «Тавгийцы» (Л., 1936) и «Нганасаны» (Л., 1948). См. также нашу рецензию в журнале «Советская этнография» (1949, № 2, стр. 219—226).

Современное хозяйство, культура и быт нганасан описаны в статье Л. А. Файнберга «Хозяйство и культура таймырских нганасан» («Советская этнография», 1959, № 2, стр. 47—60) и в статье Б. О. Долгих и Л. А. Файнберга «Таймырские нганасаны», — сб. «Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера», М., 1960 («Труды Института этнографии им. Н. И. Миклухо-Маклая», новая серия, т. 56).

требления иганасаны и сейчас получают путем охоты на дикого северного оленя.

Охота на песца дает товарную продукцию — песцовые шкуры, которые продаются заготовительным организациям.

Летом иганасаны охотятся на гусей, а зимой — на полярных куропаток. Результаты этой охоты идут главным образом на личное потребление.

Рыболовством иганасаны сейчас занимаются и летом и зимой. Часть рыбы продается государству, часть идет на личное потребление.

По сравнению с прошлым в хозяйстве иганасап произошли большие изменения — как в его технике, так и в организации.

В оленеводстве большую роль стала играть постоянная зоотехническая и ветеринарная помощь, правильная смена пастбищ, ежегодная рациональная выбраковка оленей, правильная организация отела, защита телят от ветра, обогревание слабых телят и т. п. Для выбраковки, ветеринарного осмотра и пересчета оленей имеется специальный корраль.

В пушном промысле, охоте на песца увеличилось значение охоты с помощью стальных капканов по сравнению с традиционными деревянными пастями, организован частый высмотр пастей, что свело к минимуму порчу пушнины в ловушках. В охоте на дикого оленя исчезли древние хищнические посылки — охота с копьями с челноков на переплывающих реки и озера диких оленей; не практикуется охота на диких оленей с помощью сети («невода») из кожаных ремней, в которую охотники загоняли сразу целый табул этих животных; не применяется подкрадывание за оленем-манщиком. Реже стали применяться подкрадывание к диким оленям за облепленной снегом доской на полозьях и другие подобные старинные способы охоты. Обычно сейчас охотятся на диких оленей при помощи дальнобойных винтовок, приближаясь к стадам этих животных на санках, запряженных домашними оленями. Летом иногда охотятся и пешком. В рыболовстве получили распространение капроновые невода и моторные лодки.

В качестве рабочих и служащих совхозов иганасаны получают также твердую зарплату. Пожилые люди получают государственную пенсию.

Основной производственной группой у иганасап является бригада. Оленеводческие бригады функционируют круглый год. Охотничьи бригады организуются главным образом на зимний сезон, хотя летом производятся также некоторые подготовительные к охотничьему сезону работы. Рыболовецкие бригады функционируют главным образом летом, но для подледного лова зимой тоже выделяются специальные люди. Состав основных бригад довольно постоянный. Возглавляют их наиболее опытные оленеводы, рыболовы и охотники. Обычный состав бригады от четырех до шести человек. Вместе с работающими в бригаде живут и не-

которые члены их семей. Бригадный стан — это основной тип поселения нганасан в последнее время, пришедший на смену прежним «кучам» — группам совместно кочующих хозяйств. Значительное количество нганасан более или менее постоянно живет теперь в совхозных центрах.

В старых конических чумах теперь нганасаны живут главным образом летом. Зимой члены производственных бригад живут в заимствованных от долган балках — небольших вагончиках на полозьях, перепозимых четырьмя-шестью оленями. Балки существенно облегчили труд женщин по постройке жилища после каждого перехода бригады на новое место, хотя имеют и свои отрицательные стороны — в них тесно, резко меняется температура. Когда топится печка, в балке очень жарко, но едва огонь прогорит, балок быстро охлаждается.

Зимой нганасаны ходят в своей красивой и теплой национальной одежде из оленьих шкур, но в отличие от прошлого носят под ней белье. Летом мужчины, как правило, носят покупную одежду, а женщины — как свою, из шкур, так и покупную, из тканей.

Нганасаны сейчас хорошо обеспечены медицинской помощью. Во всех совхозах имеются фельдшерские пункты. Фельдшера летом живут и в оленеводческих бригадах, когда последние далеко уходят от поселков. В Волочанке и Хатанге имеются больницы.

Быстрая связь обеспечивается не только оленьими упряжками и моторными лодками, но и авиацией. В экстренных случаях самолеты вывозят из глубинных пунктов больных и рожениц.

Все дети нганасан школьного возраста учатся в школах-интернатах. Неграмотные имеются лишь среди лиц старшего поколения. Многие учатся в средних и высших специальных учебных заведениях, а также на различных курсах — мотористов, киномехаников и т. д. Сейчас все нганасаны свободно владеют русским языком.

В поселках около центральных усадеб совхозов обычно имеются клубы, в них демонстрируются кинофильмы, есть возможность слушать радио, читать газеты и журналы. Здесь же устраиваются вечера самодеятельности и отдыха.

Большую помощь нганасанам оказали русские партийные и советские работники, а также учителя, врачи и другие специалисты. Подъем культуры нганасан, перестройка их хозяйства и быта были бы невозможны без труда этих скромных, самоотверженных людей.

II

Свой фольклор сами нганасаны делят на две большие части: ситабу — героические поэмы о богатырях и дюрумэ, куда входят все остальные прозаические жанры. Особую часть фольклора представляют песни-

импровизации (балы), иносказательные частушки (кайягэйру), загадки (тумта).

Деление фольклора на ситаби и дюрумэ, свойственное иганасанам, отмечается и у других, соседних им северных «самоедских» народов. У энцев фольклор делится на сюдобычу и дёречу, у приенисейских ненцев — на сюдбабц и лахапаку. Так же как у иганасан, у энцев и енисейских ненцев особняком стоят песни — хипоуеу по-енисецки. Произведения устного народного творчества у иганасан знают почти все мужчины и женщины независимо от возраста. Только по общему объему знаний, по мастерству исполнения выделяются отдельные лица. Наибольшая специализация идет по линии исполнения и знания ситаби, сложных и длинных произведений, часть которых исполняется пением. Дюрумэ рассматривается иганасанами как более простой раздел их устного творчества, просто как рассказы о прошлом. Само слово «дюрумэ» дословно значит «вести», «известия», хотя они и включают в свой состав и такой жанр, как фантастические сказки, а также сказки о животных и т. п. Иногда предание об отдаленном прошлом называют «хюнсэре дюрумэ» («старые вести»). Некоторые предания называются иганасанами «дюрумэ-ситаби», что можно перевести «вести, содержащие сказки». В отличие от настоящих ситаби эти произведения рассказываются, как дюрумэ, а не поются, как ситаби.

Несмотря на то что у иганасан существовали отдельные более или менее общепризнанные знатоки и исполнители фольклорных произведений, особенно, как было указано выше, исполнители ситаби, в целом у них все-таки не произошло выделения таких исполнителей фольклора в профессионалов певцов типа акынов у казахов и киргизов или олонкосутов у якутов. Все знатоки фольклорных произведений у иганасан были ридовыми охотниками, рыболовами и оленеводами, и только в долгие зимние вечера или в пургу, когда нельзя было уйти на охоту, их знания и искусство делались предметом внимания обитателей чума или стойбища. Короткие предания и сказки рассказывают также вечером, после ужина и после обычного трудового дня. Каких-либо всенародных празднеств, на которых выступали бы сказители фольклора, или публичных состязаний сказителей, которые устраивались у якутов, казахов и некоторых других народов, иганасаны не знали.

Были, правда, так называемые кайягэймэкуми — состязания двух молодых людей, которые заключались в том, что, сидя по обеим сторонам своей избушки, они сочиняли иносказательные песни-импровизации, соперничая в остроумии. Тот из них, кто, не поняв иносказательного текста своего противника, не смог ответить на него, считался побежденным и дарил победителю какое-либо металлическое украшение. В целом фольклор иганасан носил светский, народный характер (не-

смотря на большое количество сюжетов, так или иначе связанных с религией). У нганасан не создано своих профессиональных сказителей.

У нганасан, как и у ненец и энцев, речь рассказа (нгала) рассматривается как некая самостоятельная сущность, от лица которой иногда идет повествование. Поэтому в нганасанском фольклоре встречаются такие выражения: «Теперь слово ушло от пего...» или «Слово крутится над чумом и село на пего» и т. д. Этот прием позволял рассказчику переходить от одного героя (или группы персонажей) к другому (к другой группе), менять место действия, давать предварительное описание обстановки и т. д.

Начало записи фольклора нганасан было положено в 1927 г., когда участниками приполярной переписи 1926—1927 гг. А. П. Лекаренко было сделано 22 записи, а пишущим эти строки — З. Затем, в 1934—1935 гг., автором в течение работы по землевоустройству нганасан было сделано 19 записей. В 1938 г. в составе экспедиции Красноярского краевого музея им же было сделано 85 записей, М. С. Струлевым — 4 и И. И. Балуевым — одна запись. В 1948, 1957, 1959 и 1960 гг. пишущий эти строки, работая в составе экспедиций Института этнографии Академии наук СССР, сделал еще 122 записи, а Ю. Б. Симченко в 1961 и 1962 гг. — около 90 записей. Кроме того, П. Т. Ващенко в 1957 г. записал еще три, а молодой нганасан Мотюмаку Турдагину два произведения нганасанского фольклора.

А. П. Лекаренко и дирекция Красноярского музея любезно передали свои материалы по фольклору нганасан в распоряжение Института этнографии АН СССР, и таким образом институт располагает сейчас более чем 350 текстами общим объемом около 70 авторских листов³.

Как мы видим, фольклор нганасан стал записываться только после Великой Октябрьской социалистической революции. Дореволюционная

---

³ Из них только 17 наших записей 1927 и 1935 гг. объемом около 7 авторских листов были в 1938 г., и притом с некоторыми купюрами, изданы в Красноярске отдельной книжкой под названием «Легенды и сказки нганасан». Изданы также записи П. Т. Ващенко (см. журнал «Советская этнография», 1962, № 3, стр. 178—182) и записи Мотюмаку Турдагина («Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера», стр. 59—60).

Кроме вышеперечисленных записей фольклор нганасан записывал также покойный исследователь долган и нганасан А. А. Попов. Его записи, за некоторыми исключениями («Сказки народов Севера», М.—Л., 1959, стр. 131—140), не опубликованы, но, судя по предварительному сообщению А. А. Попова о его работе у нганасан (сборник «Советская этнография», 1940, т. III, стр. 249), они содержат 12 больших произведений (вероятно, ситаби) и ряд небольших текстов.

этнография в этом отношении никакого наследия не оставила. Нельзя, конечно, сказать, что вышеуказанными записями фольклор нганасан исчерпан. Но в какой-то степени о характере и содержании фольклора нганасан тем не менее мы судить уже можем.

Приводимая ниже характеристика фольклора нганасан основана на 261 записанном тексте автора этих строк, А. П. Лекаренко, М. С. Струлева, И. И. Балусва, П. Т. Ващенко, М. Турдагина. Все эти записи были сделаны по-русски.

Сперва остановимся на ситаби. Их в наших записях немного — всего 12. На самом деле ситаби составляют очень значительную часть всего фольклорного фонда нганасан. Но по двум причинам мы их записывали меньше, чем произведения других жанров. Во-первых, они очень длинные. Их рассказывают и поют иногда почти круглые сутки. В то же время сложность и вычурность их поэтического языка затрудняла перевод и запись. Во-вторых, они сложились не в нганасанской среде. Сами нганасаны считают их ненецкими, или, как они говорят, юракскими по происхождению. П. Третьяков писал в свое время, что «в песнях самоедов (т. е. нганасан и энцев.— *Б. Д.*) есть некоторая доля поэзии, а в скачках, большая часть которых заимствована от юраков, говорится преимущественно о походевцах богатырей, в числе которых были и женщины»⁴. Действительно, та бытовая обстановка, в которой разворачивается действие ситаби, представляет собой опозитизированный ненецкий быт. Имена героев ситаби тоже в значительной части ненецкие. Встречаются даже ненецкие родовые названия, например Харючи. В ситаби воспеваются бесчисленные стада оленей, герои их носят ненецкую одежду или одежду сказочных богатырей из меди или железа. Живут они в железных или медных чумах. Они летают по воздуху и сражаются в течение нескольких лет не переставая. Всем этим нганасанские ситаби представляют полную аналогию энецким сюдобичу и ненецким сюдбабц. Причине распространения этого жанра от пенцев к энцам и нганасанам понять трудно. Этот эпос с его героями — патриархами-олепеводами и витязями-богатырями — в какой-то степени отражает, но очень идеализирует ранние ступени формирования в патриархально-родовом обществе слоя родовой аристократии. Изучение ситаби, как у нганасан, так и у энцев и пенцев,— дело будущих лингвистических и специальных фольклористических исследований.

Пока о генезисе этого жанра сказать что-либо трудно. Вероятно, он включает элементы эпоса южных предков «самоедов», а также испытал на себе большое влияние обско-угорского богатырского фольклора.

---

⁴ П. Третьяков, Туруханский край, его природа и жители,— «Записки РГО по общей географии», т. II, СПб., 1869, стр. 404.

Подавляющее большинство наших текстов относится к той части фольклора нганасан, которую они называют дюрумэ.

Первую группу дюрумэ можно характеризовать как различные сказки, в том числе русские сказки, сказки о Дяйку, фантастические сказки, сказки о животных и сказки об Ибуле.

Самостоятельную и довольно большую группу дюрумэ представляют русские сказки. Их в наших записях 10. Некоторые русские сказки прочно вошли в самобытные нганасанские сказочные циклы, и трудно безоговорочно отнести эти сказки к русским или нганасанским. Среди русских сказок, бытующих у нганасан, нам известны следующие: «Медвежье ухо», «Царь Лагуи», «Царь Соломон», «Федор Барма», «Конек-Горбунок», «Золотой кулак», «Бедный русский и соседка», «Сын крестьянина» и др.

Сохранив в целом то содержание, какое они имели и у русского народа, некоторые детали этих сказок все же переработаны в соответствии с прошлым мировоззрением и кругозором нганасан. Так, в сказке о Коньке-Горбунке кобылица травит не хлеб в поле — образ, совершенно непонятный для нганасан в прошлом, — а ест муку в амбаре. Действие многих русских сказок перенесено в тундру. В качестве города обычно фигурирует Туруханск и т. д. Русские крестьяне в этих сказках обычно являются не земледельцами, а охотниками и рыбаками. Очень возможно, что эти сказки попали к нганасанам главным образом от затундринских крестьян и уже у последних подверглись соответствующей переработке в зависимости от местных условий.

Русские сказки весьма популярны у нганасан и считаются очень занимательными.

Большое влияние русских сказок испытал в нганасанском фольклоре другой популярный цикл сказок, объединенных именем главного их героя — Дяйку (11 записей). Иногда его называют также по-долгански Оёлоко (Одёлоко). Дяйку, в представлении нганасан, — это маленький человек, испытывающий всевозможные приключения, хитростью побеждающий всех окружающих. Изредка он наделят и сверхъестественными качествами, например оборотня, чаще он выступает в почти реалистическом образе. Не всегда приключения Дяйку кончаются для него благополучно. Иногда он, встретив настоящего, смелого богатыря, в конце концов погибает. В сказки о Дяйку часто вплетены эпизоды с участием русских или даже целиком отрывки из русских сказок. Отношение к Дяйку у нганасан двойственное. В общем чувствуется некоторая симпатия к этому неумолимому плуту, комические эпизоды, связанные с ним, вызывают смех. Однако его гибель тоже не вызывает сожаления. Почти каждый нганасан знает одну-две сказки о Дяйку (Оёлоко). Цикл сказок, объединенных образом Дяйку, распространен в Северной Сибири не только у нганасан. Синонимом Дяйку является Диа (Деа) у энецов,

Иомпа (Ёмбу) у пенцев, Ича у селькупов, Оёлоко (Одёлоко) у долган и северных эвенков, Дебегей у юкагир. Имеется сходство и в сюжетах, связанных с этими персонажами, у всех вышеупомянутых народов. Есть основание предполагать, что Дяйку представляет модификацию образа Дёйба-нгуо, главного покровителя и культурного героя нганасан. Ю. Б. Симченко, в частности, обратил наше внимание на то, что юкагирское название Дебегей может восходить к нганасанскому словосочетанию «Дёйба-нгуо».

Следующую группу нганасанских дюрумэ мы объединяем общим названием фантастических сказок. Они (всего 14 записей) характеризуются резким преобладанием фантастического в их содержании. При этом в отличие от других жанров нганасанского фольклора с преобладанием фантастики, которых мы коснемся ниже, эта группа текстов, названная нами фантастическими сказками, так же как сказки о Дяйку, не была непосредственно связана с религией нганасан. В фантастических сказках отсутствуют шаманы. Пет идеи души и загробной жизни. Часто в них действующими лицами являются великаны-людоеды сигэ, которые встречаются и в сказках о Дяйку. Их, впрочем, мы найдем и в других жанрах нганасанского фольклора, а под именем сихю эти великаны-людоеды бытуют также в фольклоре энецев.

Можно считать, что фантастические сказки нганасан, как и сказки о Дяйку, сложились, вероятно, в достаточно архаичную эпоху. Они несут в себе даже следы бытования их в период перехода от матриархата к патриархату. Специальный анализ их должен, видимо, дать очень много для установления истории развития и ранних форм фольклора народов Севера.

У нганасан в наших записях оказалось мало (всего 10) сказок о животных, одного из древнейших фольклорных жанров. В них, имеющих в значительной степени юмористический характер, в качестве главного героя обычно действует лисца.

Небольшое количество сказок о животных у нганасан, может быть, объясняется тем, что мы их просто мало записали. Но может быть, здесь дело в том, что сказка о животных еще не обособилась от сказок других жанров. Волчицу-шамана мы встречали в цикле о Дяйку, встречаются животные и в фантастических сказках. Ниже мы встретим их, особенно медведей, в циклах исторических преданий и преданий о шаманах. Вороны и лебеди имеются в этимологических мифах. Эта необособленность сказок о животных, видимо, является внешним проявлением общей архаичности фольклора нганасан.

Отдельный небольшой жанр (три записи) образуют у нганасан сказки об Ибуле. Это комический герой эвенкийского фольклора Ивуль, делающий все наоборот. У нганасан сказки об Ибуле детальнее, чем из-

востями нам аналогичные сказки, записанные у эвенков. Иганасаны считают сказки об Ибуле — Ивуле своими. Учитывая то, что большая часть предков иганасан, как указано выше, прошла стадию ассимиляции их тунгусами, появление у них в качестве своего собственного жанра этой сказки вполне естественно.

Сказками об Ибуле мы заканчиваем обзор одной части иганасанского фольклора, включающей все ситаби и часть дюрумэ. Общим для всех этих текстов является преобладание в них фантастического и относительно слабая связь их содержания с конкретной историей иганасан. Крупицы исторических данных приходится извлекать с большим трудом, и при этом только общего характера, освещающие большие стадийные сдвиги в развитии тех обществ и этнических элементов, которые вошли в состав иганасан, или наиболее значительные внешние влияния. Сами иганасаны, хотя и считают их «вестями» из прошлого (за исключением ситаби), но не связывают непосредственно со своим прошлым и не рассматривают их как свою положительную историческую концепцию или как изложение своего мировоззрения в прошлом.

Другой характер имеют произведения фольклора иганасан, в которых заключены элементы их мифологии и недавнего религиозного мироздания.

Но прежде чем начать изложение содержания этой части фольклора иганасан, мы считаем необходимым обратить внимание на то, что помимо фольклора данные о религии нами собирались путем наблюдений и бесед на соответственные темы. При этом оказалось, что, за немногими исключениями, фольклор отражает более поздние этапы развития религиозных представлений по сравнению с сохранявшимися в быту. Поэтому в приводимом ниже изложении некоторых религиозных представлений иганасан могут быть расхождения с содержанием отдельных произведений фольклора. С другой стороны, поскольку систематизация и обобщение наших данных о старых религиозных представлениях иганасан еще не окончены, автор этих строк просит считать его замечания о религии иганасан предварительными.

Вкратце основные сведения о религии иганасан сводятся к следующему. Главными сверхъестественными существами иганасан являются игуо, коча, баруси и дьямады. Иганасаны, хорошо говорившие по-русски, склонны были перевести название игуо русским словом «бог», а название баруси — словом «дьявол». Но по тому, как игуо и баруси обрисованы в представлениях иганасан, можно легко заметить, что эти образы далеко не соответствуют традиционному значению русских слов «бог» и «дьявол».

Игуо — это, как правило, матери (нямы) каких-либо стихий (воды, огня), явлений природы (солнца, луны). Так, известны Моу-нямы (Земли

мать), Быды-нямы (Воды мать), Туй-нямы (Огня мать), Коу-нямы (Солнца мать), Кичеда-нямы (Луны мать), Сырада-нямы (Подземного льда мать), Та-нямы (Оленей мать), Нилу-нямы (Жизни мать, она же Диких оленей мать) и т. д. Из сверхъестественных существ мужского рода главным является Дэйба-нгуо (Сирота бог), главный покровитель нганасан, их культурный герой. Ему противостоят семь (или девять) сыновей Сырада-нямы, так называемые Сырада-нянту (Подземного льда парни).

Наряду с матерями стихий и явлений природы, как мы увидим ниже, в фольклоре у нганасан имеются и мужчины — хозяева стихий и явлений природы, например Кас-нгуо (Грома бог), а также боги (нгуо) — мужья матерей стихий и явлений природы.

Распространены и нгуо — олицетворения болезней. Обычно болезни называются коча, но большие болезни называются нгуо. Так, оспа — одна из самых больших нгуо. К разряду нгуо относятся и русские христианские боги и святые, например Миколка бог (св. Николай).

Нгуо обитают в верхнем и нижнем мире. Нижний мир, или Бодырбому (Мертвецов земля), населен мертвецами. Обычный человек превращается в нгуо для мертвецов, обитателей нижнего мира, если попадает туда живой.

Само слово «нгуо» значит «шебо». Очевидно, это позднее название для нганасанских сверхъестественных существ, особенно если учесть, что некоторые из нгуо живут под землей. Слово «нгуо» в мировоззрении и фольклоре нганасан обычно заменяло старые термины «нямы» (т. е. мать) и «коча» (болезнь). Таким образом, матери стихий, явлений природы и олицетворения болезней стали объединяться в одну категорию «богов».

Баруси обычно не является олицетворением целого рода вещей или явлений. Это просто сверхъестественное существо, иногда страшное и жестокое, иногда доброе и наивное. Как исключение можно указать, что обитающие в воде (море, озерах) баруси приобретают иногда характер хозяйки воды, хозяйки озера. Обычно баруси обрисовывается как одноногое, одноглазое и однорукое существо, похожее на эвенкийского чюлюгды, а сами нганасаны увязывают его с русским «суседкой». Но иногда баруси представляется и в образе внешне нормального человека, часто женщины. Также про неловкого, глупого человека нганасаны говорят, что «он как баруси».

Между нгуо и баруси имеется еще та разница, что баруси, как и спгэ, очень редко, почти никогда, не связывались с шаманами. Наоборот, нгуо — это тот род сверхъестественных существ, с которыми постоянно имели дело шаманы.

Дямады (по-русски «вараги», т. е. вороги) — это демоны, помощники

шаманов. Обычно они зооморфны. Само слово «дьямады» значит «животное» (дословно «горло имеющий»).

После этого отступления возвратимся опять к характеристике нганасанского фольклора.

Первую группу текстов мифологического характера образуют рассказы о происхождении земли, жизни на ней, некоторые этимологические мифы, рассказы о первых людях, мифических народах и т. п. (всего 26 записей).

Несмотря на то что сама тема происхождения земли, жизни, человечества предстает при недостатке положительных знаний хорошую почву для развертывания фантастики, в текстах этого жанра фантастики меньше, чем можно было ожидать. Есть сверхъестественные существа, но их поступки и силы отличаются от поступков обычных людей лишь масштабом, но не заключают в себе чего-либо специфически чудесного. По своему характеру этот цикл тоже весьма архаичен. В нем еще обычно отсутствуют шаманы. В наиболее подробном мифе о мироздании главными деятелями, создавшими на пригодной для обитания земле жизнь, являются женщина — «Мать всего имеющего глаза» и мужчина — «Земли бог», Сырута-нгуо. Причем если основную деятельность проявляет мужчина Сырута-нгуо (дословно «Ледяной бог»), то средства ему для создания жизни на земле дает женщина — Мать всего имеющего глаза, едва ли не самый ранний и, во всяком случае, главный образ божества у нганасан. Очевидно, это другое название Моу-нимы (Земли матери).

Сама земля первоначально рисуется покрытой льдом. Затем белый человек Сырута-нгуо с помощью живущей на облаке жеппины, Матери всего имеющего глаза, которую он по временам посещает, создает на ней зеленую площадку, которая затем, разрастаясь, покрывает всю землю. Первым обитателем зеленой земли становится комолый олень — сын Сырута-нгуо, а врагом, пытающимся ее уничтожить, — летающий рогатый олень. Комолый олень — это, очевидно, тотемический образ зверя-человека, может быть, олицетворение предка нганасан. Борьба этих оленей оканчивается победой комолого оленя, сына Сырута-нгуо. Потом рождаются и настоящие люди, которых охраняет этот олень, получивший от своего отца рога из камня и бивня мамонта.

В связи с этим напомним, что охота на дикого северного оленя была главным средством существования предков нганасан. Без дикого оленя невысказимо было существование человека до появления домашнего оленеводства в тундровой и лесотундровой зоне Сибири. Не удивительно, что комолого (т. е. человекоподобного) оленя, тотемический прообраз предка, нганасанский миф делает первым обитателем земли, вслед за которым там появляются уже настоящие люди. Дикая олень играет большую роль в мифологии нганасан, и сами нганасаны иногда считают

себя «народом дикого оленя». Несомненно, благодаря своей педущей роли в хозяйстве иганасан дикий олень играл впоследствии и большую роль в шаманистической обрядности. Наличие у тотемического комолого дикого оленя рогов из камня и бивня мамонта, может быть, отражает наличие у самого первобытного человека каменных и костяных орудий труда.

Паряду с этим, наиболее полным мифом иганасаны рассказывают и другие. Некоторые из них явно испытали влияние идеологии более развитых обществ, вплоть до появления в качестве творца «Большой помощи» (Миколки бога). Из преданий о неведомых народах особенно любопытны тексты о безголовых людях. Один из них, «Моррэдэ и безголовые люди», выдержан в совершенно реалистических тонах, без всякого даже намека на сверхъестественное, кроме того, что в нем действуют безголовые люди. В другом — «Безголовые люди» — есть некоторый мифологический элемент. Оба эти текста, возможно, отражают первые этапы взаимоотношений аборигенов Северной Сибири, охотников за диким северным оленем, и пришедших сюда позже оленеводов — самодейцев. Полярная одежда с капюшоном вместо шапки, вероятно, и обусловила появление образа безголовых людей. Предания этого типа легли, вероятно, в основу легенды «о безголовой самодейце», о которой нам сообщает «Сказание о человеках незнаемых».

Сложнее образ «волосатых людей», которые фигурируют в преданиях этого и других жанров. Здесь вполне возможно, что окончательной выработке этого образа в фольклоре иганасан и ряда других народов Севера к востоку от них, вплоть до Яны и Индигирки, способствовало раннее появление у северных берегов Сибири древнерусских мореходов. Что касается первоначального возникновения этого предания, то, может быть, прав А. П. Окладников, связывающий его с мифологическими представлениями об охотничьих божествах и хозяевах леса, на которые наслоились элементы различного происхождения.

В целом мифы, точнее, мифологические сказки этого жанра представляют в одной части результат отражения в сознании предков иганасан ряда практических наблюдений (подземный лед, а для отдаленного прошлого, может быть, и отступление ледников), соединенных с образом, воплощающим их древний основной объект охоты и символ их народа — дикого северного оленя. Все это объединено между собой образом культурного героя и матери-прародительницы для объяснения происхождения окружающего их мира. С другой стороны, здесь отразились и древнейшие этнические взаимоотношения.

Надо заметить, что некоторые из этиологических мифов даются в виде бытовых рассказов, исторических преданий или сказок. Только в конце обычно выясняется, что мы во всех этих рассказах имеем дело не

с людьми, а со сверхъестественными существами и что весь рассказ объяснял появление какого-либо божества, обмывая, какой-либо черты культуры или представляет эпизоды из жизни каких-либо божеств, объясняющие происхождение тех или иных явлений в жизни людей или в природе.

Вся эта группа произведений устного пародного творчества иганасан еще имеет некоторые точки соприкосновения со сказками о Дяйку и фантастическими. Это не удивительно, так как все они представляют стадially архаический пласт фольклора иганасан, складывавшийся в ту эпоху, когда человек объяснял мир, исходя из элементарных наблюдений над природой, сделанных в процессе своей производственной деятельности, и обобщая свои наблюдения, исходя из своего производственного опыта и по аналогии со структурой и традициями своего материнского родового строя, т. е. предполагал прародительницу-мать для всех известных ему явлений и предметов живой и неживой природы. Но хотя сам человек еще был подавлен силами природы, все же с первобытной непосредственностью помещал себя в виде тотемического зверя-человека и подобные себе сверхъестественные существа в центре мироздания. В этих преданиях и мифах мы находим «вполне ясные признаки материалистического мышления, которое неизбежно возбуждалось процессами труда и всей суммой социальной жизни древних людей»⁵.

Блиаки к этому мифологическому жанру и те произведения фольклора иганасан, в которых в большей или меньшей степени отразилось их религиозное мировоззрение, существовавшее у них до недавнего времени. Первую группу текстов этого рода образуют те, в которых отражено представление иганасан о сверхъестественных существах и взаимоотношениях людей с этими существами (всего 41 запись). В них имеются и шаманы, но не они и не их действия играют главную роль в этих рассказах. Только в двух-трех из этих текстов имеются также знакомые нам сверхъестественные персонажи сизги. Иногда здесь в сизгу превращаются обычные люди, ставшие людоедами.

Пожалуй, главной особенностью иганасанского фольклора данного жанра являются совершенно неожиданные и незаметные переходы от естественного к сверхъестественному, от реального мира в мир потусторонний, отмеченные нами уже выше в отношении этиологических мифов.

Эта, несомненно очень архаичная черта фольклора иганасан едва ли не восходит к эпохе, предшествовавшей появлению представлений о естественном и сверхъестественном, к эпохе, в которой мы можем различать два этапа. Первый из них — когда мировоззрение человека вообще не имело представления о чем-либо, что мы называем сверхъестественным, т. е. было первобытно материалистическим и заключало в себе не-

⁵ М. Горький, О литературе, М., 1937, стр. 445.

большую сумму знаний, приобретенных его трудовым опытом, и правил социального поведения в среде себе подобных существ.

Следующий этап — когда усложнение трудового опыта и социальных отношений развило умственные способности человека, но привело его также вследствие ограниченности его положительных знаний, его слабости по сравнению с силами природы и стремления преодолеть эту свою слабость к созданию тех представлений, которые мы назвали бы сверхъестественными и фантастическими, но которые он еще очень долго не отличал от естественных явлений и своих положительных знаний. Этот этап развития человеческого сознания закончился тогда, когда человек, продолжая верить в созданное им же сверхъестественное, стал все же отличать его от естественного, когда появилось представление о чуде, «нездешней силе» и т. п. как о чем-то не укладывающемся в действительный реальный мир.

Волшебные сказки и некоторые другие жанры фольклора, а также религии более передовых народов так или иначе отражают именно этот последний этап развития человеческого сознания с его достаточно четким разделением на естественное и сверхъестественное. В народном творчестве и верованиях отсталых народов, какими были до недавнего времени иганасаны, мы находим еще следы предшествующего ему этапа, когда сверхъестественное еще не отличалось от естественного, и этим можно объяснить указанные выше непонятные для нас переходы от реального к фантастическому в иганасанском фольклоре.

Кроме вышеупомянутых игуо, коча, баруся, дямады в иганасанских рассказах разбираемого типа фигурируют койка (идолы). Иганасанские предания любопытны в том отношении, что они с первобытно-религиозной точки зрения хотят объяснить их происхождение и, таким образом, представляют интерес для историков религии.

В целом эта группа преданий является, видимо, очень сложной по своему происхождению. В ней явно выделяются элементы, восходящие к очень древним, дошаманистическим представлениям предков иганасан, и с другой — более поздние, на которых уже сказывается влияние шаманизма. В них заключен также ряд ценных бытовых деталей, способствующих освещению отдельных вопросов истории самих иганасан и соседних с ними народов.

К этому жанру фольклора иганасан примыкают и предания о шаманах (36 записей). Значительная часть их является, собственно говоря, преданиями предыдущего типа, но главной фигурой повествования здесь является шаман. Среди них выделяются также ряд преданий, очень архаичных, куда элементы шаманистической идеологии явно были внесены позже, и предания, созданные уже в период широкого распространения шаманизма. Значительная часть этих преданий представляет смесь об-

рышков мифов с бытовыми рассказами, но с шаманом в качестве одной из главных фигур сюжета. Эти предания, несомненно, имеют значение для изучения ранних ступеней развития религии.

В этих текстах кроме уже известных нам «богов» — нгуо — очень часто встречается та категория сверхъестественных существ, которую нганасаны называют димады. Как мы уже указывали, это название нганасаны сами переводят русским словом «вороги» («вараги»). Это демоны, служащие шаману, выполняющие его поручения. Зооморфный характер этих демонов, может быть, свидетельствует об их тотемическом характере в прошлом.

Необходимо также отметить, что не все предания этого и предыдущего жанров являются свойственными только нганасанам. Некоторые из них распространены в разных вариантах у других северносибирских народов, у эвенков, энцев, северных якутов-оленьеводов и юкагир. Но там они являются просто сказками (кроме, пожалуй, энцев и юкагир), тогда как у нганасан содержание этих и даже иногда произведений других жанров носит характер преданий, объяснявших те или иные представления их религии.

В преданиях обоих последних жанров нганасаны обрисовываются уже как оленеводческий «самоедский» народ, такой, каким они были в XVII—XIX вв. Иногда героями их являются ненцы, энцы и эвенки.

Последним большим разделом фольклора нганасан являются их исторические, этногенетические и бытовые предания. Они почти лишены фантастики. Она появляется как явно заимствованный элемент лишь в некоторых бытовых рассказах.

Что же касается исторических и этногенетических преданий (38 записей), то это реалистические рассказы о прошлом, и если не все там можно принять на веру, то не из-за наличия здесь фантастических подробностей, а вследствие частого для фольклора смешения в одних преданиях событий, в действительности разделенных во времени, некоторого упрощения происшедших событий и слишком примитивной трактовки причин, эти события вызвавших, и их результатов. Некоторые из этих текстов рассказывают о происхождении племени авамских нганасан. Содержание их различается лишь второстепенными деталями, а также присоединением в некоторых вариантах эпизодов, которые бытуют и в качестве самостоятельных преданий. Все тексты о происхождении авамских нганасан являются, без сомнения, рассказами о переселении на Таймыр таггов, о которых мы упоминали выше, излагая имеющиеся данные о происхождении нганасан.

Ряд преданий рассказывает о происхождении и событиях из истории отдельных родов, о восстании 1666 г., о столкновении с ненцами, вероятно отчасти являя в явду события 1679 г., хотя герой последних преданий

Торуда, он же Тими-хоти («Сломанный зуб», а в русских актах Щербак), жил, видимо, раньше, в 20—30-е годы XVII в. Предания «О большом ненце-юраке» и «Братья Дярино»⁶ тоже посвящены нганасанско-ненцким столкновениям, но трудно поддаются датировке, хотя, судя по тому, что в них упоминаются русские и долганы, вероятно, они окончательно оформились уже в XVIII в. Любопытно, что предание «О большом ненце-юраке» было рассказано в 1932 г. нганасанам испцем Тае Яром, а в 1935 г. уже рассказано нам как нганасанское.

Несколько исторических преданий связано с богатырем, сыном Сойму, личностью, вероятно, тоже реальной, так как от него ведут свое происхождение некоторые нганасаны рода Липачера. Эти рассказы включают некоторые исторически верные факты и также повествуют о столкновениях с ненцами и эвенками⁷. К ним примыкает ряд других преданий, которые тоже повествуют о столкновениях с тунгусами и ненцами и, судя по ряду деталей, относятся к эпохе или непосредственно предшествовавшей приходу к нганасанам в XVII в. русских, или ко времени вскоре после этого события.

Очень любопытны в этом жанре предания о чукчах («В земле чукчей» и «О чукчах»). Чукчи упоминаются и в преданиях о происхождении авамских нганасан, а также в упомянутом выше жанре «О мифических народах». Правда, в последних преданиях они наделены самыми фантастическими чертами, так же как и в фольклоре энецов. В этих же двух преданиях, отнесенных нами к историческим, сквозит возможное знакомство предков нганасан с реальными чукчами. При этом около земли чукчей помещается также народ, родственник нганасанам.

Каким образом реальные чукчи попали в фольклор нганасан, можно пока только гадать. С одной стороны, сведения о чукчах, соседях юкагир с северо-востока, могли войти в фольклор нганасан по традиции от их юкагирского субстрата. С другой стороны, у нас есть данные, что группа чукчей в XVII в., в период, непосредственно предшествовавший приходу русских на Колыму, находилась на запад от Колымы. Может быть, эти чукчи достигли района распространения нганасан и действительно были истреблены последними, если не предками авамских, то предками вадеевских нганасан, как об этом повествует предание «О чукчах».

В целом предания этого жанра рисуют нам быт и идеологию общества с уже сформировавшимся патриархально-родовым строем. Это то общество, которое русские застали у нганасан в XVII в. Нганасаны здесь, за исключением, может быть, преданий о происхождении авамских нганасан, являются не только охотниками за диким северным оленем, но и

⁶ Легенды и сказки нганасанов, Красноярск, 1938, стр. 49—57 и 94—100.

⁷ Там же, стр. 24—39.

олениводами-самодейцами. Оформление основного ядра этих преданий можно с достаточной уверенностью датировать эпохой, когда уже произошла «самоедизация» предков авамских нганасан и даже временем появления на Таймыре русских. Но в некоторых из них проглядывает и более ранний по времени своего появления, тоже исторического характера фольклорный пласт, к которому мы сейчас и обратимся.

Мы имеем в виду особый цикл нганасанского фольклора, примыкающий к циклу тунгусских по происхождению, но бытующих в настоящее время главным образом среди северных якутов-олениводов преданий, известных в литературе под названием Оленецкого хосунного эпоса, как его назвал Г. В. Ксенофотов по главным героям этого эпоса — воинам и охотникам хосунам. Этот жанр очень популярен у нганасан, и основные его тексты широкоизвестны. Нганасаны считают эти предания своими, рассказывающими о жизни их предков, но только удивляются тому, что в них почти совершенно отсутствуют нганасаны, а главными героями являются тунгусы разных племен, наряду с которыми иногда действуют также энцы. Тут дело, конечно, в том, что эти предания оформились и бытовали у предков нганасан, когда они были еще тунгусоязычным народом, и после ассимиляции их самодейцами сохранили свой традиционный облик. Иначе говоря, посетители эпоса стали «самоедами», а эпос сохранил свой прежний тунгусский характер.

Основное содержание этого цикла преданий (33 записи) представляет жестокая борьба между племенем охотников на диких северных оленей, обитающим в тундре и лесотундре, и приходящими с юга, ездящими верхом на оленях «хоро-сочема» (татуированными тунгусами).

Юкагиры в XVII в. называли тунгусов «анемила» и «писанные рожи»⁸. «Аньмпл» по-юкагирски значит «олень для езды», а «аньмэл» — «ездить на нарте или верхом»⁹. Нганасаны называют тунгусов, с которыми сражались их предки, «хоро-сочема» («шитое лицо»), а по-русски «писанные рожи», т. е. нганасаны полностью сохранили один из терминов, которым юкагиры называли тунгусов в XVII в. Юкагирское название «анемила» («апьямля») в отношении тунгусов может свидетельствовать в пользу предположения, что древние юкагиры когда-то противопоставляли себя как безоленный народ тунгусам как «ездищему на оленях» народу.

Главные мотивы столкновений между предками нганасан и «хоро-сочема» — встречи на охотничьих угодьях, захват оленей и женщин и месть за взаимные убийства, происшедшие в результате предыдущих столкновений. Центральным событием в преданиях этого типа является

⁸ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 1, ст. 43, л. 20.

⁹ Е. А. Крейнович, Юкагирский язык, М.—Л., 1958, стр. 271.

поход мстителей — жителей лесотундры или тундры в глубину леса, в землю татуированных тунгусов. Этому событию обычно предшествует нападение лесных тунгусов на жителей лесотундры. Иногда, впрочем, нападающей стороной являются и тундровые жители, убивающие лесных тунгусов, пришедших к ним как будто с мирными намерениями, или отравляющиеся в поход на них для отмщения за старые обиды или даже без видимого повода. Почти во всех преданиях этого цикла фигурируют шаманы, что, может быть, является одним из аргументов в пользу предположения, что развитой шаманизм проник к предкам нганасан именно через тунгусов. Тунгусы, приходящие с юга, имеют железное оружие неизвестных предкам нганасан типов, среди них имеются и кузнецы. Эти тунгусы, как мы уже отмечали, представляют, видимо, тот второй источник (помимо самодийцев), через который к предкам нганасан, палеоазиатам, проникли оленеводство и железо. Необходимо отметить, что предания этого цикла содержат не только картины вооруженных столкновений. Отдельные эпизоды свидетельствуют и о длительном совместном проживании, брачных и соседских связях. Эти последние обстоятельства и являются причиной того, что палеоазиаты, предки нганасан, в конце концов сами превратились в тунгусоязычное племя. Но это обстоятельство не мешало им сознавать себя в качестве особой этнической группы. Мы знаем, что и другие тунгусские по происхождению племена враждовали и сражались друг с другом еще в XVII в. на глазах у русских.

Во всяком случае, борьба предков нганасан и тунгусов продолжалась и после отунгушения первых, и ее отголоски дошли до нас даже в русских документах XVII в.

Следует объяснить одну подробность. У ненцев имеется представление о нганасанах (тау) как о татуированных людях. Чем можно объяснить такое противоречие, когда сами нганасаны в своем фольклоре противопоставляют себя татуированным тунгусам, а ненцы их самих представляют как «татуированных тау»? Тут дело в том, что предки нганасан — тагги, тидирисы, ваянды — в свое время, как мы знаем, были отунгушены или были тунгусами и по происхождению. Все эти группы в тот период их истории, когда они вступили в контакт с ненцами, очевидно, имели обычай татуировать себя и в таком образе запечатлелись в фольклоре ненцев. Но фольклор самих нганасан отразил другой, более ранний период их истории, отраженный, в частности, в вышеприведенном свидетельстве документа XVII в., когда юкагиры и предки нганасан, кто бы они ни были, противопоставляли себя татуированным тунгусам, пришедшим из лесов с юга.

Цикл нганасанских преданий о борьбе с «шитолицыми» тунгусами, который мы сейчас рассматриваем, помогает уточнить выводы, вытекаю-

щие из анализа Оленекского хосупного эпоса, бытующего в настоящее время главным образом у северных якутов-оленьков. Мы имеем в виду не только опубликованные записи И. А. Худякова, Г. В. Ксенофонтова, А. А. Попова, А. П. Окладникова, но и неопубликованные И. С. Гурвича и наши. В частности, записи И. С. Гурвича позволяют прямо отождествить легендарный народ маятов с предками нганасан, а хосуна Юнгкэбиля трактовать как олицетворение главари маятов. Мы можем сейчас утверждать, что та враждующая сторона этого эпоса, которая представлена хосунем Юлгкэбилем (Юкэбилем) и народом маят, олицетворяет древнее палеоазиатское (древнее юкагирское?) население тундры и лесотундры в пространстве между устьем Лены и устьем Хатанги.

По-якутски «юкэбил» (джиокэбил) значит «юкагир»; «юкэбил уста» — это сполохи (северное сияние), дословно «юкагирский огонь»¹⁰. Юнгкэбил и Юкэбил это, очевидно, два местных варианта собственного имени, происходящего от того же этнического наименования, из которого образовалось и русское название народа юкагиров.

Другая враждующая сторона этого эпоса, возглавляемая Чэмкэрэ, Чимкирэ, Чынгхара (в записях, сделанных у якутов), Чинчиром (в записях у нганасан) или Урэнгом (в записях у якутов и эвенков), олицетворяет лесных тунгусов, наступающих на предков нганасан с юга из «камня» (горных хребтов). Имя Чынгхара — Чинчир восходит, очевидно, к названию тунгусского рода Чинагир, или Сипигир, жившего в верховьях Апабары, а имя Урэн — к эвенкийскому слову «урэ» — «горная тайга». Конечно, как это бывает в фольклоре, основная закономерность противопоставления Юнгкэбиля, жителя севера, Урэнгу (Чэмкэрэ), пришельцу с юга, в отдельных текстах нарушается, особенно в текстах, записанных от якутов, и герои иногда даже меняются ролями. Но общая тенденция и первоначальный характер эпоса несомненны.

Нганасанские предания данного цикла носят более архаический характер, чем группа преданий, названных нами историческими. Предки нганасан — тундровые или лесотундровые тунгусы, являющиеся, как мы предполагаем, отупленными юкагирами, — показаны здесь как малооленьный народ, а иногда и как совершенно безоленьный. Главным занятием их является охота на диких оленей и рыболовство. Социальный строй — уже патриархально-родовой, но, видимо, еще только на первых этапах его становления. Нет совсем фигуры богатого патриарха-оленьвода. Центральной фигурой эпоса является охотник, он же воин, трудом которого живут его родные и которых он защищает.

Еще более архаичный элемент в преданиях этого типа представлен

¹⁰ Э. К. Пекарский, *Словарь якутского языка*, т. III, Л., 1958, стр. 869; см. также стр. 873.

образами медведей, которые наделяются почти всеми качествами человека и иногда рассматриваются как особый дружественный народ.

Для этнической истории иганасаа, для решения вопроса об их происхождении интересны появляющиеся в этом цикле «самоеды». Это обычно энцы-сомату, оленеводы, которые вступают в союз с тундровыми тунгусами против общих врагов — лесных тунгусов. Иногда эти энцы уже называются иганасаами. Как мы уже указывали, отсутствие их самих в этих преданиях смущало иганасаа. Поэтому сходный с позднейшим этническим обликом иганасаа образ оленевода-энца в этих преданиях переосмыслился в иганасаа.

В этом цикле помимо его историко-этнографического значения очень сильна его эмоциональная сторона. Он весь пронизан идеей борьбы, воинской доблести, защиты своего племени, народа, идеей преданности друзьям, беспощадности к врагам, бдительности по отношению как к завидным врагам, так и к неустойчивым, морально слабым элементам своей среды. Наряду с этими положительными моральными качествами героев этого цикла следует отметить и отрицательные — примитивную жестокость, грабительские наклонности отдельных персонажей. Правда, наиболее отрицательные проявления этих качеств получают осуждение и наиболее зарвавшихся грабителей ожидает возмездие. Здоровая народная мораль даже в ту отдаленную эпоху, когда складывался этот эпос, чутко реагировала на всякие проявления эгоизма и стяжательства и осуждала их.

Весь этот цикл выдержан в основном в реалистических тонах. Отдельные эпизоды с элементом фантастики представляют или обычные для фольклора гиперболизации, или связаны с шаманистической идеологией, в этом цикле уже отчетливо проглядывающей. В небольшой степени чувствуются в отдельных эпизодах древние фантастическо-сказочные мотивы, а также попытки их мифологизации.

Еще одним жанром дюрумэ являются бытовые рассказы (27 записей). За немногими исключениями, это совершенно реалистические рассказы, действие которых происходит в сравнительно недалеком прошлом. Быт, социальные отношения в них такие, какие были у иганасаа, энцев, ненцев в XVIII—XIX и начале XX в. Основная тематика их часто сводится к отношениям хозяев и работников, к конфликтам на почве развивающихся частнособственнических отношений и рассказам о разных происшествиях в жизни обитателей тундры. Только кое-где в них есть небольшой элемент выдумки в дидактических целях или для усиления занимательности этих рассказов, а иногда, может быть, перешедший в них из старых сказок. Характерны рассказы о хозяевах и работниках. Здесь фольклор отразил имущественное расслоение в среде оленеводов тундры, угнетенное и бесправное положение работников, самодурство и

жестокость хозяев, хотя отмечает и ряд случаев патриархальных отношений, весьма возможных для тех ранних ступеней экономического и социального развития, которые существовали у народов тундры.

В рассказах о хозяевах и работниках есть одна особенность, которую необходимо отметить. Хотя все эти рассказы записаны у иганасан, в них и большинстве случаев действующими лицами являются ненцы. Можно предполагать, что ненцы в рассказах этого типа отражают тот период, когда отчуждения работников и хозяев и возникавшие на этой почве социальные столкновения характерны были еще главным образом для ненцев. Но само бытование этого типа рассказов у иганасан свидетельствует, что и у иганасан эта тематика нашла почву для своего бытования, хотя еще не приобрела целиком местной окраски.

Известны иганасанам загадки (тумта), поговорки (боду).

Новая тематика фольклора у иганасан находит свое выражение в песнях-импровизациях (балы). Песни эти складываются иганасанами сразу же, если является желание и настроение что-либо воспеть. Иногда поют в течение длительной поездки по тундре, когда олени хорошо бегут и иганасан, не имея необходимости подгонять их, начинает петь о том, о чем он в настоящую минуту думает. Поют также в чуме, когда соберется компания. Иногда в этих песнях изливают свои чувства — девушка к парню и наоборот. Иногда в них высмеивают непоправившегося поклонника, неудачного охотника и т. д. В этих песнях-импровизациях иногда используют образы и обороты, характерные для сытаби (медный чум на железном хребте и т. п.), но содержание их всегда обусловлено тем, что в данную минуту волнует и интересует певца.

Таковы содержание и основные жанры фольклора иганасан.

В настоящий сборник включены записи о происхождении земли и жизни на ней, первых людях и мифических народах, записи о сверхъестественных существах и взаимоотношениях с ними, а также те рассказы о шаманах, которые дают материал по истории развития первобытных верований. Все эти рассказы и сказки мифологического характера мы выделили в особый раздел (Мифологические сказки), так же как это было сделано при издании фольклора эцгов¹¹. Во второй раздел (Исторические предания) мы включили исторические и этногенетические предания иганасан, в том числе и предания, примыкающие к Оленекскому хосунному эпосу.

Ряд исторических преданий иганасан, в том числе и некоторые ценные варианты текстов Оленекского хосунного эпоса, предания о Соймусыне, о Тимя-хоти и Иния-батуру, о братьях Дяримо («Дярмо») и др.,

¹¹ Мифологические сказки и исторические предания эцгов, М., 1961 («Труды Института этнографии АН СССР, т. 66»).

напечатаны в издании «Легенды и сказки нганасанов» (Красноярск, 1938), к которому мы и отсылаем читателей, интересующихся этими жанрами фольклора нганасан.

При всей своей архаичности нганасанский фольклор помимо своего исторического и этнографического значения обладает и рядом качеств, которые вообще свойственны устному народному творчеству. Мы находим здесь предельную простоту и ясность образов, складывавшихся и отшлифовывавшихся столетиями. В каждой строчке чувствуется связь содержания с историей народа, с пережитым им на протяжении его долгого, наполненного трудом и борьбой существования в тяжелых естественно-географических условиях Северной Сибири. Но фольклору нганасан чужд пессимизм. Даже в преданиях о шаманах человек, если он смел и обладает знаниями (пусть даже фантастическими, не надо забывать, что здесь перед нами люди родо-племенного строя), выходит победителем из всех трудностей. Древние люди создали себе богов, но герои устной литературы этих людей зачастую бросают вызов и богам. В предании «Озеро смерти» простая женщина-мать и та грозит ножом баруси, хозяйке озера, требующей у нее ее детей. В фольклоре нганасан чувствуется, что древним обитателям Северной Сибири жизнь давалась не легко. Гибель от голода, болезней, в реках и озерах, от хищных зверей и враждебных племен подстерегала их на каждом шагу. Гибнут целые семьи, роды, стойбища, но оставшиеся в живых с тем большей энергией борются и с природой и с врагами.

Запечатлевшаяся в устных преданиях история учила древних людей, передавала им опыт прошедших поколений, вдохновляла их на дальнейшую борьбу и внушала им уверенность в победе и над природой, и над враждебными соседями.

Правда, кругозор героев нганасанских преданий узок. В преданиях мы находим еще только «род в его непрерывной борьбе за жизнь» (Горький). Мы видим человека отдающим «все свои силы на борьбу за жизнь» и не «мыслящим отвлеченно от процессов труда, от вопросов рода и племени»¹². Это еще та эпоха, когда «все, что было вне племени, было вне закона. При отсутствии заключенного по всей форме мирного договора царина война между племенами...»¹³.

Ограниченность естественных ресурсов Северной Сибири, передвижение на ее пространствах этнических групп, стоявших на разных ступенях исторического развития, но занимавшихся в основном той же охотой на диких оленей, неизбежно вызывали вооруженную борьбу. Эти кровавые столкновения, несомненно, оставили глубокий след в устном

¹² М. Горький, О литературе, М., 1937, стр. 445.

¹³ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21, стр. 99.

творчестве этих племен, в особенности предков нганасан, самых отсталых из них в прошлом и больше других испытывавших превратности вооруженной борьбы.

С другой стороны, первобытнообщинный строй, грозящие стовсюду опасности создавали сильных людей, обладавших чувством собственного достоинства, прямодушием, силой характера и храбростью¹⁴. Эти качества впоследствии стали обязательны для положительного героя прозаических фольклора. С другой стороны, поступки и мораль действующих лиц фольклора нганасан иногда очень далеки от наших представлений о морали, гуманности и т. п. Это, конечно, именно пережитки тех отдаленных эпох, когда основные положения морали трудового человечества находились еще в процессе формирования и становления.

В нганасанских преданиях исторически отложились разные ступени исторического развития. Поэтому мораль их не всегда одинакова. В одних, например, поголовно истребляются враги без различия пола и возраста. В других — женщины и детей оставляют в живых, в третьих — сама война уже ведется по известным правилам и побежденные враги, заплатив выкуп, отпускаются восвояси.

Отражение в фольклоре нганасан различных эпох, различного уровня развития производительных сил и различных ступеней развития социальной жизни заметно, конечно, не только по характеру вооруженных столкновений. Выше указывалось, что в одних случаях предания рисуют общество оленоводов таким же, каким его застали русские на Таймыре в XVII в., в других перед нами, пожалуй, еще безоленные охотники на дикого северного оленя, а в третьих это общество уже таково, каким оно было в XIX в., т. е. с явными чертами имущественной дифференциации. Поэтому почти каждое отдельное произведение фольклора нганасан имеет ряд на первый взгляд незаметных, но характерных черточек, отличающих его от аналогичных преданий, образование которых было связано с другими общественно-экономическими условиями.

В целом фольклор нганасан — это фольклор очень отсталого в прошлом народа. Его сохранение в таком виде почти до наших дней следует объяснить особенностями истории этого народа — потомков древнейшего населения Северной Сибири, самого северного народа Азии, находившегося до последнего времени в глубине тундр полуострова Таймыр, в условиях частичной изоляции от влияния других, более развитых народов.

Настоящая публикация этого фольклора ставит перед собой задачу, с одной стороны, ознакомить с творчеством нганасанцев, интересующихся историей развития фольклора, а с другой — дать в распоряжение этнографов и историков материал о населении одного из самых отдаленных

¹⁴ См. там же, стр. 98.

лепных и в прошлом глухих углов земного шара, материал по истории народа, который был обречен оставаться отсталым в течение ряда столетий и который возродила к новой жизни и приобщает к передовой советской культуре ленинская национальная политика Коммунистической партии и Советской власти.

В отношении каждого публикуемого ниже текста указано, у кого, где, когда и кем он записан. Если собиратель не указан, то, значит, запись сделана автором этих строк. Им же была проделана работа по подготовке к печати (переписке пабело) всех текстов, независимо от того, кем они были записаны.

В заключение считаю своим приятным долгом поблагодарить Т. В. Лукьянченко за ее помощь в подготовке настоящего издания к печати.

Б. О. Долгих

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

1. Миф о мироздании

Давно, когда рождалась земля, она чистая была. Людей не было. Травы на земле не было. В то время земля была один голый лед. Тот самый лед, который и сейчас есть в земле.

На льду стоит ледяной чум. В нем один человек. У этого человека все белого цвета — глаза, тело, волосы. Товарища у него нет, жены нет, детей нет, собаки нет.

Так без товарища сколько-то времени жил этот человек. Сам себе говорит:

— У! Однако, мне так плохо будет. Надо товарища искать. Вести есть: где-то есть жещина. Все живое там у нее есть. Эта жещина, всему имеющему глаза, и ползающим червям, и летающим птицам, мать. К этой жещине надо идти в гости.

Ушел этот человек. Не по земле ушел, а летит. Облетев все кругом, нашел наверху облако. На этом облаке чум есть. Сюда зашел. Здесь одна жещина оказалась. Ей говорит мужчина:

— Ты кто, жещина?

— Какая я жещина? Всему живому, всем червям, птицам я мать. Из моего брюха они все родились.

— Я о тебе слыхал и в гости пришел. Хочу с тобой играть. У меня тоже товарища нет. Без товарища как живым я буду?

С тобой играть буду, может быть, тогда и родится мне товарищ. Сколько-то дней ночевали вместе. Тут сразу после этого ребенок родился (как скоро сделали!).

Ребенка родив, говорит жещина:

— Ну, упеси. В моем чуме долго не сиди. Упеси ребенка. На!

Отдала ребенка. Взял человек ребенка и держит его. Этот ребенок, рожденный человеком, — травинка.

— Это возьми с собой. От него твоя ледяная земля мхом и травой покроется, — сказала жещина.

Теперь этого ребенка-траву унес человек. Около чума эту травинку на лед положил. Через три дня посмотрел. Стала расти трава. Каждый день смотреть стал. Площадь льда с ладонь покрылась травой. Через семь дней площадь, покрытая травой, стала равняться площади чума. Так сказал тогда этот Белый человек:

— Что-то летающее, пгуо ли, что ли, сюда может сесть. Если он сядет, моя земля большой не станет.

Думает, как быть. Пошел опять к той жепщипе.

— Зачем опять пришел?

— Опять надо почевать, играть,— говорит человек.

Теперь опять почевали. Сколькo-то дней ночевали вместе. Женщива говорит:

— Ребенок опять родился. Больше здесь не ночуй. Ребенка-то улеси.

Взял человек ребенка. Видит: ребенок вроде оленя. Четыре ноги, голова и тело оленье. Рогов нет, комолый. Оленю-ребенку, когда он большим стал, говорит отец:

— Ну, сын. Ты будто олень. Эта земля расти будет. Ты храни ее. Где-то есть летающий пгуо. Если он к этой растущей земле прилетит, гони его прочь.

Теперь на улицу ушел сын. Лежит на родившейся маленькой земле. Что слышно. Летающий пришел. Видом как олень. Хочет на родившуюся землю сесть. Кругом летает. Говорит сын человека:

— Почему близ меня сесть хочешь? Иди дальше. Здесь тебя не падо.

— Почему тебе меня не падо? Земли тебе жалко, что ли? Чем буду мешать тебе?

— Это моя земля. Почему ты на мою землю сесть хочешь?

Теперь, после разговора, дрались. У летающего рога есть. У сына Белого человека рогов нет, комолый. Целый день бились лбами, дрались. Комолый как одолеет? Рогов нет. Острые рога летающего должны одолеть. Так победил рогатый олень комолого, сына Белого человека. Говорит сын Белого человека:

— То, что у меня рогов нет, худо. Какой бог ни придет, я как одолею? Однако, родившуюся землю отнимет. Надо у отца рога просить. Если мой отец, Белый человек, сделает мне рога, то я одолею бога.

Теперь ушел к отцу.

— Ну, отец! Однако, я землю упущу. Без рогов как буду драться? Рогатый бог, однако, отнимет у меня землю.

Белый человек говорит:

— Что буду делать?

Откуда-то достал сумку Белый человек. Сумка из железа и серебра. Открыл ее. Оттуда взял большой камень. Положил его сыну на голову, как рог. Потом опять достал из сумки мамонтов рог (бивень). Его поставил другим рогом.

— Этими рогами дерись. Гоги прочь бога.

Теперь ушел сын с двумя рогами. Лежит на своей маленькой земле. Сверху опять рогатый олень-бог пришел.

— Ну, Белого человека сын, мне землю отдашь или нет? Мне здесь жить можно?

— У тебя своя земля есть. Ты и живи на ней. На свою землю мне тебя пускать совсем не хочется.

— Если ты свою землю жалешь, то ее отнять падо.

— Отнимать если хочешь, так иди сюда, посмотрим.

Теперь рогами дрались. Сколько-то времени на этой земле дрались. Белого человека сын теперь одолел бога. Говорит бог:

— Ну, Белого человека сын! Пожалуйста, меня отпусти. Теперь в свою землю уйду.

— Ну, раз уйти хочешь, падо пустить.

Теперь улетел рогатый бог. Сын Белого человека все время на этой земле сидит. Все богов прогоняет. Земли не отдает. Земля разрослась, очень большой стала. Думает сын человека: «Однако, мой отец что-то мне скажет. Надо к нему идти».

Пришел к отцу. Спрашивает отец:

— Ну, сын, как бога одолел? Земля разрослась ли?

— Мало-мало одолел. Земля мало-мало-таки большой стала.

Сколько-то верст стало земли. Вся ледяная земля травой закрылась. Говорит сын отцу:

— Ну, отец, Белый человек, я как жить буду?

— Как жить будешь? Ты мое имя знаешь?

— Ты отец. Твое имя как буду знать?

— Мое имя такое. Сперва я во льду жил. Чум, нюки — все было из льда. Таков я — земли бог. Твое имя оттого будет, что поверхность земли ты сторожишь. Поэтому твое имя пусть будет Моу-та (Земли олень). Ты будешь новой земли богом. В будущем тебе эту землю всегда хранить надо будет. Свои рога ты навсегда сохранишь. Один рог каменный, другой — мамонтовый. Когда-нибудь люди здесь родятся. Ты их храни. Летающий бог пусть на этой земле никогда не сидит. Прогоняй его.

Так сказал Белый человек. Теперь Новой земли бог сидит на земле. Летающих богов много пришло. Каждый день с ними

дерется. Летающих богов всех одолел Белого человека сын. Беда сильный он.

Белый человек теперь так говорит:

— Надо опять к той женщине идти гостевать. Хочу играть. Надо еще ребят родить. Большими став, они мне товарищами будут.

Взлетев, ушел Белый человек. Накопец дошел:

— Ну, мой муж, чего хочешь?

— Играть хочу. Из-за этого пришел.

Сколько-то дней почевал Белый человек у той женщины. Опять скоро она родила. Оказались близнецы: девочка и мальчик. Говорит женщина:

— Ну, обоих ребят унеси. Долго у меня не сиди. Уходи в свой чум.

Двух ребят унеся, положил их Белый человек на Новую землю. Новой земли богу-олению говорит:

— Ну, теперь этих двух ребят ты храни. Пусть летающие боги их не съедят. Пусть вырастут. Одна женщина это, один мужчина. Играть они будут, и, может быть, в будущем много людей родится.

Теперь два человека большими стали. Вместе жили. Играли. Много детей родилось.

Новой земли бог сказал этим людям:

— С рогами мне как быть? Очень они тяжелы. Как-нибудь очистить их надо. Может быть, они легче станут. Руками надо чистить.

Теперь очистили они ему рога, как очищаются рога у порося оленя.

Каменный рог когда ему чистили, он, как всякий олень, головой вертел. Шкурки с рога очень далеко упали. Там, где с каменного рога шкурки упали, стали в тундре каменные хребты. Это очистки с рогов Новой земли бога.

Другой рог когда чистили, он тоже головой вертел. Оттого что мамонтовый рог чистили, находят сейчас в земле люди куски мамонтового рога.

Сказал Новой земли бог:

— Два рога мне очистили, да теперь, однако, что-то будет. Надо к отцу идти. Что он скажет насчет очистки рогов.

Ушел Новой земли бог к отцу, Белому человеку.

— Ну, сын! Рога-то как, очистил?

— Все очистил.

— От каменного рога с камнями пусть так и будет. Новая

земля очень мягкая, легкая. Пусть теперь камни с твоего рога утяжелят землю. Легкой пусть она не будет. Если Новая земля очень легкой останется, то когда-нибудь она шевелиться будет, может быть, упадет. Камни тяжелые, не дадут ей вертеться. Всегда она на одном месте будет. С очистками с другого, мамонтового рога, куда они ни попадут, так будет. Два человека нынче родились. От них дети родятся и отсылятся. Людей много будет. Однако, бедными будут многие люди. Эти очистки с мамонтового рога пусть люди русским продают за деньги. Тогда, может быть, они хорошо есть будут, богатыми станут.

Новой земли бог-олень сказал:

— Мои рога теперь очистили. Горы каменные теперь больше стали. Может быть, они железо родить будут. Из него люди что-нибудь делать будут.

Теперь пародившихся людей много стало. Олени родились. Всякое родилось. Бахи родился. Вся Новая земля травой покрылась.

Разные мошки и комары на земле оказались. Тут говорит Новой земли бог-олень:

— Ну, я теперь спать буду. Летающий бог на землю не сядет. Земля не легкая теперь. Ничего он ей не сделает.

Раскопал траву-землю. Лег в яме, закрылся и заснул. Долго там лежал. Накопец как-то встал и вышел на землю. Откуда-то мышь пришла, говорит:

— Ну, хозяин! Мне как живой быть? Все меня одолевают, кто бы ни нашел меня. Как буду живой? Горностаи и песец одолевают. Буду я живой? Мой народ как родиться будет? Что-нибудь мне посоветуй.

— Как быть? Твой народ очень легкий. Свой камешный рог я сброшу и кину вверх. Будут из него тучи.

Бросил рог вверх Новой земли бог и опять сказал:

— Теперь из туч дождь и снег будут. Новую землю закроют. Ты тоже закрыта будешь. Никто тебя не найдет. Так ты живой будешь. Но все равно все время снег лежать не будет. По-разному бывает: снег будет, за ним талая земля, потом опять снег. Так будет, и твой народ скоро не поубьют.

Отвечает мышь:

— Снег упадет, а потом как будет? Что будет длиннее: зима или лето? Мне лучше, если бы зима больше была б, а лето короткое. Если зима короткая будет, меня скоро убьют. Если снег долго лежать будет, оп мой народ закроет.

Говорит Новой земли бог-олень:

— Это можно. Пусть так будет: зима долгая, а лето короткое. Это тебе помощь, мышка. Ты ей пользуйся. Теперь я мамонтов рог тоже вверх брошу.

Бросили рог вверх.

— Оттого что я этот рог вверх бросил, так будет: чистое небо будет из мамонтового рога. Мороз будет. Земля и вода замерзать будут.

Сильный мороз так стал. Из черных туч снег и дождь стали падать. Когда гром гремит — это камни вверху стучат. Молния — искры от камней.

Опять сказал Новой земли бог-олень:

— Кто ни родится живой потом — ня нганасана (наши люди), адя (тунгусы), в постоянный мороз им плохо будет. Когда черные тучи будут приходить, будет теплее становиться. Пусть черные тучи тепло приносят.

Оттого сейчас в морозные дни наступает тепло, когда небо закрывают черные камни-тучи. Когда ветер наверху прогоняет облака, очень холодно становится. Чистое небо — это мы видим мамонтов рог.

Все люди на земле — это от Моу-нгуо рожденные люди. Так родилось все на земле. Так живой стала Новая земля.

Какой да ни возьми промысел — все появилось на земле. Всем земля кормит людей.

Отец будто всему — Земли бог Сырута-нгуо (Ледяной бог).

2. Миф о Дёйба-нгуо

В общем снег или лед гольный был. На льду сугроб, как дом или юрта¹ *.

Там есть один человек. Не знаю, во что одет или голый мучится, ходит. Это Сярю-нганаса (Снежный человек), или Сыр-нганаса (Льда человек), или Сырапку-нганасапа (Белый человек).

— Ну ладно, — говорит, — пойду. Все равно здесь ничего не достану.

Он подался прямо на юго-восток². Ничего нет. Все голая тундра. Потом показалось впереди что-то черное. Солнце-то греет немпожко. Пошел на это черное и на покрытое травой ме-

---

* Цифрой помечены русские слова и выражения, которыми Б. О. Долгих заменил нганасанские, употребленные рассказчиками (см. стр. 297).

сто попал. На этом месте он небольшой чум увидел. Туда зашел. Одна старуха сидит. Голова, волосы, как свежая трава с цветами. Потом, когда человек вошел, она как бы вздрогнула и откинулась назад. Она говорит:

— Ну как, откуда пришел? Ну, землю ты устроил?

Он голову чешет и говорит:

— Ну я как ее могу устроить?

— Если хочешь, чтобы на твоей земле люди жили, я тебе помогу. Возьмешь отсюда травы, и, если олени будут, ягеля дам. А еще мха дам пемножко.

— Ну ладно. Если дашь — хорошо. Тогда хорошо поможешь мне. Тогда так и делай. А чем же будем топить, если будут люди? Травой, что ли, будем топить?

— Правда, я об этом забыла. Нашим будущим детям падо дать дрова. Ты лесипку и талинку³ упеси отсюда.

Ну, она все дала, что надо. Теперь она — это была Моу-нямы (Земли мать) — говорит:

— Ну, теперь слушай. Теперь домой ты дойти дойдешь. Но сразу и легко ты не устроишь землю. Не легко будет и твоим детям. Ты пойдешь еще к Нилулемы моу-нямы (Жизни земли матери).

Домой пришел он и принес все, что ему дали.

Потом олять ушел. Прямо на юг⁴ он идет, идет, совсем долго идет. Несколько раз отдыхает. Потом видит чум. А кругом чума олени — белые, черные. Потом заходит в чум. Одна старуха тоже сидит. Она говорит:

— Зачем пришел?

— Надо, потому и пришел. Я замучился пешком ходить.

— Чем же я тебе могу помочь? Я тебе помогу, конечно. Дам тебе одного комолого оленя, важенку⁵. Это отнесешь домой. Еще и тебе покажу одно место. Пойдешь туда, к Коу-нямы (Солнца матери). Там попроси солнца лучи⁶, чтобы снег растаял.

— Оу! — человек говорит. — Трудно туда дойти. Я-то туда не дойду. Туда дойти трудно мне.

— Ну ладно. Тогда так делай. Тут далеко, далеко есть Дярауле нгонте (Цветочных лепестков, или Цветочного пуха, царь). Туда дойдешь. Оленя у дома своего привяжешь. Кушать-то у тебя есть.

Потом она еще так сказала:

— Если до Дярауле нгонте дойдешь, то у него есть три лошади. Самая сильная из них имеет железные крылья. Она прикована к ледяному дому⁷. У дома Дярауле нгонте дверь есть.

У двери сторож есть. Со сторожем сделай так. Скажи ему: «Иди отдыхать, мне велели вместо тебя быть». Он уйдет. Ты ключи⁸ получишь. Приходи ночью и будешь стоять день. Второй ночью пойдешь туда. Откроешь дом. У него семь дверей. В седьмой комнате найдешь эту лошадь. Когда туда придешь, копыта у нее прикованы (подковапы?) будут. Если ее вытащишь, все сделаешь. Там есть двухпудовый молоток⁹. По затылку лошадь стукни этим молотком. Скажи так: «Сейчас меня уведи к солнца парню. Если на земле должны быть мои дети, тогда пусть пас их не поймают»¹⁰. Когда придешь домой, лошадь сразу отпустишь и сразу убегай.

Ну, он пошел сперва домой. Олесья привязал и потом опять подался прямо на юг. Все время идет. Далеко. Из последних сил идет. Наконец впереди что-то вроде дома. Что-то черное, как тучи на небе. Потом видит, что домов много.

В полдень зашел в землянку¹¹ на окраине. Там живут маленький старичок со старухой. Старик говорит:

— Оу! Откуда ты пришел? А кто ты такой?

— Я здешний. Работаю, дрова рублю, хожу. Здесь можно отдохнуть?

— Ну отдыхай, что ли.

— Вечером меня разбуди, я работать пойду.

Покормили его сухариками, корочками. Он совсем бедный, а тот старичок. Борода у него большая, седая.

— А кто ты, старичок?

— Я живу здесь все время. Меня называют Лёса лекарь (русский врач). Но никто на меня не обращает внимания.

Он уснул. Потом пошел на работу. Идет через реку по льду. Там людей, солдат полно. У некоторых из них, у многих комчаны¹² (?). Потом он заходит в избушку. Один человек там сидит одет в рубашку. Здоровается.

— Ну, пришел? — говорит тот.

— Да, пришел.

— Ну, иди работать.

Тот человек ушел. Все отдал, что здесь было.

В полночь посмотрел. Правда, лошадь стоит. На ней мягкое седло¹³. Быстро повел ее. Потом дверь последнюю осталось открыть. Слышит — эту дверь открывают. Дверь открылась, и человек заходит. Он говорит:

— Почему туда ходил? Начальник нас туда не пускает.

— Начальник велел следить за лошадью. Может быть, ее завтра ночью утащат. Ну, ты пришел дежурить?

— Но ты здесь оказался.

— Я недолго буду здесь. После полночи приходи, я ключи оставлю.

— Ладно. Больше туда не заходи.

Тот человек ушел. Все опять тихо стало.

Сел на коня, молотком его стукнул и пошел. Лошадь над землей идет. Все выше поднимается.

Белая парка у него начинает таять. Потом совсем около солнца оказались. Парка у Белого человека совсем растаяла. Лошадь железная была, теперь она красной становится. Потом синей стала. Потом парки у него совсем не стало. Парка у него была как пижий горелый шок. Теперь он пошел прямо к солнцу. Видит: большой, большой чум. Зашел он в него. На верхней стороне¹⁴ старуха и старик сидят. На нижней стороне¹⁵ девка и парень сидят. Он прошел за парнем и сел. Старик говорит:

— Оу! Кто это пришел? Никто не доставал до нашего чума. А кто ты такой?

— Я простой человек. Мое имя — Сирю пганаса (Снежный человек).

Солнца парень говорит:

— У! Ты это. Что, земля выросла? Люди-то есть? Говорят, что ты землю пошел растить, людей пошел растить.

— Нет, — говорит, — так просто пришел к тебе.

— Оу! Как же тебя зовут? Я помню, как тебя звали. В общем, тебя зовут Дэйба-нгуо.

— У! Правильно, правильно говоришь.

— Тогда зачем пришел?

— Я хочу попросить немного солнечных лучей.

— Ну ладно, — говорит, — возьмишь. Когда-нибудь все равно рассчитаемся.

Старик говорит:

— Ну, только это унесешь? Да?

— Не знаю, что еще я унесу.

— Ну эту девицу унеси, мою дочь.

Солнца парень¹⁶ говорит:

— Ну иди скорее, а то закроется твоя дорога.

Только стал выходить, а Солнца дочь¹⁷ говорит:

— Все равно мое тело не унесешь.

Вырвала из косички одну волосинку и отдала.

Ну, он ушел. Полночь пришла, и он дошел до дома, где взял лошадь. И там он ее отпустил, и она сразу убежала к себе. А он сам, опять пешком, вернулся домой.

Пришел домой и видит, что под снегом оказалась трава и что снег вроде как тает. Стало теплее. Посмотрел:

— А почему у меня олень два оказалось? А недавно один только был.

Другой-то олень рогатый. Рогатый олень голяет комолого, мучает. Он тогда туда, где оленя брал, к Моу Нилулямы-пямы, ушел на оленях. Она спрашивает:

— Зачем пришел?

— Ко мне еще один олень попал. Вот я обоих их принес.

Он до этого обучил этих оленей. Она говорит:

— Ну-ка пойдем посмотрим.

Она увидела оленей и говорит:

— Это не ручной олень, а дикий. В моих руках также остается много таких оленей.

Он говорит:

— Я хочу попросить рога этому комолому оленю.

— Сделать-то сделаю, но эти рога у нее будут опадать позже всех, после того, как она отелится.

Ну, он ушел, и он живет там. Ну, потом вроде как успул он. Потом услышал будто какой-то шум идет. Катится, будто колокольчики звенят, такой звук идет.

Он проснулся, встал. Правда, аргиш идет. Оказывается, от солнца дочь пришла. Ну, она чум сделала, и они вместе живут. Потом женщина говорит:

— Ты хочешь сделать, чтобы на свете, на земле люди жили. А чем они будут питаться? А где они рыбу найдут?

— Оу! Я забыл это дело,— говорит.— Ну ладно. Ты здесь живи, а я пойду.

Потом он ушел куда-то. Большую воду нашел. На реке остров стоит. На острове песчаный чум¹⁸.

Туда он как-то добрался. Туда, в чум, зашел. Он пустой. Потом между подкладками очага¹⁹ под очаг²⁰ залез в дыру. Там вроде как дверь. Посмотрел: один старик сидит, и старуха там — на западной²¹ стороне сидят. А восточная сторона пустая. Рыба там всякого вида лежит — чирь, и сига, и другие.

— Оу! Зачем Дёйба-нгуо пришел?

— Вы говорили, что надо как-то землю устроить, чтобы на ней люди жили.

— Ну, мы дадим тебе. Ну дать-таки нечего, а сделать, что надо, сделаем. В мой чум никто не заходит. Ты домой приходишь. Там у тебя два оленя. Эти важеньки у тебя сразу двумя телятами каждая отелилась. Одного теленка убьете в жертву²².

Пошел домой. Пришел. Олея убил, конечно. Жена говорит: — Я забыла сказать. Отец мне говорил, чтобы ты олею в жертву²³ убил и в пай²⁴ отдал.

Убил олею, и уснули они. Спали. Утром встали, и все речушки, и реки, и озера стали полны рыбой. Жить стали. Живут, и только. Земля устроена, и от них люди пошли, и галасаны, наверное.

Солнца сын еще говорил, что то, что ты лошадь стапил, это тебе дорого обойдется. Потом, говорят, за эту лошадь русский бог привязал Дэйба-игуо, наказывал его и так он привязанный стоял. И говорят, что до сих пор он привязанный стоит.

3. Сотворение земли

Сперва эта земля сплошь водой была покрыта. Потом вода пемного спала. Когда вода спала, из нее стала торчать вершина шайтанского хребта Койка-моу. На это место откуда-то два человека унали. Смотрят кругом: везде только одна вода. Один из этих людей говорит:

— Родим людей здесь. Пусть эта вода спадет. Пойдем к папему отцу и скажем: «Надо на земле людей родить».

Ушли они или, может быть, улетели. Потом опять пришли. Большой воды уже не стало, только озера и реки остались.

— Эта вода пусть останется. В ней рыбу добывать будут.

Ну, земля все-таки сухой стала. Но земля — сплошная глина.

— Ну ладно, погоди. Есть Земли мать²⁵. Надо Земли матери сказать: «Может быть, олси родятся, что они есть стапнут?»

Эти люди — оба мужчины. Как они живое на земле рожать будут? Другое им тело надо. Куда-то убежали они опять. Не очень долго где-то были. Опять два человека пришли, по уже другие. Один мужчина, другая женщина.

— Ты женщина, я мужчина, нам вместе надо жить. Ты кто?

— Не знаешь? Я Моу-пямы, а ты кто?

— Я-то Николка бог, не знаешь? Я Большая помощь.

Так стали они жить и так стали родить людей.

Так родили людей, и стало людей, как комаров. Два бога все время крик людей слышат. Их ушам тишину надо. Стали людей делить по всей земле. Так везде люди стали: так русские отделились, остяки отделились, юраки отделились, тупгусы отделились, а эти авамскими самодьями стали. Так все разделились.

Земля тогда качалась сильно. Решили тогда оба бога один хребет на одном краю земли в тундре поставить на севере, а другой хребет — на юге. Так придавили землю, чтобы она не болталась. На одном краю хребет женщина поставила, на другом — мужчина. Женщина говорит:

— Я очень тяжела. Я на другое место пойду, на край земли.

Мужчина тоже сказал так. Женщина на низ ушла, мужчина на верх ушел. Женщина теперь один край земли придавливать стала, мужчина — другой. Потом сказала Моу-нямы людям:

— Убивать друг друга не надо.

Потом сказала эта женщина мужчине:

— Пусть люди нас не видят.

Люди тогда стали шайтанов делать и стали их хранить. Так были всего живущего матерью Земли и леса мать, а отцом Николка бог.

4. Как утка принесла землю

Шаманы говорили про Моу-нямы и Дэйбу-нгуо.

Давно земля была. На земле сколько-то людей было. Земли сперва была, вода ее закрыла. Реки, озера были. Утки есть. Иногда утка есть, товарищ гагары воаны.

Теперь эту землю вода закрыла. Даже высокие хребты закрыла. Утка и гагара по воде ходят. Утки и гагары не знают, где сесть. Земли нет.

Утка говорит гагаре:

— Гагара, землю ищи под водой. Как будем жить без земли? Землю пайди и принеси. Может, вода копчится, может, земля будет. Может, когда-нибудь вперед человек будет.

— Ну ладно, я пойду вниз.

Пошла. Три дня ее нет. На третий день пришла брюхом вверх, мертвая.

Теперь утка прыгнула, и семь дней нот ее. Через неделю прышла из воды. Маленько травки, мху и тальника принесла. И утка говорит:

— Я землю подняла вверх, вода вниз уйдет, и здесь когда-то человек будет.

Теперь только я знаю. Наверное, шаман нашел утку и узнал от нее все это.

5. Землю наладившая утка

Утка здесь сперва была, здесь сидела. «Аа!» — сказала и вниз ушла, в воду.

Вниз пошла и маленько земли принесла. Утка черная и земля черная.

Сперва земля черная не была.

Землю положили на сопку. Царапали землю, и сопка стала.

Потом на вершине сопки родила Солнца мать (Коу-нямы), теплый день дала. Трава вышла как остров, сухо стало. От Коу-нямы потом земля кругом стала, эта уткой принесенная земля.

Утка заикается, как заяка. Она говорить не хотела. С уткой говорила гагара. Дёйбу-пгуо колет носом гагары, чтобы лечить, и отсюда так стали колоть.

Утка с гагарой договорились, что утка достанет землю, а гагара будет носом болезни выпускать, прокалывая тело больных.

Утка принесла от девяти Сырада мох, пустила его посреди воды, и так земля стала.

Гагара вверх полетела, к Дёйбу-пгуо полетела, и сказала, что земля сделалась, и спросила:

— А я что буду делать?

— А ты будешь носом колоть,— сказал Дёйба-пгуо.

6. О сотворении земли

Когда бог сперва сделал землю, он ее сделал ровной, как бумага.

Потом бог посмотрел и подумал: «Что будут люди на такой гладкой лайде промышлять?»

После этого он опять взял в руку землю. Всю вместе в руку собрал и немного потянул.

Вот теперь земля-то вся стала изломанной. Лайды, реки разные, камни таким образом он сделал.

Мамонт²⁶, страшно большой зверь, тогда же по земле ходил и ломал ее. Бог посмотрел на это:

— Почему такой большой зверь? Не надо.

Взял и всех мамонтов прикончил, убил.

7. Устройство земли

Земля когда родилась, гольной глиной была. Оу, Моу-пямы говорит:

— По этой глине — земли поверхности люди как ходить станут? Надо землю переделать, глину куда-нибудь спрятать.

Ну, другой бог-то, Туй-пямы (Огня мать), говорит:

— Куда же положим глину?

— У! Какая ты бестолковая. Там, где вода есть, там в воде глина будет. Хоть в озера, в реки, в Енисей надо эту глину положить. От этой глины потом, когда земля хорошая станет, пусть люди рыбу едят.

Ну ладно, недолго было отделить глину от хорошей земли. Всу глину бросили в озера, в реки. Оу! Эта глина не стоит на месте, ползет. Что будем делать? Оу! Камни надо сверху положить. Камни придавят ее, и глина никуда не пойдет. Ну что же. Хоть нынче взять Енисей. Под водой — везде глина. Ну хорошо, так все сделали два бога.

Земля чистая стала. Моу-пямы говорит:

— Опять работа-то есть.

— Какая работа есть?

— У! Как у тебя ума мало! Люди будут родиться, как они огонь добывать станут? — говорит Моу-пямы. (Она умная была, а Туй-пямы была глупая.) — Какой у тебя ум короткий. Пусть хоть сейчас огонь загорится, какие дрова он есть станет? Может быть, люди родятся — без огня они жить не будут.

— Ну, что будем делать?

— Что будем делать? В сторону солнца (т. е. на юге) есть камень (горы). Там среди гор надо поставить лес на дрова. Может быть, русский народ будет, самоедский народ будет, тунгусский народ будет, какими дровами они топить будут?

Огня хозяйка (Туй-барба) говорит:

— Оу! Правильно ты говоришь. Ну что еще? У меня ум будто короткий.

Лес надо было родить, поставить. Попросили теперь другого бога и лес поставили. Русские родятся — пусть избы делают, самоды рождаются, пусть шесты для чума делают. Русские, самоды пусть его топят. Тальником тоже надо топить. Самоды найдут тальник, русские не найдут, дровами только топить будут. Ну, мы нынче без огня ведь не живем?

Так на землю все положили, в воду рыбу положили, еду. До сих пор ее всякий человек ест. Хоть на земле будет сухо, под во-

дой всегда глина. Это все два бога положили. Станут люди в воде пловить, рыбу будут добывать.

Потом шаманы у огня сидели. Некоторые говорили:

— Оу! Огоны! Почему ты такой тиховатый?

— Как тиховатым не буду?! Кто поставил чум, кто избу — это все я топлю. Все меня ловят, все меня в разные стороны тянут. Тут какой силы хватит? Потому я и тиховатый.

Теперь так вся земля стала жить. Теперь Туй-пямы (Огня мать) в чумах, в избах стала жить, другая — Моу-нямы (Земли мать) в земле поселилась. Так стали жить два бога и все. Это не сказка, это старая весть.

8. Получение огня

Сперва деревья сырые были.

— Так они гореть не могут, — боги говорят. — Сырое плохо горит. Деревья надо делать так: одну часть деревьев надо сухими сделать, другую часть сырыми. Из сырых деревьев можно сапки делать, сухие — пусть топят.

Моу-нямы (Земли мать) сказала:

— Без огня плохо. Надо огонь просить. Русский бог есть Миколка, надо его просить.

Вот один бог к Миколке богу ушел.

— Оу, товарищ! Одно дело теперь я забыл.

— Какое дело забыл?

— Оу! Огошь-то забывал. Там у тундровых людей²⁷ ничего огня-то нет.

— Оу! — Миколка говорит. Хлопнул себя по колену. — Я тоже забыл. Ну как, унесешь огошь?

— Как не унесу. Теперь тундрешные люди все около огня храниться будут.

Тут я, однако, что-то спутал. Огня мать есть, почему к иному богу за огнем ушел, не знаю.

9. Первые люди

Из яра над рекой два комка земли обвалились. На песок упали на берегу. Эти комки людьми стали.

Так два человека сперва родились. Один вверх по реке пошел. В вершине речки из мха он сделал голому.

Второй по течению пошел. На устье реки моря дошел, тут балаган нашел.

Игапасан земля вверху, в верховье реки, на большой лайде. Здесь человек шестовой чум потом сделал. Лук сделал. С луком он диких оленей ожидал. Куда-то сходил — железо достал. Не знаю, в какой земле дерево нашел, но ветку сделал. Вероятно, все время смотрел на воду и нашел там бревно.

Человек в балагане лодку сделал, весла не знал. Сердитый (?) парус распустил. Без весла пошла лодка.

Потом тот, первый, человек сказал:

— Я буду железо точить, диких оленей им добуду.

Это было копыя рождение. Думал тот человек: «А если в ямах найду дикого оленя, то луком его добуду».

Людей-то два, два ума в разных сторонах.

Теперь так долго жили те люди. Где-то старуха напласть потерянная. Старуха в маленькой санке колыбельку таскает, корши ест. Шибко плохая стала. Человек в балагане говорит:

— Давай вместе жить. У тебя какая жизнь? Я-то в балагане живу, так лучше.

Стали жить. Ребенок вырос, смеется старушка. Потом этот старик кашканы делает. На заячьих следах ставит кашканы. Эта река им лучше отца и матери. Зайцев много. Лисицы приходят есть объедки зайцев. Беда промысла много! Дети в землянке-чуме растут. Мох ребята собирали, да беда жарко топили в балагане.

Так эти люди жили. Это отец мне правду говорил, да маленький я был тогда. Где сын потом людей нашел, не помню.

Землянка-балаган потом русским городом стала. Люди не с неба упали, а Моу-нямы их родила из яра.

Эта река Ляндимела, или Ниркапто, то есть тальниковая; нирку — это очень большой тальник.

10. Происхождение людей

Сперва была кругом вода. Только вершины камней было немного видно. Потом стало немного земли. Появилась лайда величиной с ладошь. На ней маленький тальник и два человека — мужчина и женщина.

Сперва они траву ели. Потом земля стала большой, мужчина и женщина тоже стали большими. Стали они немного ходить.

Пошли они и нашли двух телят маленьких. Почевали все четверо вместе. Из травы сделали веревку и привязали оленям на шею. Потом один теленок стал лопчаком, а другой — тарагайкой. Люди тоже выросли, женщина большой девушкой стала.

Потом тарагайка родила двух телят — самца и самку. Девушка родила двух детей — мужчину и женщину. Стало всех восемь. Собирали ломаные, упавшие деревья. Ребята тоже выросли и поженились.

Когда ребята женились, у них тоже двое детей родились. У отца с матерью тоже двое родились. Стало всего восемь людей. Оленей стало тоже восемь. Олени все на веревках ходили. Но два теленка оборвали веревки и убежали. Так появились дикие олени.

Восемь людей разделились на две группы, на два чума. Отец с матерью у Нясины остались, дети на Таймыру-реку ушли. Потом родились и делились. Тут и конец.

Первого мужчину звали Дэйба (сирота). Он был бог.

11. О происхождении людей

Давно совсем никаких людей не было. Только где-то вверху медведь оставил мальчика и девочку, совсем маленьких, совсем голых. Они на улице играли и руками закрывались.

Какой-то чум или землянку сделали. Время выпадения снега близко стало, поэтому и сделали. Теперь в этом чуме поскользко, семь-восемь дней, они жили, и снег выпал. Теперь медведь пришел.

Пришел медведь и унес этих двух ребят. Унес куда-то в свой дом. В доме у медведя совсем мягкие подушки, койки, чтобы сидеть на них. Домой пришел медведь и как в кухню (?) положил двух ребят, а сам ушел. И день где-то проходил и опять пришел. Принес мясо дикого оленя и положил ребятам.

Теперь ребята с медведем жили и до весны дожили. Как-то медведь одежду собрал и дал ребятам. Когда лето теплое настало, медведь погладил ребят по голове, но ничего не сказал. Вывел их на улицу и показал, куда идти. И ребята пошли, куда он показал.

Теперь ребята из чума медведя ушли. Куда-то пришли и землянку²⁸ или голомо²⁹ сделали. Тут у себя дома они жили, и вы-

росли, и стали мужчиной и женщиной, и народили много ребят, дожив до старости. Теперь вперед народ стал. Так люди от тех ребят пошли, народ стал.

Теперь долганы³⁰ медведей убивают, а иганасаны поэтому не кушают медведя. Это черный медведь воспитал иганасан.

12. Ворон и лебедь

Ворон³¹ есть, как гусь, летает. Когда-то это человек был. Это был нехороший человек. Когда оленья болезнь придет, кула (ворон) век среди оленей сидит, ждет их смерти. Это сперва человек был.

Когда земля родилась, это тогда было. Еще есть лебедь³². Это тоже человек был. Сперва, говорят, когда земля родилась, был сирота³³-парень. Век его люди мучили. Его на чумище бросили.

Лебедь пришел:

— Почему тебя бросили?

— Меня все время мучают и бросили.

— Садись мне на спину.

Сел парень, и лебедь полетел, и ребенка век унес. Дошли до лебедей земли. Их народа много. Его воспитали там. Лебедем он тоже стал. Теперь, когда большой стал, вид у него лебеда, а ум человека. Куда-то улетел. Большой черный чум нашел. В этом чуме воронов нашел. Теперь вороны говорят:

— Кр! Кр!

Говорят:

— Лебедь, откуда пришел? С нашей девкой почуй, жениться вам надо.

Лебедь на ворона девке женился. Сколько-то дней здесь жили. Потом как-то лебедь пришел, а ворона мать бурдук³⁴ мешала. Теперь лебедю этот бурдук поставила:

— Кушай!

Лапой лебедь попробовал, ноги все грязные стали. Попробовал и полетел.

— Тору! Это что за бурдук!

Летит и кричит:

— Ии, уу!

Потом говорит:

— Воронов девка бурдук мешала с дерьмом, мои чистые

поги запачкались воронов бурдуком. Напрасно я к воронов девке пришел, и мои ноги-то все испортили³⁵.

Лебедь белый; равные и ноги белые были, нос-то тоже белый был. Воропов девка нос, ноги — все испортила у лебедей.

13. Мать воронов³⁶

Лебедь летит. Видит, что стоит чум. Целый чум воронов.

— Хр! хр! — кричат вороны.

Лебедь зашел в чум.

— У! Что ж, гость у нас появился. Давай кормить гостя.

Ворон-мать встала. В котле что-то мешает мешалкой³⁷. Потом налила вареной крови³⁸.

Лебедь стал кушать.

— У! — Лебедь прочь полетел, не стал есть. — У! Ворон-мать! Твоя дяма совсем плоха, пахнет дерьмом!

— У! Лебедь пролил папу дяма!

— Какая же это у тебя дяма? У поперечноглазых на чумищах собирала дерьмо и вместо дяма варила и меня кормить хочешь. Я только в пей нос запачкал и ноги запачкал.

Поэтому у лебеда нос и ноги черные.

14. Тепло

Жила птичка дямаку. Она днем и летом голодала и мерзла. Улетела она и увидела маленький чум. В нем один старик кует железо. И она села на трубу³⁹. Спрашивает старика:

— Дедушка, ты замерз? ⁴⁰

В чуме люлька качается. Старик оглянулся, посмотрел на трубу:

— Кто это там? Заходи, если ты человек.

— Я не человек, а птичка. Знаешь, дедушка, у меня просьба к тебе большая. Я вижу, тебе тоже живется плохо, холодно и ничего есть. Сделай мне железные крылья, нос железный и лапки, и я пойду к богу. У него семь дочерей. У семи дочерей — семь мешков. И в этих мешках — облака, которые дают тепло. И я украду у них один мешок, пока они будут спать.

Ну, старик сразу все сделал. И птичка полетела на юг.

Летит, летит и видит: впереди на небе облако, как скамеечка, и на нем сидят семь девушек и около них семь мешков ⁴¹.

Птичка говорит:

— Дай бог, пожалей меня, чтобы я могла принести старику теплую жизнь. Пусть девушки, все семь, уснут крепким сном.

Как только она сказала, старшая девушка говорит:

— О девушки, как мне спать хочется!

И все остальные говорят:

— И мне тоже, и мне тоже.

И все уснули. И в то время птичка подошла и у младшей взяла мешок и развязала. Из этого мешка покатались всякие облака. И птичка пошла назад к дедушке ⁴².

И видит, что дедушка в одной рубашке ⁴³ ходит вокруг чума. И говорит птичка:

— Ну что, дедушка, жарко?

— Жарко, молодец.

И так говорит, что теплую погоду эта птичка достала.

15. Комары

У охотника две жены было: одна — нганасанская женщина, другая — сигэ. Охотник нганасан диких добывал. Сигэ девка все сразу съедала. Нганасанская женщина мужу говорит:

— Пропадешь ты от другой жены, ее убить надо.

Муж говорит:

— Как убью?

Сколько-то дней прошло, гусиные яйца нашел мужчина. В чум пришел, яйца принес. Делил их у двери. Дал женщинам по паю. Огопь просто на земле горел, топили тальпик в тундре. Нганасанская женщина сказала, что растопит к приходу мужа большой огонь. Огопь горел большой. Муж говорит:

— Возьми гуся яйца.

Сигэ, услышав, протянула руки через огонь. Теперь за руки муж ее взял, в огонь затащил. Попала в огонь и сгорела, говоря:

— После меня тебя что-нибудь мучить будет.

Оттого комаров имя по-нганасански — сигэ нгилядиэ (сигэ — искры).

16. Полет в землю.

Гусей матери

Два шамана было: один Нгамтусо шаман, другой Липанчера шаман. Две кучи самодей было. Нгамтусо шаман говорит:

— Эй, товарищ! С гусями в их землю сходить худо?

— Почему худо? Ничего худого нет.

Дальний шаман говорит жене:

— Мне новую одежду делай. Пусть никто ее не видит. Пусть хоть из кучи Нгамтусо шамана, хоть откуда-нибудь еще какой-нибудь человек придет, ты эту одежду закрывай, пусть своим умом обойдутся.

Теперь бубен, шаманскую парку — все приготовил. Потом, после того как все приготовили, шаманить падо, идти падо. Ну, шаманил шаман и говорит:

— Гуси меня зовут. Я пойду.

Так шаманил шаман, так сказал да полетел, вверх ушел. Летит позади гусей. Назад оглянулся:

— У! Моих дямады, гусей дямады много-то много!

Ну, увидал другого шамана чум, к нему подлетел:

— Ну, товарищ, что сидишь?

— Оу! — другой ревет. — Ну, мученье я себе пашел теперь! Говорил я раньше, что с гусями пойдем, эти слова я забыл совсем. Ну ладно, хоть старую шаманскую одежду давайте, буду шаманить. Старую одежду падо держать. Новую когда будем готовить?

Ну, старую шаманскую одежду падел и шаманил. Потом полетел и за гусями ушел в землю гусей.

Гусей земли дойдя, кричит:

— У! Товарищ-то мой где?

Ну, товарища увидел, в воде лежит. У! Вода вся закрыта гусями, будто сухая земля это. Очень много гусей, дямады шаманских тоже очель много.

Говорит Нгамтусо шаман:

— Ну, я где буду сидеть, где буду липячь? Мне кажется, лучше на озере липячь.

У! Липанчера шаман говорит:

— Моего товарища почему не видно? Будто видел я, что он пришел. Почему близ меня его нет? Ну, падо товарища искать, на какой земле он сидит.

Пошел его искать. У! Товарищ на большом озере сидит. Перья свои ропают в воду.

— Эй, товарищ! Теперь ты неладно сидишь. Почему на озере сидишь? Когда люди сюда промышлять придут, они из вас, однако, ни одного не оставят. Э! Неладно сидишь. Теперь не знаю, в свою землю воротиться ты или нет. Однако, не воротись. Мое место все-таки этого места лучше. У Дяпту-нямы (Гусей матери), в реке, в ее горле, мы летуем. Там все-таки течение есть, когда, линия, перья уроним, все-таки уплыть можно.

Оу! К реке, где Линанчера шаман линяет, люди пришли. Промышляют, гусей добывают. Один человек сгоняет гусей. Только руку гусям показывает, сам прячась за яром, и гонит гусей по мелкой воде, по которой они ходили. Передний гусь говорит:

— Впереди что видно? Песок на мысу, а на нем что-то поставлено.

Этот передний гусь теперь обратно вернулся:

— Ну, там впереди будто я что-то видел, будто караульщик⁴⁴. Сейчас ночь наступит, всем убежать нам надо, хоть и караульщик там.

Близко мимо караульщика гуси все ушли. Назавтра, оу, люди, промышлять пришедшие гусей, говорят:

— Вчера я говорил, что ночью промышлять надо. Теперь что промышлять будем? Все гуси в другое место ушли.

— Но! Там озеро было, на нем гуси тоже линяют. Туда пойдём. Этих ушедших как достанем? Далеко они ушли, не надо за ними гнаться.

У! К озеру ушли. На озере гусей беда густо, очень много! Этих гусей промышляли. Гусей на озере всех убили, ни одного не упустили.

Вот так-то тут гусей добывали. Других гусей очень быстрое течение к горлу реки Гусей матери унесло, и здесь эти гуси линяли. Если бы они на другом месте линяли, то их тоже настягли бы. Это что за хитрые гуси, на такой неудобной для промысла земле линяли?

Убитых гусей люди санками перетаскали к чумам. Эти люди, которые гусей промышляли, это гуси люди⁴⁵. Не знаю, что за люди это, не знаю даже, люди ли они, что ли.

Потом гуси в другую сторону, в здешнюю землю, возвращаться стали на следующий год. Линанчера шаман теперь до своей земли, до своего места дошел.

Оу! Другого шамана, Нгамтусо шамана, век нету. Там в земле гусей его съели. Здесь в тундру потому еда совсем не идет. Нгамтусо шамана люди в этом году все лето голодны были,

ничего не ели. Липанчера шамана люди не голодают, все густо едят — диких оленей-то добывают, гусей-то добывают, всякую еду-то добывают.

Ну, Нгамтусо людей голодных много умерло. Теперь Липанчера людей ни один не умер. Потому что не голодают, поэтому ни один и не умер. Нгамтусо первый говорил — с гусями пойдем, почему же он не приготовился? А вот Липанчера шаман хорошо слетал, к Гусей матери попал, спустился ей в горло, а гуся горло все равно что яма.

Ну, теперь Липанчера шаман к своему чуму пришел, спустился в него через трубу. Ему уж заранее чум поставили. Он так велел сделать: когда гусей прилета пора придет, поставить ему чум. Вот этот чум поставили, и в этот чум упал этот шаман. Тут этот шаман Гусей мать благодарил, радовался:

— Спасибо, мать! Хорошо я дошел, своим людям гостипца принес да всего.

Другого шамана ум короткий стал, сила коротка стала, да оттого люди его все умерли. Теперь все.

17. Шаман на луне

Один шаман к луне пошел. Луна-то — наша мать. Бабы когда родить будут, чтобы знать, такие вести принести ушел шаман. Это очень давно было, когда земля еще родилась.

Шаман ушел, ждут его и не могли дожждаться.

Шаман когда пришел к луне, луна быстро побежала к своей матери на некоторое время. Когда она к матери пришла, мать говорит:

— Шаману здесь ходить нельзя. Раз шаман пришел, ты, луна, его обратно не пускай. Пусть теперь он твоим мужем будет.

Потом луна вернулась к шаману, и он стал ее мужем. Шаман приклеился к луне, и его теперь на ней видно.

Шаман такие вести искал на луне потому, что люди тогда давно совсем бестолковые были, ничего не знали.

Когда луны нет, это значит, она к своей матери ушла.

Шаман этот был наш авамский человек.

18. Дянгу

В то время, когда земля родилась, был один человек. Имя его — Дянгурака (Тундровой). Век живет. Диких век убивает, гусей бьет. Беда охотник! Вести ходят об нем. Товарищей нет. Люди к нему придут, он убегает. Только тридцать оленей у него. Не больше их становится, не меньше. В жаркое время бегают лучше оленя, не отстают от оленя. Все люди аргишили в лес, а он в тундре на берегу моря остается, в лес не хочет идти. Все в лес пришли зимой, на реку Дудынку. Два гостя пришли. Они юраки. К старику пришли.

— Кто вы?

— Юраки.

— Имя, кто?

— Товарища имя — Комоза, мое имя — Тарухаде (Торуда). Мастер бороться ⁴⁶.

Они еще говорят:

— У нас вести есть, что один человек в тундре есть Дянгурака.

— Это не наш человек, это авамский.

— Ну, надо искать.

— Зачем искать?

— Мы, юраки, всегда сильных ищем.

Старик говорит:

— Дянгу не поймаете. Сильные живы будут, плохие пропадут. Сам он людей не трогает. Только соседей не хочет иметь.

— Ну, Сомату-барба, Бай-барба, если жить хотите, передовщика давайте, мы моря край не знаем. Двух людей надо. Если не дадите, надо воевать.

— Будем искать людей.

Искали людей. Есть Сыру-пэ. У нее парень. Его имя — Сырунэ-ботуру. Ушли за ним. Его позвали. Два юрака молодых чай пьют. У одного рожка красная, у другого — черная, один высокий, другой толстый.

Сомату-старик говорит:

— Ты пойдешь передовщиком в тундру. Не пойдешь, пас юраки побьют.

— Ну пусть.— И ушел.

Мать говорит:

— Какие вести?

— Передовщиком звали. Я не хочу. Пусть воюют, мне дела нет.

Мать говорит:

— Плохое дело. Надо идти. Юраков ты там бросишь и вместе с Дянгу держись, тогда живой будешь. Дянгу всех все равно побьет. Никто его не догонит. Ты объясни, что поможешь ему.

Еще раз юраки говорят:

— Ну, кто будет? А то этого парня ночью убьем.

Старик сомату говорит:

— Здесь убить пельзя. Что вам за пособка, сильный человек останется все равно.

Юрак говорит:

— Девку давай на легкий чум.

Девка с юраками не хочет идти.

— Только чум будешь держать, замуж не возьмут.

Теперь к Баю-старика пошли юраки.

— Давай передовщика в тундру.

— У меня два сына. Большой жепатый, вот малый-то пойдет, но глухой он — Дюпта. Его дам.

Бай-парень пришел.

— Пойдешь?

— Пойду.

— Сапка, олени есть?

— Есть.

— Сомату-старика и всех, кто с ним, убьем. Не дает человека.

Бай просит, чтобы они не убивали сомату, а парню своему говорит, чтоб он Дянгу помог.

Теперь-то юраки аргшат. Теперь Сырунэ-ботуру узнал, что глухой Бай ушел. Глухой пешком пошел, без сапки.

Сомату-парень говорит:

— Я тоже пойду. К Дянгу парить буду.

Девку не унесли. Сырунэ-ботуру тоже пешком ушел.

До юраков дошел, там Бай-парень. Юраки каждый отдельный чум держали, половина-то пустая. Большой чум поставили, только бойцы пошли, восемь человек, да две девки.

Целый год аргшат к морю. Два человека век пешком идут. Где стоят, юраки им есть не дают. Ничего эти два человека по олени пешком идут.

Наконец остановились. Сидят вместе. Глухой сказал:

— Муку нашли, сила кончилась. У тебя как?

— У меня тоже.

Юраки еду не дают.

Глухой говорит:

— Этой ночью попробуем, восемь человек их.

— Нет, пока до Дянгу не дошли, не надо. Тогда попробуем.

Еще четыре или пять дней идут. Юраки не понимают их. Глухой говорит:

— Надо оленя убить.

— Не надо, не трогай.

Теперь два человека упали. Ничего не ели два месяца.

Дошли до моря. На яру стоят. Ничего не видно. Где-то здесь на берегу надо искать. Четыре юрака дома остались. Четыре на санках пошли. Этим двум человекам сказали:

— Ничего не делайте. Вы нам не будете помогать.

Так сидят. Четыре человека ушли. Собаки залаяли. На улице посмотрели. Из леса санка идет прямо на дверь. Два быка запряжено одинаковых. На санке тоненький человек, белое лицо, тонкий сокуй с сунгуку. Привязал санку, зашел. Совсем пестрая у него парка.

— Ну, какой человек?

— Сами вы скажите, откуда вы пришли.

— Издалека пришли. Дянгу ищем.

— Почему ищете?

— Воевать идем.

— А это какие люди? Почему глухой Бай пришел? Ботуру почему пришел?

— Передовщиком пришел; наш народ убить хотели.

— Почему худые?

— Ничего не ели.

— Если Дянгу ищете, то вот я и есть.

Стали есть, голодным дал поесть. Говорит теперь:

— Ну, Глухой и Ботуру, идите ко мне или воевать хотите?

— Нет, нет, пойдём к тебе.

Юраки говорят:

— Куда ушли?

Двух человек увез Дянгу на санке, как пурга. Юраки стали дорогу гопать. Дошел за полдня Дянгу до края леса. Здесь тридцать чумов, все хорошие. В чуме одна баба молодая, это сестра, а не жена. Юраки потерялись. Месяц живут. Два человека кушают век, мяса много.

Дянгу говорит:

— Два месяца прошло, поправились?

— Поправились.

— Ну, надо юраков искать. Сестру с тобой, Сырунэ-нюо, оставим, а с Глухим пойдём пешком.

Дянгу и Глухой ушли. Три дня ходят. Юраков видно, обратно аргшат. Чум сделали.

Дождались ночи середины. Юраки спать стали. Двое часовых. Дянгу говорит:

— День ясный, может быть, увидят нас.

Дянгу два раза хлопнул рукавицами. Ветер стал, пурга. Ничего не видно. Пошли и среди оленей двух спящих юраков убили ножами, задрав им головы. К чуму пошли и всем горла резали. Только баб оставили. Бабы просят:

— Мы не виноваты, потому что бабы.

Дянгу говорит:

— Не надо убивать их. Идите домой, если дорогу знаете. Скажите, что Дянгу всех убил. Пусть все придут, я не убегу.

Бабы ушли к юрацкому народу. Все рассказали. Всех юраков Дянгу зовет воевать. Все юраки ищут Дянгу. Ушли легкими сапками. Нашли чум Дянгу. Ночью окружили чум, луков на сапках не нашли.

Дянгу спрашивает:

— Кто пришел?

— Мы, юраки, пришли.

— Ну, не торопитесь, я бакари падепу.

— Ну, скорее.

— Я парку одеваю.

— Ну, скорее.

— Я кушать буду.

— Ну, скорее.

— Я девку одеваю.

Юраки чум сломали — и никого нет. Только одеяла — и ни одного человека там нет.

Опять слышно:

— Эй, юраки, чего торопитесь, я сапки готовлю.

Ищут Дянгу в одеялах и в других вещах в чуме.

— Ну, готовьтесь! — слышно.

Смотрят — нет никого, только речь слышно.

Утро стало. Ну, теперь Дянгу видно стало. Сидят все четверо, смеются, шутят.

— Лучше вернитесь, меня не убьете. У вас есть шаман, лучше его пошлите.

Юраки стали стрелять.

— Однако, Дянгу убили.

А он век сидит. Говорит товарищам:

— Кончайте юраков, я не буду связываться.

Убили всех юраков.

Теперь дошли до конца.

Юраков шамап приходил и с Дянгу воевал. Этого юрака тоже убил Дянгу, всех так одолел.

Дянгу — не человек. Это Дёйба-нгуо. Он с виду всегда разный. Иногда он в виде человека. Это был Дёйба-нгуо.

Он тоненький человек с острым посом, узким лицом. Потому Дёйба-нгуо, что у него своего народа ⁴⁷ лет. Век один живет.

19. У отца счастья

Помогает во всем Нилы-нгуо, Счастья бог. Говорят, что был это маленький мальчик лет семи или женщина. Женщина эта во сне пошла под землю. Она пешком шла, измучилась, похудела. Не простая женщина она, чуть шаманка — нготымьнтэ. Она видит впереди большой чум, около чума река, меняет вид, то белый, то красный, и она думает, зайти ли в этот чум. Думает, если пойду, боги не пустят. И думает сесть сзади чума около шеста сынапиде кумняй. Так она уснула на улице. И вот спит-спит, и что-то ее разбудило. Слышит, внутри кумняй будто кто шепчет ей сквозь люк: «Вставай, доченька, заходи» (вместо подушки она присловилась ухом к кумняй снаружи). Проснулась, встала, а кругом никого нет. Она сама шаманка. Знает, что богини встали и что знают — шамап к ним пришел. Как будто гостюет у них. Она стряхнула снег и зашла в чум. Заходит и смотрит: в чуме несколько людей. Их огонь горит — чуть-чуть. Вдали его видно, в яме, а кругом лежат толстые тори-фа. И на одной тори-фа лежит палочка хоси-фа, которой ударяют по бубну при камлании. Она удивляется, на сше лежит постель, и на ней старик сидит. Этот старик оброс шерстью, лохматый. На котуда бобо два человека снят. На постели на восточном, левом бобо сидит жепщина, тоже мохнатая. И они ничего не видят. «Слепые, что ли?» — она думает.

Она села на конец доски — лотю, как будто боится. И когда села, слышен стал голос — как будто то ли из трубы, то ли снизу он идет:

— Откуда пришла, зачем пришла, почему так похудела?

Когда она это услышала, взяла хоси-фа и, по тори-фа ударяя, говорит:

— Для того, чтобы людям жилось легко, для того, чтобы

устроить счастливую жизнь, так как я вас считаю матерями и отцами, приехала к вам за счастьем. Для чего же меня бог вырастил шаманом, для чего вы меня родили? По-моему, для того, чтобы от вас нести счастье всем простым людям. Терпеть я больше не могу, и простые бедные люди посылают меня за счастьем.

Когда шамана посылают, то его посылают к тем богам, которые его родили. Шаман — не настоящий человек, а вроде как рожденный от богов.

Пришедшая женщина дальше говорит:

— Если вы поняли мой вопрос, то все здесь встаньте и примите вид настоящих людей.

И как она сказала, все они стали настоящими людьми.

Старик ударяет ладовыми по коленям и говорит:

— Ну, ты не простой человек, раз пришла сюда, значит, уверена в себе была. Не ожидали мы от тебя, что ты такая.

Старуха говорит:

— Ну, сейчас ты покушаешь, доченька ⁴⁸.

Огонь чуть-чуть было видно. Там была яма. И оттуда, из ямы, пришла к ней посуда со всякой едой, мясом.

Потом она покушала, посидела, отдохнула. Тогда старик встал и говорит:

— Слушай, дочка. Сейчас я спрячусь. Если ты угадаешь, где я, ты заработаешь одно счастье.

И старик сразу исчез. Но эта девушка посмотрела и сказала:

— Ну, внутри сыпаниде кумняй (шеста) ты находишься.

Старик сразу засмеялся и выскочил оттуда.

— Ну, сейчас второй раз спрячусь, и второе счастье заработаешь.

Потом она говорит:

— Вот же, в мунси (трубе) ты находишься.

И оттуда старик опять выскочил и засмеялся:

— Ну, умеешь, дочка. Ну, теперь я много мучить тебя не буду, последний раз спрячусь.— И опять старик исчез.

Теперь она говорит:

— Ну, в этом же тори-фа ты находишься, у которого хоси-фа лежала.

Оп, старик, опять выскочил. И похлопал по своим коленям.

— Ну, поэтому ты и пришла к нам,— он говорит.— Ну, тебя и очень мучить не буду, и все счастье я тебе отдам, что ты за-

работала сегодня. Пусть твои бедные люди живут и станут настоящими людьми.

Ну, он достал из-под подушки большой кожаный мешок и оттуда вынул оленью шерсть. И подал эту шерсть этой женщине, говоря:

— Это первое счастье, которое ты заработала.

Вторым он дает рыбу чешую⁴⁹, и третьим он подает собачью шерсть⁵⁰ и говорит:

— Это будет счастье для северных людей. Это будет счастье для тех, кто на оленьих ногах ездить будет.

Ну, она вышла и пошла. Оленья шерсть — это значит, что только что родился олень. Она взяла в подарок целого оленя от этого старика, Нилу дядю — Счастья отца. Она принесла это от Тале-нгуо — Оленей бога. Дальше, чешую она унесла, это как бы дали ей рыбу, чтобы ее ели люди. Собачья шерсть — это как бы она унесла людям собаку; собаки тоже нужны нашим людям.

От этого много собак, оленей, рыбы родилось.

Когда она пошла через речку, про которую я говорила, к ней, к парке, прилипло немножко крови и что-то белое прилипло. Когда она прошла реку, она стала угадывать, что это прилипло к ее парке. Она говорит:

— Но все-таки от отцов я не только счастье унесла, но и несчастье. А эта кровь значит, что человек будет умирать от крови, от убийства; белое — это то, что человек будет умирать от отравления спиртом.

Значит, боги ее обманули, вместе со счастьем дали и несчастье.

Ну, она говорит:

— Ну что поделаешь, обратно не вернешься.

Если вернется, ее боги убьют. И так она говорит:

— О! О! Убийство (когда человек с ума сходит, нож ищет)⁵¹ принесла я с собой. — И сама отряхивает свою парку и не может отряхнуть кровь и белое пятно.

И посмотрела на эту речку, а там красного и белого цвета не стало. Это говорит за то, что она это все унесла. И все.

И когда она приехала, шерсть превратилась в оленей, чешуя — в рыбу и собачья шерсть — в собак.

И стали люди жить, как мы сейчас живем. Это доказывает, что действительно где-то боги есть. Это, говорят, было, правда давно.

20. Боги промыслов

Юрак кружал. Не знаю, отсюда ли закружал, по кружал, кружал и на берег моря пришел. На берег моря пришел и, когда пришло к нему слово, остановился. Потом от моря в тундру, в хребет, ушел. Идет, идет, пусть хоть неделю идет.

— Оу! Я голодный стал!

Диких-то много. Ну, один табун увидел, одного жирного порога добыл. Оу! Зима стала. Пока кружал, пастоящая зима стала.

— Этого дикого как буду обдирать? Надо малипу делать. Буду обдирать его не разрезая, целиком шкуру сниму.

Снял с дикого шкуру целиком. Надел ее на себя. Стал видом все равно как олень. Тут около убитого дикого ночевал. Зима если стала, как иначе, снег разве не выпадет? Всего его закрыло снегом. Ну, так он потом заснул.

У! Ночью что он услышал?

— Кто мое мясо ест?

Посмотрел.

— У! Это медведь ест мое мясо.

Пока подымался на ноги, очень боялся медведя.

— Убий! Почему мою еду ешь? Тебе промышлять лень стало, что ли? Ну, я по сравнению с тобой более умелый охотник⁵², что ли? Почему мое мясо ешь?

Встал на ноги и, в какую сторону было лицо, в ту и пошел по тундре. Медведь здесь остался. Так идет, идет. Куда лицо глядит, так и идет целую неделю. Оу! Опять голодный стал. Как голодный не станет, если пешком идет? Дорог, по которым можно было бы идти промышлять, совсем мало стало. «Не знаю, найду дикого или нет». Идет, идет. Оу! Три маленьких телянка нашел. Оу! Одного телянка-то убил. Ну, мягкое мясо. Около этого мяса почевал. Ночевал и опять говорит:

— Оу! Опять кто мясо ест?

Ну, глядит.

— У! Какой это черпый песец мясо мое ест? Шкура его легонькая. Может быть, людей найдя, кому-нибудь ее продам.

Хотел его из ружья отведать. Песец перестал есть и говорит ему:

— Оу! Каких ты людей парень? Оу! Почему ты такой бестолковый? Того, кого ты перед этим оставил, ты, испугавшись, оставил в живых, а меня не боишься, убить хочешь. Тот был такой же, как и я. Почему не отведал, побоялся? У меня ведь

тоже душа. Не собаки душа. Меся не хотел бы убить, хорошо ходил бы. Теперь я очень рассердился.

— Эй! — юрак говорит. — Почему ты таким, с виду хорошим, являешься? Волком ты был бы, не хотел бы отведать тебя. Черного псеца захотел убить — оттого себе муку найду.

— Меся хотел ты убить, за это теперь ты муку найдешь, — сказал псец, выпрямился и убежал в тундру.

Ну, юрак что будет делать? Потом опять пешком по тундре пошел.

Шел, шел. Оу! Никаких зверей дорог не стало. Даже мышки дороги нет.

— Ну эй! Что поделаешь! Плохие дни ко мне пришли, совсем ослаб я.

Ну как иначе? Ничего, даже мышек не нашел. Совсем ослаб юрак. Перелезая через одну застругу, семь раз отдыхает, сидит. Идя, упадет и так почует. Силы не стало у него совсем. Лежит он теперь на одном месте.

Оу! Впереди высокую землю видно. Эй! Так насилу, пасилу на хребет влез и на его вершине упал. Неделю лежит здесь. Оу! Как-то открыл он глаза и посмотрел, насилу сядя. За хребтом видит реку. Река вся разделилась на протоки, на семь проток. Там, где река разделилась на протоки, три чума стоят. В голове реки три сопки ли, что ли, стоят. Как поэи, торчат.

Вот, увидав это глазами, прямо к среднему чуму идет. Около среднего чума один человек стоит в белом сокуе. Оу! Меся увидев, смеясь, подошел тихонько и говорит:

— Эй! Какой человек пришел? Наготово-то видом худой. Эй! Раз такой видом плохой человек пришел, иди в средний чум. В средний чум войдешь, на одной его стороне моя сестра сидит. Сядь около сестры. На другой стороне мой отец и мать сидят. Они не такие, как все люди. Если их бояться будешь, к сестре ближе садись. Я же должен сейчас идти. У меня пушальпи есть, а в чуме никакой еды нет. Может быть, в пушальпи рыба попала. Долго не будешь ждать, я скоро приду.

Вот попал юрак в чум. Оу! На одной стороне одна девка сидит, на другой два сига или что другое. Только глаза у них видно, все волосами покрыты. Одежды никакой на них нет, все волосы. Сел недалеко от девки. Она не говорит: какой человек пришел?

С улицы тот первый человек три худенькие рыбки принес. Старик посмотрел на них и потом говорит:

— В реку какая рыба пришла? О! Талап-то лучше стал, все-

таки три рыбы поймали. Это еще какой один человек, третий, у вас оказался? Ничего шерсти на лице нет. Откуда он пришел, откуда пришел?

Говорит тот парень в белом сокуе:

— Это заблудившийся голодный человек пришел.

Потом говорит старик:

— Ну, пойду посмотрю, в сети, может, еще какая рыба попала.

Вот куда-то недолго он сходил, пришел и двух людей, пополам вдоль распластанных, принес.

— Оу! Старуха! У нас все-таки талап. Две очень жирные рыбы попали.

Эй! Тут тот, другой человек, в белом сокуе, который три рыбы принес, говорит:

— Талап откуда возьмем? Такую рыбу если есть буду, костный мозг мой когда лучше станет. Ну, пойдем, парень, на улицу, будем ходить маленько. Все-таки глаза твои сейчас видны стали.

Вышли на улицу юрак и тот, другой человек. Этот человек говорит:

— Ну, парень! Место, в которое ты попал, очень с виду худое. Эти три чума — это чумы хозяев промыслов. Они держат все промыслы на земле. В одном чуме старший брат, в другом, нашем — средний и в третьем — младший брат. Все промыслы находятся за тремя землями насторожками. Если мы эти насторожки пошевеем, у нас и у людей на поганой земле много промысла будет, много еды будет. Сейчас мы такую насторожку сломаем, отца насторожку сломаем. Никак он сам нам и людям не хочет дать промысла.

Теперь они пошли и пришли в середину между тремя сопками. Так кругами шли, шли. Три тонкие заструги нашли между сопками.

— Ну, парень! Ложись, не гляди, а только слушай.

Теперь юрак лег, глаза рукою закрыл. Тот, другой человек настругу сломал, все равно как дерево сломал.

Оу! Теперь слышно стало, будто вода потекла, слышно стало, как песец лает, крик разных зверей стал слышен. Всякие звери кричат, на свободу выйдя.

— Теперь гляди, — тот человек говорит.

Оу! Из этой сломанной заструги река вытекла. Близ нашего среднего чума потекла и потом в большую реку попала. Рыбу в этой реке видно.

— Теперь, товарищ, ты в те, в другие чумы не ходи,— говорит человек в белом сокуе,— пойдем к пуцальням.

Пришли к сетям, три больших чира в чум свой принесли, пасилу их подняли. Оу! Старик говорит:

— Оу! Эти два парня хорошую рыбу принесли. Ну, я к своим сетям пойду.

Три рыбы пасилу сагудали три человека. Потом парень в белом сокуе куда-то ушел. Только он ушел — оу! — старик-то пришел. Две половишки людей принес. Ничего на них нет, ни мяса, ни кишок, одни кости. Оу! Старик с виду стал очень плохой, сердитый. Сел на свое место к старухе и говорит:

— Оу! Парень, вновь пришедший парень! Мой сын наготово плохой. Что-нибудь сделает, ничего не скажет. Что-нибудь он не трогал?

— Оу! Дядя⁵³, не знаю! Что я видел? Никуда я не ходил.

— У меня парень — вор. Ну, говори, что видел!

— Оу! Эти три сопки мы пашля. Там мой товарищ одну застругу сломал.

— Хм! Вот до чего у меня парень непослушный. Вот из-за него у меня талан совсем худой. Теперь, когда он придет, обоих вас буду есть. Пока рыбу ешь. Нынче вы три рыбы съели, потом я вас трех, двух парней и одну девку, всех вас есть буду.

Рассердился чума хозяин на юрака и вышел из чума. Оу! Целый день его нету. Вечером старик пришел, три худые рыбы принес и говорит:

— Ну, все-таки сейчас есть вас не будем. Будто все я собрал, что он выпустил. Будто ни одного сига не отпустил.

Вот теперь три худые рыбы целую неделю едят. Неделя прошла, говорит парень в белом сокуе:

— Оу! На эту землю почему люди попадают? Опять ко мне хороший ум пришел — надо поганой земли людям помогать. Для меня это очень плохо, когда люди сюда попадают. Ну, пойдем на улицу.

Опять пошли к сопкам и все три насторожки, три заструги сломали. Потом говорит человек в белом сокуе:

— Ну, парень! Теперь мы в большое дело попали. Тебя бы не было, я бы в дело тогда не попал. Тебя жалея, чтобы тебя накормить, тогда я застругу сломал. Эти три насторожки сломал я тоже, твою голову жалея. Теперь, хоть худую речь я услышу, хоть хорошую речь услышу, буду я гостевать в чуме старшего дяди.

Ну, зашли в другой чум. Там старик со старухой. Еще только

мало-мало старик. Весь в волосах, лица не видно. И у старика и у старухи глаз нет. Оу! Старик-то говорит:

— Старуха, дверь-то отчего шевелилась? Кто пришел? Гости пришли?

— Оу! Я тебя больше вижу, что ли? Глаза у меня есть? Будто два гостя пришли. Один из них будто паш парень пришел.

— Эй! Нынче был разговор. Брат мой говорил, когда сети глядел: «Шибко ворует мой парень». На три чума только один парень у нас. Пойду сам посмотрю. Ну, сидите, сидите, ребята, может быть, рыба попадет. Покормлю вас.

Потом ушел слепой старик. Оу! Недолго ходил и пришел. Оу! Две половинки людей принес, совсем без мяса, одни кости. Говорит старик:

— Эй! Этот талан вчерашнего еще хуже. Два дня едим такую еду. Такую еду есть стану, долго жить не буду, скоро помру. Ну, сын моего брата! Ты что-нибудь не наделал опять?

— Для чего твоего брата живот кто-нибудь будет брать? Ты из живота своего брата что-нибудь имеешь?

— Так-то так, все время отец твой говорит: один ты у нас сын, и то совершенный вор⁵⁴. Хоть и попадетя, да все равно ничего не скажет. Это вот с тобой какой-то новый парень пришел, однако, у этого парня ум не такой, как у тебя, хороший. Пусть он скажет.

— Эй! Старик! Что много говорить стану? Три заструги панили, трех заструг края ломали. Из этих заструг, из сделанных дыр, вода ушла, песец ушел, всякий промысел ушел,— заблудившийся юрак говорит.

Ну, это услышав, бакари и малицу быстро одел старик и на улицу ушел, сказав:

— Подождите! Нас ожидайте.

Теперь он ушел, те двое ждут его. Вот эта пора, вечер настал. Оу! Старик пришел:

— Оу! Ну, пока тебя показывать не будем, есть пока не будем. Одного бы хоть сига упустили, обоих бы вас съели.

Потом оба парня на улицу ушли. Никакой воды опять нет, никаких следов зверей опять нет.

— Ну, нынче-то хоть живые будем — и то хорошо.

К сетям пошли, три худенькие рыбы принесли. Ну, так и легли спать. Несколько дней живут, три дня живут, едят только эти три худенькие рыбы. Потом говорит парень в белом соусе:

— Пойдем на улицу.

Ушли на улицу.

— Чего напрасно будем на улице дожидаться? Будем оленей собирать. У нас есть оленей табун,— парешь в белом сокуе говорит.

Ну, пошли они оба к оленям. Пришли к месту, где река на три разветвляется. Теперь тот человек в белом сокуе ревет во все горло: «Эхэ-хэй! Эхэ-хэй!» Оленей собирает. Табун со всех сторон земли идет. Всякие, всякие олени к двум этим людям близко идут. Спереди три быка пришли. Один из этих быков одну веревку тащит. Но не по земле волочится эта веревка, а прямо вверх стоит. Вся в сучьях эта веревка.

— Оу! Друг! Это какие олени? — заблудившийся юрак говорит.

— Это моих отцов олени.

— Это что за веревка вся в сучьях?

— Это такая хорошая веревка, по которой шайтаны приходят, шаманы приходят, покупают еду у этих богов, что-нибудь вкусное привизывают к этой веревке в подарок. Это не сучья. Это все шайтаны с шаманами привязаны.

У идущих за этим быком двух быков тоже по одной веревке. Одна тоже вся в сучьях, другая гладкая, без узлов, по земле тащится.

— Это какие веревки опять?

— Это одна среднего брата веревка. Это, которая кверху ушла, веревка. По этой веревке шаманы, идя за шайтанами, вверх идут. За эти узлы хватаются, поэтому эти узлы стали. Эта веревка пазывается талала веревка⁵⁵.

— Ну, так. А эта, другая веревка-то какая?

— Это какая веревка? Мертвецам дорогу-то кто сделает? Вниз по ней спускаются мертвецы, чтобы не заблудиться.

После этих оленей пришел один очень молодой олень, тоже с веревкой. Человек в белом сокуе говорит:

— Это мой олень. За ним шаманы и шайтаны следуют сюда, идя ко мне. Какой олень пугается, такого не надо, его оставить надо.

Потом говорит человек в белом сокуе:

— Слушай! Я что-то слышу. Будто в стороне наших чумов пьяных людей голоса я слышу. Будто в один чум они собрались, в старшего брата чуме, и пьяные стали. Этот день моего отца, праздничный день⁵⁶.

Теперь повернули они к чумам. Пришли в свой чум. Человек в белом сокуе говорит:

— Эй, парень! Мы все равно умрем, наверное. Перед смертью жирного бангая убей.

Юрак-парень вышел и жирного бангая убил. Человек в белом сокуе говорит:

— Сестра⁵⁷! Ну, хорошее мясо вари.

Девка мясо все в котел положила, сварила. Сидят они все трое в чуме. Пьяные боги там, в другом чуме, гуляют. Человек и белом сокуе говорит:

— Ну, сестра! Я мясо не хочу. С отцом вино пить хочу. Вы хорошенько ешьте. Жир ешьте, костный мозг ешьте. Есть когда перестаете, ты, сестра, пайди место, куда этого юрака спрятать.

Сестра говорит:

— Ну ладно.

— Так, спрятав его, вы потом муж и жена будете. Над вами меня больше кто хозяйит?

Сказал это человек в белом сокуе, ничего есть не стал и убежал в другой чум. Ну, юрак-парень с девкой едят, всякое хорошее мясо и жир едят. Потом девка прислушалась и говорит:

— Муж! Что-то я слышу. Ты говорил, что твой товарищ — хороший человек. Твой товарищ — тоже не человек. Этот твой товарищ, слушай меня, шайтанов отец — койка-дясы, шаманов отец — шгоды-дясы. Он на тебя сказывает, говорит, что это ты все три насторожки земли сломал. Я слышу, как он говорит отцу: «В чем я виноват, по-твоему? Этот заблудившийся человек чего здесь дожидает? Это он сюда напрасно пришел».

— Теперь мы что будем делать? — девка говорит. — Этот человек мне не брат. Я сама шаманов мать (шгоды-нямь). Я шаманам слово даю. Шайтанов тоже я мать. Как человек шайтана делает, это я ему показываю, как делать.

Потом вечер стал. Девка говорит юраку:

— Ты мастер санки делать?

— Мастер.

— Ну, раз мастер, то слушай. Мы неделю будем так одни сидеть. За неделю ты четыре парты сделаешь?

— Сделаю.

— Ну, лес есть, не надо искать, делай. Пьяных четырех дядей⁵⁸ не бойся. Ты себе работай, хорошенько дерево строгай. Они не будут говорить, что тебя есть надо. Они не скоро перестают. Целую неделю будут пить вино.

После этого юрак за четыре дня четыре санки все закончил. Ну, потом как будто слышно стало, что те четверо нить перестать хотят. Девка говорит мужу:

— Ну иди сюда.

Юрак зашел в чум. В одном чумовом шесте сук был. Девка его вытащила, в дыру мужа спрятала и опять сук на место положила. Ничего не стало видно. Говорит девка:

— Когда придут сюда, теперь тебя не найдут. Средний брат — шаман. Он тебя искать стапет. Ну, когда они шаманить станут, я тебе скажу. От тебя близко сидет человек в белом сокуе, чума хозяин, но шаманить будет только средний старик, будет тебя искать.

Как только она так сказала, пришел тот, в белом сокуе:

— Ну, сестра! Тот юрак-то где? Я есть его буду.

— Ну, ты бог, ты его и ищи.

— Ну и что? Все равно найду.

Искал у сестры в поздрах. Залез ей в горло и из заднего прохода вылез.

— Оу, сестра! Куда его положила?

— Ну, то-то и есть, нашел? Ну ищи, ищи!

— Не могу найти, пусть шаман найдет.

Вот стали шаманить. Шаман, как пороз-олень, оделся. Шаманил и только ударил он в первый раз в свой бубен, девка говорит:

— Юрак от меня близко сидит.

Вытащила девка сук из шеста, юрака показала и говорит:

— Вы говорите, что та земля поганая, та земля поганая. Поганой земли кровь-то как будете есть? Вы три отца, все вы боги, отцы. Кроме вас еще боги есть. Они вам скажут: «Почему поганую кровь ели на этой чистой земле?»

Ударил шаман в свой бубен и лег. Всю парку взорвал на себе шаман. Потом бубен унес на улицу, ничего не говорит. Потом пришел и лег в одеяло со своей старухой. Другие два старика со своими старухами в свои чумы пошли и легли спать. Парень в белом сокуе тоже лег и заснул. Девка говорит мужу:

— Ну что сидишь? Четыре быка-то поймай. У которых веревки привязаны, быков всех поймай и запрягай. Я отцов оленей всех запрягать буду.

Теперь поехали домой. По берегу реки, между тремя сопками, поехали. Три маленькие сопки найдя, увидели на них три двери. В эти двери заглянули. Всякий промысел — волки, песцы, черные песцы, всякого промысла тут полно. Все четыре санки всяким добром наполнили.

Ну, четыре санки наполнили. Муж говорит:

— Я эту землю, однако, не знаю. Ты знаешь?

Жена говорит:

— Как знать не буду? Тебе эта земля чужая, а я ее знаю.

Теперь пошли. Девка эта на отца олене едет. Ну, сколько-то времени, целый год, едут. Теперь баба говорит:

— Моим глазам тесно стало. Будто эту землю я не знаю.

Муж говорит:

— Будто мне земля знакомая стала.

После этого, дойдя до знакомой земли, муж впереди стал ехать. Потом дошли до крайних людей. Три чума увидели, там далеко. Ну, баба-то говорит:

— Ты сразу там не говори, какое у тебя имущество есть. Присоединяться к этим чумам пока не надо. Сами-то они по одному пусть в гости к нам ездят. Ты же к ним в гости часто езди.

Теперь стали приезжать к ним в гости эти люди, юраки. Сразу все не приезжают. Один-два дня пройдет, и юрак к ним съездит в гости. Оттуда потом опять человек придет. Как-то старик приехал, с виду добрый человек, еще не очень старый. Говорит он:

— Эй, парень! У тебя какое имущество есть?

— Есть у меня кое-что, есть.

— Олени у тебя паши, одежда не наша.

«Это, однако, старик — добрый человек», — подумал юрак и говорит:

— Я не из хорошей земли пришел. Вот бабу оттуда принес, четыре быка прилес. Эти четыре быка к другим оленям не хотят идти, только около чума мох выкапывают и выкапывают.

Узнав этого старика, юрак на песцов и волков десять еще оленей выменял. Целый год тут живут, вместе с бабой своей. Другого года осень стала. Осень стала, да как-то ревёт его баба:

— Муж, иди сюда! Когда мы уехали, отцы, напившись вина, снали. Теперь они подниматься начинают. Вставать стали и оленей своих зовут. Поймай наших четырех быков скорей.

Вот юрак четырех быков поймал и говорит бабе:

— Ну держи!

Ну, держит она их, держит и говорит:

— Тех десять оленей тоже всех поймай и держи. Не отпусти их вслед за моими оленями, если я их не удержу. Смотри, ни одного не упусти.

Оу! Как-то баба эта шибко заревела:

— Моя сила-то вся кончилась. Эти олени шибко рвутся. Так рвутся, что не могу их удерживать.

Выпустила четырех быков.

— Эти выменянные олени какими бегунами стали!

Это муж-то тоже ревет. Вот четыре быка побежали. За четырьмя быками еще пять оленей выпустил муж. Пять оленей насилу удержал.

— Эй! Как так ты не мастер оленей ловить, мука! Этих оленей ты бы не выпустил, этой земли люди кругом по всей земле добром жили бы. Ну, нынче-то ты половину оленей упустил, теперь половина людей шибко бедной будет. Ну, сколько раз по ревел бы, все равно не придут. Пусть пойдут.

А баба-то брюхата стала. Баба теперь дочь родила. Вот эта девка на погах стала ходить, большевка стала. Теперь баба говорит:

— Ну, муж, теперь из земли моих отцов опять ревут. Не отец ревет, а тот, кто тебе сперва товарищ-то был, Сирота-бог (Дейба-пгуо).

Вот он-то ревет, говорит:

— Сестра! Иди сюда. Слишком долго на погакой земле живешь. Ты придешь сюда, все равно на поганой земле теперь твоя дочь останется. Она все равно такая же, как и ты, будет.

Потом, когда дочь стала большой девкой, ее мать, юракарнария жена, стала хворать, стала близка к смерти. Говорит она мужу:

— Я нынче помирать стану. На вершине самой большой сопки положи меня.

Ну, как это опа сказала, и умерла. Померла, и потом три года прошло. Дочь ее совсем взрослой бабой стала. Стала взрослой бабой и шаманом стала. Говорит отцу:

— Отец! Я шаманом стала. Погапой земли шаманов я гораздо больше. Когда человек хворать будет, пусть только мою рукавицу унесут к нему, и он поправится.

Теперь эта девка шибко большой шаман стала. Бубец, всю шаманскую одежду ей сделали. Придет тяжело большой человек, унесет ее рукавицу. Унесет ее рукавицу, к большому месту положит и сразу поправится.

Теперь этот юрак богатый стал. Другую жену потом взял. А девка остается девкой.

— Мужа не надо мне, — говорит.

Теперь так жить стали, самыми крепкими стали. Сказки-то копец-то тут.

[Дополнение рассказчика:]

Девка, шаманов мать, — она наш бог. Те три волосатых ста-

рика — боги. Сирота-бог — наш бог. Он шамапов даст в нашу сторону, талан дает, ворует его у волосатых богов. Он дает такие промыслы и души людей. Сирота-бог и шайтанов отец, а девушка — шайтанов мать. Имена волосатых богов: слепого — Сеймиачу-нгуо (Безглазый бог), среднего — Нилымы — Комушто-нгуо (Жизнь держащий бог); он же Промыслы дающий бог. Третьего имени не знаю.

21. Происхождение идолов

Кыхэ-лу (Куропашечья парка) живет один своим чумом. Говорит:

— Живой-то я живой, да напрасно мучаюсь, одиноко живя. Лучше сам себя убью.

Воткнул около костра в чуме пешню острием вверх. Вышел на улицу и залез на чум. Оттуда в трубу прыгнул на пешню. Между ребрами попала пешня и насквозь прошла. Но хоть проколот он, душа все-таки не отходит. Вытащим из себя пешню:

— Напрасно не умираю.

Оставил Кыхэ-лу свой чум и пошел пешком. Ушел так и пошел один чум. Тоже маленький чум. Около него лежит много мяса и рогов диких. В этот чум зашел Кыхэ-лу. В нем одну женщину нашел. Сидит эта женщина и обдирает камос с ног дикого. Сел Кыхэ-лу близ нее и говорит:

— Сестра, давай есть. Я голоден.

Говорит женщина:

— Уй! Почему огонь-то потрескивает?

Отвечает Кыхэ-лу:

— Я не огонь. Есть-то давай.

Женщина все время на огонь смотрит и говорит:

— Почему огонь трещит?

Приготовила себе женщина пищу и чай. Кыхэ-лу ее пищу ест и чай пьет. Говорит женщина:

— Эй! Чай у меня куда девался? Кто его взял?

Спрятала чашки. Вечером мужчина пришел с промысла. Диких добывал. Сел мужчина на свое место. Говорит ему Кыхэ-лу:

— Сколько диких добыл?

— Почему это огонь трещит? — говорит мужчина.

— Я не огонь. Сколько диких добыл?

— У! Почему огонь трещит? — говорит мужчина.

Женщина говорит:

— Я днем что-то видела. Однако, дьявол пришел.

Вечер стал. Легли спать. Кыхэ-лу тоже спать собрался. Залез к мужу и жене в одеяло. У мужчины жену отнял. Потом говорит этому человеку:

— Твою жену я взял.

— Ищи мне жепу теперь.

— Я тебе искать буду.

— Не знаю наверное, но говорят, очень далеко есть семь кунко. У них поищи.

Кыхэ-лу пошел. Два чума нашел. В один снизу под дверь заглянул. Видит: три человека сидят. Носы у них очень большие. Кыхэ-лу с улицы говорит:

— Девку-то давайте, три кункуда.

Говорят те:

— Огонь почему у нас трещит?

Самый старший кунко говорит:

— В нашем парде так делается в таких случаях. Отправляют девку в пустую землю.

Мать кунко обед готовит и говорит:

— Если мы девку отправим в пустую землю и она умрет там, то кто меня хранить будет?

Легла старуха и умерла. После ее смерти три кункуда отправили свою девку в пустую землю. Кыхэ-лу к этой девке на аргиш сел. Далеко с пей уехав, увел ее к своему товарищу. Кунко-девка говорит дорогой:

— Почему мои олени быстро пошли?

Приведя аргиш к чуму, положил Кыхэ-лу девку к мужчине и говорит ему:

— Ну, теперь я тебе жену привез.

Общий чум сделали. Кыхэ-лу с женой этого человека спит, игапасан — с кунко-девушкой.

Как-то диких промыслять ушли: один — в одну сторону, другой — в другую. Кыхэ-лу, один так уйдя, сигэ нашел. Рот открыл сигэ, и ушел Кыхэ-лу целиком в него. В рот попав, в горло ушел Кыхэ-лу. Говорит Кыхэ-лу:

— Каких-то деревьев ломаных много я здесь нашел. Почему внутри брюха сигэ плохо так пахнет? Я выйду из него, разрезав брюхо.

Сигэ говорит:

— Почему у меня в брюхе колет?

Стоял сигэ, упал и умер. Кыхэ-лу с пожом в руке из брюха вышел и говорит:

— Шкуру-то сдеру.

Содрал с сигэ кожу вместе с погтями. К чуму вернувшись, санку сделал Кыхэ-лу и положил кожу сигэ в эту санку. На-завтра Кыхэ-лу опять ушел за дикими. Другой мужчина остался в чуме и говорит:

— Что он вовнутрь санки положил?

Посмотрел.

— Это что? Человека, что ли, кожа?

Надел он сигэ кожу на себя. Как он одел кожу, все его тело испортилось, и здесь около санки он умер. Однако, его съела кожа сигэ.

Кыхэ-лу пришел. Посмотрел на товарища.

— Однако, он мне не верил.

Что-то сделал с ним, починил, и опять стал человек жив. На другой день оба в чуме лежали. Кыхэ-лу говорит:

— Я шайтаном буду. Деревянные шайтаны бывают. Я отец деревянных шайтанов.

Перестал говорить и превратился в деревянного шайтана. Жена Кыхэ-лу говорит:

— Ты теперь деревянных шайтанов отец. Я их матерью буду.

Теперь мужчина, нап человек, говорит:

— Я теперь каменных шайтанов отец буду.

Кунко-девка говорит:

— Я каменных шайтанов мать буду.

Тут три кунко пришли сюда в гости. Нашли пустой чум и пернулись все обратно к себе.

22. В земле мертвецов

Были два старика. Жили в одном чуме. Оба старика — одного человека сыновья. Два старика — оба шаманы. Два бубна-то есть у них, две парки-то есть, шаманские парки.

Большой старик говорит:

— Шибко голодный я стал. Дикого искал — нету, куропатку искал — мало-мало есть. Куропаток искать надо идти.

Ушли два старика куропаток промышлять.

Теперь так ушли и целый день ходили два старика, искали

куропаток. Одной-то куропатки не добыли. Прошла середина дня, старший брат говорит:

— Видно, не добудем мы ничего, надо домой воротиться.

Повернули старики домой. Старший брат все время впереди идет.

Шли они так, шли — ночь настала. Век не могут чума пай-ти. Закружали. Говорят между собой старики: «Как теперь жи-вы будем? Закружали мы!»

У обоих стариков дьяволы шамауские есть — вараги. Заре-вели братья теперь своим вараги:

— Мы кружали!

Услышали они, как прокричали ответ вараги:

— Как кружали? В эту сторону есть чум!

Старший брат воскликнул:

— Так говорят вараги, в этой стороне есть чум. Путь так будет. Пойдем в ту сторону, куда вараги посылают!

Пошли они в эту сторону, но ничего-то не нашли.

— Эй, вараги! — закричали старики. — Посмеялись вы над нами, ничего мы не нашли!

Но потерялись вараги, не смогли дозваться их братья, и за-кружали они совсем.

Седьмой день настал. Где-то нашли старики высокое место. Тут они остановились.

— Устал я, — сказал младший брат. — Буду я здесь отдыхать и спать.

Старший брат ответил:

— Я очень голоден. Пойду куда-нибудь еды искать. Похожу, может быть, какие-нибудь волчьи объедки или еще что-нибудь найду.

Пошел старик. Дошел до какой-то маленькой реки. На этой реке увидел он большую, утоптанную, как лед, дорогу.

Воротился он к брату. Олени у них совсем замучились — упали.

— Ну пусть, — говорят. — На этом месте оставим.

Было у каждого запряжено по два оленя, всего четыре. Стар-ший брат говорит:

— Этих всех оленей надо убить.

На толстом конце хорея есть железное копьё. Этим копьём всех оленей закололи. Говорят:

— По этой дороге гонять надо.

Пошли пешком по дороге. С собой два хорея унесли. Целый день шли они по дороге. Вдали перед собой увидели низкое мес-

то. Оттуда виднелась вершина маленького чума. Пошли они к нему.

Стоял этот чум на самой дороге. Совсем маленький, шестовой чум. Рядом с чумом с другой стороны аргиш есть. Аргиш короткий, всего из нескольких санок. Все олени запряжены и привязаны. Все пояса и ляжки надеты на них, по привязаны и век стоят олени. Между полозьями одной санки стоит воткнутый хорей, так что аргиш, если бы и пошел, не мог бы пошевелиться с места.

Подожли старики к чуму, оставили перед ним свои хорей. Теперь зашли в чум.

В чуме сидела одна только женщина, одна девушка.

— Ну, два шамана-старика, чего искали, в эту землю пришла? — говорит девушка.

— Эй, мы кружали, оттого сюда пришли. Не можем чума найти, — сказали старики.

Тут заметили они, что рядом с девкой, не шевелясь, лежит какой-то человек, будто спит.

— Кружали мы да пришли сюда, — говорят старики. — Ушли мы сперва куропаток промысливать. Одной да куропатки не добыли за день. Что дальше будем делать, не знаем.

В это время спавший человек поднялся и сел.

— Ну, девка, — сказал дальше старший брат, — я голоден. Надо мне немного чего-нибудь сердце поправить, поесть.

— Эй! — отвечает девка. — У меня еды-то совсем почти не осталось. Есть в рукавице немного жира. Его есть будешь?

— Ну давай. Совсем я голоден, — сказал старик.

Достала тут девка из рукавицы немного жира. Совсем старший, протухший жир. Разделила его на две части и подала каждому старику.

Младший брат взял жир, зажал его в руке и говорит:

— Не знаю, мой старший брат будет ли есть этот жир?

Старший брат уже ест, глотает жир.

Младший брат скатал в руке жир в комок, что-то крикнул и раздавил жир в муку, но не съел его. Так сделав, говорит младший брат лежавшему человеку:

— Кто ты, молодой человек? Почему лежишь на земле?

Отвечает молодой человек:

— У этой девки отец там, в земле мертвых. Потом и сама девка сильно занемогла и пошла к нему. Я тоже шаман и погнался за ней. Шаманил и пришел сюда. Это край земли мертвых, куда эта девка пришла. Так я шаманил, хореем своим дер-

жу аргиш девки, чтобы не ушел дальше. Своих вараги послал, но дошли они лишь до середины дороги. Но мало от меня пособики, не хватит, однако, у меня силы. Помогите мне, старики! Может быть, как завтрашняя ночь придет, упусти я ее совсем в землю мертвых.

Два старика теперь говорят:

— Ну, как будем пособлять тебе? Свои души не могли сохранить. Чужому человеку как пособи́м?

За чумом прямо в тундру идет дорога утоптанная, гладкая, прямо как доска. Там чумов мертвецов много. Кто дойдет до той земли, душа-то только уж не вернется.

Старики говорят:

— Пусть так. Мы пойдем гостевать в землю мертвых людей. Эта девка со своим чумом пускай здесь остается. Когда мы вернемся из земли мертвых, тогда будем помогать и этому чуму. Ну, молодой шаман. Пойдем все трое дальше, в землю мертвых!

— Пожалуй, худо будет, если я дальше, в землю мертвых, пойду,— говорит молодой шаман.— Силы моих вараги не хватит дотуда.

— Ну, если у твоих вараги силы не хватает, то оставайся здесь. Только не упусти девку дальше в сторону тундры. Мы когда воротимся, одной силой тогда будем пособлять ей.

Теперь оба старика пошли, взяв с собой свои хорей, по большой дороге прямо в тундру. Так теперь ушли. День шли и увидели впереди себя много чумов. Это была земля всех умерших людей. Дыма-то здесь много, как туман стоит. Людей около чумов, как комара. Ну, теперь старики к чумам пришли.

В стороне от чумов, ближе к ним, один чум стоит. От чума сюда аргиш запряженный стоит. Совсем, совсем близко был этот чум от других чумов, чуть-чуть только не парился к ним.

Дойдя до этого чума, старики зашли в него. Свои хорей на улице оставили. Одна только девка сидела в чуме. Увидела она братьев и говорит:

— Что ищите вы, два старика шамана, в этой земле? Давно, когда я совсем маленькой была, обещали вы мне две железки⁵⁹ играть подарить. Не их ли вы принесли?

— Эй, девка, пичего-то мы не принесли, никаких у нас железок нет,— сказали старики.

Потом старший брат говорит:

— Ну, девка, я совсем голодный, нет ли у тебя какой-нибудь еды?

— Нет никакой у меня еды,— отвечает девка,— всю кон-

чила, только в рукавице немного давно взятого жиру есть, совсем гнилого.

Разделила она гнилой жир на две части, одну младшему брату подала, другую — старшему.

Взял младший брат жир, держит его в руке и говорит:

— Не знаю, мой старший брат будет ли есть этот жир?

Старший брат опять съел этот гнилой жир. Младший брат измял жир в руке, прокричал что-то и подбросил его вверх. Рассыпался опять жир, словно мука.

Когда крикнул старик и махнул рукой, испугалась девка и опрокинулась на спину. Не скоро потом встала и говорит:

— Как я испугалась, насилу жива осталась.

— Ты зачем в эту землю пришла, девка? — спросил младший брат.

— Как почему я пришла? Умерла да пришла сюда. Впереди, в чумище умерших людей, у меня мать есть и отец. Когда-нибудь, может быть завтра, придет сюда в мой чум за мною мой отец. Тогда я парюсь к нему.

Младший брат-наман говорит теперь старшему:

— Что же с этой бабой будем делать? Оставим так или что-нибудь сделаем для нее?

Старший брат отвечает:

— Свои бы души нам как-нибудь сохранить, а эту девку в этой земле оставим. Сами мы насилу живы.

— Эй, старший брат! Почему это ты как-то пеладно говорить? Я все-таки как-нибудь попробую сделать, испытаю пащу силу, — ответил младший брат и вышел из чума.

Взял свой хорей. Между байками задней саяки аргиша воткнул его и говорит:

— Я воткнул свой хорей, никуда не двинется этот аргин. Отец девки, если придет сюда и захочет аргинить, не будет теперь аргинить. С этого места, где я воткнул хорей, аргин не поповелится. Ну, пусть пока этот аргини здесь стоит, мы пойдем гостевать в те чумы.

Пришли старики туда, где стоит много чумов. Вошли в один большой чум и сидят в пем.

Теперь людей совсем много в чуме. Но ни один человек не смотрят на вих. Так, как будто и не видят, что кто-то пришел, не поднимают глаз.

Один человек, старик, был в этом чуме. Позади него одна девка сидела. Младший брат сел рядом с этой девкой.

Старший брат теперь говорит старику:

— Какой ты человек?

Старик ничего не ответил, даже не посмотрел на него. Только сказал этот старик, глядя на огонь:

— Пошто это огонь пыхая горит?

Старший брат теперь много говорил. Но умершие люди ни одного слова не слышат, только на огонь смотрят. Умерли они, перестали быть людьми, стали они дьяволами.

Ну, младший шаман тут говорит:

— Это какие люди? Совсем-то худые. На нас не глядят, нас не видят.

С девкой рядом сидит. Потянул девку за руку, девка закричала:

— Это пошто у меня рука заболела?

За волосы схватил младший шаман эту девку. Немного потянул за волосы. Теперь заревела эта девка:

— Это пошто у меня голова-то болит?

Теперь сильно занемогла эта девка. Целую ночь немогает.

Умерший старик теперь говорит:

— Это пошто моя девка немогает? Может быть, кто-нибудь придет? Может быть, бог придет? Тут у нас где-то шаман есть. Пусть моей девке пособляет этот шаман.

Один человек пошел за шаманом. Где-то нашел шамана тот человек. Через некоторое время пришел шаман. Пришел и бубен принес. У этого бубна только деревянный обод остался, кожи совсем нет.

Теперь стал мертвый шаман шаманить. Эй, шаман-то теперь говорит:

— Уже давно в этот чум боги вошли. Между людьми боги-то сидят. Ну, что говорить стану нашим двум гостям? Что возьмете за то, чтобы отпустить нашу девку?

Двум шаманам-старикам говорит:

— В чем будет нужда, то берите, только, пожалуйста, отпустите девку. Ну чего падо будет?

Младший брат тогда говорит:

— У отца немогапой девки есть здесь в чуме два шайтапа. Теперь у этих шайтанов крылья-то есть. Этих двух крылатых шайтанов и падо нам унести.

Мертвый шаман передал эти слова другим мертвецам.

Палкой ударил по ободу бубна мертвый старик да говорит:

— Пусть унесет. Ну, шаман, около твоей головы есть два крылатых шайтапа. Отдай их, чтобы дочь отпустили, чтобы по-собили.

Ну, теперь отдали двух шайтанов. Мертвый старик отдал. Мертвый шаман достал их за своей головой и отдал.

— Ну, пойдем, — сказали два старика шамана.

Как только взяли они шайтанов, стала немоганая мертвая девка опять здоровой.

Из чума вышли на улицу два старика. Около чума много, человек пятнадцать, людей ходят. Теперь двум старикам слышно, что говорят эти люди. Некоторые люди так говорят, что есть среди них, умерших людей, еще один шаман, очень большой мертвец-шаман. Завтра этот шаман шаманить будет, говорят. В сторону леса чум одной бабы есть, говорят. Об этой бабе-девке хочет шаманить тот большой шаман. Как перестанет шаманить этот шаман, говорят, сюда парится эта девка.

Ну, теперь младший старик говорит:

— Что делать теперь стану?

Два старика в том чуме почевали. Утро пришло. Младший брат говорит:

— Надо скорее идти, вернуться к нашим товарищам.

В самой середине чумов мертвецов большой чум есть. Из этого чума слышны удары бубна. Однако, начал шаманить тот, большой шаман.

— Ну, воротимся скорее!

Теперь быстро, бегом пошли по дороге. Теперь стало видно на дороге чум девки. Теперь тут младший брат говорит старшему брату:

— Ну, брат, стой, стой!

Теперь оглянулись в сторону чумов мертвых. Теперь так глядят и видят, что позади них вся земля ломается. Ломается сверху сама земля и в тундру вся уходит. Под землей исподу находящийся голый лед только остается, так уносит землю в тундру. Также яры исподу ломаются, когда уползает с них земля и остается один голый лед.

Младший старик закричал:

— Втыкай, мой брат, хорей в землю! Сильно втыкай! Если в землю так воткнешь хорей, может быть, хоть сломается земля, но останется на месте. Если сильно хорей не воткнем в землю, то впереди нас земля сломается и унесет в тундру той девки чум. Так унесет этой девки чум, и, однако, париться он будет к тем многим чумам мертвецов.

Тут старший брат воткнул хорей в землю. Так воткнул да держит хорей. Но даром держит. Земля совсем ломается. Воткнутый хорей совсем унал.

— Ну, бежим скорей,— младший брат говорит,— от твоего хорей никакой посылки нет.

Сильно побежали старики по дороге. Оглянулись — земля совсем ломается и уходит в тундру.

Теперь той девки к чуму насылу дошли два старика. Младший брат свой оставленный здесь хорей выдернул и воткнул его в землю между байками передней сапки. Только воткнул хорей, как перед санкой земля совсем сломалась и стала подвигаться в тундру. Но хорей теперь стоит, нисколько не шевелится. До этого места сломалась вся земля и ушла в тундру, но тут лежит, не шевелится. Девки чум, сапки только насылу не унесло.

Теперь младший брат-шаман говорит:

— Как с этим чумом будет? Все сапки аргиша поверну так, чтобы смотрели они в сторону леса.

Теперь повернул мало-помалу все санки аргиша передом к лесу. Теперь взял свой хорей. Теперь младший старик зашел в чум к девке и говорит:

— Эй, девка, я от мертвого старика принес два шайтана. Два крылатых шайтана принес. Одного шайтана я положу в первой в сторону солнца сапке. Другого оставлю в средней санке аргиша. Теперь оба шайтана в двух санках останутся. Эти сапки пусть в сторону солнца смотрят, пусть в тундру, в сторону мертвых людей, не глядят. Этот тундры стороны мертвый народ, может, придет к тебе в гости. Может быть, придут и скажут тебе: «Аргиши к нам». Ты, пожалуйста, речей мертвецов не слушай, моих слов не забывай. Когда-нибудь в будущем я тебя пойду искать и опять на эту землю приду. А теперь надо возвращаться в свой чум.

Теперь стали возвращаться. Пошли старики из земли мертвых пешком по большой дороге. Младший брат скорее идет, торопится. Дошли до чума посередине дороги к земле мертвых, где оставили молодого шамана. Воткнутый в землю между байками сапки хорей его еще стоит. Но когда оставляли хорей, смотрела ловчейка его в сторону солнца, а теперь в тундру она глядит. Однако, сила-то только у молодого шамана. Заплали оба старика шамана в чум.

Когда в чум заходили, девка сидела, а молодой шаман спал в переднем углу за очагом. Два старика в чум зашли, молодой шаман проснулся, сел и говорит:

— Ну, два старика! Теперь пришли?

— Ну, пришли!

— Ну, земли мертвых как, дошли или нет?

— Кое-как дошли. Вот так дошли. От многих чумов сюда один маленький чум пашли,— два старика говорят.— В этом чуме одну бабу нашли. Олени, лямки — все было готово далее идти. Сперва-то в тундру у ней санки глядели. Теперь мы их сюда поворотили, в сторону солнца санки таскали да оставили. В самой земле мертвых одного старика напали. Оттуда двух шайтанов принесли. Эти два шайтана той бабе в санки положили.

Молодой шаман теперь сказал:

— Два старика шамана, как же я-то теперь буду? У моих вараги не хватает силы. Силы не хватит-то, как теперь будет? Эту девку я, однако, в тундру унесу. Ну, два старика! Пожалуйста, пособиите мне. Если поможете, большой паем, что поде-лаешь, отдам.

— Эй,— большой старик говорит.— Ну, как мы пособиим? Еще в свой чум свои туши припесем ли? Однако, на простой земле наши туши спяют где-нибудь.

Младший брат говорит:

— Как-нибудь пособлять будем. Теперь видно будет. Может, как-нибудь нашей слабой силой что-то сделаем. Если тут у вараги силы не хватит, то как доспеешь? Пусть будет, как должно быть!

На улицу теперь ушел. Тот молодой шаман тоже на улицу ушел. Теперь тот младший брат говорит:

— Ну, парежь, хорей-то свой возьми. У этого хорея силы-то нет. Напрасно стоит.

Теперь младший старик все санки аргиша, одна за другой, повернул в сторону солнца. Потом набрал на земле щелок. Слово забор для неводьбы диких перед чумом и аргишем со стороны тундры сделал из них. Молодому шаману так сказал:

— Ну, я невод метал от санок в сторону тундры. Это невод я метал, и он не пустит в тундру этот чум. Ну а теперь, пожалуй, можно воротиться.

Теперь все три человека вместе вошли обратно по большой дороге. Тут теперь до своих оставленных санок дошли. Теперь, до санок дойдя, сказал старший брат:

— Ну, я устал, очень устал. Ну, ты, молодой человек, иди дальше в сторону леса по большой дороге. Мы с братом станем теперь немного спать на санках.

Теперь оба старика шамана под своими санками легли и снали. Теперь через какое-то время младший брат встал.

— Ну, брат! Пошто долго спал? Пойдем теперь в свои чумы.

Теперь их олепи все встали лыпче живыми, начали слег конать. Ну, пустую землю кругом оглядывают. От своего места они совсем близко, глазами чумы видно. Теперь на санках пошли в свои чумы.

Своих чумов дошли два старика. У каждого жена есть. Еще у двух стариков два сына есть. У одного сын женатый, у другого — парень. Опять по девке тоже у каждого.

Чума когда дошли, парень говорит отцу, младшему шаману:

— Ну, отец, что делал-то? Сколько уж дней прошло.

— Эй, кружал, век кружал, ничего не пашел, в простой земле кружал, век ширкал, ничего не видал! Бубен припеси в чум, я шаманить буду.

Теперь стал шаманить младший старик. Шаманил да перестал. Шаманить перестал и почь спал. Теперь утро стало, пришло время вставать. Встали, и старший брат говорит:

— У меня голова сильно болит.

Эй, в тот день сильно ревел старший брат. Попросил младшего старика:

— Ну, мой брат, пожалуйста, пособи мне! Пошамань!

Младший брат тут говорит:

— Я даром буду шаманить, да никакой помощи не будет. У вараги силы-то не хватит. Напрасно понито шаманить? Силы-то не хватит.

Теперь пришел вечер, и старший брат умер. Младший брат тут говорит:

— Мой брат оттого умер, что ел жир у мертвецов. Шаманить тут напрасно, помощи не будет. Шибко уж гнила еда мертвецов.

Теперь ледовку-то сделали да аргишили. На ледовке брата разделился старик с племянником и аргишил. Один аргиш сделал, остановился и почью спал. У! Один человек пришел почью к нему и говорит старику:

— Я тебя искал, потому и пришел.

— Ну, что надо?

— У меня девка целый год хворает. Один молодой шаман шаманил, по помощи мало, век по-старому хворает. Здоровой не хочет стать. Немогае, да только.

Упес шамана этот человек в свой чум. Теперь того чума дошли. Один чум. Это тот чум, около которого шаман невод делал из щепок.

Ну, в чум зашел. Бубен, парку в чуме положил около немогаей. Девка теперь уж век лежит. Мяса на костях совсем нет.

Одна только кожа осталась. Молодой шаман тоже тут. Молодой шаман говорит:

— Устал я! Пожалуйста, помоги мне старик.

Ну, теперь-то старик шаманил. С немощной помочь руками снял, сразу дородной девка стала и осталась живой. Упесли шамана обратно в его чум. Чума дошел старик и говорит:

— Теперь я, однако, три дня буду шаманить в своем чуме.

Три дня шаманил в своем чуме. Три дня шаманил и перестал. Теперь двух быков запряг старик. В простую тундру ушел. В простой тундре один аргиш нашел. Все олени этого аргиша на земле лежат, все запряжены. Человек там есть, сам закрыт, на санку положен.

Этот аргиш той девки, которую видел шаман на краю земли мертвых.

Убитые олени тут в ляжках все лежат. Стал толкать их шаман в зад рукой. Так их толкал, и испугались лежащие олени, и стали па все четыре ноги. Теперь все олени живыми стали. Взял передового за вожжу и потянул вперед. Пошел аргиш. Только сам мертвец лежит еще завязанный на своей санке.

Привязал вожжу от передового к своей санке и поехал к себе домой. Теперь чума дошел.

Около своего чума поставил аргиш и стал смотреть в санках мертвеца.

В самой передней санке нашелся крылатый шайтан. В средней санке опять нашелся крылатый шайтан. Всего два шайтана. Теперь шаман-то сказал:

— Ближе от нашего чума в тундре я мертвое тело нашел. Когда-то оставил я двух шайтанов в одном аргише в земле мертвых. Этих двух шайтанов я теперь в этом аргише нашел. Тот это аргиш, который близко стоял от мертвого народа. Однако, этот самый.

Ну, теперь старик все покрывки и одежду с мертвеца снял и стал руками его растирать. Тер шаман тушу, и живой она стала. Мертвец живой стал.

Тогда старик сказал:

— Садись вместе с моим парнем.

После этого стал жить старик шаман с женатым сыном.

Теперь-то вести этой конец.

Старик этот был Костеркин, Нгамтусо.

23. Воскрешение девушки

Жил старик шаман Порбин. С ним в одном чуме жила старуха вдова, тоже Порбина. У старухи было два сына. Один уже большой парень, промышленник, другой маленький. Старуха была совсем бедная. Было у нее только три быка и две важенки.

Аргишили они все из тундры к краю леса. Старик с парнем поехали искать диких. Вдруг старик говорит:

— Смотри-ка, вон дикие!

Парень смотрит, смотрит — ничего не видит. Старик слезает с санки, берет лук и с машиком начинает подкрадываться. Впереди видны только деревья. Парень смотрит и не видит диких. Видит только, что среди деревьев стоит ледовка, закрытая бревнами, вроде чума.

Старик подкрался к самой ледовке и пустил стрелу в вершину табора. Затем кинулся к ледовке, стал раскидывать бревна и кричит, что добыл дикого. Сбросил все стволы, стал поднимать тело с санки и кричит:

— Эй, парень! Помоги взять дикого!

Парень испугался, подумал, что старик сошел с ума, и уехал домой.

Через некоторое время старик подъезжает к чуму, а поперек санки везет завернутого в материю покойника. Открыл он двери чума и сует в него покойника.

— Эй, старуха, возьми-ка дикого!

Старуха боится и кричит:

— Какой это дикий!?

Тогда старик сам затаскивает покойника в чум и кладет его у задней стенки за костром.

Смотрит старуха на матерью, в которую зашит мертвец, и узнает, что это умершая дочь старика.

— Эй! Ты для чего ее принес сюда?

— Шаманить буду, — говорит старик. — Хочу сделать девушку живой. Ну ты, парень, давай мне шаманскую парку и бубен!

Парень принес шаманскую парку и бубен.

— Ну теперь поезжай! Тут близко есть молодой шаман. Пусть он придет шаманить. Может быть, у меня одного силы не хватит.

Парень поехал к соседям и привез того молодого шамана Турдагина.

Когда молодой шаман приехал, чум старика уже был полон гостей. А сам старик лежал на полу, головой в сторону тундры, потому что ушел уже он в нижнюю землю.

Молодой шаман тоже стал шаманить и тоже пошел в нижнюю землю. Сильно дышит, головой мотает, словно олень бежит. Всегда так шаман подражает оленю, когда идет в нижнюю землю. Потом молодой шаман лег рядом со стариком и стал тихонько говорить, что он там видит. Один человек из гостей сел у его головы, слушает и передает его слова другим людям. Молодой шаман говорит:

«Пришел я в нижнюю землю. Большая, очень быстрая река сейчас передо мной. Старик шаман стоит перед этой рекой на берегу, не может через нее перейти. Я бросился в воду и перешел на другую сторону реки. Кричит теперь мне старик с другого берега:

— Эй, вернись обратно! Вместе пойдем дальше в нижнюю землю.

Вернулся я обратно к нему и говорю:

— Ну, пойдем вместе через эту большую воду.

Вошел старик в реку, но не удержали его вараги над водой, и пасилу он вылез обратно. Теперь он говорит мне:

— Иди ты дальше один, не хватает у меня силы. Буду я теперь здесь дожидаться.

Опять перехожу я большую реку. Вижу, чум стоит за рекой на берегу. Вошел я в этот чум, в нем старик живет. Совсем черное лицо у него. Говорит мне этот старик:

— Эй, друг! Совсем голодный я сижу, пособи-ка мне!

Я говорю ему:

— Мечи пущальню в реку.

Метал старик пущальню. Полную ее вытащил рыбы и говорит мне:

— Ну, спасибо. Пойдешь обратно, я тебе подарок дам.

Теперь дальше ушел. Опять нахожу чум, а в нем старика. Также голодный сидит. Также помог я ему поймать рыбы. Обещает он мне подарок дать. Дальше я иду. Слышу, сдет кто-то. Вижу, человек едет на санке. Два оленя запряжено у него — бык и важенка. Лица нет у этого человека. Только белое пятно вместо него. Говорит мне человек:

— Эй, стой! Кто ты такой?

— Я шаман. Ищу одну девуку!

— Эхэ! А я тебя знаю. Когда я жив был, от меня недалеко жил один молодой шаман. Я ведь отец тех двух парней, кото-

рые вместе с матерью живут в чуме старика шамана. Как они живут сейчас?

— Худо живут. Только три быка у них осталось и две важенки.

— Ну ладно! Когда ты пойдешь обратно, дам я тебе оленей, уведи ты их им.

Теперь опять дальше иду. Вижу перед собой много чумов. Захожу в крайний чум. Одна девка сидит в крайнем чуме. Сажу я с пей в чуме и вижу: стоит здесь ящик. Открываю я этот ящик. Пять сердец лежат в нем. Четыре из них совсем черных. Одно наполовину еще белое. Я думаю, что это сердце дочери старика. Положил я это сердце себе в карман. (Все гости увидели, что положил что-то лежащий шаман себе в карман.) Теперь я иду обратно. Опять встречаю отца двух парней. Он дает мне двух оленей-телят — пороза и важенку. Я привязываю их к ремням на своей парке. (Видят гости, что завязывает шаман узлы на ремнях своей парки.) Теперь мертвый отец двух парней мне говорит:

— Эта важенка будет каждый год телиться двойней. Ее приплод тоже будет телиться все время двойней. Оттого скоро дети мои будут жить хорошо. Ты же всегда будешь бедным. Поэтому пусть они тебе каждый год дают пять оленей.

Теперь я опять иду. Пришел к второму старику, которому помог рыбу добыть:

— Ну, давай подарок!

— Готово! — отвечает старик и дает мне железку. (Все гости видят, как шаман что-то прячет на груди.) Опять я иду и прихожу к первому старику. Этот старик мне тоже дает железку. (Опять видят гости — прячет что-то шаман у себя на груди.) Теперь я снова перехожу большую реку».

Молодой шаман сказал это, поднялся и сел. Старик шаман уже давно перестал шаманить.

Молодой шаман спрашивает его:

— Ты почему не пошел дальше?

— Эй! Бистер на реке слишком силен, не мог его перейти!

Молодой шаман взял бубен и говорит:

— Разрежьте-ка матерью на покойнике.

Старик открыл труп. Молодой шаман стал шаманить. Шаманил и ударил колотушкой бубна об пол — пошевелила девка одной ногой. Другой раз ударил шаман колотушкой об пол — и другая нога пошевелилась у покойника. Еще ударил он — пошевелилась рука. И еще раз ударил он колотушкой об пол —

и вторая рука шевельнулась у покойника. Пять раз шаман ударил колотушкой об пол — девка подпрыгала и села. Только глаза остались у нее мутные. Дупул тогда ей шаман в лицо, и стало оно белым, а глаза светлыми. Встала она и присела к огню.

Теперь спросили гости шамана:

— А где твои олени?

Посмотрел шаман на свою парку, и все увидели, что к ее ремням привязаны два пучка шерсти — белый и красный. Отвязал шаман шерсть от парки и велел положить в санку.

— Ну, а где твои железки? — спросили гости.

Распахнул шаман парку, и видят все, что у него на груди сверху кусок железа, видом как солнце, висит, а пониже — другой, как мясцо.

Теперь говорит старик шаман молодому шаману:

— Сделал ты мою дочь живой, теперь бери ее в жепы вместо платы за шаманство.

— Ладно, — ответил молодой шаман.

У молодых сирот с этих пор стали тельиться важенки двойными. Стали они богатыми, и давали они молодому шаману по пяти оленей в год. С этих пор шаманы берут девок и оленей в уплату за шаманство.

24. Семь ледяных девушек

Был один старик шаман. Один парень у него. Говорит старик:

— Ну, сып, промышлять пойдем.

В лесу они живут. Осень. Ну, потом ушли они. Старик впереди едет. Потом вернулся назад и говорит:

— Ну, я там дикого оленя видел. Ты стой здесь, жди меня, сапки карауль.

Старик лук схватил и пошел. Парень смотрит. Дикий олень где? Кругом лес, в таком лесу какой дикий олень будет? Впереди ледовка видна, закрытая бревнами в виде чума⁶⁰.

Старик к ледовке крадется, из лука стреляет. Стрела в ледовку ушла. Старик побежал к ледовке и в ней скрылся. Потом выходит из ледовки и выносит мертвеца. Увидал парень мертвеца и испугался дяди⁶¹. Оставил его сапку и уехал. Приехал в чум. Говорит бабушке⁶²:

— Э! Почему дядя какой-то пеладный стал? Мертвеца схватил.

Вечером старик приехал, мертвеца привез. Это их дочь, недавно умершая. Говорит старухе⁶³:

— Ну давай бубен-то принеси в чум.

Оделся старик в шаманскую одежду и шаманит. Потом говорит:

— Эй, парень! Близ нас есть один маленький ребенок. Он шаман. Его привезите. Скажите ему, что дядя его скорее зовет.

Два парня уехали. Приехали в другой чум. Там маленький ребенок, только на ногах стал ходить. Перед отцом и матерью на доске чума играет. Играл, да хлопнула его мать по спине, он к матери под одеяло залез. Приехавшие чай пьют, говорят, зачем их послал шаман. Ребенок из-за спины высунулся и говорит:

— Ну, мать, я пойду, что ли?

Потянулся к уху отца:

— Ну, тятя, я пойду, что ли?

— Ну что поделаешь. Пойдешь, наверное. Если бы мы тебя пожалели бы послать, это перед богом был бы грех.

Мать и отец поехали и ребенка повезли. Приехали к тому чуму. Там старик лежит, шаманит. У! Ребенка-то внесли в соседний чум. Там много ребят играет. Он к ним пошел. Отец ребенка в чум к шаману пришел. Бубен, шаманскую одежду — все положили в чуме. Ну, ударили в бубен ребенка. Тут ребенок перестал играть и ушел в чум шамана. Съел только кусок мяса и стал одевать свою шаманскую одежду. Парка шаманская и бубен у него очень маленькие. Как большой шаман, прыгал и изгибался он. Потом перестал шаманить и рядом с дядей лег. Лежит ребенок и говорит:

«У дяди вараги много. Я по дядиной дороге ушел. Дядица дорога все равно дорога очень оленного человека, так много на пей следов его вараги. Дядя перед большой, как Енисей, ямой в земле остановился, и его вараги обратно пришли. Быстрое течение воды в этой яме его дальше не пускает. Дядицы вараги назад пришли. Это увидев, мои вараги и мне говорят:

— У нас силы перейти эту быстро текущую воду не хватит.

У! Старик назад ушел».

Старик назад ушел, ребенок за эту реку пошел. Перешел ребенок реку и отряхнулся, как олень. За водой старик со старухой живут в чуме. Говорят они:

— У! Вода брызнула на чум! Кто ее принес? Это ребенок-

шаман принес. Ну, заходи. У нас от долгой дороги силы нет совсем, мы совсем бессильные стали. О! Маленький ребенок-шаман, нам помоги. В землю мертвых как мы дойдем? Оленей совсем нет у нас. Силы вашей мало, пешком идти не можем.

— Ну, дядя, ждите меня здесь. Когда я вернусь, дам вам день. Я вам дорогу короткую сделаю.

— Ну, дорогу будешь хорошенько делать. Девки душу, однако, припесешь, когда вернешься, этим тоже день дашь.

Ребенок в землю мертвых пошел теперь. Нашел один чум на спине ледяного хребта.

— Что буду делать? Надо в нем что-нибудь найти.

В чуме внутри семь девок. Эти семь девок говорят:

— Наш друг придет. Мы его голову уберем, причесем.

Вошел ребенок-шаман в чум, с ним колдована его вараги. Девки ему голову убрали, причесали. Другие его вараги, которые на улице остались, говорят:

— Почему дал им голову убирать? Теперь они тебя не скоро отпустят.

Ребенок-шаман говорит:

— Вы там на улице, если хороший день будет, что-нибудь делайте.

Одна из девок на улицу вышла. Пришла и говорит:

— Дождь пошел. Все, что есть у нас на улице, все намокнет. Надо все принести в чум. Пусть гость сидит в чуме.

Все семь девок так говорят. На улице сильный дождь стал. Ну, потом все на улицу вышли. Одна у входа осталась, дверь держит.

— Как друга так оставим? Однако, убежит. Тогда не поймем. Нужно его караулить. Пусть двое его держат.

Две девки своего друга держат, пять ушло на улицу.

— Мои вараги так не уйдут. Что-нибудь будет делать!

На улице теперь ветер стал. Нюки все с чума сорвал. Говорят девки:

— Что поделаем? Надо выпустить шамана. Пусть он и уйдет, все равно поймем.

Все девки стали чум закрывать. В чуме стоит семь плешек⁶⁴. Закрывают они покрывками. В семи плешках семь сердец. Они прикрыты человеческой кожей. Шесть сердец мертвы, одно живое. Живое сердце взял ребенок-шаман и в карман положил.

Вместе со своими вараги на улицу вышел. Ну, теперь семь девок громко закричали:

— Эй! Если бы такая погода, такой дождь не пришел бы,

этого человека мы бы не упустили. Ну, что поделаешь. Когда домой придешь, что-нибудь у тебя случится.

Пошел, пошел ребенок-шаман. Ближе к реке пришел, к старику со старухой. Ударил перед чумом в бубен и старика со старухой напугал. Так напугал, что вскочили они и места своего пайти не могут.

Старик говорит:

— Спасибо, парень. Напугал ты нас, и теперь мы скоро дойдем. А ты, парень, домой придешь плохо. Отца и мать ты оставил напрасно.

Пришел ребенок-шаман обратно. Старик шаман уже давно шаманить перестал. Говорит ребенок-шаман:

— Я неладно сделал. Я теперь отца и мать потерял. Ну, давайте мертвца-девку!

Погладил он руками мертвую девку и говорит:

— Кук!

Мертвая девка зашевелилась. Тут теперь девка эта поправилась. Старик шаман говорит:

— Ну, парень! Ты неладно говоришь: отец уйдет, мать уйдет. Возьми увези мою дочь.

Мертвая девка совсем человеком стала. Волосы свои все пригладила, стала хорошей девкой. Запрягли ее аргиш, и ребенок-шаман увез ее. Как пришли в свой чум, отец его и мать его — оба умерли.

Отец и мать его оттого умерли — те семь ледяных девок их сердца похитили, пока он у них сидел. Другую душу спасая, он их потерял. Только в чум свой зашли они — тут и померли. Хоть маленький был этот ребенок-шаман, по взял жецу. Потом мужчиной будет.

[Дополнение рассказчика:]

Не сказка это, а старая жизнь. Старик шаман и ребенок-шаман — оба были авамскими самодеями. Этой земли (т. е. хантайских) шаманских сказок не знаю я.

25. Воскресший человек

Давно, до того как был Лотуранта князем, оспа была в авамской земле. Чумы с необрунными покойниками стояли в тундре. Некому было хоронить мертвецов.

В одном чуме остался в живых только один парень.

Уехал на санке на пиз, сам не зная куда. Захватил с собою только один шок. Несколько дней ехал парень. Не видал ни чумов, ни дорог от санок.

Как-то оглянулся назад и видит, что догоняет его пеший человек.

Остановил оленей парень и дождался этого человека. Подбежал к нему пеший человек. Смотрит на него парень и видит, что это его брат, умерший от оспы. Но не может узнать его. Половина лица у человека такая же, как у брата, другая половина съедена мышами, видно кости между мясом.

— Ты ли это, брат? — спросил парень.

— Да, я, — говорит человек.

— Но ты ведь умер, брат!

— Нет, — говорит человек, — я только спал. Пойдем дальше вместе.

Пошли дальше. Много дней шли. Умиравший брат все время пешком бежит, парень на санке едет.

Через много дней дошли братья до большой воды. Далеко в тундре, по ту сторону большой воды, видно чум. Но пет ни ветки, ни дерева на берегу, чтобы переправиться. И у братьев пет с собой ничего.

Говорит тогда умиравший брат:

— Делай чум из своего шока, будем ночевать. Ляжешь спать, брат, не вставай. Может быть, что-нибудь услышишь ночью — не выходи, а лежи с закрытыми глазами.

Сделали маленький чум братья и легли спать. Ночью проснулся парень. Слышится ему плеск воды, будто едет кто-то по озеру на ветке. Взглянул на своего умиравшего брата, тот не шевелится, будто спит.

Закрыв глаза парень и пролежал так всю ночь.

Утром поднялся умиравший брат и говорит:

— Выйди, брат, и посмотри, где тот чум, который мы видели за большой водой.

Вышел парень и видит: вода теперь не впереди по их пути, а позади. Подумал, что закружал. Обошел свой чум. Правда, в сторону тундры чум виднеется, но не за водой, а за большой лайдой.

Умиравший брат тоже вышел и смотрит на тот чум.

— Что-то, я вижу, около того чума стоит, будто облако. Наверное, плохо будет этому чуму.

Парень пошел в чужой чум узнать, что за люди живут, какие вести есть. Перешел лайду — зашел в чум. Видит: много

людей живет в чуме. Все здоровы, только одна девка насилу жива. Уже готовят для нее похоронную одежду, принесли ее в чум. Рассказал паренё, откуда он пришел, как догнал его умерший брат, и говорит:

— Боюсь я теперь своего брата. Говорит он мне, что не умираю, а только спал. Но лицо у него изъедено мышами. Теперь опять ночью так было. Стояла большая вода перед вашим чумом, велел мне брат спать и из чума не выходить, а за ночь вся вода ушла по другую сторону нашего чума.

Старик, хозяин чума, говорит:

— Однако, твой брат большой шаман. Вот у меня сейчас дочь умирает. Не поможет ли твой брат ей?

— Ладно,— сказал паренё.— Я скажу про это брату. Но не буду ему говорить как шаману, а расскажу просто так. По всему видно, что он не хочет, чтобы люди знали, кто он такой.

Сказал так паренё и вернулся в свой чум. Посидел и говорит брату:

— Надо и тебе сходить в гости. Неловко как-то, рядом люди живут, а ты не заходишь.

Умиравший брат будто и не слышал, что паренё сказал. Молча встал и пошел в гости. Зашел в чум. Видят все люди, что не простой человек пришел, половинны лица нет. Вошел в чум и сел у огня, будто ничего не видит.

Старик тут стал тихонько просить его помочь дочери.

Ничего не сказал умиравший человек, только пересел к девке. Прислонился к ней и так лежал целый день.

К вечеру он приподнялся. Девка пошевелила ногой. Опять прислонился к ней умиравший человек и так пролежал всю ночь. Утром девка села и сама надела свою парку. Еще день просидел умиравший человек с девкой, и стала она совсем здорова.

Говорит тогда старик:

— Скажи, что возьмешь в уплату. Хочешь, возьми дочь мою в жены.

Умиравший человек тогда сказал:

— Мне ничего не надо. Отдай свою девку моему брату. Будет она топить огонь в его чуме, будет варить ему еду, и я буду жить с ними, и буду в тепле, и буду иметь еду.

Так и сделал старик. Отдал девку за убежавшего от оспы парня. Паренё этот стал жить и ходить вместе с тестем.

Вместе с ними жил и ходил умиравший человек. Потом стал он самым большим шаманом. Был он из рода Чунанчера.

26. В голодный год

Это рассказал мне мой дедушка Дялтодуси Чуланчар. Он говорил, что якобы знал того шамана, о котором здесь рассказывается.

Жили два брата. Был голод тогда. Люди совершенно не находили себе пищу. Редко появлялись купцы. Давали еду лишь за песцов и за олени шкуры. Но у них ничего не было. У них всего было три оленя. Старший брат был шаман. Они были по фамилии Порбины.

Они совершенно голодовали. Целые дни ничего не ели. Ложкились и вставали голодными. Один из братьев, младший, заболел. Ну что же. Иногда находят одну куропатку, поймают ее, растеребят и внутри пахотят лишь белых червей. Ее совершенно пельзя есть.

Молодой парень заболел, и с каждым днем ему становилось все хуже и хуже. Теперь заболела жена старшего брата. Она заболела утром, сказала, что в сердце что-то колет. И под вечер она кончилась. Ну что ж. Похорошили ее и ушли, поддерживая друг друга, в далекий путь. Они идут, а младшему брату становится все хуже и хуже. Даже поднимать сам себя не стал. Что хотел делать, и под себя все делал. И старший брат не может его поднять, силы не стало. Наступила совершенная зима, примерно ноябрь.

Говорит младший брат старшему:

— Ну что же, брат. Наверное, мне конец. Наверное, умру. Если умру, то ты меня не трогай, оставь так и хоронить не хорони. Как лежу под одеялом, так и оставь. Сделай надо мной маленький чумик и подстилку обрежь, только оставь подо мной. Обрежь ее ножом. И так же под головой сделай, а лишнего ничего не оставляй. Теперь пойдешь куда хочешь. Может быть, кого-нибудь встретишь, может быть, с оленями будут эти люди. Оставайся с ними. Весною только подойдите ко мне ближе. Если они не согласятся с тобой поехать, то поезжай один, приезжай поближе к моему трупу.

Ну вот, кончил говорить, откинул голову и кончился. Вот тот человек, его старший брат, идет один, аргичит один. Во второй половине зимы пашел несколько людей — ходят самостоятельно, питаются мукой, купленной у купцов. Среди них он стал жить.

После этого весною он стал просить:

— Ну пойдите туда, где мой брат лежит.

Они не соглашаются идти.

— У нас путь другой, у нас вещи остались на реке, где диких промышляем. Мы пойдем туда.

— Ну,— он говорит,— если не хотите, то пойду один к своему младшему брату.

Ну, поймал утром своих трех оленей, взял свой чумик и пошел. Муки немного взял.

Идет, идет. Остановился на высоком месте.

— Видать моего братишки чумик. И повалился он па одну сторону. И торчат только концы шестов, и больше ничего не видать.

Расплакался он, отпустил оленей и сделал маленький чумик для себя, на одного человека. Печет лепешки. Испек несколько лепешек, поел и лег спать.

Спит и слышит, кто-то говорит на другой стороне чума:

— Ну что же, брат? Прийти-то пришел, а поесть у тебя неужели ничего нет? Хотя нет мяса, то вскипяти чаю или хоть водички.

Испугавшись, старший брат открыл оба глаза. Видит: на той стороне чума лежит старое, топкое одеяло и вроде как в нем спит человек.

Разжег огонь, печет лепешки. Смотрит на одеяло и узнает его. Вроде как знает это одеяло.

— Вроде как моего братишки одеяло, которого я оставил умершим.

Человек поднялся, открыл одеяло. Поднимается человек, братишка, который умер. Пока лежал он в течение зимы, не стало у него щеки на левой стороне лица, отгрызли мыши, пока он лежал. И еще он болен. Поднялся и говорит, что еще болен.

Ну, говорят:

— Пошли аргишить в тундру на летовку.

Идут. Дошли до хребтов. Говорит больной парень своему брату:

— Остановись, пусти оленей и делай чум. Если что-нибудь у тебя есть здесь, то поешь. И вот затем пойдешь куда-нибудь и, может быть, что-либо найдешь. Возьми мою правую рукавицу. Может быть, увидишь чумы живых людей. Поднимись на высокое место, но так, чтобы они не заметили, как ты подкрадываешься. Если увидишь чумы, стой на высоком месте и вынь рукавицу из кармана. И на самом конце рукавицы сделай дырочку и подуй в рукавицу через эту дырочку в сторону чума. И оттуда вернешься домой.

Ну вот, пошел старший брат. Ну, так и сделал. Нашел чумы

п, как было сказано, так и сделал. Обрато вернулсн. Младшнй брат его спрашнвает:

— Ну, что видел, что нашел?

— Ничего особенного не нашел. Видел, чумы стоят на берегу реки. Но у нас нет ветки. Как перейдем к ним? Однако, пронадем здесь.

— Ничего, брат, однако, не пронадем. Лови оленей, погрузи чум и пойдём.

Этот человек хоть и руководит, но из одеяла подняться не может.

Идут и пришли на берег реки, где те стоят. Те их не видят, они видят. Ну вот, говорит младшнй брат:

— Отпусти оленей своих и делай чум. Когда будешь делать чум, поставь его так, чтобы шесты его с этой стороны стояли прямо в воде. Сам ложись спать. Что бы ни услышал, не вставай, ни в коем случае не смотри.

Съел старшнй брат половину ленинки. Большой ничего не ест и не пьет. Потом лег старшнй брат спать. Уснул и потом проснулся.

— Что такое? Как будто мы плывем? И всякие звуки слышно, как будто кто-то гребет, меня качает и где-то куропатка кричит своим голосом.

И повернулся на другой бок, закрыл глаза и опять уснул. Потом слышит, как больной говорит:

— Ну, если есть поесть что-нибудь, то поднимайся, что долго спишь?

Испугавшись, вскочил старшнй брат. И сразу пошел к двери. Река, когда он лег спать, была по другую сторону чума. Теперь, оказывается, они перешли на эту сторону реки. Вот больной говорит:

— Сегодня к тебе придут гости. Они тебе скажут, что у них дочка заболела. Так заболела, что и руки поднять не может. Они спросят тебя, как ты перешел реку, у тебя ведь веток нет. Как же ты перешел? Еще скажут они: «У нас еще одежду не сушили, скоро аргншить не будем, идите к нам». Ты не соглашайся к ним идти. Пусть придут до трех раз.

Сказал это и уснул. Скоро приехали три санки. Остановились. Приехавшие люди говорят:

— Просто удивительно! Уй! Кумасы! Как они переехали реку? Нет веток! Как они приехали? Река широкая и глубокая.

Старшнй из приехавших заходит в чум и здорового брата ударил раза два между лопатками.

— Ну что же, браток! Я пришел за тобой. У меня заболела дочь. Может быть, чем-либо нам поможет. Она заболела день тому назад. Сейчас не пьет и не ест. И последнюю парку на нее пакинули, и лежит на ней.

— Ну что же, ребята, я же не шаман, я вам ничем не могу помочь.

Они приходят затем еще два раза. На третий раз больной человек говорит:

— Они тебе не падоели?

— Да, брат, падоели они мне. И платить не платят.

— Иди,— говорит,— с ними.

Они пошли. Доехали до чумов. В самом крайнем чуме собрался парод, и гремит в нем бубен. И он пришел и прямо идет к больной. Взял рукавицу своего брата, в которую дул, и этой рукавицей три раза обвел вокруг больной.

— Ну что, вот и вся моя помощь. Больше ничего не могу сделать.

— И то спасибо. Спасибо не за то, что ты ничего не помог, спасибо за то, что ты приехал.

Пока они разговаривали, больная поднялась. Как поднялась, она стала просить воды. Дали ей вареной воды. Она выпила пару глотков.

Ну вот, под вечер она стала сама подниматься. Утром она стала нормальным человеком. Она даже не чувствует — была ли она больной. Ее отец, старик, говорит:

— Ну что же, паренек! Счастье твое. Ты ей помог. Женись на ней.

Ну, он пошел домой, слова не сказал. Пришел к больному брату. Тот спрашивает:

— Ну что же, браток? Помог или нет?

— Да вроде как помог.

— А что ты помог?

— Да вот так, окружил кругом нее рукавицей. Она стала подниматься сама.

— А как ты думаешь: ты ей помог?

— Да, совершенно верно, я ей помог.

— Это же я виноват во всем. Помнишь, как ты с рукавицей ходил? Когда дунул сквозь рукавицу? Вот в этот момент я захватил воздух и вместо воздуха девушку схватил за грудь у сердца, за место, где стало болеть. От этого она заболела до смерти. Когда ты обводил рукавицей, я разжал руку и ее отпустил.

— Ну что же, ты будешь на пей жениться?

— Нет, брат, жениться не буду. Я ведь в том виповен, что умерла твоя жена, что тебе пришлось меня принести, мне помочь. Лучше вот ты, брат, жепись на ней.

И тот старший брат женился на этой девушке. Младший брат потом сказал:

— Ну, а шаманом буду я, а не он. Если не верите, я вам докажу.

Ему сделали бубен и всякие железки и костюм. Когда все сделали, он сказал:

— Бубен отнесите на ту сторону реки, повесьте там на палке и там оставьте.

Так и сделали.

Вот теперь он другой бубен взял, взял колотушку для бубна⁶⁵ и говорит:

— Если я буду шаманом, если я вырвался от разных болезней⁶⁶, от разных богов, когда я ударю в бубен три раза, то по третьему удару пусть мой бубен с той стороны реки войдет через трубу в чум. Ну вот,— спрашивает он народ,— тот бубен вы помните?

Три раза ударил в бубен. На третий раз потемнело в чуме, и прямо к нему упал бубен.

— Вот проверьте, он или не он?

Вот они проверили, и оказался это тот самый бубен. Теперь этот шаман так сказал:

— Ну вот, когда я заболел, я ходил ко всяким богам, дрался с богами, просил, чтобы люди были сыты и богаты. У этого самого голода, который нас мучил, у него свой бог есть. Отдал я жепу своего старшего брата ему, этому Хопи-нгуо. За питание в течение нескольких лет отдал, за диких оленей, за куропаток. И отдал ему еще свою левую щеку.

Ну вот, так он стал шаманом, и признали они, все эти люди, что он стал шаман. И здесь конец.

[Дополнение рассказчика:]

Коча (болезнь) и нгуо (бог) — это одно и то же.

27. Сырада-нямы

У Дюфадэ был младший брат Моку (горбун), или Ауда. Тоже шаман. Он шаманил над женой Номонтэ Порбипа.

Моку ходил под землю к семи Сырада. Под ними сырада-ма

(ледяной чум) напел. Там порог⁶⁷ есть, на нем старые следы копыт шайтанов и шаманов, которые перейти его не могли.

«Я вошел в дом. В сырада-ма на западной стороне одна седая старуха есть. Это Сырада-нямы, она же Моу-пямы. Без глаз. Старуха говорит:

— Чем это пахнет?

— Оу, это я пришел. Шаманы, шайтаны — все говорят обо мне: „Худой Моку, вот худой Моку пришел“.

Старуха говорит:

— Моку, у бубна вести я слыхала. Ну, что надо?

— Я потому пришел, что Дяптобу старик (отец Номонтэ) меня послал. У тебя Детей матери шапка есть⁶⁸, за ней я пришел.

— Есть, есть. У меня есть, но не пошлю ее. Нью-нямы баба седая когда стапет, с тех пор и эту шапку держать буду».

Это сказав, Ауда (Моку), как человек, сел. Потом Номонтэ жена все равно скоро умерла.

28. Отцы рыб и диких оленей

Два шамана, два брата из рода Линапчера, очень голодали. У одного из них семь детей и две жены, у другого — пять детей. Оленей только два пороза у них. Говорит старший брат-шаман своему старшему сыну:

— К моему брату иди. Мы шаманы-то шаманы, надо нам последнюю душу удержать. Так голодать будем, все мы умрем. Надо что-то попробовать.

Младший брат пришел к нему:

— Что будем делать? Так много ребят как помирать будут?

— Ты когда спать станешь, еду где-нибудь находишь? На твоей дороге еда есть?

Младший брат говорит:

— На моей дороге еды много.

Большой брат говорит:

— Наверху оленей мы много видим. А на земле еды не найдешь?

— Попробую, однако, найду.

— Я тоже попробовать что-то сделать хочу. Однако, одолею

тоже. Когда ты жизнь на земле найдешь, ты ей отец будешь. Потом узнаешь, когда дойдешь. А я туда вверх дойду, диких и домашних оленей отец буду. Ну, что будем делать? Одного да куска у нас нет. Ныпче кого будем есть? Иди домой, торопись, пока ребята не умерли. Я тоже торопиться буду.

Младший брат ушел. Большой брат говорит:

— Я старший, я первый пробовать буду. Ребята! Оленя-то поймайте.

Шесты чума в одну нарту положили. В пюк ребятишек, жен завернули. Одного своего оленя запряг. С обеих сторон колос пожом этого оленя. Из ран легкие вытащил, так что их видно стало с обоих боков оленя. Олень голову не опустил, все равно она у него поднята. Четыре поги крыльями стали. Вместе с оленем полетел вверх, санку за собой утащив.

Середины пути дошли. Старик закричал:

— Ну, вниз, на старое чумище-то, кто хочет? Олень вниз хочет!

Одна из его жен говорит:

— Я хочу.

— Ну скорее, а то олень упадет.

Старуха говорит:

— Вместе с тобой спали, да трех ребят я родила. На погачую землю тихонько меня спусти.

Жена со своими ребятами спустилась, так тихо спустилась, даже снег не помяла, и куда-то ушла. Старик с другой женой и четырьмя ребятами все время летит вверх.

У бога тамверху дыра есть. У этой дыры⁶⁹ остановился старик. Очень ясно солнце видно. Земля здесь очень красивая. Трава на пей железная.

— Ну, ребята, здесь, у этой дыры, стоять будем. Чум делайте, ищите еду.

Все ребята пошли. Убитого волками дикого оленя пашли, другой пашол затравленную куропатку, третий — зайца. Только рыбы нет.

Этот старик теперь жить здесь стал.

Слово теперь вниз ушло. Другой старик где?

Другой старик тоже оленя запряг. Ребят тоже в одну санку положил. Тоже оленю с боков две дыры сделал, так что легкие видны стали. Стоя около санки, говорит:

— Мохо, мохо, мохо! Мутада матаду! (Глина, глина, глина! Дорогу давай!)

И вместе с оленями и сыновьями ушел под землю — глина

дорогу давала. Там внизу семь земель. Средняя из них — лед. Через все семь земель прошел. Дошел моря. Здесь дров, плавленника много. Здесь чум сделал.

— Ну, ищите теперь. Может быть, что-нибудь есть.

Ребята кричат:

— У! У меня пропащий осетр⁷⁰ есть.

— У меня — перца⁷¹.

Теперь каждый день сеть метать стали. Рыбы очень много. Белуху⁷² и всякого разного морского зверя нашли. Ни в чем не нуждаются, в жире не нуждаются, всего много.

Старик в одеяле все время лежит. Говорит он:

— Ну, почему в чуме все время, ребята, лежите? Ходите по краю воды.

Ребята ушли на край воды. Что слышно? Вверх посмотрели. Сверху две санки приехали, два человека. У одного — пестрые олени, у другого — олени, санка — все черные.

— Ну, — говорят, — как живете?

— Нас не видите? наших оленей не видите? Едим много. А вы как?

— У нас тоже всего много.

— Отец ваш что говорит?

— Отец наш так говорит: «На ту голодную землю, на которой мы разделились, эту богатую жизнь надо подпять». А ваш отец что говорит?

— Наш отец говорит: «Надо жизнь, надо табуи оленей на ту среднюю землю уронить».

— Еще мы не все сказали. Болезнь есть на этой земле. Прямо не говори, как много здесь у моря болезней!

Так сказали и посмотрели на приехавших братьев. Те исчезли, болезни испугавшись. А они это напрасно сказали. Ничего они не болели. Пришли домой к отцу.

— Ну, что слышали? — старик говорит.

— Вот приходили два наших брата, — говорят.

— Что говорят они?

— Хотят на ту землю прийти, откуда мы разделились.

— И я туда думаю вернуться. Будем на оленях ездить, будем хорошо жить. Ну, еще что говорили?

— Мы пеладно говорили, что здесь болезней много. Они испугались и ушли.

Старик сыну палкой чуть голову не проломил.

— Так не говорил бы ты, на нашей средней земле хорошо бы жили, хорошо бы олени водились. Проклятые ребята, кто ве-

лел вам так говорить?! Еще когда мы па средней земле жили, ты меня не слушам. Ну ладно, теперь я с вами разделюсь. Я теперь всегда моря хозяином ⁷³ буду и отцом рыб ⁷⁴. А ты — бесптолковый бог будень, воров богом ⁷⁵ будешь.

А другой брат, который вверх ушел, стал отцом диких оленей ⁷⁶.

[Дополнение рассказчика:]

Это не сказка, это старых шаманов рассказ.

29. Невестка Моу-нямы

Один богатый Моррадэ был. Оленей у него в табуе очень много. Только девка, сестра, у него. Ребят ни одного нет. Наготово много так-то летом он диких добывает. Девка только оленей караулит, сам-то все время промышляет.

В один день жарко было. Девка лежит в чуме у табуна. У! В табуе один олень, старая важенка, встала па ноги. К подвешенному па вешалах для сушки мясу подошла важенка и ест мясо. Так-то важенка много мяса съела. Девка говит ее, она не слушает. Девка рассердилась:

— Я тебя попробую теперь. Какой черт это олень? Говишь, не слушает.

Палку схватила девка и за вешалом с мясом спряталась, под лежащей па земле шкурой. Вот потом важенка оная пришла. Вот девка палку подняла и по морде ударила важенку. Важенка-то теперь па землю упала. Потом насплу па ноги встала. Оу! Важенка-то говорит:

— У! Хозяйка! Наготово меня вередила. Как шибко тебе мясо жалко! Теперь я лучше этого себе живот пайду. Ребят у меня много, весь табуу. Теперь иди за мной. Где-то в конце нашей копаницы земля есть Ярита. Я тебя туда отдам.

Так сказала важенка и пошла. За ней почти весь табуу пошел. Брат говорит:

— Ой, дсвка! Табуу ушел!

Побежал он за табуном. Ну, девка па неделю потеряла брата, пока тот бегад, оленей собирал. Потом брат пришел и говорит:

— Сестра! Наготово я устал. Теперь скоро вечер станет. Вечером падо ийти их хрaпить.

Девка говорит:

— Ладно, я пойду.

— Ну ладно, иди!

Пошла девка. Шла, шла. Пришла к табупу. Он опять пошел. Все время идет, идет. Так вечер стал. Накопец впереди идущие олени стали останавливаться, мох есть. Собрались все в одну кучу олени-то. Крутятся, крутятся. Девка за ними бегаёт.

О! Ледовку⁷⁷ нашла. Очень старая ледовка. Будто мужская ледовка. Мужская-то санка стоит.

Оу! Совсем вечер стал. Надо олений домой, к чуму, гнать. Погнала оленей да теперь слышит позади себя, один человек говорит:

— Девка, быстро не иди.

Оглянулась, видит: сзади нее один человек идет. Вместо глаз у него корольки вставлены, ими он смотрит.

— Куда так быстро идешь? Все равно пикуда не уйдешь. Все равно вместе пойдем.

Ну, так идя пешком, девку он схватил.

— Ну как будем? На санке поедешь или пешком пойдешь?

— Ну, ты знаешь. Ты меша держишь.

Поднял этот человек девку и назад понес. Ну, потом до ледовки дошел. Ледовка разломана, под ней в земле яма выкопана. В эту яму они попали. Оу! Тут в яме внизу двери есть. В эту дыру в яме ушел человек, неся девку. Идет, идет, все время темно, ничего не видно.

— Оу! Жена! — человек говорит. — Мои глаза ничего не видят.

Потом все-таки видно стало человека, который ее несет, видно опять стало. Оу! Три больших чума видно стало. Около самого большого среднего чума человек оставил девку на улице, а сам вошел в чум. Девка слушает.

Который ее принес человек говорит:

— Мама, я одну бабу принес. Она тебя ждет теперь. Почему ты ее в чум не приведешь?

Старуха на улицу вышла. Голова у ней вся проросла травой. На лице ее тоже трава есть, мылами тоже лицо изъедено. Земляной дух от нее наготово сильный. Привела девку в чум. Вошла девка в чум! Оу! В чуме-то народу много, шибко много, полно народу. Головы у всех в песке. Потом говорит человек, который ее принес:

— Ну, что будем есть? Мама, давай есть.

Ну, старуха сама на улицу вышла. Ушла да одних мышей принесла на еду. Мышей всех сварили в большом котле. Оу! Котел-то весь в земле. Оу! Старуха говорит:

— Ешь мясо.

Подали девке в плошке мясо, на стол поставили. Ну, она одного да куска не может съесть, в горло не идет. Ну, есть перестали. Который ее принес человек говорит:

— Оу, мама! Новый человек не ест это. Что он будет есть?

Старуха говорит:

— Что отец скажет? У меня передовой бык есть. Этого быка пусть она ест.

Ну, вскоре после этого в дверь мясо бросили. Ну, мясо-то такое, что ни одного куска есть-то нельзя. Блюет, блюет девка, ни одного куска не съела.

— Эй! Теперь что есть будет?

— Ну, парень, что твоя баба есть будет? Умершие недавно люди есть в некоторых чумах. Недавно один большой аргиш пришел сверху. Мясо-то у них все будто свежее было. Ну, сходи, нового оленя принеси взаимы. Все равно такого же оленя отдадим.

Оу! За таким олепем ушел муж. Оу! Недолго-то ходил, одного быка принес. Теперь этот бык все-таки лучше. Вот ободрал он и в дверь бросил мясо. Все-таки это мясо красное, варить его если, все-таки оно лучше будет того другого, шибко не кислое. Сварили это мясо. У! Мясо это все-таки лучше. Тут-то старуха сказала малеписько:

— Этого оленя пусть иной народ не ест. Эта новая девка только пусть это мясо ест.

Ну, это повое мясо девка все время ест. Как-то через несколько дней вечер стал. Старуха говорит:

— Давно мяса не варили. Сколько-то дней ничего не варили. Новая девка, котел припеси, надо много мяса-то варить.

Всякий народ здесь каждый день промыщляет, некоторые мышей добывают. Дикие откуда берутся в этой земле, как доходят сюда? Гнилые дикие сюда попадают.

Ну, потом так-то вышла на улицу эта девка котел принести. У! Котел наготово плохой. Надо из него землю вытряхнуть. Весь он землей со снегом набит. Поленом ударила девка по котлу. Ну, котел, все равно бубен, заревел.

У! Где все? Около меня чум был, другие чумы были. Все исчезло, испугавшись грома от удара по котлу. Так тогда, взяв котел, пошла девка по своей дороге обратно и все время бьет в котел. Дорогу-то, по которой она пришла, видно. Оу! Как-то услышала, муж ее ревет впереди ее.

— Оу! Мама ⁷⁸¹! Жена наготово далеко ушла. Я такие вести

слышал. Ну я-таки ученый, пугаться не буду. Жена! Оставь свой котел тут на земле!

Только голос в земле она слышит, близко от нее никого нет. Потом видно его стало. На самой дороге сидит.

— Оу, жена! Что будем делать?

Села она теперь близко от мужа.

— Ну, жена, что думаешь? Как можно крепче думай. Где будем жить-то? Говори.

Девка говорит:

— Ты хороший человек. С тобой жить можно было бы. Но только не на этой земле. Я как не хочу уйти отсюда? Я живая, а ты мертвый человек.

— Вместе с тобой, по-моему, пам жить не худо. Но на моей земле ты, однако, жить не хочешь. Наше мясо для тебя плохо.

— Мне на свою землю как не хочется? Там всякий промысел есть.

— Ну, жена, это-то верно. Нам-таки твоего живота не надо. Живота у нас много. Но ты нашу еду есть не хочешь. Ну что поделаешь, жена. По-твоему буду делать, за тобой пойду, на твоей земле буду жить.

Когда так говорили они — у! — сзади их голос матери мужа услышали:

— Эй! Как это? Почему с такой бабой спутался мой парень? Ну что поделаешь. Мужской ум сына как буду удерживать? Ну, иди своим умом. Живота много у тебя в этой земле. Ну иди, иди. Может быть, там тоже добрую жизнь найдешь. Один раз я-таки приду к тебе туда. Так твоя мать говорит.

Ну, потом пошли они. Из той дыры у ледовки вышли, по которой пришли сюда. Теперь муж говорит:

— Ну, жена, буду тебе хорошенько говорить. К своему брату ты дальше одна иди. Сперва я должен оглядеться на этой земле.

Стал на место повыше и говорит дальше:

— Я на эту землю сразу придя, жить, однако, не смогу. Посмотри через мои глаза.

Снял он с себя свои снежные очки⁷⁹. Она надела их и смотрит. В сторону тундры все видно. В сторону солнца посмотрела — ничего не видно, темно только. Отдала ему его глаза. Он говорит:

— Ну, мои глаза хороши ли? Глаза у меня хорошие были бы, я бы тебя одну не отпустил. На этой земле жить мне очень хочется. Теперь я тебя отпущу. Твоего брата чум все еще на

том же месте, однако, стоит. Оу! В моем чуме ты сколько-то дней прожила, может быть, он и подвинулся. Тебе придется по его аргишной дороге пойти. Ну, теперь, когда к брату придешь, скажи, что у меня муж есть и что надо нам делиться. Сколько можно, по его силе, оленей пусть отделит. Скажи: «Так мой муж хочет». И живи одна в чуме. Когда я здоровым стапу, потом я к тебе присоединюсь. Свое тело я, один оставшись, буду пробовать поправить. К матери опять пойду пока. С этими глазами я пока здесь жить не могу.

Потом разошлись они. Табуна дорогу все время видно. Сколько-то дней шла девка. Муж ее опять обратно в дыру под землю ушел.

— Оу! Брат мой немного аргишил, но чум его видно. Только на край копаницы он перешел.

Ну, пришла она в чум. Вечером брат пришел, одного дикого, как всегда, добыл. Как ее не было, брат ее век плакал. Теперь брат говорит:

— Оу! Девка опять пришла все-таки. Ты когда ходила где-то, я все время плакал. Но все-таки тебя отпустили.

— Пустили? Как меня отпустят? Муж все время меня держит. Только па время меня отпустил он.

— Ну, как будешь жить теперь?

— Брат! Если ты хочешь по-моему сделать, меня отделишь,— говорит.— Чум мне и все в нем хорошо отдашь? Так отделишь меня, а мой муж сам себе один тело свое поправит. Нынче он умершая душа⁸⁰. Пошел к своей матери. Я его глаза надевала, смотрела в них. В нашу сторону землю совсем не видно в них. Вот потому он и пошел к матери, глаза своя, дуну свою поправить.

— Ну ладно! Что поделаешь. Хоть нет у меня товарищей, мне, может быть, потом помощь будет, когда у нас зять будет. Ну, как жалеть буду живот? Табун разделю, живи близко от меня.

Вот отделил он девку. Табун, все разделил. Девка близ той ледовки остановилась, там чум поставила. Так разделились, и оставил брат девку одну в чуме. Так живет, все время ждет своего товарища. Долго его нет. Оу! Наконец-то в полночь слышит она, что к чуму человек пришел. Недалеко от нее говорит:

— Оу! Жена! Пришел я. Прийти-то пришел. Огонь топить бы надо. Огонь топить бы надо тебе, да очень я огня твоего боюсь. Что буду делать? Жена, ты одна себе, будучи в чуме, огонь-то топи, еду вари. Я на улице буду ожидать.

Девка встала, огонь-то растопила. Он как будто на улице ушел. Она слушает, смотрит. Не слышит я тела его не видит. У! Ну, потом, мясо сварив, все на стол положила. Какая была сладкая еда, всю на стол положила. Еду когда приготовила, открыла дверь и на улицу сказала:

— Муж! Куда ушел? Мясо-то, вся готова еда.

Подумала: «Оу! Как в темноте есть будем?»

Свечу⁸¹ поставила и зажгла. Дверь открылась и — оу! — опять быстро закрылась.

— Эй, жена! Свечу-то убери. Тебе, однако, плохо будет в темноте. Но при свечке вместе как будем есть? Мне при огне нельзя.

Ну, жена говорит:

— Раз так, то свечу не надо зажигать, пока ты человеком не станешь, пока не поправишься.

Он на улице говорит:

— Так делай. Пусть огонь костра только малюшко будет виден. Глаза свои буду к нему приучать.

Потом он за стол сел. Тело его жене не видно. Говорит жене:

— В чуме, в тепле лучше мне. Ты в темноте не видишь, а мне все видно. А когда светло, я ничего не вижу.

— Эй, тогда как будем жить? Друг друга не видя, жить очень плохо. Ну как будем друг друга узнавать?

— К матери опять пойду. Глаза надо принести, глаза для света надо принести. У нее глаза такие, как у тебя, тоже есть. Долго не буду ходить. Из того места, откуда ты убежала, надо принести.

Ну, потом ночь стала, утро стало. Говорит он жене:

— Теперь я к матери пойду, завтра ночью вернусь.

Потом ушел. Жена говорит сама себе:

— Ушел или не ушел, все равно не вижу. Как будто ушел.

Ну, опять она одна живет. На следующую почь, вечером, опять будто муж пришел, человек пришел.

— Ну, жена! Огонь топи. Я сначала на улице посижу, а потом глаза свои пробовать стану.

Вот она небольшой огонь растопила. Вот муж будто вошел в чум.

— Оу, жена! Все-таки лучше мои глаза стали. Глазами я вижу землю. Теперь еще мое тело не видно, по тело будем потихоньку поправлять.

Потом ночь стала. Жена чувствует, что в одеяло к ней будто человек залез. Но очень нестерпимый запах, сильный запах земли от него идет. Говорит жена:

— Оу! Как долго так нам жить? Когда тело твое хорошим будет? Ну, на этой земле жил бы себе, но тело хорошее сделай себе, муж!

Потом жена говорит:

— Все-таки около меня муж спит.

Но муж-то говорит:

— Ну, ныпче глаза-то мои хорошие стали. Да и тело мое хорошим стало.

Утром тело его видно стало. Самым хорошим мужчиной он стал. Теперь муж промышляет, диких добывает. Вот теперь двух детей они нашли — одного мальчика, одну девочку.

Ну, так живут, промышляют. Теперь почью во сне мать свою увидел муж. Мать-то говорит:

— Сегодня приду, сын. Жене скажи, пусть накормит. Пусть в огонь только жир да мозг из костей бросает. Ну, затем, когда есть перестану, я так скажу: «Давайте двух ребят мне поцеловать, теперь я в последний раз пришла». Пусть жена твоя обязательно даст мне детей ваших поцеловать.

Наступил день. Муж ушел диких промышлять. В полдень дверь будто открылась. На другой стороне чума будто сел кто. Сел и говорит:

— Оу, девка! Пришла я к сыну гостевать.

Вот жена огонь растопила. Всякое мясо, жир — все варила. В огонь мозг из чанги, жир — все бросала. Стол ей поставила.

Оу! Когда есть перестала, говорит:

— Оу, девка! Брюхо-то полно. Еду вашу хорошо я поела. Теперь вижу я, что так жить, как вы живете, наготово дородно. Ну, теперь, когда я есть перестала, двух ребятшек-то давай поцеловать.

Двух ребят дать поцеловать почему жалеет проклятая баба! Совсем не дает. Старуха целый день ревет:

— Оу! Мальчика, девочку — ребятшек ваших дай поцеловать. Мне своих детей надо поцеловать.

Так весь день до вечера она ребят просит. Муж в этот день промышлял. Потом старуха на ноги встала и будто на улицу ушла. Ушла и говорит:

— Ну, девка, хорошенько слушай мое слово. Теперь мой ум совсем рассердился. Ребят почему жалеешь дать мне поцеловать? Ребят целовать я тоже умею. Кто я, ты думаешь?

Я Земли матерью стала⁸². Все живое на средней земле, все, что ходит, — все это мои дети. Теперь моих детей, всех земли детей, всех самодей, я унесу к себе домой. Одна ты останешься. Так жить, плохо по-твоему? Так как вы жили, мне лучше было бы, но этой ночью я обоих твоих ребят унесу. После этого я по твоей дороге буду идти. — Это сказала старуха и ушла.

Вечер наступил, ночь наступила. Муж пришел. Пришел и говорит:

— Ну как, ребят дала поцеловать?

Жена говорит:

— Ну чем тогда мой ум закрылся? Я ребят не дала. После этого твоя мать очень рассердилась.

Эй! Теперь муж шибко заревел:

— Так жить, как мы жили на земле, очень хорошо было. Кто тебе такой ум принес матери отказать? Сама такой ум имеешь?

Потом спать они легли. Утром жена встала. Видит, что муж лежит не так, как всегда. Посмотрела хорошенько на него, видит, что ее муж давно умер. Обоих ребят своих посмотрела — оба ребенка умерли. Все оставила жепщина и, только одно тело свое подняв, пошла. Пешком к брату в чум ушла.

Пришла в чум. Как раз утром, там огонь разводили. Брат поднялся из одеяла и сел. Как сидел, так голову опустил и умер. Все в его чуме умерли. Теперь как она не ревет? Ревет. Но какая бестолковая баба! Опять чум нашла. Всех людей земли, всех видела эта баба, ко всем заходила — и все умерли.

Сюда на Енисей она вышла и вдоль Енисея пошла, пошла. Маленькую избушку нашла. Тогда тут старые люди жили, бедные русские были, только одну рыбу они ели. Таких русских найдя, у них ела, все-таки сердце правила (подкреплялась). Когда-то наконец до Дудинки дошла. Молодой русский в жены взял тут эту бабу. Тут все-таки у русского нашла она жизнь, все-таки не умерла. Теперь, когда она жизнь нашла, дюрумэ то только.

30. Жена мертвеца

Боридэпа старик хозяин. Сын у него есть, дочь-то есть. Потом аргишили они и до леса дошли. Оу! Леса дойдя, опять аргишили. Когда аргишили теперь, Боридэны дочь отстала, оста-

лась сзади с пезапряженными оленями и потом ушла в сторону, в пустую землю.

Вот дочь Боридэны теперь мертвого человека ледовку нашла. Пришла к ледовке и говорит:

— У! Когда он живой был, он мне большой друг был. У этой ледовки надо стоять.

Ну, потом — у! — тот мужчина-мертвец говорит:

— Кто это копает около меня? Это чья девка? У! Когда я живой был, это Боридэны дочь была. Будто такая. Ну, она моим другом была. Как близко она ко мне пришла! Оу! Что поделаешь. Моим другом эта девка была. В эту землю придя, эта девка опять моим другом станет. Видно, думала она обо мне и так пришла одна. Правда, Боридэны младший сын шаман был. Его я пемного боюсь. Ну да ладно, пусть боюсь его! Нынче ко мне пришла ты, девка, теперь надо чум делать.

Девка чум сделала. Близ самой ледовки чум сделала, огонь растопила. Оу! Еду-то всякую сварила, мясо-то всякое варила.

«Оу! На улице человек пришел. Человека шаги слышу, — девка думает. — Ну! Про которого я говорила, мой друг⁸³ был, это он пришел».

Говорит пришедший, вставший с ледовки человек:

— Вместе жить будем. Я муж буду, ты жена моя будешь.

Этот мертвец сын другого самодина был.

Теперь слово ушло от ледовки, от чума Боридэны дочери и к старику Боридэна в чум пришло. Боридэны сын говорит:

— У! Моя старшая сестра куда ушла? С аргишем совсем ее нет. Ну, отец! Ты шаман, я тоже шаман. Ты старый шаман, я молодой шаман. Поэтому у тебя больше вараги, чем у меня. Ты мне половину своих вараги дай, больного своего вараги дай. Ну, теперь я старшей сестры дорогу искать буду. Девка не на хорошей земле стоит. Она себе друга нашла.

Ну, потом по дороге аргиша старшей сестры ушел парень, Боридэны сын.

— Оу! Моя сестра близ ледовки чум поставила. Мертвец украл мою сестру.

Оу! Боридэны сын остановился.

— Оу! Как это я иду один? Мои вараги кричат: «Без товарища почему идешь?» Вараги-то так говорят: «Идя по дороге сестры, не на добрую ты землю встал. Вернись в свой чум, много товарищей возьми с собой сюда».

Вернулся Боридэны сын. Пришел в свой чум, говорит:

— Ой, ребята! Отец, хоть ты! Много оленей поймайте, вместе пойдем.

Ну, тут все люди оленей поймали, отец тоже. Весь народ ушел из этой кучи. Но впереди Боридэпы сын поехал. Сам Боридэна-старик сзади всех сапок едет. Ну, видит он:

— Оу! Близ ледовки чум моей дочери стоит.

Боридэпы сын говорит:

— Ну, отец! Мы около ледовки близко не остановимся, подалее остановимся. Который на ледовке лежит мертвец, тоже шамап. Сперва он шаманом стал, а потом умер.

Ну, теперь они остановились. Как остановились, от ледовки белый большой пороз-олень к ним навстречу пошел. Рога ошустив, идет. Боридэпы парень с санки своей слез и стал плечами шевелить и тоже большим матерым порозом-оленем стал.

Теперь эти два пороза стали драться. Ну, почь и депь дерутся, почь и депь дерутся. Всего три дня дрались. На третий день пришедший со стороны ледовки пороз поддаваться стал. Как понало колет его рогами Боридэны сын. Около самой ледовки упал тот пороз на землю, и вдруг не стало его. Не знаю, куда ушел или убежал, не знаю. Только, убегаю, крикнул:

— Жена! Теперь навсегда расстались. Я не говорил ли сперва, что Боридэны сын, однако, меня сильнее будет? Всегда Боридэны сына я боялся. Теперь он меня много сильнее стал. Мое тело все исколол.

Ну, теперь Боридэпы девки чум ломать стали, мужа ее победив. Боридэны парень опять человеком стал. Вот теперь все люди поймали аргишных оленей из аргиша Боридэны дочери, запрягли их, чум на санки положили и назад унесли.

Пришли к чуму Боридэны. Девка-то теперь выздоровела. Боридэны сын сестру вылечил, и рассказ весь тут.

[Дополнение рассказчика:]

Это тоже не сказка, а старые вести. Это давно мне отец рассказывал. Боридэна наш, авамский был. Дочь его сперва безумная была.

31. Чайки

Два человека потерялись. Они пасли оленей и заблудились. И так измучились, и даже есть им было нечего. И вдруг навстречу им три чума.

Заходят в первый чум. В нем похороненная женщина сидит. Она говорит:

— Ой, гости пришли, печем вас угостить. Видно, хозяева мои ничего не оставили мне есть на могиле.

(Когда мертвые умирают, если им мяса не оставят, то они па том свете голодные, говорят.)

Заходят во второй чум. Там тоже такая женщина сидит. Она пи слова не сказала, и они вышли оттуда.

Заходят в третий чум. Там женщина сидит и говорит:

— Кушайте, что у меня есть, но огня у меня нет, видно, хозяева⁸⁴ мои мне спичек не оставили. Ну, чем ходить голодными, пате пемпого жиру.

Одип, младший, съел этот жир. Когда они вышли, старший говорит:

— Зачем ты взял это? Что-нибудь, ей-богу, с нами случится, если ты у мертвого взял кушать.

Старший заставляет друга бросить этот жир, а тот жир спрятал в рукавицу и парочно говорит, что его бросил.

Потом идут, идут — видят: еще одип большущий чум. И слышат бубен — видно, шаман шаманит.

Заходят — действительно шаман шаманит, а огонь еле-еле видно. И что они между собой скажут, огонь все время трещит после их слов.

И шаман говорит:

— Наверное, к нам гости пришли, потому у нас огонь трещит!

Тот парень, который взял жир, увидел девушку и сел рядом с пей. И все время щиплет ее.

Она кричит:

— Ой, ой, бок колет!

Ее отец говорит шаману:

— Ну кто же это к нам пришел, как же ты не видишь, шаман?

Шаман говорит:

— Между двумя пгоа (дверями; па том свете две двери) сидят два гостя. Одному скоро будет счастье, выйдет па свой свет. У другого в рукавице есть загадка, и он просит, чтобы ее угадали.

Тот, у кого в рукавице жир, услышал эти слова и говорит товарищу:

— Пойдем скорее!

Когда они вышли, товарищ говорит:

— Что у тебя в рукавице? Дай-ка я посмотрю.

Он говорит:

— Нету, пету ничего, пустая рукавица.

Он не показал, и так они идут дальше.

Видят: стоит еще большой чум. И слышно, как в нем галдят, галдят.

Тот, у кого нет жира в рукавице, слушает и думает: «Это какие-то особенные люди; кажется, что это даже не люди».

Другой ничего не слушает, идет и идет.

Потом первый говорит:

— Пойдем мимо, не зайдем в этот чум.

А тот говорит:

— Нет, зайдем, посмотрим, какие люди живут.

— Ну зайдем, но ты будешь первым заходить.

— Ну все равно, буду и первым заходить.

Как только они зашли, то увидели, что в чуме полно чаек⁸⁵.

Умный говорит:

— Ну, я говорил, что это не люди, а ты не слушал.

— А что ты боишься?

Как их увидели чайки, то сразу замолчали.

Умный видит, что сидят на разных бобо против друг друга две маленькие хорошенькие пестрые чайки. И думает про себя: «Видно, девушки, что ли, они».

Потом выскочила одна большая чайка и что-то забормотала. Умный думает: «Однако, она говорит моему товарищу: „Садись около одной пестренькой чайки“».

Отправил своего товарища, тот сел там. После этого чайка опять что-то забормотала.

Умный думает: «Видно, она говорит, чтобы я сел около другой пестрой чайки».

И он тоже пошел и сел. Потом спать стали ложиться. Умный как устроился, то всю ночь не мог заснуть. А тот его товарищ крепким сном уснул.

Умный потом чуть-чуть уснул и слышит, что какой-то гам, шум в чуме или на улице около чума. Проснулся и сел. И видит, что чайки все папали на его товарища и разорвали его на куски.

И он сидит, плачет и говорит:

— Что это вы делаете, зачем?

А те говорят:

— Иди, иди ты домой, мы тебя не тропем, потому что ты ничего плохого по дороге не делал. А твой товарищ у мертвых

жир брал, девушек щипал, и поэтому мы его разорвали и съедем.

Так и отправился тот домой и, видно, доехал благополучно. И все, кажется.

32. Чина-Барангуй

Двадцать чумов наших людей есть. У трех людей в них пмя есть: Моророгы, Нарюптюлэгу и Чина-Барангуй. Все люди слушались Чина-Барангуя. Все эти люди диких промышляли поводом, добывали очень много. Диких добывают и мясо на вешала вешают, как юколу, сушат.

Вечером спать легли. Спали и встали утром. Утро когда настало, женщины запасы еды смотрят. Видят, самого вкусного жира нет. Опять спали, опять утром посмотрели еду, опять жира нет. Говорит Чина-Барангуй:

— Кто взял вкусный жир? Кто взял?

Товарищи его отвечают:

— Зачем нам брать? Еды много у нас.

Опять вечер стал. Спали. Утром опять жира нет, говорят женщины. Говорит тогда вечером Чина-Барангуй:

— Нарюптюлэгу пусть ночью еду сторожит. Век смотри, кто мясо ворует.

Теперь сидит ночью Нарюптюлэгу. Так сидел, сидел. Немного до полуночи не дошло. Так сидя задремал. Голова опустилась. Сон одолевает очень. Ничего нет.

— Спать буду.

Спал. Утро стало. Утром женщины посмотрели мясо. Хороших кусков нет. Только такие, где один жир, выбраны.

Опять вечер стал. Говорит Чина-Барангуй:

— Нарюптюлэгу ночью караулил. Неладно работал. Опять еда потерялась. А где Моророгы? Пусть Моророгы караулит.

Теперь Моророгы караулит. Сидит близ мяса. Так сидел, и у него тоже голова опустилась. Полночь еще не настала.

— Эй! Сон-то очень одолевает. Спать буду. Никто не придет. Спать буду. Напрасная эта затея.

Ушел и спал в чуме. Утро настало, женщины еду осмотрели. Опять жиру нет. Снова настал вечер. Говорит Чина-Барангуй:

— Теперь я попробую. Я караулить буду.

Сел Чина-Барангуй среди мяса. Много постелей дикого лежит. Запрятался он в эти постели. Лежит с луком. Ночью сидит, сон к нему не идет. Наступила полночь. Как полночь настала, со стороны тундры кто-то пришел. Смотрит, человек это или нет? Одна нога, один глаз, лица половина, одна рука. Баруси это. Теперь подходит, подходит. В самую середину развешанного мяса зашел. Осматривает мясо. Самые жирные куски собирает рукой.

Когда мясо брать стал баруси, выстрелил Чина-Барангуй. После выстрела услышал он, как негромко вскрикнул баруси, и потерял его из виду. Встав, стал Чина-Барангуй искать дорогу. Чуть-чуть заметна дорога баруси. Кровь на ней видна. Пошел по ней Чина-Барангуй, но потом потерял следы. Устал Чина-Барангуй, идя по следу.

— Это какая большая кочка на дороге баруси? Как большой чум! У этой кочки я след баруси потерял. Отдохну на ней.

Сел Чина-Барангуй на кочку и заснул. Голова опустилась на землю. Тут он услышал разговор внутри кочки. Будто старуха плачет, что у нее самый старший сын умер.

— Всегда я тебе говорила: людей еду не надо трогать. Почему ты туда все время шлялся, меня не слушал? Теперь ты таким образом причину своей смерти нашел. Смерть твоя близка.

Опять потом слышно стало, как заплакала старуха. Потом опять заговорила:

— У меня вас семеро было. Один умер, шесть осталось.

Теперь тут один из ее сыновей заговорил:

— Завтра утром я хорошую погоду сделаю. Теплый, тихий день будет.

Другой говорит:

— Ты хороший день дашь, а я всем людям мысль дам идти промыслять диких.

Третий говорит:

— Ты так сделаешь, а я потом сильную пургу пошлю, с градом.

Четвертый говорит:

— Ты так сделаешь, а я самую сильную пургу пошлю. Такую, что конца вытянутой руки не будет видно.

Пятый говорит:

— А я, как люди на промысел уедут, позади них большую реку, с Таймыру, сделаю.

Шестой говорит:

— А я лед на реке сломаю, когда люди по ней поедут.

Теперь Чина-Барангуй встал и в чум ушел. Лег спать. Утром встал и рассказал:

— Тот приходил, что мясо ворует. Стрелял я, но немного мимо. Кровь все-таки выпустил немного. Кровь-то текла. По следу пошел и где-то его потерял. Кочку большую пашел. На кочке, устав, сидел. Так сидя заснул. Когда спал, сон увидел. Будто одна старуха плачет. Будто говорит она: «Из семи сыновей шесть осталось, один погиб». Один человек говорит: «Завтра утром хороший день будет». Другой сказал: «Я всем людям завтра промышлять велю». Третий говорит: «Я позади них град pošлю». Четвертый говорит: «Я сильной пургой буду, чтобы руки конца не было видно». Пятый говорит: «Я позади ушедших промышлять людей реку сделаю с Таймыру». Шестой говорит: «Я лед на этой реке сломаю». Так я спал и такой будто сон слышал.

Теперь все вышли на улицу, смотрят, какой день.

— О! Очень хороший день, очень тепло.

Чина-Барангуй теперь говорит:

— Давайте промышлять. Пусть оленей ловят. Я спал да какие-то сны видел. Это только ведь сон. Теперь узнаем, правда это или нет.

Теперь все товарищи уехали на промысел, неводом диких промышлять. Один табун в десять голов диких увидели. Гоняли, гоняли их. Всех в невод загнали. День очень хороший. Некоторые люди даже сокуи в чумах оставили, очень жарко.

Стали с диких снимать шкуры. С одного бока сняли. Чина-Барангуй, с одного бока сняв шкуру, вверх посмотрел.

— Товарищи! С ладонь величипой туча идет. Скорее снимайте шкуры. Что-то, однако, будет.

Когда с диких шкуры сняли, самая сильная пурга пришла. Руки да не видно. Вот оно, вот оно! Теперь кричит Чина-Барангуй товарищам:

— Где вы? Может быть, ветер унес? Все ли целы?

— Есть, есть, — отвечают. — Все целы!

Привязал Чина-Барангуй передового Моророгы за свою санку. За санку Моророгы привязал передового Нарюптюлегу, за ним другого, и все, как аргиш, связались.

Теперь Чина-Барангуй передовиком поехал. Ловчейки па хорее даже не видно. Сильная пурга все время ударяет. Потом град пошел. Градины ледяные с кулак. В голову попадая людям

Чина-Барангуй, оглушали их, так что едва они приходили в себя.

Чина-Барангуй все время на санке стоит. Вдруг его олени завернулись. Схватил он цепь на конце вожжи*.

— Почему мои олени завернулись?

Посмотрел вперед. У самой реки, величиной с Таймыру, стоят они. По пей льдины плывут, как санки. Потом лед прошел. Это увидав, Чина-Барангуй привязал своих оленей к санке. Достал из сапки мешок. Из него мамонтовую колотушку для бубна достал. Ручка колотушки сверху на семь частей разделена. Семь лиц на ней.

Махая колотушкой над водой, три раза крикнул Чина-Барангуй:

— Хук! Хук! Хук!

Так когда крикнул, вода замерзла. Теперь, это видя, пошел Чина-Барангуй оленей по льду. Сам перешел реку. Но под другими санками лед подломился. Железный конец вожжи передового Моророгы, которым он был привязан к санке Чина-Барангуя, порвался, и все ушло под лед. Всех товарищей унесло течение. Привязал тут Чина-Барангуй оленей к санке и побежал пешком вдогонку вдоль реки, по берегу.

Руками взмахнул, как птица, и в воду нырнул с криком «Кяк!», как гагара. поймал передового Моророгы за железную часть вожжи и вытащил на землю. На землю тянул, тянул аргип. У трех задних железо вожжей оборвалось, и этих трех людей он упустил. Остальных вытащил.

Чумов дошли. День хороший стал. Несколько пурги нет. Очень тепло. Тут утром стал говорить Чина-Барангуй:

— Мой бубен пусть сушат в чуме.

Надел шаманскую парку, бубен взял Чина-Барангуй и стал шаманить. Шаманит и будто говорит с вараги:

— Вниз по воде пойду. Моих трех людей вода унесла. Пойду вслед. Кто взял моих трех людей? Я баруси убил. Баруси жаловалась на меня воды богу, смерти нашей просила. Но ничего! Трех людей я так не оставляю. В вязкую землю как они придут, узнаю.

Шаманит и идет по течению реки. Шел по течению и стал гагарой. Теперь гагара все дальше идет. Под водой идя, до са-

---

* Когда олень повернулся назад, его голова оказалась рядом с седлом, и поэтому последний мог ухватиться за передний конец вожжи, который был прикреплен к недоузду цепью.

мой большой воды дошла. Посреди большой воды одну избу нашла из льда:

— На этой избе я трех погибших людей сокуи вижу. Двери отворив, вижу, что в избе старик есть, старуха есть. Теперь мы трое в избе сидим.

— Какой это гость пришел. Кто ты?

— Я Чина-Барангуй.

— Чего ищешь? — говорит старик.

— Сюда моих три человека не приходили? Здесь они не находятся? За этими людьми следуя, пришел.

— За тремя людьми следуя, ты пришел?

— Пришел.

— Ты за собой вины не знаешь?

— Какая за мной вина есть?

— Почему много народа ⁸⁶ человека убил ты? Баруси, меня позвав, мне отдала этих людей.

— А ты кто?

— Я самый воды бог ⁸⁷. Трех людей не отдам. Давно они сокуи здесь сняли. Сокуи сняв, живы не будут. Не вернуться. Ты, Чина-Барангуй, любого бога сильнее стал. Сильнее став, моего народа баруси убил. Сильным став, решил ты бога убить. Ты думаешь, всякого бога сильнее стал? Трех людей я не отдам, напрасно ты пришел. Возвращайся. Хорошенько слушай, что я говорить буду. Нынче я трех людей взял. Если бы я трех людей не взял, слишком бы у тебя много народа стало. Всякому человеку смерть я назначил теперь. Все — и вапи люди, и тунгусы, и русские — в воде умирать будут. Такую смерть установлю.

Теперь Чина-Барангуй вернулся. Такого если бы не было, люди бы в воде не умирали. А теперь и наши люди, и тунгусы, и порой русские в воде помирают.

Теперь Чина-Барангуй перестал шаманить. Перестал, и теперь все. Это старая сказка.

[Дополнение рассказчика:]

Моророгы — значит большой скребок для шкур. Он был искривлен, как этот скребок. Нарюштюлэгу — планка под сиденьем санки меж копыльями. Он такой был тонкий, как планка. Ими Чина-Барангуй непереводимо.

33. Отец болезней

Один наш человек промышлять ушел пешком. Диках ищет. Ничего не нашел. День какой-то туманный стал. Чум свой найти не может. Искал, искал — нигде не нашел. Одну речку нашел. Тальником заросла речка. Прыгнул через речку. Не смог перепрыгнуть до другого берега. В воду упал. Погрузился в воду и долго опускался. Под самую воду ушел. Земля широкая открылась. Земля широкая, и будто снегу на ней пет. Только верхушки травы немного замерзли, побелели от инея. Теперь пошел по этой земле. Позади себя вдаль посмотрел, разыскивая чум.

— Позади меня на учаге одна девка едет.

Потом обогнала его эта девка. Едет эта девка по большой дороге. Учаг — пестрый бык, как шашечная доска. Самая добрая девка. За девкой побежал, хочет поймать ее. Сошли оба на дороге.

Подошел наш человек ⁸⁸ к учагу и говорит:

— Ой! Какой человек?

Девка не слушает, не обращает внимания. Дернул наш человек ее за плечо:

— Кто ты?

Тут девка закричала от боли:

— Почему в плече колет, очень болит?

«Что это за девка? Видом девка как девка», — подумал наш человек. Что он говорил ей — не понимает. Снова тронул ее за плечо. Опять она закричала:

— Какая болезнь меня поймала?

— У, какой это человек, — говорит наш человек. — Сзади нее пойду. Пусть вперед едет.

Пошел, пошел за ней. Девка все время кричит, хворает. Наконец многих, пяти, что ли, чумов дошли. Чумы тунгусские ⁸⁹. Чумов дойдя, девка зашла в один из них. Учага не отпустила девка — так хворает. Крикнула только:

— Учага пустите, я захворала дорогой.

Наш человек зашел в чум вслед за девкой и позади нее, за спиной у шестов чума, сел.

Люди спрашивают девку:

— Почему хворает?

Девка кричит, болеет. Огонь все время щелкает. Наш человек девку за парку тихонько ухватил. Девка сильно закричала. Огонь все время щелкает.

Люди в чуме говорят:

— Почему это огонь такой? Почему это огонь щелкает? В наш чум что-то вошло. Однако, болезнь пришла. Теперь что будем делать? Однако, паша девка живой не будет.

У девки на пальце был большой серебряный перстень. Наш человек, взяв девку за руку, стал его снимать. У девки отец и мать есть, младшие братья и сестры есть. Один большой парень.

Парню говорит старик:

— Твоя сестра живой не будет. Очепь хворает. Где-то здесь старый шаман есть. Привести его сюда хорошо.

Парень ушел. Вечером пришел шаман. Старый шаман. У! Теперь-то шаман-старик говорит:

— Три дня пройдет, и девка поправится.

Перестал шаманить шаман и ушел в свой чум. После ухода старика девка все время кричит. День и ночь все время хворает. Отец и мать ее нашего человека совсем не видят.

Прошло, как говорил старик шаман, три дня. Девка еще хуже стала.

Говорит старик отец:

— Пропала девка, ничего старик не помог. Где-то молодой парень-сирота есть. Нынче он шаман стал, говорят. Бубен имеет, говорят. Его позови.

Парень, сын старика, опять ушел. Привел молодого шамана. Уселся молодой шаман близко от девки. Сперва стал закусывать. Шаманскую одежду и бубен за очагом положил, приготовил. Поев, шаман сел около одежды и стал надевать шаманские бакари. Когда стал завязывать завязки бакарей, посмотрел в сторону нашего человека. Надев остальную главную одежду, стал завязывать завязки на груди и опять в сторону нашего человека посмотрел.

Наш человек думает: «Однако, меня увидел этот шаман».

Шаман всю одежду одел, взял бубен. Но еще не бьет в него. Наш человек за девку спрятался. Тут теперь шаман, бубен взяв, поставил его на колесо и за девку заглянул. Наш человек свое лицо к спине девки прижал. Шаман сперва с одной, потом с другой стороны заглянул за девку и ударил в бубен.

Ударил шаман в бубен и говорит:

— Болезнь пришла. Дорогой она пришла к тебе и за левое плечо схватила. Верно ли я говорю?

Девка говорит:

— Верно.

— Дорогой ехала и болезни бога⁹⁰ нашла, — сказал шаман и обратился к нашему человеку: — Как так, человек, ты словно болезнь гостишь? Почему сильно хватаешь? Так душу оторвешь. Однако, чего-то падо тебе, говори. Девку за это отпусти. Ну, что надо тебе?

— Пестрого учага, которого я у девки дорогой видел, — этого дайте. Учага этого пестрого дадите, я отпущу ее и уйду.

Шаман отца девки спрашивает:

— Ну, учага пестрого просит. Такой учаг есть, говорит. Есть такой?

— Верно. Есть, есть.

— Гость его просит.

— Пусть дочь поправится, я его отдам.

Теперь шаман говорит:

— Ну ладно, раз дал. Из дерева делайте оленя с рогами и ногами.

Теперь стали из дерева делать. Сделали деревянного оленя. Углем из костра разрисовали его пестрым. Когда оленя сделали, говорит шаман:

— Вынесите его на улицу.

Когда деревянного оленя вынесли на улицу, встал шаман на ноги. Сильно стал бить в бубен и запрыгал на месте, словно бежит.

От сильных ударов бубна и прыжков шамана наш человек совсем ум потерял, на улицу вышел. Думает: «Давно ведь учага приготовили, привязали». Сел он на привязанного учага. Шаман все время в бубен бьет и прыгает. Наш человек, сев на учага, поехал и поехал. Как ветер, помчался. Наконец учаг остановился. Оглянулся наш человек. Когда он кружал, то речку находил. Смотрит сейчас: на самом берегу этой речки стоит учаг.

Тут к нашему человеку ум вернулся.

— Куда это я пришел? Землю совсем не знаю.

Олень его между двух деревьев стоит. Посмотрел на него: олень деревянный под ним. Захотел взятое кольцо посмотреть, снял рукавицу, кольца нет.

— Какого это шамана я нашел мудреного? Другой старик шаман плохой был. Меня совсем не видел. Какой это молодой сильный шаман. Я совсем ум потерял.

Теперь пешком ушел. Деревянного оленя оставил на берегу речки. Теперь дошел до своего чума.

Говорят ему товарищи:

— Где был?

— Не знаю, где я был. Каких-то людей я нашел. Говорю им, они не слышат. В чум зашел — не видят меня. Девка сильно заболела, когда я ее за шею взял. Очень сильно заболела. Ее отец сказал: «Старика шамапа приведи, сын». Старик шаман сказал, что на третий день поправится девка. На меня ни разу не взглянул. Огонь щелкает, они говорят, что болезнь пришла. На третий день девка еще сильнее заболела. Тогда отец девки говорит: «Сирота-шаман есть, молодой». Теперь молодой шаман пришел. Пока одевался, на меня два раза взглянул. Бубен взяв, на меня третий раз посмотрел. После этого со мной говорил: «Почему эту девку ты сильно поймал? Ее душа близка к гибели». Потом спросил меня, что я прошу, что мне надо. «За это,— говорит,— девку отпусти». Я сказал: «Пестрого доброго учага давай». Отец девки говорит: «Дам». Шаман тут деревянного оленя сделал и углем раскрасил. Потом на ноги встал шаман и побсжал. Тут я ум потерял. Шаман прыгал, а я на сильного учага сел и, как ветер, ушел. То место на реке, где заблудился, нашел. На берегу этой реки учаг встал. Землю я совсем не узнал, будто впервые в новую землю пришел. Серебряного кольца не нашел. Тот шаман украл. Теперь учаг подо мной деревянный оказался. Он меня привез. Теперь несколько вас, товарищей, у меня. Один из вас, моих товарищей,— это колющая болезнь. Другой из вас — это горячая болезнь. Сам наш хозяин⁹¹ — большая оспа. Кто из нас, может быть, в ту сторону попадет, того молодой сирота-шаман не пустит. Шибко мудрого шамапа нашел. Старик шаман плохой, ничего не видел.

Тут все эти люди разными болезнями стали. Тут не наши люди они стали, а разные болезни.

Говорят:

— Когда кто-нибудь болен, это один из нас пришел. Когда шаман не помогает, это значит, что это такой шаман, как тот старик. Гостить захотим и к тому молодому шаману, может быть, попадем. Увидит он нас — тогда душу не отыщем мы.

Но не большая оспа это гостевала. Она только товарищам своим сказала:

— Я бы если ходила, как ты, кого-нибудь схватив, не отпустила бы. Кого-нибудь принесла б. Я по реке бы пошла. Может быть, когда-нибудь я по твоей дороге пойду.

Теперь все.

34. Моричэ-барба и баруси

Один человек, промышляя, кочует с женой. Очень много диких добывает. Имя его — Моричэ-барба. Диких добывает наготово много. Ноги диких жене отдаст. Она все время с них камос сдирает. Как-то раз, камос снимая, руку порезала. Завязала руку тряпкой и работает, работает.

Как-то говорит:

— Одна сижу все время. Детей нет, худо.

Посмотрела на руку. Сильно разрезанная рука мешает работать. Повязка намочена, кровь, однако, пошла. Не развязывая, сдернула повязку и бросила к стенке чума.

Опять стала работать. Работает и будто голос слышит. Порезанной руки ребенка речь слышит:

— Сестра! Ты очень плохо камос снимаешь, ленишься. Я бы, пожалуй, скорее тебя сняла камосы.

Оттуда, куда повязка брошена, слышен этот голос. Это услышав, испугалась женщина. Кто, что говорит? Посмотрела в ту сторону. Видит: человек сидит. Одна нога, один глаз, одна рука.

Говорит женщина:

— Ты кто?

— Меня не знаешь? Я от тебя родилась.

Думает женщина и говорит:

— Кто от меня родился? У меня детей нет.

— Как нет? Сегодня ты меня родила. Ты руку не резала? Повязку не бросила? Вот и человеком стала. Ну, сестра. Я работать буду. Камос будем вместе снимать.

— Ну ладно. Хочешь работать, так работай.

Теперь стала эта дочь работать. Одной рукой скорее женщины снимает камос. Пока женщина один снимает, она — два и три.

Муж пришел, диких добыв. В чум зашел и говорит:

— Что это за человек, твоя подруга?

— Я не знаю, не знаю.

Легли спать. Утром аргишили. Муж вперед аргиша уехал. Большое озеро нашел. Стал на нем прорубь долбить. Аргиш пришел к озеру.

Мужчина в прорубь смотрит и говорит:

— Людей много под водой. Играют и пляшут.

Тут однопогая говорит:

— Брат! Где это? Я посмотрю.

Стало заглядывать в прорубь однопогое существо. Моричэ толкнул ее в прорубь. Как камень, булькнуло оно — чук! — и скрылось под водой.

Аргиш дальше ушел. Потом остановились и говорят:

— Какой это баруси приходил? Теперь, однако, не придет.

Стали топить в чуме огонь. Слышат, на улице человек пришел. В чум зашел. В пяти пальцах пять самых больших мате-ры чира. Говорит пришедший:

— Ты говорил, брат, что тебе чиров падо. Вот я тебе рыбы и припесла.

Поели и легли спать. Думает Моричэ: «От этого дьявола как избавиться? Очень уж он страшен видом».

Утром опять аргишили. Моричэ опять вперед аргиша уехал. Сухое дерево нашел. По ветвям на самую вершину дерева залез. Конец его, как острие пенья, обточил. Упер острые ко-пцы дерева себе в подбородок и ждет аргиша. Аргиш здесь оста-новился.

Моричэ говорит:

— Я отсюда чумы вижу. Очень далеко. С земли даже не видно. Однопогая! Полезай сюда, смотри. Мы до чумов дошли.

— Ладно, смотреть буду!

Залезла однопогая по ветвям па дерево. Уперла острие в шею и смотрит. Моричэ ее за погу дернул. Сверху из черепа острие видно стало.

Сел Моричэ на сакку, и ушел аргиш. На вершине дерева ба-русч-человека оставили.

Аргиши остановились. Сделали чум и в него зашли. Опять стал слышесч шорох от прихода человека. Что-то тяжелое бро-сил пришедший. В двери опять та же баруси вошла, смеется и говорит:

— Брат! Ты говорил, что там, где стоять будем, нет дров. Я пять бревен припесла.

Моричэ думает: «Ну, как от нее отделаюсь? Никак не могу».

Баруси добра хочет, почему Моричэ его не надо — не знаю. Говорит Моричэ-барба:

— Здесь дпевать будем.

На берегу большой реки стояли. Моричэ ходил по берегу, со-бирал плавник. Сделал избу, замки к ней приделал. Потом вер-нулся в чум и говорит:

— Баруси, я тебе чум сделал. Очень красивый чум. В этом чуме жить будешь?

— Раз даешь — буду жить.

Утром говорит Моричэ:

— Ну пойдём!

Дошли до избы, опять говорит Моричэ:

— Ну зайди посмотри.

И баруси зашла. Моричэ за пей замок запер и ушел. Потом сам аргипил. Баруси в избе осталась. Все время там сидит. Какие-то голоса услышала. Как будто две женщины говорят:

— Мой отец — Дядуру. Моему Дядуру-отцу смерть сегодня вечером будет.

— Почему смерть будет? Хворает, что ли? — говорит баруси из избы.

— Нет, не хворает.

— Почему же смерть будет?

— Один человек есть — Форууда. У него чашка есть. Он моего отца спрашивал: «Какова моя чашка? Если мою чашку не уздаешь, — говорит, — убью и тебя». Две чашки будто у него, говорит, пусть отец уздает, из чего они сделаны. Сегодня вечером Форууда к отцу придет. Отец, не узнав, умрет. Какими-нибудь дровами топить надо, чай кипятить, чтобы пить после его смерти. Отец и велел нам дров принести.

— Какого черта тут смерть будет? Как так Дядуру не знает, какие чашки у Форууда?

— Как будут люди знать эти чашки? Откуда уздают?

— Отец ваш не умрет. Пусть он так скажет Форууде: у тебя две чашки. Одна из них, если к огню поднести, растает. Другая, если ее к огню поднести, закипит и из нее жир выступит. Что тут трудного? Зачем Форууда из-за этого людей убивать хочет? Теперь идите к Дядуру и не говорите, что я учила.

Пришли девки к отцу. Плачет Дядуру:

— Ну, девки, пришли?

— Пришли.

— Дров принесли на мою смерть топить?

— Нет, дров не напли.

— Однако, как стемнеет, придет Форууда убить меня.

— Мы человека в избе нашли. Он говорит, что напрасно Форууда про свои чашки говорил. Одна из них от огня тает, другая — жиром закипит.

Тут Форууда пришел:

— Ну, Дядуру! Мои чашки узнал? Не узнал, так тебе конец будет.

Отвечает Дядуру:

— Одна чашка от огня тает, другая — жиром закипает.

— Верно! — говорит Форуда. — Такие они. Ты не умрешь. А Моричэ все время дальше, дальше к лесу аргишит. Где-то там камень пашел, перешел хребет и дошел до леса. Сделал чум. Осмотрел землю поблизости от чума. Там одного человека пашел, рубящего дрова. К нему пришел Моричэ:

— Какой ты человек?

— Мое имя — Санэр.

— Твой чум где?

— Никакого у меня чума нет. Всегда я один хожу. Нигде у меня родни нет. А ты кто?

— Я Моричэ.

— Давай я с тобой жить буду. Худо? Я работать буду.

— Если ты ко мне хочешь, живи. Все равно.

— Ну ладно, теперь будем вместе жить.

Теперь, пока все спят, Санэр оленей собирал, дрова приносил.

Однажды, сидя вдвоем с женой Моричэ, говорит Санэр:

— Нам с тобой вместе жить худо?

— Как вместе жить?

— Мужа твоего Моричэ убью, худо?

— Худо! Как не худо. Шутил ты, что ли?

Санэр засмеялся. Прошло после этого разговора несколько дней. Моричэ ушел за дикими. Добыл их несколько штук и вечером вернулся. Жена на улицу вышла мясо резать. Моричэ в чум зашел. Санэр его ножом в сердце кольнул и убил. Моричэ убив, оставил его труп на чумице и аргишил, взял его жепу. Теперь стал распорядиться. Куда-нибудь съездив, кричит:

— Отпрягай оленей!

Если женщина не хочет, бьет ее. В чум зайдя, кричит:

— Развяжи бакари!

Теперь рассказ уходит от них.

— А где это баруси изба?

Постучал в дверь. Из щели вылезла баруси и говорит:

— Где же мой брат Моричэ? Очень он кричал, что-то с ним случилось.

Пошла баруси. Хоть и не видно дороги Моричэ, все-таки идет по ней и чумице находит. Все время идет. Дошла до чумища, где был убит Моричэ. Занесено оно снегом. Раскопала баруси чумище и пашла труп Моричэ. Погладила его лицо рукой, плюнула на него, растерла. Подышала ему в рот. Равно посмотрела, потеряла ее рукой, и рапа закрылась. Еще в ротдохнула, и Мо-

ричэ живой стал. Теперь пошли. Дорогу Санэра замело, Моричэ ее не видит. Но баруси говорит:

— Я хорошо вижу следы оленей.

Тогда и Моричэ глаза видят следы. Потом баруси говорит:

— Эй, дорогу я потеряла.

Но Моричэ не теряет, видит. Сместся баруси. Так нашли чум Санэра. Самого Санэра нет — диких ищет.

Говорит Моричэ:

— Ну, как твой муж живет с тобой?

— Все время меня бьет, — отвечает жена. — Оленей не отпусти, бакари не развяжу, все бьет меня.

Баруси говорит:

— Этот Санэр беда какой. Ты его сам Моричэ не убьешь. Простой железный нож его не убьет. Только моего ножа он не знает.

У баруси нож из тори, совсем заржавленный. Говорит баруси:

— Этот нож Санэр не увидит, и он очень острый. Ты, Моричэ, спрячься за одеяло.

— А ты сама где будешь?

— Я где-нибудь да буду. В расщелину шеста хоть спрячусь.

Теперь Санэр пришел. Говорит жепщине:

— Бакари сними, парку-то сними.

Сняла жепщина с него парку и бакари. Тут Моричэ, выснувшись из-за одеяла, обхватил Санэра и стал бороться с ним.

Санэр перебросил Моричэ через чум, но Моричэ руки не выпустил и кричит:

— А где баруси? Иди!

Баруси на пол упала и за другую руку схватила. Говорит Санэр:

— У, какой человек пришел. Довольно сильный. Мою руку держит очень крепко.

Тут говорит баруси Моричэ:

— Тыпусти его. Этот человек очень сильный. Может тебе все кости сломать. Лучше я одна попробую.

Выпустил Моричэ-барба руку Санэра. Три дня боролись баруси и Санэр. На третий день с трудом одолела баруси. Перерезала своим ножом горло Санэру. Тут и умер Санэр.

Отсюда вернулись обратно. Моричэ-барба свою жепу обратно увез.

Дошли до своей земли. Баруса опять в ту избу положили. Говорит баруса:

— Может быть, опять что-нибудь с тобой случится. Может быть, ты умрешь. Твою могилу я все равно найду и помогу.

Конец-то здесь.

35. Безголовые люди

Оленный самодия есть. Один у него сын. Это не родной его сын. Это потерянный был ребенок, маленького его этот оленный человек кормить взял. Этот сирота большой стал. У этого оленного человека дочь есть.

Ну, когда сирота большой стал, говорит дочери этот оленный человек:

— Этого своего человека храни. Пусть он тебе мужем будет.

Это не простой оленный человек. Это Оленей отец⁹², его жена — Оленей мать⁹³. Теперь к ним в одну кучу парился тот парень.

Говорит Оленей отец парню:

— Ну, теперь тебя на поганую землю⁹⁴ отправить надо.

— Ну, дедушка, что поделаешь, как не отправишь.

— Ну, я тебя учить буду. Дорогу я тебе расскажу. Вот там из чума маленький хребет видно. Прямо вдоль его гребня следуй в сторону тундры. Когда будешь останавливаться, не останавливайся на обращенном к солнцу склоне, только стой на его другом склоне. Потом опять аргиши.

Кроме того, старик к задней санке аргиша, на которой шесты возят, старую важенку привязал.

— Ну, парень. На поганой земле бедных людей очень много стало, отнесешь им оленей. Но на этой стороне хребта не стой, тут худые люди есть.

Парень аргишил с женой. Ну, как-то вечером остановился. Немного в сторону тундры от гребня хребта стоял.

— Ну, жена, здесь чум делай. А я в гости поеду. Пока аргишем шли, я в стороне солнца дым видел.

Жена говорит:

— На что тебе ехать в те чумы? Это плохие люди.

— Какие такие плохие?

— Это безголовые люди. Тебя найдут они и убьют.

— Жена, надо всяких земель людей посмотреть. Что поде-

лаешь, надо идти. Мне тесть⁹⁵ говорил, что все народы падо посмотреть.

— Ну что поделаешь с тобой, иди.

Посехал с хребта в сторону леса. У! Дым виден стал. Впереди две сапки увидал. Ну, две сапки пришли. Все остановились вместе. Тут парень двух безголовых людей увидел. Головы у них совсем нет, два глаза в плечах. Ну, когда остановились, один безголовый человек говорит:

— У! Какой ты человек. Не нашего народа будто. Голова у тебя есть, нам как будто чужой ты человек. В моем чуме гостевать не будешь?

— Нет, гостевать не буду, — говорит парень.

— Ну, почему не хочешь гостевать? Я тебе подарок дам, гостинец дам.

— Приду я, гостинец дашь, а потом, может быть, меня убивать станешь?

— Ну не знаю, это дело не знаю. Правда, есть у нас люди с плохим умом.

— Ну, товарищи, я не пойду. Я вас здесь подожду.

— Ну ладно, дождайся, я много своих товарищей приеду.

У! Попеселись безголовые, уехали. Немного времени прошло, много санок показалось, очень много санок.

— У! Это что за много санок? Однако, меня будут убивать. Надо на хребет подняться.

Остановился на самом гребне хребта. У! Сапка идет. Не доходя гребня хребта, остановилась. Говорит безголовый:

— Эй, друг! Иди сюда! Нам дороги нет на хребет. На хребет попадем и пропадем, на гребень хребта зайдем — и все пропадем.

— Я тоже не приду к тебе, ты меня убивать станешь.

— У! Убивать все равно станем, стрелять станем.

Ну, потом стрела прилетела, от безголовых в парня пущенная. За гребнем хребта в сторону своего чума оленей своих к санке привязал. Безголовые кричат:

— Друг! Ты на одном месте живи за хребтом, а мы за хребет не пойдем.

Кричат и стреляют, стреляют.

Этот парень очень удачный человек был. Звали его Бойку-батуру. Много безголовых он своими стрелами убил. Они когда стрелять станут, он за гребень хребта отступит. Гребень хребта острый, как пожик. Безголовые очень боятся этого хребта.

Так он всех безголовых убил. Убил их всех и в свой чум ушел.

Оу! Жена его говорит:

— Что тебя долго не было? Что делал?

— У! За хребтом в сторону солнца безголовых людей очень много. Эти безголовые люди нас убивать хотят.

— Ну и как? Убил кого-нибудь?

— Ну, все-таки некоторых из них убил. Пришедших на санках всех убил.

— Ну, другой раз за хребет не ходи. Другой раз и не гляди на него — опять захочешь туда идти. Эти безголовые люди едят людей. Много убивать тоже не надо. Тогда твой тесть, мой отец, на тебя сердиться будет.

Ну ладно. Больше он за хребет не глядел и не ходил. Все время аргишили. Гребень хребта все время вниз уходит, все время вдоль него идут. Когда стоят на ночевке, говорит Бойку-батуру жене:

— По-твосму, мы на землю идем?

Отвечает жепа:

— Этот хребет — моего отца спина. По ней мы едем.

— К той важенке, которая привязана к санке с шестами, дорогой двести оленей пришло и за пей идут. Это почему так? — Бойку-батуру спрашивает.

— Нынче олени родиться-то станут на земле. Много их будет. Бедных людей так, ничего не дав, не отпускай, пусть не голодают. Плохих людей храни хорошенько. Какой бы бедный ни пришел, давай одежду, мясо давай, оленей давай.

Теперь, так на землю приди, жили. Поганой земли людей всех хранили. Кто бы ни пришел, дают одежду, мясо дают, оленей дают.

[Дополнение рассказчика:]

Когда так жить стали, своей земли дойдя, рассказа то только. Это божья весть⁹⁶. В этой вести-таки все правда.

36. Моррэдэ и безголовые люди

Один Моррэдэ с женой и сыном, ребешком, ходит. Только трое их. Моррэдэ этот всегда удачный промышлять, всегда диких оленей добывает. Однажды, на другой день после промысла, говорит утром Моррэдэ жене:

— Надо нам аргипить, передвинуться на другое место. Кости диких оленей, которые у нас скопились, очень тяжелы. Надо их раздробить и вытопить из них жир, чтобы легче было.

Морроде ушел на охоту за диким оленем. Ну, жена как не послушает мужа? Кости ломает, огонь топит. Ребенок как иначе — все около матери путается. Думает жена: «Оу, как это муж, уйдя промышлять на середину Еписея, так скоро пришел? Слышно, как человек пришел. Как это он так скоро пришел?»

Слышно, как к двери подошел, дверь отворил, только руку видно. Рука ребенка к себе манит, к себе зовет. Мать говорит сыну:

— Оу, отец с тобой играет. Рукой тебя манит. Ну, иди к нему, иди, отца за руку схвати.

Ну, ребенок что понимает? Отца за руку поймал. Рука ребенка поймала и на улицу вытащила. Ау! Ребенок как не ревет? Плачет.

— Ну, ребенок, не плачь. У мся дома тоже хорошо жить будешь, так же, как у матери.

Когда старуха из чума вышла, как ветер, убежал тот человек с ребенком.

Парнишка думает:

— Меня несущий человек чем говорит, где его рот слышно? Головы у него нет, глаза у него там, откуда руки начинаются.

— Ну, парень, ты чего глядишь?

— Голову твою ищу.

— Оу! Головы-то у меня никогда не было.

Было это летом. Утром наконец дошли до чума. Оу! Очень много чумов. Три раза по семи чумов стоит, поколку держат. Каждый день в воде диких оленей добывает. Ну, ребенок плакать совсем перестал. Который его принес человек, как отец, его держит, как мать, держит. Этих безголовых людей имя — Лахарэнга-нготу (Рот на животе). Оу! Некоторые Лахарэнга-нготу говорят:

— Оу, брат ⁹⁷! Которого ты промыслил парнишку, мне не дашь?

— Хэй! Ребенка где я добуду? Не отдам.

Ну, целый год так прошел. Другого года лето настало. Опять на поколке сидели. Ну, дикие олени все равно были, много их добывали.

— Ну, отец! Ножик-то сделай мне. Я без ножа согудать мясо не могу, — парнишка говорит.

Ну, Лахарэнга-пготу пожик сделал ему:

— Ну теперь согудай.

Потом самая жаркая пора настала.

Хозяин Лахарэнга-пготу говорит младшему своему брату:

— Разделиться нам надо. На две кучи надо нам разделиться.

Брат говорит:

— Ну какая беда, разделимся.

— Одна куча пусть гусей идет промышлять, а которые плохие люди, пусть здесь останутся, у воды промышлять.

Ну, так разделились, все разделились. Только самые удачные ушли. Пусть неделя прошла с тех пор, как они ушли.

Парнишка говорит:

— Оу, отец! Я почью спать не буду, на улице играть буду.

— Ну ходи играй, что за беда. Только далеко не иди, у чума играй.

Ну, ходит играст, играет парнишка. Дошел до того места, где на берегу ветки лежат, много веток. Оу, ветки, как иначе, опрокинуты кверху дном. В этих ветках в днищах у всех их дыры прорезал. Эти дыры песком прикрыл, затер. Так ветки все продырявлены стали. Одну только оставил целую, спихнул ее в воду и сел в нее. Когда отъехал он от берега, как раз Лахарэнга-пготу все встали. Говорят они:

— Оу! Ребенок как бы не пропал. Надо его достать.

Все ушли за ним одним на ветках. Оу! Некоторые из Лахарэнга-пготу говорят:

— Оу! В моей ветке никогда никакой воды не бывало. Откуда вода в нее пришла?

Так говорили они, и все их ветки полны водой стали. Все люди, которые в ветках ехали, все в воде утопули. Сам парнишка по воде в своей ветке верпулся назад. Всех жепщин Лахарэнга-пготу убил. Всех убил и решил идти по дороге тех людей Лахарэнга-пготу, которые поили гусей промышлять.

Оу! Чумы видны стали вдаль. Оу! Чумов дошел. Младший Лахарэнга-пготу смеется:

— Проклятые люди! Ребенка одного почему пустили? Заблудится и как тогда чумы найдет?

Вот вечером в чуме лежат, едят. Одна старуха говорит, болтает:

— В то время когда этот ребенок пришел, какая это кровь мне в глаза пришла?

— Какая кровь, бабушка? Дивих кровь?

— Не знаю.

Парнишка говорит:

— Ну, какая будет? Диких это кровь. Мой отец⁹⁸ диких-то мало добыл. Отец так говорил: на то место, где осенью мы собираемся, пусть аргишат, когда перестанут промышлять.

Тут удалых Лахарэнга-пготу хозяин говорит:

— Как это так? Почему до нашего возвращения кончили промысел на поколке? Никогда до нашего прихода не кончали там промышлять. Верно, дикий там сразу прошел, оттого так скоро кончили промысел.

Потом на другой день аргишили. Теперь ребенок говорит сам себе:

— Дойдем до того места, и тех не окажется. Что я тогда буду говорить? Теперь, однако, я пропал.

Ну, аргишили, аргишили. Оу! Целый день аргишили. Земля уже темного мерзлой была. Теперь пока шли, пошел дождь. Мерзлая земля оттаяла. Идти совсем нельзя, по колена проваливаются. Хозяин, младший брат того Лахарэнга-пготу, который парнишке был за приемного отца, едет впереди на учаге. Все время с учага падает и падает. Но лук все время в руках держит этот передний человек.

Говорит он:

— Оу! Лук-то я сломаю. Наготово земля плохая стала. Эй, парень, лук-то держи. Я когда с оленя падаю, могу сломать лук.

Ну, сказав это, он отдал ребенку лук. Вот парнишка погами натягивает лук.

— О! Тугой-то, беда! Ну, однако, если сразу его натяну, ладно будет.

Лахарэнга-пготу все время оглядывается на него. Но вот все-таки сюда он не глядит. Парнишка тихонько на лук две стрелы положил. Человек этот совсем близко, два маха мера. Хоть удалый он, да куда уйдет! Потом пустил парнишка две стрелы⁹⁹. Как рыба, испугался учаг. Испугался и сам Лахарэнга-пготу. Сперва он далеко отскакал на учаге, но потом упал с него и сел. Ноги жила над пяткой оказалась у него перерезана. Вот затем парень к аргишу вернул. Старуху и другую женщину — обоих зарезал. Многочисленный народ весь перебил, часть в воде утопил, часть ножом зарезал.

Потом он пошел, пошел пешком и отца пашел. К отцу пришел, и теперь все.

[Дополнение рассказчика:]

Моррэдэ — это такие люди были. Олени у них есть-то есть, но сами они пешком ходили промышлять. Только убитых диких привозили они на санках. Мы тоже так раньше делали. А безголовые люди Лахарэнга-иготу, говорят, верхом на оленях ездили.

37. Озеро смерти

У Боро-тала олелей много. Жена у него и дочь. Сына нет. Всех трое. У девки жених есть — Хунси-тала. Рядом, в другом чуме, живет, девку сватал. Боро не хочет давать. Век просит Хунси-тала. Два чума век рядом стоят.

У Хунси-тала мать есть, отец. Всех тоже трое. Говорит как-то весной Боро-тала:

— Оленья копаница, чумище старыми стали. Надо подвигаться.

Немного аргишили. С нового чумища легким чумом за дикими ушли Боро и Хунси. Вместе ушли. С ними девка, дочь Боро. Две старухи и один старик остались. Боро и Хунси по пятьдесят лучших оленей поймали. Всего сто. Аргишили.

Боро впереди поехал. Хунси запасных оленей гонит. Сразу три аргиша прощли. Чум поставили и дневали. Поехали диких гонять. Девка одна в чуме осталась. Боро и Хунси уехали за дикими каждый особо.

Боро долго ехал. Солнце визко стало, а он все едет. Диких не видал. Вечером семь комолых диких увидел. Доска для скрадывания¹⁰⁰ у него есть. С ней пополз к диким. Так долго полз, что тепло ему стало и взмок от пота. Посмотрел в дыру (бойницу) доски.

— А где дикие?

Нет диких. Нигде нет. На копанице, где были дикие, большой живой налим бьется на снежных застругах. Протер глаза Боро — нет налима. На том месте женщина сидит. С правой стороны волосы себе чешет.

«Даром женщиной стал — тебя убью», — подумал Боро. Просунул ружье в дыру доски. Нацеливаясь, посмотрел: женщины уже нет, пусто. Опять семь комолых диких ходят. Одного из них застрелил. Опустил, положил на санку и обратно поехал. Чума как-то скоро дошел. Низовой ветер несет снег. К чуму близко подъехав, привязал оленей и пошел к чуму. Хочет по-

смотреть, как его товарищ пришел. Но сам почему-то ружье зарядил и пополз к чуму, как будто дикого скрадывает. Подойдя к чуму близко, просунул ружье в бойницу доски. Думает: «Даром это, что я товарища убью».

Видит чум в дыру доски. Подходил он к нему со стороны тундры. Видит, от чума человек идет и кричит:

— Эй, товарищ! Меня не убивай!

Встал тогда Боро на ноги. Отпустил оленей и подошел. Ничего не сказав, лег спать. Утром встал. После чая говорит:

— Даром я старый, ум-то есть все-таки у меня. Это приходит время моей смерти, по-моему. Дикие как-то ум мой испортили. Я умру. До времени своей смерти я дожил. Ты мою дочь просил? Возьми ее. Олени пусть вместе будут. Мою старуху ты храни.

В этот день опять вместе аргишили. Четыре белых комолых быка запряг Боро. На четырех белых быков черные пояса надел и красные ламки. Перед аргишем поехал.

Въехал на высокое место и остановился. Долго стоял. Что увидел? Впереди землю черную, как летом, без снега, видно. Перед тем местом, где он стоит, большое озеро есть. Льда на этом озере нет.

Два яра есть на этом озере. На одном из яров и стоит Боротала. Другой яр прямо напротив за озером. Так остановившись, сидит на санке. Товарищи его подъехали. Зять подошел.

Говорит Боро:

— Мое время умереть настало. Мои предки всегда здесь умирали. Уже тогда, когда я диких увидел, мною бог овладел. Этого озера этот бог — паям. Ты отсюда уходи, как только перестанешь меня видеть. Меня перестанешь видеть — и возвращайся.

Посреди озера белая пена крутится. Вода в омуте крутится то в одну, то в другую сторону. Боро поднялся на ноги. Закричал на оленей и хореем их ударил:

— Мой путь над водой вы видите.

Видят Хунси и его жена: прыгнул Боро вместе с оленями с яра в озеро и по воде, как по земле, поехал. Доскал до яра за озером.

Все время кричит Боро:

— Озеро! Съешь меня! Раскрой свое горло.

От того яра повернул обратно и опять к первому яру приехал. Взад и вперед по озеру меж ярами ездит. Еще раз вернулся и наехал на омут. На омут наехал и сразу исчез. Из омута

семь белых пузырьков¹⁰¹ показалось. Два скоро исчезли, пять еще видно.

Женщина, дочь Боро, говорит мужу, Хунси-тала:

— Мой отец так говорил мне: если ты сегодня меня возьмешь, семь детей будет у нас. Но двое из них все равно в этом озере погибнут.

Тут из омута женщина показалась, которую видел старик в бойницу доски, когда охотился на диких. Теперь она левую половину волос чешет. Другая половина волос уже причесана.

Сидит эта женщина на воде, сжав вытянутые ноги, и чешет волосы. Говорит эта женщина:

— Два белых пузырька вы мне сами отдайте. Самый старший сын ваш моим паем будет впредь. Теперь в чум поезжайте. Парня жалеете? Не жалеете. Его парода на земле много будет.

Женщина на яру просит баруси:

— Пусть ты бог, ухо есть у тебя, рот есть. Даром ты баруси — ухо есть у тебя. Когда время придет детей отдавать — пожалей нас. Лучше собаку или оленя возьми. Детей отдав, я очень мучиться буду.

Жена-баруси все волосы чешет:

— Если одного пожалеешь, потом трех надо будет.

— Почему по-иному не сказала? Почему так остро говоришь? Не стану я давать детей!

— Даром не дашь! У меня руки длинные — везде достану.

Так сказала и исчезла. Вернулись в свой чум муж и жена. Поехали домой — женщина аргиш ведет, мужчина оленей гонит. Пришли в большой свой чум. Стали жить вместе пять людей. Потом старики, отец и мать Хунси и жена Боро, умерли. У Хунси и его жены ребят много родилось. Но олепей мало стало. Только на аргиш осталось. Шесть парней выросли. Седьмая, младшая — дочь. Самый средний сын — шаман. Бубна пет, парки памапской пет, только говорит, как шаман. Ночью во сне шаманит. Ночью шаманит и говорит:

— Время моей смерти приходит. Увезите меня к озеру. Не увезете меня к озеру, я совсем пропаду.

Говорят ему мать и отец:

— Как увезем тебя к озеру? Наш отец там умер, худое это место. Не уходи туда. За тебя мы четыре оленя и три собаки ухесем.

Аргишили к озеру. Недалеко от него, близ маленького озера, на речке, чум поставили. Продолбили прорубь для воды. Вече-

ром шаман с братьями и отцом и матерью, всего девять людей, поехали к озеру. Взяли с собой оленей.

Олени запряженных и санки на яру оставили. Сами с яра к воде пешком спустились. Трех собак и четырех оленей связали. Говорит мать озеру:

— Мне сыновей жалко. Пусть собаки твоей долей будут.

Бросили собак и оленей в воду. Стали подниматься на яру к санкам. Что-то слышно стало. Омут опять крутится. В омуте налима видно стало. Говорит палим:

— Сперва вам сказано было, что сына вашего падо. Почему жалеете, не даете? Старшего сына связали бы и бросили. Ваш отец позади меня сидит и так говорит.

Женщина не перестает просить:

— Отпусти сыпа! Собак, оленей возьми. Парпя-то жалко!

Налим исчез. Вышли на яру и опять что-то слышат. В омуте женщину видят. Говорит она:

— Парпя вам жалко? А отец ваш говорит так: «Самого старшего сына и самую младшую дочь давайте».

Говорит тогда Хунси:

— Этот баруси нас не отпустит. Сын пусть вперед выйдет, сам баруси просит.

Вышел парень вперед. Стали с яра отец, мать и сам он просить баруси пожалеть их. Вдруг под парнем яру обвалился, упал он в воду и исчез. В воде ничего не видно. Тут мать нож, которым оленей кололи на берегу, откуда-то выхватила и грозит женщине на озере:

— Пусть ты бог! Пусть ты человек! Подойди сюда. Я тебя ножом одолею. Иди сюда!

Женщина на озере руку подняла:

— Мою руку видишь! Хоть уйдете вы в свой чум, достану, что мне надо. Вместе в ваш чум придем.

Это сказала и исчезла. Вернулись в чум. Мать с дочерью на одной сашке ехали. Мать стала оленей распрягать, девочка в чум ушла. Взяла в чуме котел и за водой пошла. Наполнила котел водой. Мать пошла к ней, чтобы помочь поднять котел и унести его в чум. Когда она подходила помогать, девочка на ее глазах упала в ирорубь. Мать хотела удержать ее, но пусто в руке! Шарит в воде — ничего нет. Говорит мать тогда:

— Ничего не падо бросать в озеро. Ничего от этого нет пользы.

Все время жили на этом месте, не аргишили. Шаман шаманил и говорил:

— Впереди нам еще худо будет.

Два сына еще в чуме умерли. Остались сам Хунси, его жена, дочь Боро, их сын-шаман и еще два сына. Те, другие два парня, от голода умерли. Ни одного оленя не осталось, всех съели. Никакого промысла не могут пайти. Шаман все время шаманит. Ничего не помогает. Куропатки не могут добыть. Шаман говорит:

— Наших отца и мать сами убивать будем. Одного озеру отдадим, другого отдадим, чтобы промысел был нам.

Никуда не ходят из чума. Голодные лежат в нем, силы нет. Шаман лежал, лежал и ушел на улицу. Близ чума нашел диких — важенку и пороза. Этих диких убил он, и съели они их. Утром на другой день увидели, что отец и мать умерли почью. Два диких — пороз и важенка — это была цена отца и матери. Так сказал шаман.

После этого стали много диких добывать. Шаман себе бубен сделал, парку шаманскую сделал. Пошел как-то шаман диких искать и чум юраков нашел. К этим юракам парились. Шаман себе в жены юрацкую девку взял. После этого все трое жить стали хорошо. Очень хороший промысел нашли. Очень богатыми стали. Все.

исторические предания

38. О древних людях на Таймыре

За морем люди есть, чужие люди — банка. Раньше их пасти были на берегу Таймыры в тундре. Сейчас этих людей нет здесь, они за морем, далеко.

За нгасасанами наблюдал такой человек. Нгасасаны рыбу добывали.

У нгасасан остались на чумице рыбы кости. Парень-банка увидел эти кости и сказал:

— Это какого животного спина? Какая интересная! Мы не знаем таких.

Банка убежал. На старом пастнике настороженных два самострела оставил. Между ними проходила дорога диких оленей.

Этой дорогой поехал нгасасан, не зная, что насторожены самострелы. Оленья нога задела нитку самострела. Теперь стрелы, обе стрелы, в сердца обоих быков попали. И самого нгасасана убили. Брат убитого стал думать: «Кто это сделал? Наверное, это банка сделали».

Теперь нгасасан этих банка искал. Через некоторое время этих банка нашел. Бегают, что-то делают. Нгасасан говорит:

— Эй Банка-парень! Иди сюда! Играть будем.

Банка-парень говорит:

— На погах меня не догонишь, я убегу. Даром у тебя два быка.

Нгасасан рассердился:

— У меня брат умер, два быка убиты, я тебя убью.

Банка за море ушли. Сейчас пастей банка очень много еще у устья Пясиной. Если бы это так не произошло, то банка эти и теперь здесь были бы.

Кроме диких оленей они песца промышляли клепцами.

Одежда была из шкуры в воде живущего сохатого. Кругом эта одежда была зашита. Одежд не было. Лишнюю шкуру с собой таскали, пришитую к одежде. В эту шкуру завертывались и так спали. Это были люди такие же, как чукчи.

39. Волосатые люди

Один тунгус был совсем бедный. Говорит:

— Время пришло пасти смотреть.

Олспей нет у него, четыре собаки запрягает. Стал высматривать пасти. Жена дома осталась, детей нет. На земле, где пасти стоят, у него амбар был. Сильная пурга ударила. Передовой собаки нет. Насилу поехал, насилу дошел до амбара почевать. Собак у двери оставил, сам еду ест.

Темная пора. Пурга становится все сильнее. Собак положил в избе. В полночь сильно залаяли четыре собаки.

— Кто пришел?

Хочет тунгус посмотреть. Дверь отворил, голову выставил. Маленько ясно стало. Видно: один человек идет. Лицо все в шерсти. Только рот и глаза видно. Видом человек: две руки, две ноги. В одной руке березовая палка в аршин длиной, в другой — лоскут красного сукна.

— Это что такое? — говорит тунгус. — Как родился, такого не видел.

Сердце его испугалось. Кричит:

— Какой человек ты? Чей человек?

Не отвечает. По-видимому, не понимает. У тунгуса были добытые песок и ушкап. Испугавшись, показывает песка:

— Надо?

Тот руками помахал — значит, не надо. Тогда тунгус ушкапа показал. Тот человек руку протянул: будто надо. Тунгус пошел к нему отдавать ушкапа. Человек взмахнул палкой и лоскутом, как крыльями, и, не касаясь земли, отскочил. Рукой машет так, будто падо ушкапа. Тунгус бросил к нему ушкапа. Ушкап у ног волосатого человека унал. Тот опять испугался, взмахнул руками и отскочил. Потом, нюхая дух от ушкапа, по ветру зайдя, осторожно подошел к ушкапу. Разломил его руками и стал есть мерзлого.

«Это что за человек?» — думает тунгус. Сердце совсем пугается.

Крикнул тунгус волосатому человеку:

— Эй, друг! Чум-то есть ли? Я у тебя гостевать буду? Я бедный человек.

Тот рукой показывает, что если тунгус пойдет за ним, то он разрежет его пополам. Тунгус перестал говорить. Волосатый человек, махая руками, как крыльями, чуть касаясь земли, ушел на низ.

Тунгус говорит сам себе:

— Его дорогу гонять буду.

Пошел по дороге волосатого человека.

— Какой у него чум буду смотреть.

Едет за ним на собаках. Гонит, гонит. День прошел, вечер настал, ночь наконец настала. Доехали до воды. Высокие яры над ней. Несмотря на зиму, вода талая. Волны хлещут до вершины яра. Через воду ледяной мост ширпой с санку. По этому мосту ушел след волосатого человека. За водой три постройки видны: изба и два амбара. В избе дверь и два окна.

Тунгус собак привязал и зашел в избу. Тепло. В избе много медведей спят. Есть рожденные в избе и есть не в избе рожденные. Все спят — полночь. Среди медведей прошел тунгус туда, куда тот человек прошел. Тихонько говорит:

— Медведи, пожалуйста, спите. Я бедный человек. Я хочу живым быть. Не сердитесь.

Следующую дверь открыл. Опять изба. Тут лежат мамонтовые клыки, испиленные железной пилой па дрова. Совсем густо их.

Дальше прошел, дверь открыв, в самую избу попал. Жарко, свечи горят. Три человека лежат на спине спят. Лица у всех мохнатые. Большие люди, кости большие. Без парок и одеял спят на нарах.

— Это какие люди?

Один человек носом потянул, чихнул. Смотрит тунгус: у двери одна девка спит. Лицо белое, красивое, сама большая. Лицо увидел тунгус, и пояс поверх парки расстегнул.

— Очень хороша девка! Спать с ней очень хочется.

Захотел он женщине. Парку сбросил и рядом с ней лег. Немного толкнул ее. Она спит, не слышит.

— Эй, что буду делать?

Тут она проснулась.

— Ты что за человек?

— Человек.

— Для чего меня рассматриваешь?

— Как не стану рассматривать? Ты вставать не хочешь. Как тебя иначе разбужу?

— Однако, тебе что-то надо от меня?

— Как не надо. Маленько-то тоже надо.

— Это, по-моему, худо. Почему ты так делаешь? Так разве делают? Ты меня знаешь?

— Нет, не знаю.

— Конечно, не знаешь. Это мука — незнакомый человек как так женщине чужую ищет. Хорошенько надо узнать от рождения. Тогда искать ее можно. Так пришел да искал — это неладно. Как-нибудь твой короткий толк хорошим сделать надо. Тебя учить надо, другой раз тогда не будешь так делать. Ты кто? Бедный?

— Бедный.

— Что надо?

— Жизнь надо. Совсем я беден.

— Если жизнь надо, тогда помогу. Если бы ты ко мне не лез, хорошенько бы я помогла. Теперь только немного помогу. Без чего-нибудь все-таки не отпущу.

Близко от себя достала девка черную мягкую шкуру. Шерсть как серебро.

— Это унесешь с собой. Грамотные люди посмотрят и цену скажут. Она очень дорогая. Это дам. У меня три брата. Ты как выйдешь, я им скажу про тебя, потому что твою дорогу они все равно увидят. Если у тебя собаки сильные, то все хорошо будет. На улицу выйдешь, скорее уезжай. Дойдешь до своих, про нас не говори. Может быть, много гостей к нам будет. Это худо, неладно будет. Сохрани тайну.

Тунгус быстро к нарте на улицу ушел. Сел на нарту и сильно ударил собак. Собаки домой как на крыльях летят. Оглянулся: один человек в шерсти за ним, как на крыльях, мчится. Насилу тунгус за воду ушел по мосту. На яр стал въезжать сидя на туркучанке, не слезая. Волосатый человек тут за два задних копыла ухватился, оторвал пол туркучанки. Тунгус спереди сидел, на половине уехал. Отсюда, с яра, тот человек вернулся.

Насилу дошел тунгус до своего амбара. Здесь почевал. Рыба была у него здесь. Ел ее, варил. На другой день в свой чум поехал.

Своего чума, жены дошел.

— Ты почему долго, — спрашивает жена, — какую работу нашел?

— В другую землю попал. Кружал.

Потом аргишили вверх на двух или трех санках на собаках. Тихо ехали. Земля далеко, как скоро поедут. Стояли и опять ехали. Так куда-то далеко к русским ушли. Русские посмотрели шкуру.

— Ты где ее нашел? Эта шкура совсем дорогая!

Взял тунгус за эту шкуру 20 парт товара. Мешок денег взял. Потом в свою землю вернулся. Пуцальни делал. Каждую весну муку ел, сухарь ел. Сетями диких и рыбу ловил. Так богатым стал.

Конец-то здесь.

40. О приходе авамских нгансан

Сперва люди только луки имели. В то время наша земля была на низу, такие вести мы слыхали.

На низу будучи, люди промышляли. Промышляли дикого неводом. Кончив промышлять, возвращались в чум. Далекo ходили. Возвращаясь, увидели воду, загородившую путь, из-за которой земли не видно.

— Как дойдем до чума? Иную землю искать надо.

Кругом везде ходили и увидели людей. Сомату увидели и к ним присоединились.

Сомату говорят:

— Откуда вы, иные люди, пришли?

— Землю искали да пришли.

— Почему свою землю покинули?

— Вода так нас разделила.

— Плыли бы за воду в свою землю. Нам вас не надо, хоть умрите все.

— Жен давайте лучше, чем прогонять. Эта земля будет наша, здесь мы жить будем.

— Жен не дадим, — говорят сомату.

— Ну, тогда война настанет.

— Пусть, — сомату говорят.

Стали драться из луков. Землю делили сомату и наши люди. Давно эта война была, когда еще земля родилась.

Сомату (хантайских) наши люди побили. Авамские люди сильные были. Сомату вверх ушли на берег Елисея. Жен авамские взяли.

Такие, как у сомату, сокуи с рогом — это сомату женщины нам снили. Старые же наши парки такие же были, какие теперь у женщин.

Сильны мы были, говорят. Около Енисея была земля юраков. Говорят юраки пришедшим к ним сомату:

— Почему в нашу землю пришли?

— Авамские нас сильнее оказались.

— Мы этого не знаем, — говорят юраки. — Давайте воевать.

— Не надо, — говорят сомату. — Ни одной копейки на это по поставим.

Все-таки решили юраки воевать с авамскими.

Против Бархатова сопка есть. Комуго — ее имя. Около этой сопки война была. Юраков здесь совсем кончили. Которые остались живы, просили пощады. После этого юраки дальше ушли.

Потом сверху русские пришли. О наших людях слышали, что очень сильные они, из лука стрелять очень хорошо умеют. Как русским их покорить? Говорят русские одному нашему человеку:

— Ты свой народ сам учи.

Человек этот говорит:

— Как я его учить буду?

Русские бумагу дали, на ней изображение лица. Железную печать еще дали и сказали:

— Наш хозяин — царь, твой хозяин — царь. Ты в своем народе сам худых людей убивай. Твои люди сильны, наш народ тоже силен — оба одинаковы.

Так стал наш князь¹⁰². Поймает кого — сам лук отнимает. По-старому жеп брать силой нельзя стало, судили. За жену стали калым давать и так стали брать жен. Детей народили, стали мирно жить. Навсегда стали мирными, навсегда луки бросили.

41. О происхождении авамских самоедов

Наш народ пришел в эту землю с низу из-за большой воды. Диких оленей искали и так пришли сюда. В этой земле раньше жили сомату — хантайские самоды. Наши люди, как пришли, воевали с хантайскими и много их побили. Потому хантайские ушли вверх за Пясину.

Потом девок брали наши люди у хантайских. Хантайские

жены шили нашим людям хантайскую одежду. Вот потому у нас и у хантайских сейчас одежда одинаковая.

Когда наши люди пришли сюда, они не имели таких сапок, какие сейчас у нас. Эти сапки мы тоже научились делать от хантайских. Сперва у наших людей пизенькие нарты были, как у якутов за Хатангой.

От устья Таймыры в сторону тундры есть старая самодийская ледовка. Там стоят вот три такие пизкие нарты, какие сейчас у якутов, а не такие сапки, какие сейчас мы держим. Там тоже лежат медные котлы и деревянный ковшик, все очень старые. Это старая ледовка наших людей. Когда я молодой был, я с другими людьми еще далее ходил к морю, выше того места, где Таймыра пала в море. Там мы реку нашли. На реке стояла изба вроде русской. Мы вверх по этой реке пошли. Выше этой избы по реке мы нашли другую избу, а через день пути нашли еще третью избу. В этой избе я видел детскую зыбку, такую, какие сейчас у нас, и пилки для сушки песцовых шкур. Однако, там когда-то давно жили русские.

Когда наши люди пришли на эту землю, с ними пришли еще два человека какого-то другого народа. Говорят, это чукчи были. Наши люди у этих чукчей стали девуку просить. Они не дали. Тогда наши люди рассердились и всех этих людей убили. Только один из этих чукчей убежал. Пешком он ушел в тундру. Потом он голодный стал. Пасть нашел дедушки, отца якута, Подо-старика. Этот чукча руку в пасть сунул, хотел приманку съесть. Но пасть упала и руки ему придавила. Наши люди по его дороге гпались и нашли его замерзшим, с руками, придавленными пастью.

Половина нашего народа еще где-то далеко на низу есть. Говорят, давно один якут уехал далеко на пиз, за Хатангу. За Хатангой он еще две большие реки пересекал, такие, как Хатанга или Еписей. Между этими реками жили дикие, обросшие волосами тунгусы.

За этими тунгусами, близко от земли чукчей, этот якут нашел народ, от которого когда-то ушли наши люди в эту землю. Мужчины этого народа носили парки вроде таких, какие носят наши женщины, с воротником из песцового хвоста. Говорят, что раньше наши люди тоже носили такие парки. Шапки у тех людей были вроде наших женских из собачьей шкуры, но с шишкой над лбом, как у нас сейчас сушку на сокуях.

Этот якут там у князя этого народа гостевал. Потом этот якут обратно пришел и заболел и умер. Когда он болел, то

рассказывал еще, что у того народа есть названия всех пяти родов авамских самодей и что князь тех людей говорил, что часть его народа давно когда-то ушла вверх и с тех пор об этих ушедших людях ничего не известно.

42. В земле чукчей

Один юрак заблудился. Заблудился и несколько лет ходит, мышами питаясь. У мышей, говорят, хорошее мясо тоже. Так блудил, блудил юрак и до моря дошел. Ну, через море он идти не может. Ну, это что за следы пешего человека он увидал? По этой дороге по льду моря пошел. Так идя по морю, взломанный лед нашел, открытую воду нашел. Дойдя до открытой воды, он целую неделю тут сидит. Усталый, голодный, он куда пойдет? Он все время пешком ходил.

Потом видит: за водой этой человек идет. Увидев человека, юрак на ноги встал. На ноги встал, и человек тот к нему пошел, прямо к нему пошел. Совсем близко к юраку подошел и, не останавливаясь, перешагнул через открытую воду прямо к юраку.

У! Это что за человек? Тело его очень большое, одежда длинная. Через одно плечо кругом груди веревки намотаны, очень крепкие веревки. Говорит этот человек:

— Эй! Какой человек ты? Какой человек пришел?

— Оу! Я заблудившийся человек, да не могу в земле разобратся, да вот теперь моря дошел. Теперь здесь дорогу увидал и по ней вот сюда пришел.

— Эй, друг! — тот другой говорит. — В очень далекую землю ты зашел. Эта земля-то — чукчей земля¹⁰³. Ты до земли чукчей дошел. Вот меня видишь? Я чукчей удалец¹⁰⁴. Мой путь очень долгий. Ты нынче куда думаешь идти?

— Нынче куда я думать буду идти? Видом я хорош? Я только огонь иду.

— Ну, в мою землю хочешь?

— Ну а воду я как перейду?

— Ну, через воду я тебя перетащу. В мою землю придешь — у меня живота много. Все есть, что надо для жизни. Всякие там люди есть, да все богатые.

— Ну, спасибо! Меня если подынешь, так что ж. Твоя земля, моя земля — все равно одна земля. Была бы еда только.

— Вот это что? Это что за веревки, ты думаешь? Это для того они — тебя я нашем, тебя я ими перевяжу по телу, чтобы тебе унести можно было.

Ну вот и обвязал чукча юрака этой веревкой, подпоял на плечи и, раз шагнув, оказался за открытой водой. Ну, потом он все время, не снимая юрака с плеч, побежал, побежал по дороге, такой же, по какой юрак сперва шел. Оу! Бежал очень быстро, как гусь, летел. Наконец-то через несколько дней до земли дошел. Тут парод стоит, чумы, много чумов, очень много. Некоторые из них большие, некоторые маленькие. Близ чумов чукча остановился и сел.

— Ну, товарищ! Теперь в какой чум тебе надо? Это вот — мой чум, это — отца чум, другой — старшего брата чум¹⁰⁵. Старших братьев у меня много. Где будешь жить? Или в моих руках, или как?

— Ну как иначе еще? В твоих руках буду. Теперь какой работы от меня надо?

— Ты какую работу знаешь? — чукча говорит. — Наша работа не тяжелая, только санки мы не умеем делать. Ты санки делать умеешь?

— Оу! — юрак говорит. — Как не умею! Вот теперь вам санки делать буду.

— Ну, спасибо, — чукча говорит. — Теперь с нами будешь жить.

Теперь живет юрак с чукчами. Всякую еду ест. Рыбу ест, мясо ест — диких они тоже добывают. Сапок он очень много сделал. Сколько чумов жило тут — всем сделал. Которые оказывались лишние санки, людям бесплатно отдает. Все чукчи-люди санки иметь хотят. Ну, табуц у чукчей очень большой, оленей наготове много. Все олени большие. Ну, так живет он. Потом чукча, хозяин его, говорит:

— Нынче ты нашу землю узнал. Теперь иди к людям в гости, соседи-то у нас близко есть. У тех людей гости.

Вот теперь поехал юрак в гости. Два быка запряг ему чукча и говорит:

— Не торопись. Сколько хочется тебе, столько и ночуй там. Во всех чумах почуй. Там все есть. Диких они тоже добывают, жир есть, рыба есть.

Ну, теперь юрак все время по чумам почует. Хорошо ест. Бедных несколько пет. Потом говорит юрак:

— Ну, теперь надо мне в свой чум идти, к своему хозяину.

— Ну так просто как пойдешь? — те чукчи говорят. — Ты гостинца должен унести.

Дают ему гостинцы — оленей. Так он из кучи в кучу ездит. В некоторых кучах такие люди живут — одеваются в нашу лопать, говорят по-нашему, паши бакари у них и суыгуку, как у нас. Эти паши люди, живущие около чукчей, спрашивают юрака, как живут в их земле, есть ли там болезни. Юрак говорит:

— Как пет болезней? Иногда целые кучи умирают.

Это услышав, те наши люди очень испугались и сказали:

— Ну, ты тогда долго не мочуй у нас. В нашей земле болезней нет.

Наутро встал юрак. Он почевал у нашего человека, очень хорошего человека. Этот наш человек говорит:

— Ну, товарищ, домой поедешь?

Поскал он к своему чукче-хозяину. Во всех чумах, где он почевал, каждый раз ему по пяти оленей ловили и дарили и других подарков разных давали — парки, бакари. Теперь, как он домой пошел, целый табун с собой угнал. Быки то быки, важеники то важеники, все очень хороши. Дошел до своего чума. Чукча-хозяин говорит ему:

— Товарищ! Ты будто много оленей принес. Этих оленей потеряй. Ты, однако, хочешь в свою землю вернуться?

— Ну, не знаю. Только твой ум гоняю я. Сколько лет я здесь прожил, этого моря лед ни разу не таял. Сам собственными силами как я уйду?

— Если хочешь в свою землю, то не буду держать тебя. Санки ты все сделал. Я тебя сам понесу.

— Ну, раз ты улесешь меня, это лучше. Ну, эту талую воду как будем переходить?

— Ну, это не твоя забота. Это я сделаю. Ну, теперь ты из моих рук еще сто оленей улеси в подарок. Других чумов наших люди сколько дадут, не знаю. Но сколько ни дадут, у тебя табун очень большой будет. Кроме той дороги, по которой мы пришли, еще другая дорога есть. Этой дорогой тебя попесем. Там эта открытая вода закрыта нами. По этой дороге весь твой табун пойдет.

Вот теперь ему много оленей отделили. Из каждого чума очень много оленей ему отделили чукчи. Теперь погнал он табун. Сапок ему дали, всего ему дали чукчи в подарок. Много чего он улес, только жены не улес. Так пошли с табуном и до талой воды опять дошли. Талая вода в этом месте вся досками покрыта, очень широкая дорога из досок сделана. Ну, теперь

талую воду перешили. Табун в восемьсот голов перегибал, собак перевел. Только собаки сейчас товарищи юраку. Чукча сказал: — Земли как дойдешь, не торопись, а пока по льду идешь, не стой, торопись, на льду теперь не останавливайся. Оленей только в санке своей меняй и иди. Когда будешь к земле подходить, может плохо получиться. Сейчас весна, забереди скоро будут.

После этого пошел юрак один с табуном. Не останавливаясь все время идет табун, хотя нет людей, чтобы гнать его. Ну, за морем теперь до земли дошел. Проголодается — какого попало оленя убьет. Теперь, земли дойдя, не торопится, медленно идет. Сейчас лето, жарко, сами олени ходят, не гонит он их.

Теперь людей дороги он нашел. Будто свои люди, санки, дорога-то такая. Вот теперь на Авам он попал, прямо от Таймыры попал. Вот теперь людей нашел, все авамские самоды. Теперь у авамских жену взял. Жену взяв, в землю юраков, в свою землю, пошел. Вот до своей земли теперь дошел юрак.

Дошел до нее и куда пойдет? Тут у табуна своего и стоит, своим юракам олепей в подарок дает. Рассказывает своим товарищам: так-то жил, так-то жил, очень много плохого видел, потом хорошее нашел. Ну, юрак в свою землю пришел, и теперь все. Больше никуда не идет. Теперь рассказ весь.

[Дополнение рассказчика:]

Этот рассказ я слышал от юрака рода Ябтонгэ, когда я молодым был. Нынче этот юрак давно умер. Он говорит, что тот юрак только с края у чукчей был, там дальше их еще больше и наших людей еще больше. Там тоже дальше море, и где-то за морем были русские, и чукчи от них табак брали.

Эти наши люди у чукчей совсем по-юрацки не говорили. Вадеевские тоже по-иному говорили, а юрацкого языка и сейчас не знают. Однако, те тоже такие были. Не знаю, как он с ними говорил.

Чукчи болезней не боялись, все равно как русские. Чукчей много было. Наших людей по сравнению с чукчами там мало было.

43. О чукчах

Давно, когда здесь еще только Лодосэда были, а мы, авамские люди, на Аваме были, на Пясине тогда чукчи были. Их санки еще до сих пор там есть. На краю большого хребта в тунд-

ре я нашел глубоко в земле их санку и чумовые песты. По берегу Пясины везде много чукотских санок.

Один человек-чукча на краю моря, говорят, был очень богатый. Однажды куда-то на берег Пясины пришел этот богатый чукча. Из вадеевских тогда же два человека пришли туда. Чукчей чум увидели эти вадеевские. Один из них говорит:

— Надо убить их.

Другой говорит:

— Подождать убивать надо, сперва посмотреть падо.

Самые лучшие чукчи одну ногу и одну руку имели. Когда увидели чукчи этих двух вадеевских людей, сами себе горло перерезали. Один только худенький старичок-чукча остался живой, шею не резал себе. Те два вадеевских человека вошли в чум чукчей. Чум большой, около него много олсней.

Думают вадеевские: «Почему себя убили они? Наверное, совсем сердца (т. е. смелости) у них нет».

Говорят вадеевские:

— Почему себя убивали?

Старичок говорит:

— Меня оставьте в живых.

Вадеевские говорят:

— Почему тебя убивать станем?

Старичок говорит:

— В нашей земле богатства много. Что вам падо, все дадим. Мы только такую просьбу имсем — живыми нас оставьте. Я теперь один остался, но все равно сам себя убью. Когда я себя убью, тело мое, живот — все возьмите. Пусть наши олени в диких не превратятся.

Старик себе горло перерезал, другие чукчи убежали. Так вадеевские все богатыми стали.

В середине моря, говорят, талая вода есть. Ту воду, так говорят, переходят чукчи. Большое количество леса-плавника поставят и по нему идут. Такие они удалые чукчи.

И так эту землю бросили чукчи, и их здесь не стало. Вадеевские давно очень плохими людьми были, и поэтому их боялись.

44. Приход авамских нганасан

Где-то на пизу был народ, носивший парки такого покроя, какого сейчас носят наши женщины и какие носят тунгусы. Эти парки мы сейчас называем лихаре.

Эти люди, несколько человек из них, пошли на охоту за дикими. Перейдя большую реку, пришли в эту землю. Когда стали возвращаться, увидели, что река прошла.

Ждали, ждали, когда она замерзнет, да так и не дождались. Пошли опять сюда. Здесь жили тогда юраки и сомату.

Эти охотники и были наши предки. Это были совсем дикие люди. Сомату и юраки сердились на них за то, что они промышляли и истребляли диких на их земле, на их местах. Наши предки стали воевать с сомату и юраками. Победили их и прогнали вверх.

Но юраки не хотели уступить землю, на которой они промышляли диких. Собрались большой ордой и снова пришли. Решили юраки воевать с нашими людьми только днем, а ночью не воевать. Пришли юраки и наши люди друг к другу в гости. Юраки говорят:

— Будем драться на земле, которую выберем.

Наши люди согласились. Юраки выбрали сопку Комогоу и стали на ее вершине. Наши люди стояли внизу, под сопкой.

Стреляя и смотря сверху вниз, юракам было трудно видеть на земле наших людей. Все их стрелы пролетели мимо. Наши люди хорошо видели юраков. Они выдвигались на небе, стоя на вершине сопки. Стрелы наших людей, оперенные перьями куропаток, попадали в цель. Половина юраков погибла, половину отогнали за Еписей.

Потом пришли русские и обложили наших людей податью. Сперва русские приучали наших людей к табаку, подавая его им на конце копья. Позже, когда наши люди стали платить подать, они ее тоже подавали на конце копья, так как боялись русских, будучи совсем дикими людьми.

Рыбу тогда они сетями не ловили. Только колоди ее копьем, плавая в ветках, сделанных из ровдуги.

45. История авамских нганасан

Бог сделал двух людей. Были это самоди или русские, не знаю. Одежды никакой не было у них. Теперь бог сказал им:

— Траву не ешьте.

Бог ушел. Два человека сидели. Потом пришел еще один человек. Они его спросили:

— Ты какой человек?

— Я человек.

— Что ешь?

— Траву ем.

Двое людей травы поели. Верно — сладко. Но посмотрели они друг на друга, стало им стыдно, и закрыли они себя травой. Пришел бог и говорит:

— Ну, траву ели?

— Не ели.

Бог посмотрел:

— Ну, ты мужчина, а ты женщина.

Увидев это, бог покинул их. После этого стали они жить. Много детей стало, целый народ.

Дети ходят, никакого языка не зная. Бог посмотрел:

— Почему не говорят? Ну! Пусть не умрут.

Бог ртом сильно подул. На народ сильный ветер пошел. Теперь люди все упали, умерли. Все умерли. Посмотрел бог: все умерли. Тогда опять немного подул. Люди стали оживать, вставать. У одного мужчины и одной женщины один язык стал — русский, потом у других мужчины и женщины — юрацкий, потом у других — карасинский. Здесь двух человек родил бог — самодей, авамскую орду.

Затем наших людей много стало. Наши мужчины, хорошую женщину пайдя, мужа убивали, женщину брали. Так жили и решили:

— Ну! Куда-нибудь надо идти. Может быть, богатых людей найдем, тогда живот у них отнимем.

Сколько-то товарищей собралось, двадцать или тридцать, и ушли. Пошли они в эту землю и нашли здесь хантайских. Стали воевать и победили хантайских.

Против Бархатова, на краю тундры, у реки Дудыпты, есть сопка Камагуо (по-хантайски — Камаго). Тут Чунанчары, Порбины, Липанчары и Нгуомдя с хантайскими сомату и карасинскими мункаси воевали из лука. Может быть, десять лет воевали.

Оставшиеся в живых хантайские убежали за Енисей и даже дальше. Тут тогда помирились. Хантайских девок купили, карасинских девок купили. Авамская орда тоже отдала четыре девки.

Потом юраки пришли войну поднимать на хантайских. Хантайские думают: «Авамские раньше убивали нас, хантайских. Юраки, однако, нас тоже будут убивать. Авамские самоди теперь нашему народу родня. Надо как-нибудь искать себе в помощь солдат у родни авамской орды».

Тут теперь пришли юраки. Стали воевать с хантайскими. В первой драке убили юраки одного хантайского. Тушу убитого согудали юраки.

Хантайский князь сказал:

— Ну, пусть ночью пойдут которые-нибудь искать солдат у авамской орды. Пусть идут так, чтобы юраки не видали.

Тихонько послали хантайские две санки. На другой день опять воевали остальные люди. Опять двух хантайских убили юраки и согудали их. Копчился день, настала ночь. Тут две санки пришли, привезли одного авамского самодина, по имени Торуда Линапчар.

Настал теперь опять день. Настал день, и стали опять драться. Теперь ни одного хантайского юраки не убили. Настал опять вечер. Хантайские говорят:

— Ну, надо сходит в гости к юракам.

Чумы хантайских и юраков стояли близко у озера. Два человека хантайских пошли в гости к юракам. В чуме сели близко опи к юрацкой девушке. Юрацкие удалые люди тоже здесь сидят. Начальник юраков тоже есть тут. Юрацкий удалый человек сказал:

— Вы, хантайские, пикуда не ходили?

— Нет.

— Как не ходили? Однако, пришел кто-то. Стрелы другие прилетают, лицо видели мы другое. Однако, привезли вы себе солдат. Однако, авамские пришли.

Наступило время ложиться спать. Хантайские вернулись в свой чум. Один из ходивших, удалый парень, сказал:

— Узнали юраки авамского человека.

Настало утро. Торуда говорит:

— Дайте мне другую парку, другие стрелы.

Помесялся он с хантайским удалым парнем паркой и стрелами.

Когда настал день, стали они опять драться. Юраки говорят, видя человека в одежде Торуды:

— Ну, вот новый человек пришел!

Теперь дрались. Юраки теперь все время кричат. Двумя стрелами люди стреляют. Стоят плотно, как стена.

Теперь пустил Торуда стрелу. Одного юрака ранил. Но хоть раненый этот юрак, еще хочет драться, вытаскивает стрелу из бока. Хантайский парень побежал к юракам. Торуда тоже к юракам близко подошел. Удалый юрак теперь пропал. Теперь хантайские одолевают юраков. Стали теперь юраки умирать.

Теперь тут юраки вернулись обратно. Аргиши увезли с покойниками на сапках. Теперь перестали драться.

Потом русские пришли. Поймали (покорили) хаптайских и авамских. Князя сделали русские. Но наши люди убивают друг друга по одному, не живут мирно.

Теперь царь говорит:

— Как сделаю их мирными? Пошлю я семь казаков. Семи казаков руки дойдут до князя. Семь казаков увидя, будут самоды мирными.

Шесть казаков удалы-то удалы, один ленивый-то ленивый. Пришли казаки к князю авамской тулды и говорят:

— Женщин нет — очень нам плохо.

Потом один казак говорит:

— Я с этой женщиной буду спать. Пусть у нее муж есть — можно отнять.

Другой казак говорит:

— А я с этой буду.

Тогда князь говорит:

— Неладно, казаки, говорите. Так худо, война будет. Мужья все равно так лежать не будут.

Казаки отдельно спали. Спали казаки, заговорят утром.

— Однако, как-то нам неладно. Женщин надо. Пусть или мы умрем, или мужья умрут.

Князь говорит тогда с народом. Как быть? Народ говорит:

— Убить их можно, от этого худо не будет.

Князь копец рогатины точил. Казаки говорят:

— Почему точишь рогатину?

— Дикого добывать.

Настал вечер. Казаки говорят:

— Ну, будем женщины брать.

Князь говорит:

— Почему неладно говорите?

Опять казаки отдельно спали. Утром встали. Пурга, ничего не видно. Князь говорит:

— Ну, будем аргишить.

Казаков на семи партах один ямщик, наш человек, таскал. Аргишили теперь семь казаков. Князь поджидал их на дороге и шестерых заколол по очереди рогатиной. Седьмой, ленивый, ночью убежал. Запрягли хороших олешей, но не пашли.

Настало лето. Потом пришла другая зима. Дошел до царя ленивый казак и говорит:

— Моих товарищей убили самоды.

«Что стану делать? Опять, однако, прикопчат, если пошлю кого», — думает царь и сказал князю тунгусов:

— Убей князя самодей.

Князь тунгусов выбрал удалых людей. Теперь эти люди искали наших людей, искали и напали прямо против Урядника. Настыгли князя и убили его. Только оставили живых двух жещици. Теперь мирными стали люди. Говорили наши люди:

— Однако, худо нам будет за войну.

Вот так дошли до этого времени.

46. Силач Сангуды

Был паш человек Сангуды Чуанчар. За раз съедал тридцать куропадок, пятнадцать рыб. Тридцать рыб добыв, пятнадцать строгад, пятнадцать варил и тоже съедал. Всего тридцать. Очень ленивый человек он был.

Откуда-то сверху вести пришли: юраки едут, воевать хотят. Близко пришли юраки — встали, чумы сделав. Юраки ночью не убивают. Ночью убить — грех, говорят. Послали юраки сказать нашим людям:

— У вас кто удалый?

— У нас нет удалых, — отвечают те. — Только в отношении брюха один человек удалый есть. Воевать если захотите, у нас тоже только один этот человек есть. А у вас сколько хороших людей?

— У нас тоже мало. Один есть самый удалый. Ну! Завтра войпу начнем.

— Нет, завтра не пачнем. Надо завтра двух паших удалых людей вместе кормить.

— Ну ладно! Чем их кормить будем?

— Два оленя уьем их кормить. Ваш человек какого оленя будет есть?

— Тарагайку совсем съест. А у вас кто этот имеющий большое брюхо человек?

— Сангуды.

— Какого он оленя съест?

— Наш четырехлетнего быка съест.

На другой день наши люди к юракам в чумы пришли. Вместе уселись. Двух оленей убили, сняли шкуры и положили в котел.

Сильный юрак сидит рядом с Сангуды. Поднесли Сангуде четырехлетнего быка, юраку — тарагайку.

Оба человека своих оленей съели. Резали мясо кусочками и съели. Ничего не осталось, только кости выбросили.

Сангуды, поев, кругом себя посмотрел. Видит: семь женских пожей воткнуты в землю остриями вверх позади него. Если бы после еды он прилег, то зарезался бы. После еды должны были они воевать.

Говорит Сангуды:

— Если все слабые люди будут воевать — это напрасно. Надо лишь нам двоим сразиться. Напрасно зачем людям умирать?

Отвечают юраки:

— Что в этом худого? Пусть так будет.

Теперь открыли из чума на улицу двери. Всякие веревки с пути убрали в сторону дверей. Сангуды смотрит на улицу в открытые двери. Видит: за дверью семь высоких женских грузовых санок рядом стоят. Думает Сангуды: «Однако, все эти санки полны добром. Через них, однако, прыгну».

Перестав есть, качнулся Сангуды и сразу вскочил на поги. Одним прыжком достиг двери, другим выскочил на улицу, третьим перепрыгнул все семь санок и побежал к своей санке. Дойдя до своей санки, взял из нее лук и стрелы. Лук взяв, уперся на него и ждет юрака.

Юрак тоже к двери прыгнул, затем на улицу, затем через санки. Но, перепрыгнув через санки, упал. Слышно слышно было, как он прошептал:

— Товарищи! Я горло оборвал!

Тут старые юраки на шесте черное сукно подняли. Сперва красное было поднято. Теперь его уронили и черное поставили. Обращаясь к Сангуды, так сказал старый юрак:

— Наш самый удалый умер. Тебе равного человека нет у нас больше. Давай мириться. Что надо тебе, возьми.

Сангуды привязал лук к колчану и, волоча его за собой, пошел к чуму. Грузовые женские санки осмотрел. В одной санке полно было всякого живота. Из оленей два лучших быка поймал и к этой санке привязал.

Говорит:

— Запрягайте! Я эту санку возьму.

Затем опять маут взял и в табун пошел. Самых лучших четырех яловых бангаев поймал.

Их и ту санку увез. Юраки ушли обратно по своей дороге.

Сангуды поехал вслед за ними. Поравнялся с передовщиком и с луком в руках едет с ним рядом. Юрак просит:

— Сангуды! Такого, как ты, у нас человека нет. Не сердись, мы уходим.

Сангуды вернулся. Юраки с тех пор бояться стали. Навсегда ушли. Это было после большой войны с юраками. После этого юраки никогда не приходили. Теперь все.

[Дополнение рассказчика:]

Стрелы мы хранили раньше в мешке за спиной. Мешок был весь в пуговицах (бляхах). На груди была большая застежка.

47. Война с юраками

Старые люди наши на Аваме жили. В этой земле все сомату-люди в одно место сошлись, потому что об юраках вести пришли. Потом юраки пришли. Двумя большими кучами стали дружить друг друга самоды и юраки. Среди сомату одна вдовья женщина есть. У этой вдовой женщины сын есть тонсага (удалец). Сомату-барба говорит:

— Есть вести, что в какой-то земле, в Авамской говорят, Торуда есть. Надо Торуде вести послать, пусть нашей стороне он пособит.

Ну, поплы относить вести. А перед тем как воевать стали, перед самым началом войны, та вдовья женщина все время лес рубит. День и ночь лес рубит. Как хребет, нарубила лесу. Из этого лесу забор¹⁰⁶ устроили перед чумами сомату.

Юраки торопятся, подняли красное сукно на хорее и говорят:

— Давайте воевать.

Ну ладно, воевали. Два дня воевали, нескольких сомату убили юраки. В это время Торуда пришел.

Торуда с Авама с посланными за ним людьми ушел вверх. До речки Дудинки дошел. Вверх по речке Дудинке есть Спговое озеро, на правом берегу Еписея, недалеко от теперешнего станка Вершининского. У озера есть большая лайда. Чумы обоих куч стояли на этой лайде. Был на этой лайде лес, его весь вырубил та женщина. Торуда пришел и говорит:

— Ну как живете?

— Как живем? Уже десять человек умерло, убито.

— Кто первый поднял красное сукно? Вы подняли? Кто вперед поднял его?

— Юраки нас вперед за два дня сукно подняли.

Тут Торуда сразу поднял красное сукно. Теперь стал воевать Торуда. У него не было двух клыков, поэтому звали его Тимилахуо (Тими-лахуого). Быстро, как рыба, крутясь, пошел он на юраков. В этот день со стороны сомату ни одного человека не убили. На стороне юраков много людей было убито, больше десятка за один день.

Настал вечер. Перестали воевать. Говорит Торуда:

— Ну пойдем гостевать.

Два человека ушли к юракам в гости. Торуда пошел и сын старухи-вдовы — Дэйба-ны-нё-батуру (или Дэйба-сыру-ны-нё-батуру). Пришли в чум к главному юраку. Без парки лежит в чуме удамый юрак. Юрак-тонсудя отдыхает. Ну, там гостевали, разную вкусную еду ели. Вместе с сидящим без парки юраком-тонсудя гуляют. Потом Торуда и сын вдовы-старухи домой ушли. Когда они ушли, удамый юрак-тонсудя сердце себе потирает.

— У, отец! Мое сердце бьется. Этот, который около меня сидел, со сломанными зубами, меня очень напугал. Совсем у меня сердце испугалось. Этих двух людей видел да совсем пугался.

Утром встали. Торуда опять красное сукно поднял. Говорит Торуда сыну вдовы:

— Мою парку носи, а я твою парку носить буду. Но знай, что юрацкий удалец — действительно удалец. Когда будешь драться с ним — береги только свою душу. Я тоже близко от тебя буду. На меня поглядывай, я с другой стороны его отведу. Ты только душу свою береги.

Ну, стали драться. Оу! Юрацкий удалец ревет:

— Был Торуда без зубов! Почему сейчас у него зубы целые? Парка-то будто та. Ну все равно, что подделаешь!

Ну, теперь юрак-удалец про второго нашего человека забыл. Больше никуда не смотрит, только на сына вдовы в парке Торуды. Оу! Хочет он его убить. Тогда подумал Торуда: «Пока он не убил его, надо его отвести».

Зашел с боку к юраку-удаальцу и отвел его. Стрела Торуды попала юраку в бок и с другой стороны вышла. Теперь унал юрак на землю и умер. Когда удалого юрака убили, тогда легко стало нашим людям воевать. На стороне юраков целый табун людей убили, половину всех юраков убили. Пока убивали, вечер стал. Стало темно — перестали воевать.

Утро стало. Встали. Ну, красное сукно опять поднял Торуда. Когда поднял его, с юрацкой стороны один старик пришел. Пришел этот старик и одну стрелу держит в руке.

— Эй! Это чья стрела? Сына моего она убил! Чья это стрела?

Два тонсага (т. е. два удалца, Торуда и сын вдовы) оба пошли к нему.

— Ну, два удалых пусть оба подойдут! Я ножом убью этих двух людей,— старик юрак говорит.

Старик сомату-барба говорит:

— Кто будет душу давать? Душу почему будем отдавать? Ты свою душу будешь давать? Я барба и душу давать не буду. У меня людей мало. Иди! Ничего, ни одной души тебе не дам. Иди домой!

Ну ладно. Юрак старик обратно пошел. Идет, и ревет, и плачет.

— Ну плачешь, да что из этого,— Торуда говорит,— кто тебя сюда звал? Мы тебя не звали. Сам, своими ногами сюда идешь. Я чем виноват? Я как будто не виноват. Юраков убивать мы сюда не звали. Сами они пришли за богатством. Хотели наших людей убить и их живот взять. Поэтому после этого я сюда пришел. Правда, убивал я все-таки, бог мне помогал. Теперь я половину живота юраков возьму. Юраки очень богаты, очень богаты.

Назавтра юраки аргишили. Чего им дожидать? Теперь боят-ся они наших людей. Ну, Торуда-то говорит:

— Вчера с очень худым умом, по-моему, приходил старик. Нынче они аргишили. Ты, сын вдовы, беги за их аргинами с той стороны,— товарищу говорит,— а я побегу с этой. Побежим с обеих сторон аргишей и впереди их соединимся.

Ну, двое сильных ¹⁰⁷ побежали. Выбежали вперед аргишей и в снег зарылись на самой дороге. Только успели так сделать, подошли юрацкие аргиши. Впереди тот старик едет. Сидит согнувшись на сачке, пикуда не смотрит, только оленей гонит вперед. Передовой его бык дошел до дороги Торуды и остановился.

Старик оглянулся:

— Хома! Кричали ли, что ли? Олень почему остановился? Вот тогда, когда он лицом в другую сторону смотрел, Торуда одну стрелу пустил:

— Ну иди со своим сыном в одну кучу!

Ну, теперь домой пошел Торуда, половину живота юраков

взяв. Половину оставил народу — люки ли, волки ли, лисицы ли — все взяли у юраков. Говорит Торуда своему товарищу, сыну вдовы:

— Ну, товарищ! Хоть ты, хоть я, не знаем своей силы. Не знаем оба, равны или нет. Ну, товарищ! Ты две стрелы возьми, я тоже две стрелы возьму, испытаем друг друга.

Говорит сын вдовы:

— Ну, однако, мне плохо будет. Однако, моей силы меньше окажется.

Торуда говорит:

— Много стрел не будем употреблять. Вот четырьмя стрелами друг друга отведаем. Ну теперь!

Отведали друг друга каждый двумя стрелами. Оба равны оказались. Ни один из них не одолел товарища. Тогда говорит Торуда:

— Ну, парень! Эту землю теперь ты храни. А я тоже там, на Аваме, буду землю хранить. По земле нашей дороги дальние. В эту землю из моей земли ходить далеко. А в моей земле жителей тоже много. Три земли я храню — живущих по Аваму, по Таймыру и по Хете рекам. Твоя земля только Дудинка-река и лес Пайторма у озера Пясина. (Лес кругом озера Пясина назывался Пайторма. В этом лесу в старину наши люди жили. Тогда людей много было, говорят.) Так будем землю делить. Нас сейчас только двое. Потом, может быть, родятся тоже такие люди, как мы.

Так сказал Торуда и ушел обратно на Авам. Здешний народ ожидает вестей об юраках. Ну, потом вести опять пришли об юраках.

Ну, что будем делать? Стали теперь люди опять стрелы готовить, законечники стрел делают; некоторые луки готовят. Говорит барба:

— Ну что будем делать теперь? Надо про юраков верно узнать, надо к ним людей послать. Саночных оленей где найдем? Надо хороших оленей искать.

Один худенький старичок есть, совсем бедный. Говорит барба:

— Эй, старик! Про тебя вести есть, что есть у тебя один олень-важенка. Дашь ее, чтобы людям душу сохранить?

— Парень! Не знаю. Я сам ее мало-мало-таки запрягаю. Запрягаю, да огонь в глазах, когда еду на ней, земли от этого огня не видно. Но одну как ее будете запрягать? Ну что поделаешь. Одну ее одной постромкой запряжем. Ну ладно! Еще

третьяк у меня есть. Его впрягайте, в две постромки тогда впряжете. Ну, моя речь вся. Запрягайте.

Тут был еще один олений человек. У этого человека сын был. Этот парень, имя его Тала-пё (Оленого сын), запряг четырех бангаев и поехал вместе с сыном вдовы, едущим на важеньке и третьяке.

Ну, поехали. Едут, едут. Против Дудинки, за Енисеем, хребет есть Бэгичэму, или Бугуча по-хантайски. На этом хребте остановились. За этим хребтом большая лайда есть, а на ней — озеро. Увидели: с хребта за лайдой много аргинией идет. Дошли до озера на лайде и остановились. Это все юраки. Сыру-пы-нэ-батуру (т. е. сын вдовы) и Тала-пё тоже съехали со своего хребта и остановились на другом берегу озера. Слышат они, как юраки говорят за озером, — день очень ясный, далеко все слышно. Две санки отделились от юраков и пошли вокруг озера. Сын вдовы говорит товарищу:

— Ну попробуй, иди вперед, им навстречу.

— Как один пойду? Вдвоем надо пойти. Может быть, не одолею один, может быть, передовой олень заурсит, будет к санке обратно заворачивать, вперед не пойдет.

— Ну ладно, не мое дело, — говорит сын вдовы. — Ты жди меня, а я пойду вперед.

Ну, сын вдовы пошел, за ним на четырех своих бангаях поехал все-таки оленого человека сын. Ну, юраки почему на плохих оленях будут ехать? Едущего на четырех бангаях оленого человека сына со всех сторон окружили. Бьют и теснят его. Он лук все-таки как-то схватил и несколько юраков убил. Но все-таки убили его юраки. Как не убьют его? Такое множество юраков стреляло! За сыном вдовы два самых удалых юрака погнались. Въехали все юраки на этот хребет и вдаль глядят. За Енисеем в лесу, сколько только видно, все дым стоит от чумов. Говорят юраки, остановившись на хребте:

— Тех людей слишком много. Что будем делать, товарищи? Одного человека мы все-таки убили. Убить-то убили, но у нас не все люди одинаковые, некоторые есть и плохие. Ну как, товарищи? Тех многочисленных людей, дым от чумов которых мы за рекой видели сейчас, мы, однако, не одолеем. Если нападем, однако, много нашей крови прольется. Я все-таки свою голову не хочу оставить. Жалко те души, которые убиты, но, что поделаешь, надо вернуться. С той стороны, однако, удалый человек приходил. Только что здесь был, а теперь уж за Енисеем ушел.

Однако, таких людей не одолеем. Стрелы свои все-таки в крови вымажем, в крови того человека, которого убили.

Ну, потом говорят некоторые юраки:

— Оу! Что это там движется у берега Еписея? А ну пойдем искать.

Выехали на самый Еписей. По льду вдоль самого берега едет на собаках на парточке старичок. Оу! Юраки к старику подъехали. Остановил собак торилом старичок, привязал собак. Оу! Идет к юракам старичок. Трясет рукой, рукавицу снимает, говорит по-русски:

— Здорово, здорово! Здравствуйте!

Руку подал. Один юрак ему руку протянул, а другой рукой его пожом в бок уколол. Ну, старика русского теперь вспороли пожом. Все свои луки, все свои стрелы в крови мазали юраки.

— Ну, теперь все-таки воротиться можно. Все-таки кровь покажем. Двух людей все-таки убили.

Теперь юраки повернули обратно, боясь на наших людей идти. Вернулись и больше не ссорились, перестали. Навсегда ушли они, и русские их не поймали. С тех пор юраки никогда не воевали.

Эта война была вторая война с юраками. Первая была при Соиму сыне.

[Дополнение рассказчика:]

Забор между сражающимися называется фа-морю или фаморюда по-нашему и фэ-морю или фэ-морузо на языке сомату. Этот забор делали не столько для укрытия от стрел, сколько для того, чтобы за него уносить своих убитых, чтобы юраки их не вспарывали и не мочили свои стрелы в их крови. Юраки такие заборы не делали. Наши люди все, и авамские и сомату, делали их. Они тоже пороли убитых юраков, макали стрелы в их кровь и мазали ею луки. Поэтому юраки кричали: «Почему мы такой забор не делаем? У нас людей бы не пороли».

Делали этот забор в ста-ста пятидесяти саженьях от чумов. Когда воевали, старались дальше этого забора врагов не пускать. Его строили только с одной стороны, откуда нападали. Обычно этот забор не обходили, так выбирали место для него. Удалые враги подбегали к самому забору. Обычно сражались перед забором и только убитых перебрасывали через него, чтобы они не достались врагам. Но иногда за забором ложились и стреляли.

Сойму старик был. У Сойму сын есть и дочь. Сын — уже взрослый человек, жена есть у него, сын есть. Живут у озера, держат на нем поволоку. Оленей совсем мало. Сын пешком диких оленей промышляет, очень удалый он. Отец на поволоке на воде тоже хорошо промышляет. Чум у них около озера, там спят старик со старухой, и сын его с женой и ребенком, и дочь старика.

Осенью сын Сойму ушел диких оленей гонять. Много диких оленей заколол старик на озере. В этот день озеро, где добывали диких, замерзнуть стало.

— Ну, отец, — сын говорит, — озеро замерзает. Завтра будем аргишить.

— Ну ладно, как не аргишить.

Вытащили вверх на берег мясо. Вечер стал. Старик со старухой спать легли. Озеро совсем замерзло. Лед блестит, за ним все хорошо видно. Сын вышел на улицу. Стоит, смотрит на лед озера.

— На льду озера какие головы отражаются? Какие головы шевелятся? Как будто кругом моего чума сидят, вертят головами, друг на друга смотрят. Что они держат? Луки держат, на льду все видно.

В чум ушел. Отец спит. Сын говорит:

— Оу, отец! Я, однако, долго сидел. Жена! Мне обуваться надо скорее. Кругом нашего чума люди сидят. В эту темную осеннюю пору как увидишь их? Только на льду озера и видал. Я думаю, пропали мы. Давай большой мешок. Ребенка обувай, одевай.

Ребенка одели. Посадили в мешок. К мешку крепкую веревку привязал и на спину одел. Лук взял и на улицу вышел, лыжи одел. Вышел и побежал вверх (на юго-запад). Кругом него близко все юраки стоят. Несколько раз выстрелил сын Сойму из лука — несколько юраков убил. Потом побежал сквозь кольцо юраков вверх. За ним погнались две санки юрацких, в них восемь оленей. От санок, как олень, побежал. Потом прибежал на низ (к северо-востоку) от речки из озера.

— Все равно, в воде умру или от лука умру.

Как был на лыжах, так и прыгнул в них на лед озера. Лед не сломал и на лыжах перекатился на другую сторону. За ним две санки пришли. Но через реку по тонкому льду как пойдут санки? Сын Сойму побежал, как олень, еще быстрее. В полдень прибежал к чумам. Много чумов стоит на поволоке, много они

диких оленей добыли. В этих чумах барба есть, к нему в чум понал сын Сойму.

— Что с тобой? Почему ребенка песешь? — говорит барба.

Отвечает сын Сойму:

— У! Юраки отца, мать, жену и сестру убили.

— Как будешь жить?

— Как буду жить? Юраков буду догонять. Товарица мне дай. В этих чумах такой удалый человек есть?

— Есть-то есть, да ищи его сам в наших чумах. Отец твой пикогда с товарищем не жил.

— Вы мне про старое не говорите, у меня сейчас ума нет. Ребенка-то здесь оставлю?

— Оставь где-нибудь здесь.

Даже не посл в этом чуме. Ребенка поднял.

— В какой чум пойду?

Выше всех чумов один маленький чум стоит. Там одна старуха сидит с дочерью. Зашел к ней сын Сойму. Говорит старуха:

— У! Какого славного ребенка принес. Почему ты был в другом чуме и там ребенка не оставил? Почему ты видом какой-то другой, все лицо в крови?

— У! Сестра или бабушка! Я плохо жил. Мой чум не живой, юраки нас добыли.

Старуха говорит:

— У тебя ребенок есть, у меня сын есть.

— Ну, сестра! Твоего сына я посмотрю. Во всех чумах удалых людей, говорят, нет.

— У! Не знаю, не знаю, мой парень удалый ли.

Старуха парня искать ушла. Привела его. Теперь сын Сойму на парня все время глядит.

— Ну, старуха! Парень твой раньше меня не умрет, от меня не отстанет. Видом он будто мне товарищ. Пу как, попробуем?

Говорит парень:

— Попробуем, пойдем вместе.

Старуха говорит:

— Ну, мои дети. Спите. Я буду всю ночь вам обувь шить. Земля сейчас мерзлая, а идти вам далеко.

Легли они спать. Целую ночь работает старуха вместе с дочерью. Восемь пар бакарей сшила с крепкими подошвами. Утром будит их:

— Ну вставайте. Отца твоего душа зовет. Идите.

Сын Сойму думает:

— Ум у нее хороший.

Говорит сын Сойму:

— Парень! Сегодня вечером дойдем до моего чума. Сюда я шел ночь и день, сейчас мы должны идти скорее.

Теперь побежали они. Сильно бежали. После полудня дошли до чума. Близ чума отец и мать убитые лежат. Далее чума жена сына Сойму убитая лежит. Только сестры нет. Оленей нет. Добытого мяса диких оленей и их постелей тоже нет. Все это увезли юраки.

— Ну ладно, — говорит сын Сойму. — Как теперь их дорогу найдем? Земля мерзлая.

Тихонько идут, отыскивая дорогу. Нашли чумище. Здесь уже снег выпал, на снегу дорога большой, заметной стала. Теперь побежали они по дороге. Целый день бегут. Вечером темно стало. Говорит сын Сойму:

— Ты что видел, парень?

— Видел, будто маленький аргиш сюда идет. К глухим сапкам олени привязаны, это видел.

— Ну ладно, пойдем по ямам.

Идут по ямам. Потом парень, сын старухи, говорит:

— Это кто едет?

— Это моя увезенная сестра, — говорит сын Сойму.

Девка назад едет, к ним подъехала. Оленей всех ведет, мясо все везет.

— Ну, сестра! Чум делай и тут все время сиди, пас ожидай. Один если пропадет, то другой не пропадет. Завтра побежим по дороге юраков.

Утром побежали. Девка им сказала, что на два аргиша юраки ушли и что есть среди юраков два удалых. Нашли еще чумище юраков. Побежали дальше. Вечер настал. На дороге две санки увидели. За этими санками погнались. У! Какие это огни видно? Это почуют юраки без чума, еду варят, оленей на ремнях пустили. На четвереньках подкрались. Говорит сын Сойму:

— Ну, парень, кровь во мне невелиется. Я как одного убью, ты другого убей.

Юраки сидят, едят, едят. Выстрелил сын Сойму в спину и надвое разрезал юрака. Парень другому в хребет попал — обоих убили. Говорит сын Сойму:

— Их еду есть надо, потому что голодны мы. Теперь на санках поедem, пешком больше ходить не будем. Юрацкие сокуи оденем.

Всякую еду едят — мясо, жир. В одну юрацкую сапку четыре бангаля запряжено, в другую — четыре быка. Поехали дальше.

Ночью стало юрацкие чумы видно, много чумов. Говорит сын Сойму:

— Ночью не будем нападать. Завтра их отведаем.

Ночевали, еды много. Утром встали. Говорит сын Сойму:

— Ну смотри на меня, я первый пойду.

Дым пошел из юрацких чумов. Юраки встали. Сын Сойму говорит товарищу:

— Еды у юраков много, я еще нам еды принесу.

Пошел к юрацким санкам. В них еды много. Взял мяса, жира, себе в подол сокуя положил и говорит юракам:

— Целую почву мы не сли. У нас почему это так — караульные всегда голодом ходят? Силы нет, потому что голодны мы.

Юраки думают, что это караульный их пришел, говорят:

— Ну бери еду себе и товарищу.

Сойму сын еды набрал и к товарищу пришел. Ну, поели. Заря стала. Юраки все на улицу вышли. Говорит сын Сойму:

— Ну смотри на меня. Буду их убивать.

Только два оленя запряг и говорит товарищу:

— Два оленя себе к санке привяжи, меня если убьют, ничего не делай, не говори и уезжай.

Два оленя запряг, вожжу короткую сделал, хорей бросил, лук вместо хорей держит. Обьезжает чумы юраков и ревет:

— Ну, юраки! Луки готовьте, мы, не как воры, ночью не убиваем.

Теперь все юраки луки подняли. Сын Сойму сильно стрелял и всех их убил, и женщин, и ребятшек. Говорит сын Сойму:

— Ну, теперь как будем? Товарищ! Тебе оленей падо?

— Нет, оленей как будем возить с собой? Только свои санки унесем назад.

Пошли обратно. Дошли до сестры сына Сойму. Потом до старухи дошли, где много чумов стоит. Сойму-старика ледовку сделали. Сын старухи говорит:

— Ну, как будем делать? Присоединимся в одно стойбище к многим чумам? Парень! Твоему уму только я следую.

— Если моему уму следуешь, то к многим чумам присоединяться не будем, — говорит сын Сойму.

Парень свой чум привез к чуму сына Сойму. Потом все время аргинили в сторону Еписея. Пришли к Норильским озерам, потом Еписей перешли. В лесу на вершине хребта стоят. Говорит сын Сойму старухе:

— Сестра! Я все время думаю, что товарищ меня боится.

Чтобы он не боялся, пусть с моей сестрой сидит, а я буду с вашей девкой сидеть.

Так сказал Сойму сын, и старухи сын так сделал, как он сказал.

— Теперь никогда не будем говорить, что друг друга убьем. Одно сердце будем иметь.

Утром встали:

— Ну, парень! Куропаток надо искать. Двух юрацких баггаев надо поймать.

Двух баггаев поймали. Поехал сын Сойму. Все время вдоль хребта едет — ничего не нашел. Повернул обратно к чуму. Увидел дорогу одной санки, запряженной четырьмя быками. Поехал за этой санкой. Эта санка к его чуму подъехала. Увидев его чум, эта санка назад повернула. Все время едет он за этой санкой. Ехал, ехал и выехал на большую лайду. На другой стороне лайды, как комаров, аргишей. Ну, сын Сойму выехал прямо перед аргишами. Аргиши тоже остановились. Ну ладно, так стоят. Санка, за которой ехал сын Сойму, к аргишам подошла. Среди юрацких аргишей один маленький аргиш есть. Только две санки в нем. Одна женщина его ведет, с ней ребенок едет. Кругом этой женщины юраки стоят. Говорят юраки этой женщине:

— Это какая санка там пришла? Поди к ней и спроси, что стало с другой нашей кучей. Может быть, ему тебя надо будет, пусть тогда тебя унесет.

Когда кончили говорить, эта женщина с маленьким аргишем подъехала к сыну Сойму. Едет эта женщина на самоедской санке. На глухой санке сзади нее сидит ребенок — юрак. Остановилась эта женщина около сына Сойму и говорит нашим языком:

— Какой ты человек?

— Какой я человек? Я Сойму сын.

— Почему так ревешь?

— Отца моего, мать, жену убили юраки другой кучи. Этих юраков я всех добыл. Теперь я след этой вашей кучи пашел. Вот я и ушел ее искать. А ты кто будешь, женщина, почему мой язык хорошо знаешь?

— Давно Сойму-старик был, однако, твой отец он был. А я Сойму младшая сестра. Теперь как будет? Тебе меня не надо, парень. Твой отец — мой старший брат.

— Так скажи им: я только убивать хочу. Скажи им это. Но я сам к ним не пойду.

Старуха опять назад уехала. Юраки опять около старухи

кругом встали. Два раза кругом нее собирались. Потом говорить кончили, однако. Старуха опять приехала:

— Ну, шарень! Такой совет пришел. Ругать не будешь, стрелять не будешь. Девки есть у юраков. Девку они тебе будут давать. Такое твоему уму хорошо кажется или нет?

— Нет, моему уму это не попало. Я хочу только убивать.

— А по-моему, они хорошо дают.

— Я как ум перемену?

— Не убивай,—старуха просит сына Сойму.

— Ну, раз ты так говоришь, то так сделаем. Это что за ребенок у тебя на сапке?

— Это мой сын от мужа-юрака.

— Он нас не убьет?

— Я его всегда за ухо буду дергать, буду учить.

Юрак-мальчик кричит:

— Мама, я не буду плохо делать.

— Ну пусть,—говорит сын Сойму.— Мне лишнюю бабу куда? Пусть тебя отдадут вместе с сыном.

Старуха уехала обратно к юракам и говорит:

— Он девку не хочет брать. Меня хочет вместе с сыном взять к себе жить.

Юраки говорят:

— Ну как хочет. Только души наши пусть оставит.

Старуха опять пришла. Теперь она с большим аргием. Олени все с колокольчиками. Сойму сын подчинился, не стал бить юраков. Ушел вместе со старухой в свой чум. Едет, едет к чуму вместе со старухой. Потом на высокой земле остановился.

У! Сзади их сапки на четырех быках санка пришла. Из санки старик юрак упал, кланяется:

— Спасибо, Сойму сын, что нам души оставил.

Ну, потом Сойму сын своего чума дошел и аргипил. Перешел Енисей и Норильских озер дошел. К северу от Норильских озер стоял. Поймал сын Сойму двух быков и уехал куропаток искать. Целый день его нет, почь настала. Потом, когда уже спать время настало, слышат в чуме — у! — будто пришла санка. Смотрят в двери. Сын Сойму вернулся, с собой целый табун пригнал. Олени все тунгусские. Ничего не говорит сын Сойму, молчит. Зять, сын старухи, говорит:

— Я помогу оленей пустить.

Пустили оленей. Потом в чуме сын Сойму бакари снимает и говорит:

— Куропаток я искал и большое озеро нашел. По берегу

озера сплошь чумы стоят. Лук я поднял и помахал им. Ну, тупгусы от каждого чума, кто богаче — десять, кто беднее — пять, оленей-быков собрали и этот табун мне дали.

Назавтра утром встали. Говорит сын Сойму:

— Надо назад вернуться, туда, где наш парод, туда пойдем. Табун теперь у нас большой стал. Постелей и всего у нас много.

Аргишили. Парень, сын старухи, думает: «Поеду я по той дороге, где он оленей пашел».

Доехал до озера. Лед озера весь черным покрыт. Доехал парень до этого черного места, видит, что это все люди убитые, тупгусы убитые лежат. Подъехал парень к чумам за озером. Чумы все изломаны. Чумы эти переставляют, налаживают женщины, старухи, мужчины ни одного нет, все убиты. Увидели его эти женщины и убежали дальше в лес. Вернулся к аргишу парень и говорит жене:

— Сойму сын на Норильских озерах всех тупгусов убил. Жена говорит:

— Пусть твой ум плохим не будет. Иди своим умом.

Дошли до своей земли. Тут парились к пароду. Сойму сын потом барбой стал, сын старухи — старшиной. После этого тут и жили, все время жили. Тут весть и потеряла их.

[Дополнение рассказчика:]

Сойму сын только пеладно делал, что убивал совсем невинных людей. Был Сойму из рода Липанчера. Это не сказка, это живой человек был. Если бы день был, Сойму-старика не убили бы юраки. Потому что темно было, оттого его убили, а сын убежал.

Сойму сын — авамский, наш человек был, Лайкоси предок; Копдюэ тоже из породы Сойму. У Сойму сына еще сын был. Этот человек диких гомять ушел и медведя пашел. Дороги показали, что утонул он вместе с медведем. Это было на озере у реки Пясины. Его посох ¹⁰⁸ нашли около озера. Убил он, что ли, медведя и в воду бросил, но оба утонули. Медведь все равно что человек, всю человеческую речь понимает.

49. О роде Чунанчера

Наши люди родились из шерсти шкуры дикого оленя.

Тупгусы родились из камня.

Сперва тупгусы на род Чунанчера напали, воевать хотели. Чунанчера сильнее тупгусов оказались и их убили.

Одного ребенка, мальчика, Чуанчера у тунгусов взяли. Все время его храпили. Он вырос и тоже всегда Чуанчера назывался. А оттого что очень давно тунгусы из камня родились, этого парня называли еще Фало (Камень).

Когда парень вырос, взял он жену. Всегда он назывался Чуанчера и Фало. Его потомки тоже называются Чуанчера и Фало.

Это часть рода Чуанчера.

Все это я слышал от своего отца.

50. О родах Кокары и Купчик

Предок рода Кокары был шитолицый тунгус¹⁰⁹. Однажды он увидел, что его два сына переходят вброд речку, высоко поднимая ноги.

Увидев это, предок закричал:

— Вот два длинноногих журавля идут!

Отсюда и стало потом имя потомкам этих ребят — Кокары (т. е. Журавли).

Род Купчик родствен роду Асяяду, потому что когда-то предок Купчик взял у Асяяду девушку, и отсюда произошли все Купчики. Но жепиться Купчикам на Асяяду можно.

51. О Степане Курсамине

Раньше было время, когда среди народов Севера жил один бедный крестьянин. С течением времени стали жить очень бедно и голодно. Не было никакой возможности добыть себе пищу или найти ее где-нибудь. Совершенно пропадали они с голоду. Ну, в одно прекрасное время бедный крестьянин умер, и оставались только его жена и сын.

Мать в течение долгого времени не имела никакой возможности найти или добыть пищу для себя. Не было ни диких оленей, ни куропадок. Абсолютно ничего не находили и пропадали эти люди от голода.

Прошли долгие годы, и все рос Степан Курсамин¹¹⁰, сын бедного крестьянина. Мать Степана сделала сыну лук из тальпика. Степан пачал играть около своего чума. Потом Степан

стал мальчиком двенадцати лет. В одно прекрасное время Степан далеко ушел из чума и нашел следы одного дикого оленя. Он рассказал про это матери. Старуха пошла к другим жителям рассказать об этом. Вот, узнав про следы дикого оленя, все пошли его догонять. Вот догнали дикого оленя. Начали приспособляться его ловить. Тогда абсолютно не было никаких приспособлений, кроме лука и сети, сделанной из ремней из оленьих кож. Протянули сетку, приготовились люди загонять дикого оленя в сеть. Другие люди срыгались, вооруженные луками. А Степан остался около сети, где должен был пройти дикий олень, со своим луком, сделанным из тальника, и стрелой, сделанной из расшибленного старого железного листа.

Ну, пугнули дикого оленя. Бежит он мимо Степана Курсамина. Степан начал стрелять из лука и легко ранил дикого оленя. Ну, олень после этого бежит дальше. После этого собрался народ около своей сети, обсуждает, чья вина в том, что упустили дикого оленя. Узнавали, мимо какого человека проходил дикий олень. Никто не признается, что мимо него проходил дикий олень. Недолго думали, и накопец признался один человек. Это был Степан Курсамин. Говорит:

— Пропустил я дикого оленя. Ну, ранил его легким ранением, но он ушел.

Ну, начали все бить Степана, двенадцатилетнего мальчика. Остался он у того места, где упустил дикого оленя.

После того как все ушли, Степан решил догонять раненого дикого оленя. Степан все-таки пошел по следам раненого дикого оленя. Ну, пошел Степан. Раненый дикий олень держит длинный путь. Степан гонится за ним. Вышел он из своего чума в последних числах октября и гонится за диким оленем до первого числа января. Такой длинный путь он сделал! На этом пути подалось очень много диких оленей. Он сначала убил одного дикого оленя. Снял с него шкуру и одел на себя. Стал ходить вместе с дикими оленями.

Среди большого хребта нашел одну высокую сопку. Около этой сопки он много настрелял диких оленей.

Прошло много времени, и народ решил пойти поискать Степана Курсамина. Пошли догонять Степана. Догнали Степана у того места, где он много настрелял диких оленей. Тут доехали они до Степана. Видят: лежат убитые дикие олени вокруг Степана. Он рассказал им историю своего долгого пути. Посмотрели они еще вокруг себя. Увидели одну высокую сопку. А вокруг этой сопки все лежат убитые дикие олени. Говорит Степан:

— Теперь хватит пици всему народу.

Среди людей один старик был. Говорит он:

— Как будем пазывать эту сопку? Будем, наверное, называть ее по-своему, потому как паелись досыта у этой сопки, нусть будет эта сопка Хеки-моу.

— Теперь,— говорят,— нужно жепить Степана.

Вот женился Степан. После того Степан Курсамин стал руководить народом. Впоследствии сыновья Степана Курсамина сменили свою фамилию на Чулапчар. Конец.

52. Кабюмэ фату

Жил отдельно от других один тундровый тупгус. Он имел обычай не возить с собой дров, а где остановится — настрогает стружек и ими тошит. Поэтому звали его Кабюмэ фату (Строганое дерево). Была у него жепа и двое детей — мальчик и девочка.

Говорит Кабюмэ жене:

— Пойду я в лес, в камепь, диких искать.

— Не ходи,— говорит жена.— Здесь промышляй. Там, в камню, может быть, плохих людей встретишь. Как будешь в незнакомой земле промышлять?

Ответил Кабюмэ:

— Худых людей век не видел. Большой вырос, да не видел. Теперь стареть пачипаю, средний возраст человека миповал, да не видел. Какие еще там худые люди?

— У тебя уши есть — так слушай! — говорит жена.— Там, в камню, шитые лица есть, говорят.

— Не видал я сам, своими глазами шитых лиц и не верю тому, что только ушами слышал. Надо попробовать промысел в камню.

— Ну что с тобой делать, если не веришь мне,— говорит жена.— Хочешь, так аргиши в камень. Но хоть и будем аргишить, почему ты меня не слушаешь? Почему бы тебе меня иногда не послушать?

Было это в конце лета, перед снегом, когда еще вода талая. Назавтра аргишили всей семьей на двадцати учагах. Остановились перед камнем — глазами его видно.

Стали огонь топить и чум делать. Огопь дает вснышки. Говорит жена:

— Вот поверь мне, что-то, однако, будет. Огонь что-то говорит.

— О чем огонь говорит, ты знаешь? — говорит Кабюмэ. — Может быть, он что-нибудь хорошее видит впереди. Может быть, что-нибудь худое видел. Даром! Пусть доброе или худое придет.

За этим днем еще два аргиша сделали. Камень совсем близко стал. Огонь как затопят, он все вспыхивает и пскры мечет. Прошел этот день, почь настала. Вечером, поев, говорит Кабюмэ:

— Я олепей караулить стану. Что-то огонь век говорит. Может быть, что-нибудь правда будет.

Жена с детьми легла спать. Кабюмэ вышел из чума.

— Что это олени в темпоте видят? Все в лес уставились.

Стал Кабюмэ сам туда смотреть. Видит: один человек идет. «Это, однако, не наш человек, — подумал Кабюмэ. — Может, он наши души хочет?»

Тихонько ушел Кабюмэ в чум, приготовил лук и стрелы и лег с женой. Гость зашел в чум. В дверях видно, что это очень высокий человек. Говорит Кабюмэ:

— Тони огонь, жена.

Гость отошел от двери и сел. При огне видны стали у него три полоски на перепосье. Говорит Кабюмэ жене:

— Однако, самый настоящий шитое лицо пришел.

Спрашивает шитое лицо:

— Кто это вы?

Отвечает Кабюмэ:

— Я, из своей земли придя, здесь, в камню, промысла ищу. У нас как худо с промыслом стало! Только один я. А ты кто такой пришел?

— Я в своей земле, в лесном камне, тоже дикого ищу.нас три брата. Я старший. Два младших дома остались. Как и ты, я сюда с чумом пришел. Удалее меня охотника за дикими нет. Ты тоже, наверно, удалый человек. Давай вместе промышлять, — так сказал шитое лицо.

— В своей земле, где я места промысла знаю, — говорит Кабюмэ, — считают меня все-таки удалым промышленником. Твой чум где?

— Мой чум с ближнего камня видно. Сейчас я один, только с туркучапкой пришел, — ответил шитое лицо.

— У меня мяса диких сейчас нет, — говорит Кабюмэ. — Убью оленя и тебя им накормлю.

Вышел Кабюмэ из чума. Хотя ночь, но от света месяца светло. Самого хорошего, матерого учага убил. Жир — беда! Олень

мясо все в котел сложил и все сварил. Стружками большой оголь развел в чуме. Стало очень светло и тепло. В чуме Кабюмэ рядом с шитым лицом не сидит, а напротив сел, с другой стороны костра.

Сварив мясо, все отдал шитолицему. Тот всего оленя съел. (Какое такое брюхо? Беда!) Щербу всю выпил. Чай, говорит, не надо.

— Я здесь ночевать буду, — сказал шитое лицо.

— Сюда придя, я волка след видел, — говорит Кабюмэ. — Ты спи, а я оленей караулить буду. Может быть, волк придет.

Шитое лицо, хорошо наевшись, скоро заснул. Кабюмэ вышел из чума. Седел у них много. Седла сложил он у двери. Сколько было седел, все сложил. Все это приготовив, учага поймав. Ночью поехал по дороге шитолицего. Поехав по этой дороге, перешел первый хребет камня. Дорога все пешая. За хребтом на реку попал, текущую из камня. Выше — на истоки реки. Видно место, где шитое лицо сидел. Немного снега есть на земле, поэтому все хорошо видно. Раскопал Кабюмэ снег. Много стрел нашел. Наконечники стрел железные. Лук тоже есть с двумя тетивами. Одну из них разрезал. По дереву лука провел два раза ножом.

Кругом много следов есть. Разобрался в них Кабюмэ и пошел по ним дальше. Дорога ведет все вверх, вдоль реки, по яру. Река узкой стала, образовала каменное ущелье. Около самого ущелья следы вниз пошли из него. В ущелье под яром туркучапку увидал, на пей котел. К туркучапке собака привязана с железным носом. Собака лежит, спит.

Кабюмэ, близко подойдя, выстрелил в собаку из лука и прямо в ухо попал. Убил ее и в котел заглянул. Котел как будто жиром наполнен. Под туркучанкой пальма лежит. Ее взял Кабюмэ и спрятал в стороне.

Вернулся к чуму и закричал:

— Гость, где ты? Выходи! Олени чего-то испугались.

Шитое лицо высунул голову из чума. Когда голову из-за седел видно стало, два раза выстрелил Кабюмэ.

Два раза выстрелил — и два раза промахнулся. Шитое лицо перепрыгнул через седла у чума. Кабюмэ опять два раза выстрелил — и опять мимо. Шитое лицо побежал по своему следу. Бежит очень быстро и кричит, обернувшись:

— Ты мало-мало удалый! Вернись — испытаю тебя! Погрозил пальцем — гоняйся, гоняйся за мной! Я узнаю, каков ты!

Кабюмэ стыдно стало от такой речи. Рассердился. Побежал

после за шитым лицом и все время стреляет. Прибежали к тому месту, где был лук спрятан. Шитое лицо схватил лук, положил две стрелы, сильно натянул и выстрелил в Кабюмэ. Лопнула вторая бичева тетивы, и сам лук сломался. Сломав лук, кричит шитое лицо:

— Какого это я мудреного человека нашел! Но пусть я лук сломал! У меня па сапке есть что-то, чем тебя добыть! Собаку позову. Она меня где угодно услышит!

Позвал собаку, кричит. Собака не идет (как придет, давно убита!). Изо всех сил побежал шитое лицо к туркучанке. Добежал и плачет, слезы текут:

— Я пропал! Еще и пальму украл! Собаку убил!

Побежал дальше вдоль реки, впризу, под яром. Бежит и говорит:

— Может быть, меня ты и убьешь. Но у меня два брата есть. Они тебя убьют непременно.

Так сказав, дальше по реке побежал. На реке, под яром, камень оказался. Камень величиной с чум. На камень одним концом дерево положено. Комель на камню, вершина на яру. По этому дереву побежал шитое лицо. Когда дошел он до вершины дерева, два раза выстрелил Кабюмэ. Попала стрела тому в самую жилу па пятке и перерезала ее. Упал шитое лицо и говорит:

— Убей меня! Так не оставляй, напрасно я мучиться буду.

Убил, пустив стрелу в сидящего, Кабюмэ. Убив, голову отрезал и грудь распорол. Сердце смотрит. Их два оказалось. Одно сердце мохнатое, другое — простое. Конец мохнатого сердца отрезал Кабюмэ и съел. Голову на вершину дерева надел и сказал:

— Два других брата пусть посмотрят. Ты им поклонись от меня. Если бы ты меня убил, то мою бы голову падел на дерево. Пусть твоя голова па твоём дереве будет.

Вернулся в чум. Жена говорит:

— Разве я тебе не говорила, что ты худых людей найдешь? Почему ты сюда пришел? Однако, все-таки найдешь ты смерть здесь, в незнакомой земле. В своей земле ходив, ничего такого не встречали. А теперь все равно худые люди тебе мстить придут и из другой земли.

Отвечает Кабюмэ:

— Ну что поделаешь! Теперь я человек средних лет. Придет время — буду умирать. До сих пор я ничего не встречал плохого.

Шитолицега добыв, здесь еще с неделю жили. Все время ди-

ких порозов добывал Кабюмэ. Но однажды утром говорит Кабюмэ:

— Сегодня я в чуме лежать буду.

Целый день лежал в чуме и стрелы делал. Вечером, когда настало время мясо варить, залаяла собака.

К этому времени прежнюю дорогу, сделанную тем шитолицым, уже занесло снегом. Жена Кабюмэ вышла на лай посмотреть. Вернулась и говорит:

— Из лесу, с камня, идет сюда человек.

Пришел этот человек. Ростом еще больше первого шитолицего. На перепосе четыре полоски. Говорит шитое лицо:

— Что вы за люди? Здесь мы таких не видали. Заблудились вы, что ли? Свою землю, наверно, не зря оставили. Наверно, что-то ищете здесь? Твое имя и род назови. Мы, люди этой земли, родство¹¹¹ знаем.

Отвечает Кабюмэ фату:

— У меня имя есть. Свои люди мне имя дали. Целыми деревьями я не топлю. Дерево найдя, пожар и топором тешу его и тесапым топлю. Так-то имя мое — Кабюмэ фату.

— Так ты этот человек, — говорит шитое лицо. — О тебе вести есть. Может быть, я что-нибудь худое задумаю, моя сила больше твоей не будет. Нас три брата: самый большой брат меня меньше, самый младший меня больше. Хоть ты тундровый человек, хоть я шитолицый, порою люди бывают очень лукавыми и хитростью своих товарищей убивают. Какая польза от такого худого ума? Ум есть у таких людей? Если люди рассорились, лучше поговорить и прямо сказать: давай сразимся. Тот тоже подготовится, и тогда, сразившись, кто сильнее, окажется победителем. Что ты думаешь о том, что я тебе сейчас предлагал? Твое сердце боится или нет? Может быть, ты боишься, может быть, нет. Если боишься, то прямо говори: сердце-то боится; не боишься, так говори: сердце не боится.

Говорит теперь Кабюмэ фату:

— Хоть и сейчас я могу тебе сказать: я почему тебя бояться буду? Мои руки сухие, никогда я их в кровь не опускал. Оттого не боится, спокойно мое сердце.

(Хоть и убил он шитое лицо! Каково?!)

— Заходя в твой чум, я сперва боялся, — сказал шитое лицо. — Теперь мы хорошо поговорили. Ты говоришь, что не боишься. Тогда и мой ум твоих мыслей тоже пусть не боится. Теперь мы обо всем поговорим. Теперь я скажу так: три дня буду я почевать у тебя в чуме. За три дня оба мы свои намерения уви-

дим. Третий день пройдет, я тоже промышляю, тогда в мой чум вместе аргинить будем.

— Если я у тебя добрый ум увижу, я в твою землю пойду посмотреть. Я этого хочу, — сказал Кабюмэ фату.

Теперь разговор кончили и обедали. Мясо диких варили. Поставили перед гостем мясо — один жир, шербу жирную. Гость поел и заснул. Спал на противоположной стороне чума. Кабюмэ не мог заснуть. Пока гость не захрапел, все лежал в одеяле, но не спал. Но гость только немного носом храпел. Тогда Кабюмэ перестал думать. Оба спали.

Утром Кабюмэ говорит:

— Ну, какую работу делать будем? Как лежать будем? Где-нибудь падо диких искать.

Отвечает шитое лицо:

— Я лежать буду в чуме, ты диких ищи.

Теперь Кабюмэ на самом сильном учаге пошел в тундру по своей дороге. От хребта круг сделал и опять в сторону земли шитолицых поехал. За хребтом следы шитолицего искал. Не мог его дорогу найти. Говорит сам себе:

— Я через самый голый камень проезжал. Может быть, там его дорогу пересек, да не видел.

Опять стал кругом дорогу искать. За хребтом на голых камнях нашел ее. Сажен по пятьдесят шаги шитолицего. По этому следу пошел. В середине камня ямную речку нашел. Дорога шитолицего к ней вышла. В вершине этой речки стало следов много. Здесь разгреб Кабюмэ снег и нашел лук со стрелами. Осмотрел стрелы: все стрелы в крови. Упес с собой лук и стрелы. Дальше уйдя, увидел два яра на реке и около них два песчаных мыса. На мысу кочка большая, с чум. В кочку дерево воткнуто. Заостренный конец его обращен к его чуму и обит железом, как пешня. Маленькому человеку прямо в лоб приходится острие, высокому — в грудь. К самому копыю близко подошел по дороге Кабюмэ. Видит: у подножия копыя яма в земле с водой, круглая и круглая, как котел. Дальше уйдя, за ямой и копыем у каменного яра две туркучанки нашел. У одной к барану пестрая собака привязана. Спит собака. Выстрелив с яра, убил ее. Взятый лук здесь же под камнями спрятал. Собаку убив, туркучанки осматрел. Раскрыл парус. На каждой туркучанке по котлу. Оба котла палиты застывшим жиром. Попробовал жир пальцем. Жир пахнет как-то иначе. Сплюнул. Около туркучапок две пальмы нашел. У одной пальмы лезвие складывалось, как у твоего (т. е. перочинного) ножа. Длина ее три сажени оказалась, когда рас-

крыл и смерил ее Кабюмэ. Другая палма обыкновенная. Большую палму взял, маленькую спрятал в камне.

Затем Кабюмэ вернулся по своему следу. Полдень настал. Чум свой обошел. От чума в сторону тундры двух диких убил. Снял здесь с диких шкуру и тут же спрятал и палму. Мясо диких унес в чум. Когда чума дошел, настал вечер. Шитое лицо все в чуме лежит. Говорит Кабюмэ:

— Ну, свежей еды принес. Хорошо поедим.

Сели обедать, огонь затопили. Огонь, разгораясь, трещит. Говорит Кабюмэ:

— По-нашему, если огонь трещит вечером, то самый добрый день будет. Если же он утром потрескивает, то день плохой будет, что-то случится.

Отвечает шитое лицо:

— По нашей вере будто так: если вечером перед сном огонь потрескивает, то что-то будет, смерть будет. Если же утром потрескивает, то это к счастливому промыслу.

Кабюмэ говорит:

— У нас старики тоже так говорят: вечером огонь потрескивает, это значит, что, может быть, худо будет. Может, сколько-то оленей волк унесет.

— Может быть, и оленей волк унесет. Ну это что за беда. Карауль оленей,— сказал шитое лицо.

Шитое лицо опять на своей половине лег спать. Ему одеяло дали. Кабюмэ, перед тем как пойти оленей сторожить, в чуме сидит. Потом сказал Кабюмэ:

— Что-то слышно.

Вышел оленей посмотреть, вернулся в чум и говорит опять:

— На дальнем краю табуна чего-то олени испугались. Ты, гость, спи, а я оленей буду охранять.

По краю табуна ходит Кабюмэ. Походит и опять к чуму подойдет, послушает, спит ли шитое лицо. Наконец услышал храпение. Тогда навалил на двери сколько-то седел. За седлами сколько-то быков связал в кучу. Потом закричал:

— Товарищ! Вставай! Оленей кто-то напугал! Кто-то другой, не волк пришел!

Когда шитое лицо голову из чума высунул, два раза выстрелил в него. И оба раза мимо и мимо. Когда шитое лицо совсем вылез на седла, опять два раза стрелял — и опять мимо. Шитое лицо перелез через седла, смотрит на Кабюмэ и смеется:

— Ты что за человек, удалый или пет? Ночевал я у тебя две ночи и вижу, что кровь у тебя иная. Своего брата я ждал,

успешного за дикими. Однако, ты его убил. Что ты за человек? Али шибко удалый? Если удалый, то померимся, кто удалее. Может быть, ты хитростью меня убьешь, но все равно с моим младшим братом не справишься и смерть от него найдешь. Ты сильный ли? Удалий ли? Я быстро побегу и тебя испробую. Может быть, ты потеряешь меня, тогда лучше вернись. По моему следу лучше не иди. Может быть, не отстанешь от меня, тогда, возможно, хитростью ты меня убьешь.

Это сказав, побежал шитое лицо. Кабюмэ за ним погнался. От бега Кабюмэ снег, как пурга, летит. Парки подол, как хвост, развевается. На расстоянии длины вожжи бегут друг от друга. Так удал Кабюмэ.

Перебежали они хребет. Женщина им вдогонку смотрит и видит, что головы их за хребтом скрылись.

До ямпой реки, где был спрятан лук, добежал шитое лицо. Начал снег руками разгребать, лук искать. Не найдя лука, взревел и побежал дальше.

Добежал до конца воткнутого в кочку и обделанного железом дерева над водой. Схватился за конец, влез на дерево и побежал по нему. Тут два раза выстрелил в него Кабюмэ. Одна стрела опять сухожилие на поге перерезала. Сел шитое лицо и говорит:

— Ты все-таки ладный человек. Когда я к твоему чуму подходил, я все-таки немного боялся. Сейчас ты меня убьешь. Раньше когда-то тундровые люди к нам маленьким чумом приходили. Таких людей мы сейчас искали. Мой младший брат тут близко, за хребтом, в чуме. Я ему сейчас крикну: иди сюда. Когда он бежит, такая пурга подымается, что чума бывает не видно. Может быть, ты и брата убьешь. Так знай, что в нашей орде еще удалее его человек есть в белой парке. Кость его, как твоя. Этот человек тебя непременно убьет. Моя земля здесь недалеко, только за одним камнем. Там, где стоит много наших чумов,— большое озеро.

Сказал это шитое лицо и закричал:

— Брат, иди сюда!

Кабюмэ два раза выстрелил в него. Шитое лицо, сидя, два раза телом подпрыгнул, и обе стрелы пролетели мимо. Говорит шитое лицо:

— Однако, ты меня так не убьешь. Дай лучше мне лук и сразимся.

Кабюмэ для чего лук даст?

— Я лицо отверну,— сказал шитое лицо.— В лицо мне стреляй, ты в меня никогда не попадешь.

Сказав это, он отвернулся. Кабюмэ пустым луком, без стрелы, щелкнул тетивой. Шитое лицо опять прыгнуло. Тут Кабюмэ быстро выстрелил стрелой и убил его. Отрезал голову, надел ее на дерево и побежал в чум. Быстро побежал Кабюмэ, опасаясь младшего брата шитолицего.

Близ чума, когда взошел на хребет, посмотрел он обратно. Услышал вдали страшный крик.

Услышав этот крик, сбежал Кабюмэ с хребта к чуму. Прибежал к чуму, говорит жене:

— Скорее чум ломай — аргинить будем. Если ты живой останешься, успеи вести пашим. Я, однако, пропаду здесь.

Поймала жена лучших учагов. Посадила ребят на пих. Когда сели они на учагов, видит Кабюмэ, что уже бежит человек по его следу. От заметного его погами снега словно туман стеется.

— Шевелись скорей, — говорит Кабюмэ жене, — быстро уезжай.

Аргин ушел в сторону тундры. Только сам Кабюмэ на чумище остался. Через некоторое время сын оглянулся. Видит: прямо в сердце убил отца стрелой шитое лицо. Убил отца и по следу аргиша побежал. Сзади аргиша мать едет. Шитое лицо убил ее стрелой в спину. Перед ней дочь ехала. Ее схватил шитое лицо руками и, спяв с учага, унес.

Парпишка век в сторону тундры уходит. Оленей сильно посохом бьет и все время плачет. Раньше эту землю в три аргиша пропихи. Сейчас он в один аргин дошел до старого чумища, откуда отец решил идти в камень. Учаг совсем замучился и упал. Побежал парпишка пешком, с посохом в руке. Бежит и плачет.

Настала самая темная пора. Всею почь бежал парпишка. Опять день стал, утро. Думает парпишка: «Впереди меня что-то видно».

На лаиде чум оказался. Самое утро. Олени кругом чума лежат.

Чум увидев, все время кричал парпишка. На крик из чума мужчина вышел, за ним другой, за этим женщина. Мужчины к ребенку пошли. Подхватили его на руки и унесли в чум.

Теперь говорят:

— Кто это? Однако, Кабюмэ фату сып.

Парпишка совсем ум потерял, испугался. Люди в чуме его спрашивают, он ничего не отвечает. Речи нет от испуга. Только через некоторое время вернулся ум, стал он людей видеть.

— Где твоя семья? — спрашивают его. — Где родственники, где отец?

— Отца и мать шитое лицо убил, а сестру живую унес. Перед этим отец двух шитолицых убил. Третий пришел и отца убил, — ответил парень.

В этом чуме тоже тундровые тунгусы. Один старик, другой парень. Старик говорит сыну:

— Где-то есть десять чумов наших тунгусов. Туда унеси вести. Пусть люди придут сюда из всех ближних чумов. Им всем вести унеси.

Парень ушел. У старика дочь есть. Парнишку положил спать к своей дочери старик. С девкой поспал парнишка, и сердце его поправилось.

Вернулся сын старика. Спрашивает его старик:

— А где другие?

Сын отвечает:

— Завтра соберутся. Барбе сказали. Он вести дальше сам понес.

Утро стало. Много людей пришло. Все в чум собрались. Барба встал и говорит:

— Ну что делать будем? Век вести есть о шитых лицах. Еще до моего рождения слышны они были. Кабюмэ не боялся шитых лиц, сам ушел туда. Если бы не пошел туда, сам жив был бы и девку бы не унесли. Теперь как девку искать будем? Кто удалый есть идти по следу девки?

Один человек нашелся, дэйбару (сирота), без отца и матери, богат мастер.

Потом барба говорит:

— Мой сын еще хорошо не испытан. Но ловит он телянка оленя за погу. Непокорного бегуна-оленя тоже за погу ловит рукой. Этот мой сын подойдет ли? Другой сирота будет. Диких за ноги ловит. По-моему, эти два человека лучше других. Пусть они товарищами будут идти за девкой к шитым лицам.

Помощник барбы говорит:

— Если они сейчас пойдут, какой из этого толк будет? Кабюмэ сыну лет мало. Хорошо было бы, если бы и он пошел. Он шитолицых видел. Он бы уже изо всех сил старался. Так можно сделать: год подождать и другой зимой идти.

Теперь зима и лето прошли. Кабюмэ сын удалый стал. Дэйбару с Кабюмэ-сыном в одной куче живут. Дэйбару испытывает товарища. Оба оказывается во всем одинаково и прыгают и бегают.

У большого озера стоял весь парод тундровых людей. Середина лета прошла. Говорят, из лесу аргиш пришел.

Впереди аргиша человек не человек, очень большой. Идет пешком, аргиш из ухагов. На лесной (южной) стороне озера чум поставили пришедшие.

Когда чум ставили, большой человек сюда пришел. Ноги очень длинные у него. Парка черная. На перепосье пять полосок.

Зашел в чум к сыну Кабюмэ, посидел и говорит:

— Парень, ты меня знаешь?

— Нет! Как буду знать? — ответил Кабюмэ сын.

Говорит тогда шитое лицо:

— Это я твоего отца в лесу убил. Сейчас твою сестру привез. Если вы меня убьете здесь, сестру возьмешь. Если вы в мою землю пойдете, напрасно перебьете моих людей. Давай будем драться. Меня убьете если, но моей дороге не идите. У меня удалых людей нет. Девку тогда возьмешь. Если я одолею самого вашего удалого, девку я увезу обратно. Плохих людей против меня не ставьте. Ну, ты как думаешь? Можно было бы сейчас драться, но вечер стал. Давай утром будем драться. Сейчас отдыхать будем. Удалях людей пока выбирай. Хороший лук и стрелы готовы.

Сказал это шитое лицо и в свой чум ушел.

Вечером тундровые тунгусы добрых людей искали. Целую ночь бегали из чума в чум, советовались, стрелы готовили.

Барба говорит:

— Много людей не надо посылать. Пусть трое идут биться: мой сын, Кабюмэ сын и дэйбару.

Утром три человека пошли к шитолицему. Шитое лицо, их увидя, навстречу вышел. В этот день дрались. У трех людей силы больше оказалось. Шитое лицо побежал обратно в сторону леса по своей дороге. Погпались за ним. Ушел он по земле между двух озер. За ними впереди было еще узкое озеро. На его мыс попал шитое лицо. Попав на мыс, повернулся обратно и пошел навстречу тундровым людям. Вдоль самого берега, у воды, бежит шитое лицо.

Те трое ждут его с луками.

Упершись луком в дно, прыгнул шитое лицо через озеро. Одна из стрел тунгусов попала в лук. Сломался он. Но шитое лицо был уже за озером и побежал. Как ветер, ушел.

Трое тундровых людей потеряли его — как пурга, он убежал. Девка осталась.

Потом выпал снег. Потом и зима пришла. Кабюмэ сын век говорит:

— Отца убили, мать убили. Я искать пойду шитолицых.

Теперь ушли в сторону леса три человека. С ними пошли еще сын старика, у которого жил Кабюмэ сын, и две женщины: дочь этого старика и сестра Кабюмэ сына. Взяв себе в жены дочь старика, отдал свою сестру Кабюмэ сын за сына старика.

Дошли до камня в лесу. Перешли второй камень. На этом среднем хребте на озере гусей нашли. Две ветки было у них. Плавая по озеру, стали промысливать гусей. Лето уж стало проходить. Ночи наступили темные. Гусей добыв, к берегу поплыли.

Кабюмэ сын говорит:

— Товарищи, надо скорее чум идти ставить. Дождь будет. Небо черное.

Товарищи смотрят: ни одного облачка нет. «Чего это он?» — думают.

Аргишили дальше. Пришли к ямному озеру у каменного хребта. Здесь под яром пашли маленькое место для чума. Кабюмэ сын говорит:

— Здесь чум будем делать. Я буду ночью оленей охранять. Мы теперь худой земли дошли. Хорошенько теперь думать надо. Над самым чумом, на яру, на камне, я сидеть буду. Вы же почью не спите, слушайте. Если я что-нибудь увижу, то брошу камень в озеро. Если еще что-нибудь увижу, то второй брошу. Это будет значить, чтобы вы готовились и на улицу вышли. Чум на берегу озера стоит. Если кто-нибудь к дверям чума подойдет, я его с яра стрелой ударю в спину.

Настала полночь. Кабюмэ сын говорит сам себе:

— У! По нашей дороге десять человек пришло.

Не доходя чума, эти десять человек остановились и слушают, что делают спящие в чуме. Среди этих десяти человек один особенный человек есть в пестрой парке. Впереди идет, товарищей учит, делая знаки руками. Близко подошли к чуму. На две сажени подошли. Брося тогда Кабюмэ сын камень в воду. Когда они к самому чуму подошли, бросил он второй камень. Тут выпли его товарищи из чума с луками в руках и стали стрелять в пришедших. Сам Кабюмэ с яра выстрелил в человека в пестрой парке двумя стрелами. Вторая стрела прямо в хребет покала пестрому. Всего убили у чума четырех человек. Шестеро побежали. Кабюмэ сын по яру забежал вперед и спустился к ним на дорогу, на берег озера. Так их окружили и всех убили.

Убив этих людей, опять дальше в лес аргишили. Кабиомэ сын сказал:

— Когда я вас с озера торопил, говоря, что дождь будет, это потому я сделал, что заметил на берегу озера, над яром, одну голову шитолицего. Там нельзя было их окружить. Поэтому я на этом месте остановился, где удобно было их заневодить.

Когда дальше аргишили, Кабиомэ сын все время по ночам оленей сторожил. На другой почевке опять десять шитолицых приходило. Девятерых таким же образом убили, а один убежал. Этот убежавший был в черной парке, длинноногий, с одной косой на затылке. Но не тот в черной парке, который убил Кабиомэ и потом с девкой приходил, а другой. Кабиомэ сын, когда убивали этих шитолицых, сам сказал:

— Этого дутья надо. Он нам дорогу покажет.

Теперь шли по следу убежавшего шитолицего с косой. Когда уже осень настала, увидели с высокого моста вдали чумы. Большую аргишную дорогу нашли. Пеших людей это дорога была. По ней пошли. Она их в самый густой лес увела. Снег прямо до живота. За лесом дорога разделилась. В середине леса маленькую лайду нашли. Женщинам велели здесь чум делать. Кабиомэ сын сказал:

— Я пойду вперед. Двое со мной пойдут. Старика сын пусть в чуме останется.

Ночью пошли. За лесом нашли чистую землю, без деревьев. Увидев такую землю, остановились и слушают. Кабиомэ сын говорит:

— Товарищи, шапки снимите. Ухом слушайте.

Большое озеро видно. Слышится много голосов, словно комары летом, на его берегу. В темноте весь этот шум слушали. Пошли к озеру на голоса. Опять остановились. Слышат, как один человек говорит:

— Я убежал. Девять человек убили. Самая война пришла. Четыре человека пришло. Среди них один человек есть, очень ловкий и умелый. Узнаете его по бакарям, они у него белые, а у других черные. Этого удалого, в белых бакарях, испытайте. Кто-то сильнее окажется? У нас еще один сильный человек есть в лесу, на озере. Его бы надо было позвать сюда.

Другой голос сказал:

— Он недалеко. Его сейчас позвать можно.

Теперь Кабиомэ сын говорит своим товарищам:

— Хотя темпо, но вижу я перед озером два чума. Это чумы удалых людей, караульщиков. Дальше за озером много чумов

нидпеется. Пойдем мы, разделившись, по обоим берегам озера. Вы двое пойдете по тундровому (северному) краю озера, я — по лесному (южному). За озером реку видно. На этой реке сойдемся. Кто первый придет к реке, пусть не переходит ее, а то худо будет.

Перестали говорить и пошли. Кабюмэ сын перебил людей в первых двух чумах. Некоторые из этих чумов убежали в чумы за озеро. Перебив еще несколько чумов, дошел Кабюмэ сын до речки. Его товарищи с другой стороны тоже пришли сюда. Убежавшие из первых двух чумов удалые шитые лица по льду озера идут. Теперь стали биться на льду с удалыми шитолицы-ми. Среди них два приметных есть: один — в белой парке, другой — с косой, в черной парке, ранее отпущенный.

День бились с шитолицы-ми. Только пять их осталось. Говорит Кабюмэ сын:

— Как неладно мы бьемся. Еще до третьего озера не дошли, а этих пять шитолицы-х убить не можем.

Дэйбару после этих слов скорее бегать стал. Трех шитолицы-х убил. Два приметных шитых лица побежали в устье речки.

Дэйбару и Кабюмэ сын, как собаки, за ними погнались. У того, кто был в черной парке и с косой, дэйбару жилу на ноге перебил стрелой и добил его. Белая парка быстро побежал от них, и в темноте его потеряли.

Пошли по дороге дальше в лес. Нашли опять озеро. Десь настал опять. Не доходя озера, все трое сели. Кабюмэ сын говорит:

— Ныпче мы опять к большому народу на озере попадем. На этом озере перед невидимым богом, может быть, какой-нибудь грех совершим. Может быть, бога рассердим, много людей убив. Боясь греха перед богом, думаю я отсюда вернуться. Но души моих родных я все время вспоминаю. Мой отец тоже людей убивал. Но совсем невинную мать почему убили? Вот что самое плохое. Мне мою мать жалко. Опять много людей убивать тоже грех. Как вы посоветуете? Может быть, отсюда вернемся?

Сказал тут дэйбару:

— Мы сделаем то, что ты скажешь. Если мы посоветуем вернуться, может быть, ты сердиться будешь. Скажешь, что товарищи не захотели идти дальше и вернулись. Лучше здесь остаемся и нападем на этих людей. Но так как ты сам советуешь вернуться, то я скажу, что и я так думаю.

Сын барбы сказал так:

— Пошел я в поход, жалея душу умершей невинно жепцины. Раньше наши люди тоже ходили в землю шитых лиц.

Часть возвращалась, часть умирала здесь. Если кто погибнет здесь, это значит, бог так судил.

Дейбару тогда сказал:

— Я одну речь скажу. Может быть, какого-нибудь бедного человека нам оставить в живых? Такого увидев, не будем убивать. Я ум не потерял.

— Бедного человека если увижу, оставлю в живых. Отец говорил мне: на войне уцелевших людей потом увидев, убивать грех перед богом. У меня вера такая. Товарищей своих не знаю, как они в таком деле поступают. А теперь лежать будем, ночь дожидаясь.

Поздней пришел. На берегу озера много людей. Играют, пляшут. Среди этих людей играет и прыгает человек в белой парке. Все уступают ему в ловкости. Один еще высокий человек есть. Играет с белой паркой. После игры эти два человека стали шутя сражаться на пальмах.

Один ложится на землю. Другой рубит ему ногу пальмой. Тот оттягивает ногу, и пальма рубит мимо. Потом по голове рубит один другого пальмой. И тоже голову отведет лежащий, и промахивается ударяющий. Еще и так играли: один на голову ставовится, другой рубит пальмой по шее; тот вскакивает на ноги, и пальма рубит пустое место под ним, пока он в воздухе.

Оба силача одинаково ловко играли.

Это состязание вида, думают пришедшие:

— Беда как ловки эти два человека!

Кабюмэ сын говорит товарищам:

— Хорошенько смотрите! Выбирайте, по какой стороне озера вы пойдете, тогда я по другой пойду.

Вечером оба удалых — Белая парка¹¹² и Большой человек¹¹³ — ушли в крайний чум, на дальней стороне озера. Через некоторое время Большой человек вышел и ушел в крайний чум с другой стороны озера.

Это увидя, Кабюмэ сын говорит:

— С обеих сторон удалые охраняют чумы. Ну, я куда пойду? Ладно будет, если я в сторону Белой парки пойду?

Ночь настала. Теперь дейбару с сыном барбы пошли к той стороне, где охраняет чумы Большой человек.

Говорит дейбару товарищу:

— У тебя душа как-то тонка. Иди лучше с Кабюмэ сыном.

Ответил сын барбы:

— Кто меня хранить взялся? Если бог определил мне смерть, здесь умру. Это не твоё дело.

Так и пошли по берегу озера: дѣйбару и сын барбы — в одну сторону, Кабюмэ сын — в другую.

Пошел Кабюмэ сын по чумам, ни одного человека не выпустил из пих на озеро. В ближайшем чуме всех людей перебил. В темноте сперва не заметил Белую парку. Тот лежал не в чуме, а на земле меж чумами. Нашел его, пройдя уже бѣольшую часть чумов, и погнался на озеро.

С другого края чумов тоже двое на лед выбежали. Это Большого человека, тоже вне чума лежавшего на земле, притянул Дѣйбару.

Теперь четверо бьются среди озера на льду. Там далее, за озером, устье реки было. Туда побежали два шитолицких. Из всех сил побежал за ними Кабюмэ сын. Забежал вперед и воротился к чумам. Тут на озере Кабюмэ сын перерезал стрелой жилу на ноге Большого человека. Говорит Кабюмэ сын дѣйбару:

— Ты добивай его, а я ногоюсь за Белой паркой.

Погнал Кабюмэ сын Белую парку на разоренные, наполненные убитыми чумы. Пробежали чумы, добежали до другого озера, и потерял Кабюмэ сын Белую парку. Как ветер, убежал.

Вернулся Кабюмэ сын к дѣйбару.

— Барбы сын где?

Отвѣчает дѣйбару:

— Когда нашли мы Большого человека, лежащего в яме, накрывшись постелью, то сын барбы со мной был. Наверное, он там и остался.

Долго искали. Наконец нашли сына барбы. В самое сердце убит.

— Что делать будем? — говорят. — Надо его тело в чум унести. Из деревьев там сделаем ему ледовку. Если не унесем, то наш товарищ, старика сын, подумает, что мы, его живого бросив, вернулись.

Так решив, унесли тело.

Вернулись к своему чуму. Смотрят: чум где? Чумище пустое, чум повален, близ чума следы. Старика сына мертвое тело лежит. Женщин нет.

Женщины, оказывается, под снегом сидели. Услышав разговор, вылезли. Парни их не видели, потому что проход под снег был закрыт. спрашивают женщины:

— Сколько шитолицких приходило?

— Не знаем, — говорят женщины. — Перед чумом они остановились. Старика сын к ним на улицу вышел, а мы из чума, снег подконав, в него залезли и ничего не видели.

Обоих покойников повезли в свою землю. Перешли обратно камень. Своей земли дойдя, выкопали в земле ямы и положили в них покойников. Потом человека дороге нашли, свой народ разыскивая. Накопец дошли до чумов.

Сделали сходку. Рассказали, как ходили, как оставили двух товарищей.

Говорит Кабюмэ сын барбе:

— Хорошенько рассуди умом, что причина смерти твоего сына.

Барба отвечает:

— Как судить буду? Тут от бога получена смерть. Зачем ты говоришь: я в дело попал? На тебе дела нет. Это дело твой отец поднял. Отец твой тоже умер. Какое же тут дело будет? Ты все-таки живой пришел, я и этому радуюсь. Моя речь вся. Если ты что-нибудь хочешь делать, делай, как думаешь. Я же у тебя ничего не требую.

Говорит Кабюмэ сын:

— У пас тоже речь есть. Моей сестры муж, сын старика, умер, твой сын тоже умер. У тебя, барба, второй сын есть. У него пет жены. Возьми ему мою сестру. У тебя, барба, дочь есть. Хорошо было бы, если бы ты меня послушал и дэйбару ее отдал. Старика я хранил буду, после того как вся наша орда у меня в руках будет. Бросать его не стапу. Если тебе нравится моя речь, сделай по ней, я никуда не пойду. Если ты затаенно что-либо думаешь, сердисься за смерть сына, то за это я сестру даю. Такова моя речь. Ладно ли?

Отвечает барба:

— Твоя речь самая верная. Дальше ее кто что скажет? Твой совет хорош. Ты людей убивал. Когда-нибудь впереди опять убивать захочешь. Будь ты барбой, держи икатулку. Дэйбару пусть твоим помощником, старшиной будет. В будущем войну больше не затевайте.

53. Оставленный топор

(Вариант 1)

Тундровый тупгус остановился у камня с женой и малыши ребятами. Пять диких добыл. Жена чум делает. Сам дрова рубит. Дрова рубит и все время на камень смотрит. Настал вечер. Жена кричит:

— Что это ты все время на улице? Обед уже готов.

Зашел в чум. Спрашивает жена:

— Что это ты смотрел целый день?

— Что-то мелькало на вершине хребта,— говорит тунгус,— по хорошепько не рассмотрел.

Настало время ложиться спать. Стали огонь топить. Когда огонь растопляли, собака залаяла. Жена на улицу вышла. Видит: по их дороге пешком человек идет. Зашел этот человек в чум. Лицо расписанное, ноги очень длинные. Говорит:

— Какие вы люди? Какне тунгусы?

— Тундровые тунгусы,— отвечает хозяин.

— Твой дед и мой дед близкой родней были,— говорит шитое лицо.— Ты что здесь ищешь?

— Еду ищу. Тенерь я сыт. Хороший жир есть,— отвечает тунгус.

— Маленько покорми меня,— попросил шитолицый.

Накормили его. Затем говорит тунгус:

— Придя на это место, видел я следы волков.

— Тогда карауль ночью оленей,— сказал шитое лицо.

Тунгус собрал оленей. Поймал сильного учага и поехал обратно по своей дороге. Потом свернул с нее на след шитолицего. След кругом привел его в горы. Пошел по горам. Смотрит на дорогу, видит, что в одном месте, видно, долго стоял шитое лицо. Нашел здесь лук и перерезал у него тетиву и испортил дерево лука. След при лупе хорошо видно. Положил лук обратно под камень и пошел по следу шитолицего дальше. Нашел среди гор, в глубокой впадине, озеро. Под яром, на берегу озера, стоит туркучанка с каменными полозьями. Одна собака привязана к туркучанке. Эту собаку убил тунгус. После этого вернулся к чуму. Пришел к нему в полночь. Около чума собрал оленей. Олени лежат. Близ двери седла сложил и спрятался за ними. Лыжи к ногам привязал. Когда так приготовился тунгус, прекратился храп в чуме. Дверь тихо открылась, и шитое лицо высунулся до пояса. Поворачивая голову и вытягивая шею, смотрит кругом чума. Осмотрел всех оленей. Потом сперва одной ногой шагнул на улицу, затем — другой. Вышел из чума. Тунгус два раза выстрелил. Шитое лицо два раза подпрыгнул, ничего не попало в него, и он побежал по дороге. Тунгус за ним погнался на лыжах. Изо всех сил бежит шитое лицо до хребта и взял свой лук. Нашел лук, да чем стрелять будет? Тетива-то перерезана. Осмотрел перерезанный лук и дальше побежал. Бежит и собаку зовет. Выбежал на яр пад туркучанкой и прыгнул с него к туркучанке. Тунгус здесь два раза вы-

стрелил, но оба раза мимо. Отсюда за озеро прыгнул шитое лицо. Когда он коснулся земли, опять выстрелил тунгус два раза. Одна стрела шитолицему прямо в спину попала, и упал он с яра в воду. Тунгус повернул к чуму. Когда дошел, день уже стал. Жена спрашивает:

— А где шитое лицо?

— Я убил его,— ответил муж.

К вечеру этого дня один аргиш пришел. Пришла семья сомату. Спрашивает сомату тунгуса:

— Сколько диких добыл?

— Несколько добыл да еще шитолицего добыл,— ответил тунгус.— А ты шитолицых не встречал?

— Нет.

— Из этой земли уходить надо, возвращаться, а то может худое случиться,— говорит тунгус.

Аргиши. Сделав три аргиша, остановились. Сомату говорят:

— На том чумище, где мы встретились, я топор оставил.

— Какого черта тут топор жалеть? — говорит тунгус.— Брось его!

— Как буду бросать этот топор? — говорит сомату.— Это моего деда топор.

Говорит тогда тунгус:

— Тебя я жалею. Но если не хочешь бросать топор, то иди. Возьми моего маленького учага. Если что случится, то возвращайся на пем.

— Может быть, меня долго не будет, тогда ты моих детей храни и аргиши. Живой буду— приду,— сказал сомату и уехал обратно по их дороге.

Едет на своем учаге, а маленького учага тунгуса привязал сбоку. Думает: «Что это хозяин хвалил этого олепя? Все время назад тянет. Мой учаг гораздо лучше».

Так поехав, к оставленному чумищу близко подъехал. Думает: «Почему это на нашем чумище дым?»

Подъехал еще ближе. Увидел топор. Подъехал к нему и думает: «На чумище за дымом что-то видно».

Не слезая с учага, взял топор и стал поворачивать учага обратно. Поворачивает учага, а сам на чумище смотрит. Видит: из чумища выходит шитое лицо с учагом же. Теперь маленький учаг, которого дал тунгус, принялся домой рваться. Сильно тянет ремень. Быстро поехал сомату прочь от чумища.

Сперва шитое лицо был от сомату на расстоянии длинного

маута. Через некоторое время оглянулся сомату и видит, что едет за ним шитое лицо уже на расстоянии короткого маута. Сильнее погнал своего учага сомату. Когда оглянулся, то видит, что шитое лицо на расстоянии длинной вожжи.

Бьет своего учага сомату. Но тот устал и собирается упасть. Теперь шитое лицо уже на расстоянии длины короткой вожжи. Едет и над головой пальмой размахивает.

Совсем близко стал шитое лицо. Перерезал тогда сомату повод, которым был привязан маленький учаг, и пересел на него.

Шитое лицо черный, без парки, покрытый черной шерстью.

На новом учаге быстро поехал сомату. Мало-мало стал уходить от шитолицега. Вдруг слышит, стрелы свистят. В его учага, который бежал сзади, попали две стрелы и перерезали оленья пополам.

Сильно погнал сомату маленького учага и оглянулся. На длину маута отстал шитое лицо. Опять погнал сомату учага. Посмотрел назад, видит: на расстоянии длины длинного маута уже теперь шитое лицо. Боясь, что устанет учаг, стал сомату его сдерживать, потянул повод. Учаг еще скорее пошел. Еще потянул — все равно не хочет учаг тише идти. Думает сомату: «Пусть идет, как сам знает».

Оглянулся. Шитое лицо уже насилу виден. Так дальше поехали. Все время на одном расстоянии остается шитое лицо. Темно стало.

В этих местах было озеро с поволокой на диких. Увидев озеро, сомату выехал на мыс-поволоку до самого его конца, до воды. Отсюда повернулся и вдоль берега обратно поехал. Сильно погнав учага, стал объезжать озеро. Слышен стал топот учага шитолицега на самом мысу и его крики:

— Где он? Где он?

— Здесь я! Прямо иди! — закричал тогда сомату. Шитое лицо прямо с мыса попал в озеро и утонул.

Дойдя до места, где они разошлись с тунгусом, увидел сомату, что тунгус аргинил. Семь дней сжал по дороге аргиша, пока догнал чумы. Приехал и говорит тунгусу:

— Твой учаг очень хорош. Не дал бы ты его мне, я бы пронал. Когда я к чумицу вернулся, то нашел там шитолицега без парки. Стал убегать. Мой учаг начал падать. Пересел я тогда на твоего и на нем ушел от шитолицега. Мой же учаг остался там. На две части разрезал его стрелой шитолицей. Но я утопил шитолицега в озере. На моем учаге осталось самое доб-

рое седло и повод с железным концом. Хочу я за ним вернуться.

— Это неважное имущество. Лучше не возвращайся,— говорит тунгус.

— Ну что поделаешь. Видно, придется бросить,— ответил сомату и не стал возвращаться.

54. Оставленный топор

(Вариант 2)

Два тундровых тунгуса диких промыслиют близ камня. Диких добыли. Снег пришел. Один из них говорит:

— Мертвого дикого нашел. Копыта у него очень длинные.

— Эй! Аргишить надо,— говорит другой.— Что это за дикый с очень длинными копытами? Надо аргишить. Может быть, шитые лица нас добывать будут.

Сделали большой аргиш.

Говорит один тунгус:

— У! Я на чумище отцовский топор, которым диким головы рубил, оставил.

— Брось топор, что в нем,— говорит другой.

— Отец перед смертью избу делал им. Не хочу оставить.

Поеду.

— Хороший учаг есть?

— Есть.

— Моего давно не седланного учага возьми. Обоих оседлай, два седла возьми. Чего-нибудь испугаешься, на моего учага сядешь,— говорит другой тунгус.

Взял тунгус двух учагов и поехал. Чумище видно стало.

— Почему это на чумище огонь горит? Что есть? Что есть? За огнем один большой человек сидит.

— Как возьму топор? Пусть останется. Стану если возвращаться, погонится, мой чум найдет. Пусть лучше я в пустую землю поеду.

Поехал вверх. Огонь обехал. Человека теперь хорошо видно стало. Большой-то, большой!

Шаги учага очень громки. Человек погнался. Близко стал. К середине дня учаг тунгуса упал. На учага товарища сел.

— Эй, как мне уйти? У, близко пришел, что-то слышу позади!

Шитое лицо подбежал к упавшему учагу и железом¹¹⁴ по-
номам его перерубил. Потом еще ближе подошел.

— Эй, как мне уйти?!

Как раз на места летнего промысла вышши. Озеро увидел,
на нем мыс. Прямо на мыс ушел. Учаг-то очень силен. В тем-
ноте шитое лицо не виден. Выйдя на мыс, обратно вернулся и
идоль берега к яру за озером против мыса поехал. Тут встал,
на учаге сидя. Шитое лицо прямо на мыс вышел. Тунгус объ-
ехал озеро и стоит, сидя на учаге, за озером, против мыса.
Слышно, как перед ним в воде шлепают шитое лицо.

Потом шум прекратился. Только слышно, как кричит шитое
лицо:

— У! У!

В воду попал и утонул шитое лицо. Тунгус в чум вернулся:

— Утопил шитолицего. Однако, в воде он умер.

Аргишили. Много чумов пашли. Год прошел.

Летом опять к камню за диким ушли. К этому озеру подо-
шли. Тунгус к озеру подъехал. Кости там увидел утонувшего.
Рассказал товарищу:

— Такое нашел. Сам умер шитое лицо.

Все.

55. Гость с собаками

(Вариант 1)

В нашей земле один тунгус был. Имя его просто Тунгус.
Жена и двое ребят у него. Сам он очень удалый человек про-
мыслять или еще что-нибудь сделать. Говорит этот тунгус:

— Буду аргишить на промысел.

Аргишил. Диких добывал, песцов ли и прочее. Десять у
него оленей. Очень бедный человек. Все время аргишит в сто-
рону леса. Прощел лес. Прощел камень. Еще камень прощел
и остановился у его края.

Сделали шестовой чум и сидят в нем.

Говорит тунгус:

— Что это собака лает? Что она видит?

Сын на улицу вышел и говорит:

— Одиб большой человек пришел, очень большой.

Зашел этот человек в чум.

— О, что за человек ты? — спрашивает тунгус.

— Я дикий человек, — отвечает гость.

Лицо его расписано. Языка тунгусов не знает. На другом языке говорит. Тунгус этот язык знал.

— Ты как живешь? У тебя чум есть? — спрашивает тунгус.

— Чума пет, только нарта есть, — отвечает гость и спрашивает: — А ты какой человек?

— Я тундровый тунгус.

— В этой земле что искать пришел?

— Ничего не ищу. Иду за промыслом.

— Давай вместе ночевать и вместе промышлять.

— Можно. Как не можно, — сказал тунгус и стал говорить по-своему со своей семьей.

— Ну, ребята, это какой-то иной человек. Я думаю, как быть с этим человеком. Может быть, он меня убивать захочет?

Сказав это, говорит гостю:

— Друг! Я оленей караулить буду. Видел я следы волка. Оленей у нас мало. Пойду караулить.

— Ладно, карауль, — говорит гость.

Лег спать гость в чуме, вместе с ребятами и женой тунгуса. Лег он с краю. Ничего нет у него. Лука нет, ничего пет. Сам тунгус на улицу ушел оленей караулить.

Выйдя, нашел пришедшего человека дорогу и по ней пошел на маленький хребет. Здесь нашел лук и стрелы, зарытые в снег. Взял он лук, потянул. Беда тугой лук! Тетива из двух веревок свита. Одну из них перерезал ножом.

— Может быть, в меня стрелять будет, тогда порвется.

Пошел дальше по дороге. На самый высокий камень вышел. У подножия камня нарту увидел. К пей две собаки привязаны. С камня смотрит он на них. Взял две стрелы и выстрелил. Одной собаке в грудь попал, другой — в бок. Обе упали. Пошел к нарте. Смотрит, что есть на ней. Нашел много луков. У всех их тетивы перерезал. Нашел два очень больших котла, полных жира. Копнул немного жира, попробовал. Очень горький жир. Какой это жир? Смотрел, смотрел и увидел около нарты кости. Осмотрел их, видит, что это человеческие кости. Тут рука, тут спиной хребет.

— Однако, это человеческий жир. Оттого он и горький.

Оставил все и вернулся к своему чуму. Около чума олени седла лежат. Собрал их и положил около дверей. Сам лег между ними с луком и стрелами наготове. Наступила полночь. Закричал тунгус. Олени испугались и стали бегать. Тогда из дверей чума вышел гость. Тунгус два раза стрелял в него, но оба раза

мимо. Гость быстро убежал. Как быстро не побежит — очень острый человек! Тунгус погнался за ним и кричит:

— Стой, стой! У тебя тоже лук есть, и я лук держать буду. Теперь-то я тебя отведу!

Гость быстро убегает. Взбежал на маленький хребет. Нашел свой лук, схватил его и два раза выстрелил. Тетива порвалась. Чем будет стрелять? Лук бросил и быстро побежал, крича:

— Теперь я пропал!

Тунгус все время гонится за ним. Гоняя, дошел до парты. Увидел шитолицый, что обе собаки его лежат. Открыл парус парты: у луков все тетивы перерезаны. Закричал и побежал дальше. Тунгус стрелял — мимо. Шитолицый гость взбежал на гору и скрылся за ней. Тунгус за ним. Шитолицый прыгнул через яму на горе. Когда он остановился после прыжка, тунгус выстрелил. Перерезал ему стрелой жилу на поге. Лег на землю шитолицый и говорит:

— Веда какой ты хитрый! Теперь добыл ты меня. Дай мне лук. Один раз тебя испытаю.

— Не дам, — сказал тунгус.

— Я долго жить не буду. Напрасно буду только мучиться. Стреляй! — сказал шитолицый.

Выстрелил тунгус. В самое сердце попал.

Вернулся тунгус в чум и говорит жене:

— Этих диких шитолицых, однако, много. Убьют они меня похую. Надо в свою землю вернуться.

Вернулись в свою землю. Дошел до своих людей. Рассказал.

— Нашел шитолицых, очень плохих людей нашел. Насилу они меня не убили. Насилу я их убил. Пусть наш народ в одной земле сидит, в другую землю не ходит промыслять. У убитого шитолицего какая-нибудь родня есть. Эти люди, пустившись в поиски, однако, и в эту землю придут. Также удалые люди если придут, я живой не останусь.

Поэтому сейчас тундровые тунгусы (долганы) боятся и всегда в одной земле живут. Вот здесь и конец.

56. Гость с собаками

(Вариант 2)

Был один тунгус средне богатый. В самый лес аргшил от камня сюда. Два сына у него, парня. Из леса к нему еще один тунгус пришел пешком. Безо всего пришел. Лука не держит,

ничего не держит. Запел этот тунгус в чум и сел близ старика. Говорит:

— У меня чум в лесу. Тоже промышлять ходил.

Все время смеется гость. Рассказывает такой и промысел нашел, такой-то я промысел нашел...

Хозяин говорит сыну:

— Какой это гость? Все время смеется. Однако, это худой человек. На лбу под волосами прошивка видна. Такой человек пришел, однако, не к добру. Младший сын пусть оленей охраняет. Старший пусть на санке на улице, под сохнувшей постелью дикого, лежит.

Спрашивает гость:

— Что это ты много говоришь?

Отвечает старик:

— Около чума мы следы волка видели. Надо оленей охранять. Это я говорил.

Гость тогда говорит:

— Ладно, ладно. Надо оленей хранить.

Большой сын на санке лежит закрытый шкурой. Младший всю ночь у оленей ходит. В самую полночь вышел один человек из чума. Выйдя, пошел прочь от чума, пятясь спиной, будучи сам обращен лицом к чуму. Отойдя таким образом от чума подалее, повернулся вперед лицом и быстро стал уходить, осторожно переставляя ноги.

Старший сын кинулся за ним, крича:

— Готовься! Этот человек что-то худое задумал!

Стал стрелять из лука, но все мимо: очень удачным и увертливым оказался человек с шитым лицом.

Подбежали они к самому крутому камню. Среди камня одно хорошее место оказалось. Туда убежал этот человек по верху яра. Под камнем на ровном месте ярта стоит. К ней привязаны три собаки. На парте котел, наполненный вареным человеческим мясом. Все есть на парте: лук, большой нож¹¹⁵. Шитолицый по камню верхом ушел. Парень же под яром бежал к парте. Убил стрелами собак и увидел, что шитолицый стоит над ним на яру.

Парень из-под яра выстрелил в него, и тот свалился к нему вниз. Оказывается, стрела ему жилу на пояс перерезала.

Кричит вестролицый, сидя на земле:

— Давно я в твой чум пришел! Почему я лук только оставил? Если бы не оставил, давно бы убил тебя. Убивай меня скорее да мое сердце смотри!

Парень говорит:

— Пока ты живой, я к твоим рукам не подойду.— И стал стрелять в сидячего.

— Эх, почему не подошел? — говорит пестролицый.— Руками бы задушил тогда тебя!

Наконец умер оп. Парень стал сердце смотреть. Видит: у него два сердца. На одном шерсть, на другом нет.

[Дополнение рассказчика:]

У худых людей два сердца, говорят. Когда шерсть на втором сердце царапает, тогда такому человеку хочется людей убивать. Говорят, такие пестрые люди есть и теперь в камне, далее долган.

57. Гость с собаками

(Вариант 3)

Один тундровый тунгус был. Жена была у него и пятеро детей. У старшего сына красные бакари. Аргишили диких промысливать. От большого камня в лесу немного сюда остановились. Жена чум делает, сам дрова рубит. Рубит дрова, а сам все на верх камня смотрит, под которым стоят. Приготовили чум, и все зашли в него. Жена спрашивает:

— Что это ты целый день смотрел на вершину камня? Что там увидел?

— О, не знаю. На верху большого камня что-то видел я. Голова, что ли, на очень тоненькой шее. Самого же человека не видел.

Еда вскипела, чай вскипел. Перед этим пять диких было убито. Жена посмотрела на улицу и говорит:

— По нашей дороге один очень длинноногий человек пришел.

Зашел этот человек и среди пяти детей сел.

— Какой это гость пришел? — спрашивают его.

— Я тунгус,— говорит гость.— А вы кто?

— И мы тунгусы.

— Наши отцы в старину братья были. Оттого я пришел гостевать,— говорит пришедший.

Угостили его. Насилу немного губами прихватил он еды. Поел и говорит:

— Я устал, поэтому и не ел. Корми детей, а я спать хочу.

Стала женщина ему кокуль готовить. Тунгус-хозяин говорит:

— Я здесь пять диких добыл. Видел волка следы. Ты, гость, спи, а я буду оленей смотреть.

Вышел из чума, собрал оленей. Из них одного большого учага поймал. Думает: «Однако, у гостя нехорошес па уме. Надо по его дороге в камень съездить».

Поехал па учаге по дороге. Дорога ушла сперва в тундру, а потом поодаль от чума завернула в камень, на вершину хребта. Здесь около большой плиты много стало следов. Посмотрел тунгус под плитой и нашел там лук. Ножом лук надрезал почти пополам и поехал дальше. В горах долина была. В ней стояла нарга и около нее две белые, очень большие собаки. Обеих собак убил из лука. Осмотрел нарту. Под парусом много людских тел увидел. Череп у них надрезаны, но сами они целые, только мозги вышиты. В большом котле много жиру. Попробовал тунгус жир пальцем — вкус оказался очень плохим. Это из людских костей жир. Вернулся тунгус к чуму и собрал оленей в сторону тундры от него. Против двери чума положил на санки шкуры диких и сам спрятался за ними с луком наготове и двумя стрелами на тетиве.

В полночь высунул высокий ростом гость из чума голову и стал осматриваться. Шею так вытянул, что оленей за чумом увидел. Также в другую сторону посмотрел. Затем вышел на улицу и пошел в тундру. Когда он отошел подальше, выстрелил тунгус, по мимо. Тот увернулся и быстро побежал. Тунгус за ним. Вбежал гость на камень и остановился. Поднял плиту, взял лук и кричит:

— Иди, иди, тунгус!

Натянул лук, но тот лопнул. Тогда побежал дальше, крича:

— Лакшей! Кокшей!

Это он звал собак. Потом кричит:

— Эй! Почему собак нет? Раньше они скоро приходили!

Спустился в яму. Тунгус тут две стрелы пустил. Покал большому тунгусу в ногу и разрезал ее, а затем убил его совсем.

После этого аргипил тунгус в тундру к своим товарищам. Тут и все.

[Дополнение рассказчика:]

Эта сказка наша, самоедская. Гость людоед был, шитолицый. Мы его называем Большой человек (Апэ-нгапасана). Победителя-тунгуса зовем Пылаточичера. Пылаточ — это название старой породы.

58. Гость с собакой

(Вариант 4)

Тунгус по имени Инюенга из тундры аргишил в лес. Аргишит один, без товарищей. Диких промышляет. Пять нарт диких добыл. Аргишив в лес, у камня стоял. На большом хребте заметил человека. Видно, как будто человек стоит. Потом этот человек пришел к Инюенга. Лицо у пришедшего шитое.

— Ты не знаешь ли меня? — спросил Инюенга. — Может быть, родня мне?

— Нет, не знаю, — ответил шитое лицо.

Зашли в чум, стали есть. Шитое лицо долго ел. Съел трех диких и говорит:

— Теперь спать стану.

Инюенга говорит:

— Я оленей охранять буду.

Шитое лицо лег спать. Инюенга вышел на улицу, поймал самого лучшего учага, оседлал его и поехал по следу шитолицевого. Въехал на хребет, где стоял шитое лицо. Здесь нашел в снегу лук. С трудом натянул его и сломал. Затем дальше поехал. Нашел две парты. На них лежало несколько человеческих тел. К партам одна собака привязана. Эту собаку застрелил Инюенга и вернулся к чуму. Учага отпустил. Перед чумом стояло несколько санок-туркучанок. За ними он лег.

В полночь шитое лицо высунул голову из чума. Потом на улицу вышел. Двумя стрелами стрелял Инюенга, по мимо. Побежал в хребет шитое лицо. Инюенга за ним. Снова выстрелил — и опять мимо. Тот, как рыба, ушел. Опять стрелял Инюенга и перебил шитолицемую жилу на ноге. Упал шитое лицо на землю и говорит:

— Инюенга, ты силен! Убей теперь меня по-хорошему пожом.

Близко подойдя, колот его пожом Инюенга. Шитое лицо схватил его и зарезал пожом. Так умерли они двое на этом месте.

У Инюенга два сына было в возрасте, когда начинают самостоятельно ездить на санке. Эти ребята обратно в тундру аргишили.

59. Гость с собакой

(Вариант 5)

У долгана Оелоко трое детей: два сына и одна дочь. Близко от камня стоят. Мясом диких кормятся.

Младший сын оленей караулит. Собака залаяла. Жена Оелоко смотрит. Видит: человек с камня пришел, очень высокий. Пришел в чум. Видом — шитое лицо. Накормил его Оелоко, спрашивает:

— Какой ты человек?

— Я дикий человек, — отвечает гость.

Поел мяса диких шитое лицо и собрался спать. Оелоко говорит:

— Я оленей караулить буду.

Шитое лицо отвечает:

— Пусть, карауль.

Оелоко сыну говорит:

— Карауль оленей.

Парень отвечает:

— Не хочу.

Тогда сам Оелоко пошел. Большого учага поймал. Поехал по следу шитолицеого. Лук нашел. Лук весь изломал. Дальше уехал. Одну туркучанку нашел, стоящую под яром. У туркучанки большая собака. Рядом озеро. Собаку застрелил Оелоко. Туркучанку осмотрел. На ней два больших котла полны жира. Из одного попробовал — очень худой. Две пальмы нашел. Большую пальму в озеро бросил. Маленькую в карман (?) положил. Очень она белая (?). Взяв ее в чум, вернулся. Теперь оленей караулит. Полночи еще нет. Сидит Оелоко у двери. Шитое лицо спит. В полночь шитое лицо вышел, осматривается. Оелоко две стрелы пустил — обе мимо. Убежал шитое лицо, быстро убежал. Оелоко за ним пешком тоже быстро ушел, стрелять не хочет. Шитое лицо свой лук видит: все изломано. Дальше убежал и собаку зовет:

— Дямку! Дямку!

Собака не идет. Пришел к туркучапке. Собака мертва. Пальм нет. Шитое лицо разорвал пополам собаку и половину съел. Другой половиной машет. Оелоко у туркучанки пож вытащил, машет им. Шитое лицо отступил. Оелоко смотрит: опять один человек пришел на учаге. К нему пошел шитое лицо. Оелоко говорит:

— Это мой сын. Убьет его пшитолицый.

Быстро побегал, кричит сыну:

— Уходи дальше!

Тот поехал, но не прямо, а виляя, зигзагами. Шитое лицо подбежал к парню. Оелоко кричит:

— Бросай учага!

Сын соскочил с учага. Шитое лицо поймал сына. На сыне парка порвалась. Оелоко с пожом быстро подбегает. Шитое лицо ушел от Оелоко, взял за рога учага и, им махая, на Оелоко пошел. Оелоко с пожом стоит.

Ударил учагом шитое лицо, порвалось брюхо у него, и издох учаг. Оелоко говорит сыну:

— Не уходи, будь близ меня.

Шитое лицо на озеро побегал, мимо Оелоко. Оелоко пожом ударил. Ногу сломал пшитолицему. Сел шитое лицо и говорит:

— Мудреный ты, Оелоко. Почему мой нож взял ночью? Почему в чуме меня не испытал (т. е. не убил), почему лук сломал? Почему такой мудреный?

Оелоко из лука выстрелил. Шитое лицо тут и умер. Разрезал ему Оелоко грудь. Два сердца: одно мохпатое, другое простое. Вернулся в чум с сыном. Говорит:

— Зачем сын пришел? Учага только загубил.

Аргишили в тундру. Все.

60. Дюнто

Живут три брата, тундровые тунгусы. Все трое женатые. У старшего двое детей, у среднего (Дюнто) пет, у младшего один сын. Оленей триста.

Самым летом аргишили в тундру. Стояли на озере. На озере гусей много. Старший брат стрелял из лука— добыл десять гусей. Младший брат стрелял— добыл десять гусей. Средний сел в ветку и добыл сто гусей. Было время, когда гуси линяют.

Убил Дюнто гусей и торонит братьев:

— Давай скорее уйдем отсюда.

Братья удивляются:

— Почему торонит?

Быстро собрали гусей, разобрали чум и аргишили вверх. Три дня аргишили. Дошли до озера. На другой стороне озера яр. Дюнто говорит:

— Не объезжайте озеро. Переплывайте все через него в ветке.

Перевезли все через озеро в ветке, переправили табуи. Дюнто велел поставить чум под самым яром, близ воды. Вечером Дюнто говорит братьям:

— Ну, надо оленей караулить.

Братья не хотят. Тогда говорит Дюнто:

— Ладно. Сам буду караулить.

Вышел с луком к оленям. Обошел озеро и притаился на другой стороне, у того места, где они вышли на озеро.

Ночью по их дороге пришло много людей с шитыми лицами. Подошли к озеру и говорят:

— Это как дорога в озеро ушла? Ну ничего! Перейдем озеро вброд.

Другой говорит:

— Не видали ли они меня на озере, где били гусей, когда я их высматривал?

Дюнто, не зная языка шитолицких, пасилу их понимает. Пошли шитые лица вброд через озеро. Когда они все вошли в воду, Дюнто сзади закричал:

— Эй, сюда идите! Сразимся! — И стал в них стрелять. Многих убил в воде. Но часть шитых лиц выбежали на берег. Среди них один в белой песцовой парке и другой в парке из шкуры дикого оленя.

Дюнто стал биться с ними из лука. Всех перебил, остались только эти двое. Стал биться с этими двумя Дюнто и ранил человека в парке из шкуры дикого оленя. Тот упал. Шитое лицо в песцовой парке побежал. Дюнто погнался за ним, но тот быстро исчез в темноте.

Дюнто вернулся, добил человека в парке из шкуры дикого оленя и ушел в чум. Пришел на рассвете и лег спать.

Утром женщины пошли за водой.

— Эй, что это? В озере почему кровь?

Дюнто говорит:

— Берите воду из речки.

Затем вышли из чума братья. Видят: по той стороне что-то чернеет, словно тупи диких на поколке. Пошли посмотреть и нашли убитых шитолицких. Когда они вернулись домой, Дюнто стал их стыдить:

— Я бы не пошел оленей караулить, что было бы? Однако, судить надо вас.

Братья говорят:

— Теперь тебя слушать будем.

Затем аргиншили вверх. Аргиншили, аргиншили и дошли до своей земли.

Теперь осень стала, Дюнто говорит:

— Пусть старший брат в лес идет, делать пасти, младший — па озеро рыбачить, а я буду сидеть па поколке.

Мелкая вода уже стала замерзать. Так и сделали. Братья ушли, Дюнто остался. На поколке Дюнто добыл много диких. Жена говорит ему:

— Почему ты все время промышляешь в бакарях? От воды и крови они совсем обледенели.

Отвечает Дюнто:

— Мой отец тоже был средний из трех братьев. Он мне говорил: если близко появятся плохие шитые лица, всегда носи бакари с подошвой из лба дикого. В ровдужных олочах у тебя будут скользить ноги, если тебе придется драться.

Через некоторое время говорит Дюнто жене:

— Готовь нарты, а я пойду к братьям за оленями, чтобы вывезти мясо.

Пошел сперва к озеру, где промышлял младший брат. Пошел в сторону леса. Пришел па озеро. Видит: валяются шесты от чума и часть нюков. Быстро побежал. Скоро пашел и брата, убитого стрелой, и убитую же жену брата. Под опрокинутым котлом нашел живым мальчика, сына брата. Сунул мальчика за пазуху и пошел дальше. Табуна, который был у младшего брата, не нашел. Его, видно, угнали.

Пришел к старшему брату — и здесь то же самое увидел. Брат, его жена и два ребсика — все убиты. Вернулся домой. Совсем без оленей остался. Живет здесь па одном месте. Уже выпал снег.

Как-то вечером Дюнто вдруг взял ребсика и бросил его к двери. Затем швырнул его в нижнюю сторону чума, затем — к задней стенке, за костер. Бросал прямо в нюки. Жена говорит:

— Чего это ты?

Дюнто ничего не сказал. Взял лук и выбежал из чума. У чума стоял с луком паготове человек в песцовой парке. Дюнто увернулся от его стрелы, и они стали сражаться. Отогнал Дюнто Песцовую парку к яру над рекой. Тут пришло много шитых лиц. Сразившись с ними, их всех перебил Дюнто. Песцовая парка говорит:

— У меня силы меньше твоей. Отпусти меня.

Дюнто погнался за ним. Песцовая парка прямо в лес побе-

жал, через хребет. Говорят, что в лесу на юг от нашей земли три хребта. Потеряв след Песцовой парки, пашел Дюнто за вторым хребтом большую дорогу. «Это дорога моих оленей», — думает он и погнался по ней.

Между вторым и третьим хребтами большое озеро пашел. У озера много чумов пашел. Олсней много ходит. Посередине большой белый чум стоит, из белого сукна. Из него вышел человек в белой песцовой парке и кричит:

— Эй, народ! Нападите на тунгуса Дюнто, пасти делающего человека.

Множество шитых лиц бросилось на Дюнто. Впереди их Песцовая парка.

Дюнто их всех перебил. Только Песцовая парка хотел убивать. Дюнто забежал вперед него, загородил дорогу и, выстрелив из лука, перебил жилу на поге.

Убив Песцовую парку, пошел к чумам и говорит женщинам:

— Вас убивать грех. Ловите оленей и аргините к своим в лес. Вашего народа там много.

Потом обошел чумы и перерезал у всех мальчиков жилы па руках, чтобы они не могли приходить воевать в тундру.

Затем Дюнто свистнул три раза, и все его триста олсней отделились от табуна и пошли в тундру. Себе под сапку решил Дюнто взять трех олсней.

У стоящего в стороне от других маленького чума увидел он трех маленьких быков. Пошел к ним, чтобы поймать их. Когда стал бросать маут, из этого чума вышел человек в парке из шкуры дикого оленя. Это был Нюхой.

Он выстрелил из лука в Дюнто и всадил ему стрелу между лопаток. Этот Нюхой был работником у шитых лиц. Дюнто побежал от него. Нюхой несколько раз стрелял, но Дюнто увернулся от всех стрел.

— Все равно не ушуцу тебя! — закричал Нюхой и погнался за ним.

Дюнто добежал до большого озера с многими мысами и красными полосами на берегах. Выбежал на яр над озером.

— Лучше погибнуть в воде, — сказал Дюнто. Прыгнул в воду и исчез в ней. Нюхой прыгнул за ним.

Из озера вытекала речка. В ее истоке показалась гагара и поплыла вниз по реке. Это был Дюнто. Нюхой же превратился в черного налима с железным носом и погнался за ним.

Нюхой кричит:

— Дюнто нырнул в свой бубен!

Это озеро — сто бубен, и через дыру в нем он ушел. Многочисленные мысы озера — это выступы бубна. Красные, словно расписанные, берега озера — это раскраска бубна.

Мать бубна была в этом озере. В ее чрево попал Ньюхой и пропал. Дюнто превратился опять в человека и с олеями вернулся домой.

Дома говорит жене:

— Принеси мою шаманскую парку и бубен.

Жена принесла, и Дюнто стал шаманить. Шаманил и говорит:

— Ну, человек! Вытащи мне стрелу из спины.

Жена говорит:

— Какой человек? Я, что ли, вытащу стрелу?

Отвечает Дюнто:

— Нет, ты не трогай.

Видит женщина: никого нет, а стрела сама медленно вышла из спины и упала на землю.

После этого Дюнто жил хорошо. Дюнто — отец всех тунгусских шаманов. Бубен Дюнто — мать всех шаманских бубнов. Ньюхой как будто был русский лекарь. Он — отец всех русских лекарей. Это очень старая наша сказка.

61. Случай после охоты на гусей

(Вариант эпизода из «Дюнто»)

Один тундровый тунгус с двумя сыновьями кочевал в лесу у больших гор, немного в сторону тундры от них. Жаркое время пришло — гуся добывают. Один раз аргиш остановили у озера около леса. Стреляют на озере гусей. Очень жарко. Настреляли гусей. Старший сын в ветку сел и поплыл гусей собирать. На ветке плывя, наклонился воды попить. Но пить не стал. Выпрямился быстро и поплыл к берегу. Сказал брату:

— Не пей воды.

На берегу чаю попили и аргишить собрались. Из озера этого река вытекала. Когда чум домали и оленей ловили, старший сын сказал:

— Оленей ловите тихо, без крика. Вы все аргишите, а я со своим учагом на некоторое время останусь.

Старик удивился:

— Ты, нарень, почему так?

— Ничего не говори, отец. Я когда гусей собирал, воду пил и ум потерял. Пусть аргиш вдоль реки, текущей из озера, идет. Идите все вместе. По этой реке на большую реку выйдете — ее перейдите, — сказал старший сын.

— Ты от озера в сторону леса что-то видел, сын? — говорит старик.

Сын будто не слышал, дальше говорит:

— Большую реку перейдя, идите вдоль нее вниз. Хороший лес увидев, в него зайдите и аргшите лесом. Так, идя вдоль реки, большой яр увидите. В одной из ям (расщелин) яра останетесь и делаете чум так, чтобы его издали не видно было. Чум маленький делаете. Только чтобы человеку сидеть.

Запрягли всех оленей в аргише и поехали. Старший сын остался. У его учага были большие рога. Он их срезал пилой. Посмотрел, как ушел аргиш, и отъехал на учаге в сторону от чумища. Недалеко от чумища заехал в лес. Нашел упавшее дерево, лег за ним и смотрит на чумище.

Через некоторое время видит, что чумище топиться начинает. Дым над ним поднялся. Тогда поднял он учага и поехал к чумищу узнать, что тут есть, почему дым. Когда подъехал, заметил, что за дымом что-то есть, что-то мелькаст. Проехал мимо чумища, объехал дым и увидел то, что плохо видно было. Человека увидел. Ноги длинные, глаза на лбу, лицо нестрое. Увидев этого человека, тунгус, не слезая с учага, сильно погнался его прочь от чумища. Поехал по дороге своего аргиша до реки. Найдя реку, вниз вдоль нее поехал. Найдя яр, близ него, за упавшим деревом, спрятался.

Вслед за ним мимо него пробежал пеником большой человек. Увидев вдали хороший лес, этот человек побежал к нему. Перешел реку и потерял дорогу аргиша. Взматриваясь вдаль, ушел в лес.

Тогда тунгус сел на учага и по дороге аргиша пришел в свой чум. День тихий был. Слышен стал вдали страшный крик.

— Эх, теперь я их потерял! Близо они от меня были! Почему я их ночью не добыл? Почему я свежего мяса не добыл?

Теперь говорит старший брат:

— Отец! Брат! Хоть хотите вы здесь сидеть, но падо аргшить, к нашему пароду присоединиться. Когда мы много товарищей пайдем, шитое лицо нас совсем потеряет.

62. Сыновья Лакуны

(Вариант 1)

Заросшая по берегам тальшиком речка есть. На берегу стоит голомо. В этом голомо живут три человека. Один — старик, большой, слепой. Два сына у него, два парня. Возрастом, как Боримэ, оба. Матери нет.

Теперь лето. Старичок рыбачит, на ветке плавает. Сам не видит, спрашивает сына:

— Пуцальни поплавок близко ли?

— Близко!

— А, нашел, нашел. Вот он, есть!

Порой, когда две, когда три рыбы ловит. Теперь это время дошло. Рыбы не стало. Только сидит в голомо, на огонь смотрит.

Теперь уже морозы настали. Старик стал сильно кашлять. Как-то теперь вечер стал. Огонь топили. Теперь парку снял старик, голую спину перед огнем греет. На спине у старика ребята старую рану увидели. На пей совсем большой чирей вырос. Когда теперь старик сильно закашлял, чирей от этого еще больше вздувался. Теперь старик говорит:

— Теперь, ребята, мне конец пришел. Пропадать буду, что ли. Раньше у меня старшая сестра была. Ее я богатому тунгусу отдал. Промышлять мастер тот человек. Прошлую весною он ходил из тундры в камень диких промышлять. Однако, скоро он придет опять. Самая дорога около нашего голомо. Через некоторое время придет ваш зять.

Через пять дней из тундры пришел аргиш этого тунгуса.

Два аргиша у него, все на оленях. Доехали до этого голомо, отпустили оленей. Дал зять голодным ребятам мясо. Говорит тунгус:

— Если вы сейчас голодные сидите, вы, наверное, пропадете. Я предлагаю вам со мною аргишить в лес.

Старик не согласился:

— От покойной жены своей не хочу аргишить, умру здесь.

— Если ты не хочешь, то сыновей я унесу обоих.

Они тоже не хотят идти от отца.

— Ну, как будете в дальнейшем жить? Ну, я оставлю вам мяса сколько есть. Этим будете питаться. Этим мясом, я думаю, вы будете питаться три года. На третий год мы, наверное, вернемся.

Короче говоря, они остались и питались три года оставленным им сушеным мясом.

На третий год старик заболел и мясо кончилось. На третий год старику становится все хуже и хуже. Из одеяла не выходит и век лежит в нем и разговаривать не стал. И так три дня не говорит, лежит в одеяле.

На третий день старший сын стал толкать одеяло отца:

— Ну, что же ты молчишь? Оставляешь нас, что ли?

Вот старик поднялся и сел. И босой выскочил из одеяла, и открыл дверь. Открыл дверь, до пояса высунулся и смотрит прямо на солнце. И из-под руки полдня смотрит на солнце, хоть он, старик, и был слепой. Потом сел и говорит:

— Почему не горюете? Я смотрел ваши дороги, как они от нас уходят. Ваши следы уходят из глаз. Но второго из вас след потерялся. Когда будете уходить, один пусть возьмет лук, а второй пусть возьмет палму¹¹⁶. Ну, спину не видите мою? Старая рана у меня. В молодости я, бывало, воевал с другим народом, с хоро-сочема. Случилось так, что стрела попала в спину, стреляли сзади.

Кончил говорить, полез в одеяло старик и скопчался.

Отец умер. Ребята сидят трое суток. Хотят уйти, пойдут и снова вернутся домой. Так тянулось трое суток. На третьи сутки старший брат говорит:

— Больше не вернемся. Если вернемся, то пропадем. Пойдем и лучше где-нибудь пропадем на пустой земле.

Теперь пошли. И идут, идут. И зима наступила, пастоящая зима. Долго шли, и даже куропатки не попадало. Некоторое время мышей находили и ели. И пока они ходили, паступило лето. Как лето наступило, стали они находить птиц и этим питаются.

Так они идут, и навстречу им попалась река. Они бросили щепки в реку, и щепки понесло течением. Значит, течение идет в эту сторону. И решили они идти по течению. Так они гоняют реку и видят, что река впадала в море. На устье реки яр, а на этом яру стоит около десяти чумов. Не доходя до этих чумов, выделяется один тоненький, маленький чумик. Зашли в этот чумик. И там сидят муж с женой; они тунгусы.

— Откуда, ребятники, взялись?

— Мы сыповья Лакуны-старика. Лакуна-старик умер, — они отвечают.

— Да, знал по слухам, что потерялись где-то сыповья Лакуны. Разве вы это?

— Да, вот эти самые. А кто такие вы будете? А почему отделились от остальных чумов?

— Хотя я с ними живу, по все равно отделяюсь от них, потому что это хоро-сочема. Боюсь я их.

Ну, поели, покормили их. Кончили есть и так, сидя, уснули. Спят. И потом старший вздрогнул и проснулся. Взглянул и видит, что перед ним откуда-то взялся хоро-сочема.

— Это вы будете сыновья Лакуны? Наш хозяин зовет вас, по-быстрому.

Кончил говорить хоро-сочема и вышел. Ребятишки потягиваются в чуме, не торопятся. Тунгус говорит:

— Вы слышали и идите по-хорошему. А если будете тянуть, плохо может быть.

Они пошли. Около их чума кругом сидят хоро-сочема. Среди них стоит один хоро-сочема, большой, с луком, ноги длинные. Спрашивает:

— Вы сыновья Лакуны?

— Да, мы.

— Мы охотимся за плавающими дикими. Видите, стоит человек. Это наш охотник, который диких ищет и пригоняет. Из вас кто-нибудь должен пойти с ним.

Ну, ребята ступевались. Как быть? Младший говорит:

— Какая же смерть хорошая? Ну, пойду я.

Человек говорит:

— На ветке не поплывете на ту сторону. С горы он прыгнет прямо на тот берег. И ты тоже должен прыгать с ним.

Они оба встали на горе и взялись под руки. И прыгнул хоро-сочема, и встал па отмели недалеко от того берега. А Лакуны парежь прыгнул на три метра дальше, прямо на сухой берег.

Хоро-сочема обиделся за то, что он отстал, взял свой лук и прицелился прямо в Лакуны сына. И Лакуны сын тоже в него прицелился. И они прыгнули и исчезли с глаз. Затем они снова появились, и видно, что бьются друг с другом, стреляют стрелами из луков.

Дошли до берега и оба обратно прыгнули к чумам. Хоро-сочема сидят кругом. Увидели, что оба человека прыгнули обратно, и все взялись за пальмы. И те два человека должны среди них упасть.

Старший Лакуны парежь тоже пальму взял в руки. И когда те двое приземлялись, все хоро-сочема кинулись к ним. Видят те двое, что кинулись па них, и опять прыгнули вверх. Старший сын Лакуны тогда кипул свою пальму. Так кипул, что отрубил тому прыгуну хоро-сочема обе ноги ниже колен. Ну, теперь сыновья Лакуны обсуждают это дело:

— Ну, теперь мы виноваты, теперь мы пропали.

Хоро-сочема барба говорит:

— Даром. Пусть тот человек пропадет.

Ну, они пошли в тот чум, где ночевали. Спали.

Когда пришло время вставать, опять пришел из чумов хоро-сочема человек и сказал, что их зовет барба.

Пришли. Они, хоро-сочема, по-старому сидят кругом на горе. Около них стоит один хоро-сочема. Шея у него короткая, из затылка торчит одна толстая коса. Барба говорит:

— Этот человек сейчас пойдет под воду. Там есть мамонт. И чтобы его поднять, ему надо товарища. Кто из вас хочет идти с ним?

Старший сын Лакуны говорит:

— Я пойду.

С горы прыгнули оба — и прямо на дно, под воду пошли. Народ сидит на горе, и уже стало темнеть, и все еще ничего не видать. Потом младший сын Лакуны остался один на горе, хоро-сочема разошлись по чумам. Когда все легли спать, в это время видит он, этот парень, что посреди воды выходят один за другим пузыри, лопаются и исчезают. К другому берегу эти пузыри идут, лопаются и еще дальше появляются, выходят к тому берегу. Потом к этому берегу, где он сидит, тоже пузыри пошли из воды. Когда они приблизились к берегу, из воды вышел старший сын Лакуны. Увидел его младший брат и бегом побежал к нему.

— Ну, — говорит, — старший брат, где ты был? Хорошо, что ты хоть живой.

— Да, я, — говорит, — живой. Когда мы пошли под воду, то там оказались свободные места, просторно и никакой воды нет. И там, под водой, человеческих костей очень много. Когда мы дошли дотуда, мой товарищ кинулся на меня со своей палкой. И он сказал: «Этих людей всех я убил». И мы там дрались, и я его зарубил насмерть несколько раз, и каждый раз отрубленные части его тела соединялись. Тогда я его зарубил на три части. Один кусок оставил на том берегу под землею, второй оставил посреди воды под землею и третий кусок оставил у этого берега под землею.

Потом старший брат говорит:

— С этими людьми мы все равно жизни не найдем. Пойдем куда-нибудь в другое место.

И пошли они вверх по берегу этой реки. И еще одна река впадала в эту реку. Вот эту впающую реку гоняют и на конце

этой реки нашли очень большое озеро. На самой середине озера остров. На острове около десятка чумов. В том месте, где вытекает река из озера, есть и яр. На этом яру одно растесанное бревно. На комле этого дерева сидят они три дня. Говорит старший брат:

— Они нас не видят. Давай зажжем костер.

Зажгли костер, и поднялся дым. В тех чумах увидели дым, и три человека пришли в ветках. Когда они стали подплывать, братья костер потушили и сами спрятались в горе. Приплывшие люди разговаривают:

— А где же здесь был дым? У нас тут где-то ходит наш старший брат, старший шамап. Мы думали, что он пришел. Что-то чум его не видно. Он ходил где-то в камне. А что же, — говорят, — все-таки это было? Ну, может быть, это что-то другое было. Давайте вернемся домой.

И они повернули обратно. И гребут они дальше от берега. Старший сын Лакуны тогда говорит брату:

— Ты же говорил когда-то мне, что если прицелься, то никогда не промахнусь. А ну попробуй, прямо головы оторви стрелой, чтобы они отсюда не вернулись.

Младший брат улыбнулся:

— Ну что же. Если не веришь, то посмотри и увидишь.

После этих слов пустил он три стрелы, и трем человекам между лопаток попали эти стрелы. Они опрокинулись и пошли убитыми на дно.

После этого братья живут здесь еще три дня. На третий день они слышат, что откуда-то доносится песня на тунгусском языке. Они посмотрели и видят, что сзади них идет аргиш. На переднем олене сидит верхом один мужчина. Раздетый, голый сидит на олене. И на затылке у него коса длинная и толстая. И сидит он, и поет по-своему. Пока он подходит, они спрятались снова.

Он пришел на яр, пустил оленей, начал с женой строить чум. Пока жена чум делает, подошел к тому дереву. Прямо через ребят перешагнул. Залез на это дерево, опять разделся, обхватил дерево руками и ногами и стал крутиться, как пропеллер. Когда еда сварилась, жена крикнула ему:

— Давай кончай, надо есть!

Он слез с дерева. Ну, мяса у него полным-полно. Ну, и так известно, что он охотник. Кончил есть и лег спать и уже начал храпеть.

Старший сын Лакуны говорит брату:

— Ну да, павершное, это оп, о котором говорили, что придет старший шаман. Мы уже убивали людей. Все равно узнают, что мы убили людей. Давай этого человека убьем тоже. Так и так пропали.

Пошли кругом чума. Тот шаман, когда лег спать, оп откинул под пюк свою косу. Половина ее торчит на улице, такая она длинная. Старший сын Лакуны говорит младшему:

— Возьмись за косу и вытяни его голову прямо на улицу. А я в это время попробую отрубить голову пальмой.

Младший брат за косу вытянул шамана на улицу до пояса. Старший брат отрубил голову. Голова, когда ее отрубили, сама вскочила обратно в чум и затем, через дверь опять на улицу. И через плотку стала говорить туша:

— Почему я вас не заметил? Из разговоров я знаю, что потерялись сыновья Лакуны. Почему же я вас не заметил? До этого хоть какую-нибудь мелочь я замечал издалика.

И хочет голова соединиться с тушей. Младший сын Лакуны держит голову и не пускает ее. А старший сын Лакуны тушу рубит, и она снова соединяется. Старший брат говорит младшему:

— Давай все-таки мы его не отпустим. Заходи в чум. У его жены есть постель, на которой она сидит. Отрежь кусок этой постели и подай мне.

Ваял старший брат кусок этой постели, разрубил тушу и, пока разрубленные части не соединились, кипул в разруб этот кусок постели. И на этом кончился человек.

Когда этого шамана убили, старший сын Лакуны пошел в чум. Зашел в чум. А жена этого человека все еще спит. И он прямо ее разрезал от подшейной ямки до живота.

Этих людей убили и опять пошли куда-то. После того как они ушли, через семь дней из тех чумов на острове еще три человека приплыли на ветках и нашли убитых. Из этих трех человек один пожилой и двое молодых, его сыновья: один тонкий, как фитиль, зовут его Дешталику, другой длинноногий, зовут его Ходукундамоту.

Нашли они того человека убитым и расплакались. Ходукундамоту говорит:

— А вы же говорили, что мы большие шаманы и что даже дальше богов мы видим. Боги, что ли, эти сыновья Лакуны? Почему же их не видели? Что же делать? Надо догонять их легким чумом.

Старик говорит:

— Привезите нашу дочь и пойдём.

Привезли эти парни свою сестру с острова и пошли все четверо догонять сыновей Лакуны. Уже настала зима.

И где-то на снегу они нашли следы двух человек. Сыновья Лакуны, увидев дерево, не обходят его, а прыгают через дерево, держат совсем прямой путь. Оба сына шамана-старика тоже пробуют прыгать через деревья, но не могут.

Идут, идут и пашли оленью коняницу¹¹⁷. За ней увидели около десятка чумов. Пока светло, дотемна они сидят, согнувшись, на конянице. Когда стало темно, они надели белые сокуи и пошли ползком к чумам.

Подошли близко к чумам. Услышали удары бубна. Как раз в их сторону от чумов есть озеро. И на это озеро пришла одна женщина за водой. Девталуку ползком пошел к ней. И пока она черпала воду и пабирала ее в котел, он ее схватил, зажав рот. Он говорит:

— Ты меня узнаешь?

Он узнал, что это его старшая сестра. Одному шаману отдал отец эту его старшую сестру. Говорит он ей:

— Это ты?

— Да, это я.

— Вы что же, шаманите?

— Да, — говорит, — шаманим.

— Почему шаманите?

— Пришли сыновья Лакуны. Они попросили посмотреть их след. Кто-нибудь, может быть, гонится за ними.

— Ну и что же видел шаман?

— А я не знаю. Как будто он ничего не видел.

— Ну что же, где они спят?

— Это неизвестно. Они переходят с места на место, переходят от одного к другому и притом вместе не ходят.

— Что-нибудь если заметишь ночью, тогда отстраляйся. Сейчас вернешься в чум — ничего не говори.

Он ее отпустил, пришел к отцу и брату и все им рассказал. Они лежат, ждут, когда те перестанут шаманить и лягут спать.

Теперь в чумах кончили шаманить и стало тихо, видно, легли спать. Старик говорит:

— Разделимся на три части. Один пойдет па один конец, второй — с другого конца, а я зайду к шаману. И пока они лежат и спят, режьте им горла.

Ну, они пошли. Все чумы они обошли и всех убили. И за-

шли в самый средний чум и там встретились все трое. Теперь говорят:

— Давай-ка их считать. Может быть, пропустили кого-нибудь, не заметив.

Посчитали убитых людей, и не оказалось младшего сына Лакуны. Старший сын Лакуны лежит, и горло у него перерублено. А ту жевцину, их сестру, не убили.

— Лакуны сын куда ушел? Давайте по следу будем искать.

Пошли далее копаницы кругом, и нигде нет его следа. Не могут след найти и вернулись обратно. Этих чумов олепей они всех взяли и ушли.

Через день из ямы на копанице вышел младший сын Лакуны. Проверил всех людей, нашел труп своего старшего брата и расплакался:

— Эй! Как же ты так глубоко уснул? Ты же знал, что за нами гонятся. Правда, отец говорил, что след одного из нас потерялся. Значит, это твой след потерялся.

Кончил говорить, взял с трупа брата свою пальму и погнался за аргишем. Они долго не стояли, все аргишили, и он только находил пустые чумища. Но на последнем чумище он заметил, что они стояли здесь совсем недавно.

Вечером он их догнал. Пока делали чум, узколицый¹¹⁸ Депталику залез на большое дерево и сидит на самой макушке. Оттуда он кричит:

— Эй ты, сын Лакуны! Отчего прятаться? Иди-ка сюда! Я все равно тебя вижу.

Лакуны сын прямо к нему не пошел. Пошел в другую сторону, лег где-то в пустой земле и уснул. А они, переночевав, встали и снова аргишат. Вечером остановились. Депталику опять залез на дерево и кричит:

— Лакуны сын! Иди сюда! Я все равно тебя вижу.

Сын Лакуны слышит это и рассуждает:

— Почему он кричит только по своему следу, что он меня видит? Дай-ка я попробую с другой стороны подойти.

В другую сторону он ушел. Залез в яму и смотрит. А тот в другую сторону глядит. Сын Лакуны думает: «Он же меня не замечает! Он же просто так говорит, меня не видя. Даже рукой машет, а меня не видит. Ну, зови, зови. Все равно ты меня не видишь».

Когда чум задымил, Депталику слез с дерева и зашел в него. Когда он зашел в чум, сын Лакуны ползком пошел к чуму и забрался в табун. Забрался в табун, рукавом потряс, и один

олень подошел к нему. Он поймал его за рог. Теперь он прыгнул на оленя и прямо вдоль спины лег и только ладонями управляет оленем, нохлопывая по щечке, и так прямо к чуму пришел. К чуму подошел олень, и он его отпустил.

Ну, под нюком против двери у них дыра (сиэ). Посмотрел в нее одним глазом. Ходукундамоту уже лег спать, лежит спиной к сиэ. На огне мясо варится. Депталику тоже лег спать. Старик раздетый сидит у костра и грест спину.

Через сиэ прицелился сын Лакуны двумя стрелами. Прицелился в Ходукундамоту и в Депталику. Выстрелил. Ходукундамоту как лежал, так стрела его насквозь прошла. Депталику прыгнул, выскочил из чума, откинув нюк. Стрела мимо него прошла и распорола спину старику.

Теперь прыгнул он сам за Депталику, пошел вдогонку. Стал догонять. К середине ночи где-то далеко от чума ранил его в сухожилие на пятке, разрубил его одной стрелой. И кончился Депталику, был убит.

Вернулся в чум обратно сын Лакуны. Подошел к той женщине, которая рассказала про них.

— Почему ты нас тогда не предупредила? Я тебя сейчас убью.

И убил ее. Теперь он взял дочь этого памапа, и они пошли куда-то аргиштить. И всех оленей он взял.

Так он аргишил и пошел мужа своей сестры. Нашел сестру и ее мужа и рассказал им эту историю. И на этом копец.

[Дополнение рассказчика:]

Говорят, что Лакуна тоже был тунгус.

63. Сыновья Лакуны

(Вариант 2)

Один наш человек был вдовый, больной чахоткой.

У него было два сына. Младшему — пять лет, старшему — лет десять. В реке с заросшими тальником берегами добывали рыбу. Много добывали рыбы.

Настала осень, стало холодно. Сильнее стал кашлять старик, стал он хворать.

Когда река замерзла, на учаягах пришел один тунгус вместе с женой, всем чумом. Промышляет он диких. Пятьдесят учаягов — все нагружены мясом диких.

Старик говорит:

— Почему он пришел сюда? Никогда ни один тунгус здесь не ходил. Может быть, сестру он привез, которую я отдал тунгусам, гостив у них?

Правда, оказалось, что та родственница живет в этом чуме. Тунгус стал промыслять. Мяса диких много стало лежать у чумов на земле. Тут один сын старика сказал:

— Дай мне учага. Будем вместе промыслять.

Тогда старик сказал:

— Не желай этого. Может быть, упадешь с учага и повредишь себе кишки.

Тунгус все время один промыслял. Как-то солнце совсем скрылось — пришли густые облака. Старик тогда сказал тунгусу:

— Может быть, пурга будет. Одежды у тебя хорошей нет. Аргиши ты в свою землю.

Дал старик в подарок зятю пятьдесят песцов. Тунгус всю еду оставил старику. Чум шкурами диких закрыла жена тунгуса, и уехали они.

Все путро старику кашель разрушил. Немного не дожив до весны, умер он.

Когда отец умер, два парня убежали отсюда, ушли пешком. Когда прилетели гуси и стали класть яйца, парни эти яйца выпивали. Отца чум совсем покинули. Когда гуси лаять перестали и улетели, парни птичек ели. Затем они нашли дорогу из вех, идущую от поколки на диких. Пошли они по этим вехам и так нашли чумы.

За рекой, на низком яру, около десяти чумов увидели. Люди увидели парней, и к ним пришла ветка. Приплыл тунгус с шитым лицом, убивающий людей. Говорит парням, они его языка не понимают. Он тогда рукой помахал, чтобы сели в ветку позади него.

Теперь до берега за рекой они дошли. Кругом люди с шитыми лицами. Одна только женщина оказалась с нешитым лицом. Эта женщина знала язык наших людей. Теперь парни рассказали ей, что отец умер, рассказали про свой путь и спросили:

— Почему у тебя лицо нешитое?

Женщина сказала:

— Моех отцов, трех человек, раньше убили эти иитолицыне тунгусы. Я не из их народа.

Настал вечер. Тридцать примерно диких подплыли через

реку. Тут их настигли шитые лица и всех перекололи, ни одного не упустив.

Парни почевали в чуме нешитойлицей женщины.

Когда утром старший брат встал, оказалось, что женщина уже давно встала и куда-то ушла. Придя, она сказала:

— Ну вставайте и хорошенько ешьте. Люди, убивающие диких, зовут вас.

Два парня пошли к шитолицыим людям.

Шитолицыие тунгусы на своем языке говорили, нешитойлицая женщина переводила. Сами парни не могли говорить. Так им сказали:

— У нас два удачных человека. Один день один удачный промыщляет диких, второй день другой промыщляет. Тот наш удачный человек, который вчера промыщлял, через реку с берега на берег прыгает. Пусть один из вас тоже покажет свою удачу, прыгнет вместе с ним. Если не захотите, тогда наши удачные вас согудать будут. Ну, по какому пути пойдете? Умирать захотите — умирайте, состязаться хотите — состязайтесь. Ну, говорите, ребята!

— Ну пусть, — говорит старший брат. — Надо посмотреть, что у вас за игра. Увезите меня в ветке на другой берег. Тогда будем скакать. Как-нибудь попробуем — все равно умирать.

Уплыли за реку. Шитолицыий тунгус прыгнул. На самом яру, перепрыгнув реку, упал. Парень сидит на том берегу. Шитолицыие закричали ему. Парень, старший брат, говорит:

— Ну все равно — попробую!

Прыгнул. Перепрыгнул реку на то место, где упал шитое лицо. Шитые лица кругом стояли. Четверо из них схватили луки и, пока парень еще не коснулся земли, выстрелили. Одна стрела пробила ему одежду, а другие мимо пролетели, так как он прыгнул дальше, чем шитое лицо. Шитые лица только засвистали. Потом помирились.

Вечером шитые лица снова убили двадцать диких. Парни ночевали опять в чуме нешитойлицей женщины.

Когда засветила утренняя заря, женщина опять говорит:

— Ну, будете опять играть (т. е. состязаться).

— Какую игру будем теперь играть?

Пошли. Шитые лица говорят:

— Пудовый камень к себе привязав ремнем в виде якоря, пусть наш человек и один пришедший парень в самую серединку реки нырнут. Посмотрим, кто из них оттуда вернется. Пусть сражаются под водой.

Парни говорят:

— Ну пусть, попробуем.

Привязали якоря-камни старший брат и один шитолицый. Сняв парку и бакари, отдал их старший брат младшему и сказал:

— Сиди дожидайся меня.

В самый полдень спустились они в воду.

До захода солнца ожидали их. На закате солнца двадцать диких поплыли через реку. Всех их убили. Пришло время, когда только зарю стало видно. Диких к этому времени перебили. Посреди реки белые пузыри показались и стали подвигаться к берегу. Подошли к самому берегу. По воде все время виден как бы след из пузырей. Младший брат пошел за ними по берегу и ушел за мыс. Потом чум скрылся из виду. След на воде исчез. Далеко ушел парень и увидел на мелком месте в воде голову старшего брата. Теперь-то он вернулся, теперь они соединились.

— Очень я замерз,— сказал старший брат.— Под водой я отпустил якорь. Под водой там воды нет. Только поверху течет вода. Там на самом дне чум есть. Около того чума очень много человеческих костей. Целый день мы дрались там с шитолицым. День прошел, стало темно. Тогда из двери чума под водой вышел один старичок и говорит: «Каждый год сюда приходят парни. Любят, что ли, они эту землю? Однако, шитолицы их силой сюда таскают». Тогда старичок вступил в драку и перерезал шитолицему шею. Вот после этого я и пришел. Ну, теперь пойдем. Пусть лучше мы в пустой земле умрем.

Прошло все лето. Самой осенью, в то время когда замерзает вода, нашли они большое озеро. В самой середине озера был большой остров. На этом острове увидели они двадцать чумов.

Парни ходят по берегу у озера. Люди с острова их не видит, потому что очень далеко. На берегу озера, близ самой воды, пашли они только старое чумище, на котором жили, наверно, во время рыбной ловли. Жившие на этом чумище люди, по-видимому, очень много добывали рыбы. Добыв палима, те люди его выбрасывали. Этих палимов собирали парни и жарили на огне. Дым от костра увидели люди на острове. Один человек приехал на ветке. Парни говорят:

— Может быть, опять окажутся эти люди с пштыми лицами?

Спрятались парни. Человек подплыл на расстояние слышимости голоса и говорит:

— А где же люди? Дым-то видно. Однако, промышленявшие диких люди пришли. Но чума нет. Значит, они не пришли. Может быть, сыновья чахоточного пришли? Однако, это они пришли.

Стал грести человек в сторону своих чумов.

— Больше никогда ничего не добудешь ты, ничего не убьешь,— сказали парни.

Достали парни лук. Лук маленький. Снизу оп из мамонтовой кости, сверху — береза. Стрела с оперением из перьев куропатки. Когда выпустят эту стрелу, мчится она, как куропатка.

Старший брат говорит:

— Ну, младший брат, попробуй.

Младший брат левой рукой не мог справиться с луком. Потянул правой рукой — до середины руки с трудом потянул. Вслед за уплывшей веткой пустил стрелу. Как куропатка, ушла стрела. Потеряли они стрелу с глаз. Смотрят и видят только, что ветка перевернулась дном вверх.

Убили этого человека. Теперь стали ждать промышленяющих диких людей. Сколько-то времени ждали, пока не пришли очень большие аргиши людей, ходивших за дикими. Аргиша два, две девки их ведут. На учагах полно мяса дикого. Один мужчипатунгус приехал с толстой шеей и маленькой головой. Едет он вскачь на учаге, чрезвычайно искусно.

Парни сидят, спрятавшись, и говорят:

— Пусть сейчас мы уснем, а потом добудем этого тунгуса.

Волосы на голове у тунгуса зашпигованы в косу. Пока жещины делали чум, тунгус сидел, играл и, играя, стрелой разрезал пополам маленькую птицу. Потом ночь настала, и лег тунгус спать. В полночь крепко спавшие парни проснулись, так как тунгус, где-то подхватив кашель, кашлял.

Говорят парни:

— Надо шерсти в бакари положить, тогда близко, может быть, подойдем без шума.

Тут теперь тихонько они подошли. К чуму подойдя, приоткрыли немного дверь. Увидел старший брат, что коса тунгуса вдали от двери. Тогда разрезал он ровдугу шока и, держа в руке большой, как пальма, нож, засунул его в чум и отрезал тунгусу голову.

Тунгус этот был шамап. Парень не может удержать за косу отрезающую голову. Младший брат говорит:

— Тело его шевелится, ищет голову.

Из разрезанного горла раздался голос:

— Я в будущем все знал. Как меня обманули? Как подкрались? Зачем приплыли? Отдайте голову!

Парни не хотят отдать голову. Старший брат отнес голову от тела подальше. Младший тело держит. Стрелой выстрелил в него, стрела насквозь пролетела. Тогда он выстрелил сперва в поганую шкуру, а затем выстрелил этой стрелой в тело. Тогда тело умерло. Другой шкурой голову закрыли и заколотили в нее через шкуру гвозди. Тогда умерла и голова. Девочек обеих тоже убили. Потом, взяв парки, бакари и одев их, убежали в пустую землю.

Тунгусы на озере сидели, пока озеро не замерзло. Идут своих людей. Почему их так долго нет? Большой тунгус с двумя сыновьями пошел. Один сын очень тоненький человек, другой сын очень длинноногий. Пошли и нашли тело человека, ушедшего промышлять диких. Сыновья говорят:

— Как умер этот старик? Ну, должны мы пойти искать тех, кто убил.

Пошли пешком три человека. В большом камне была лесина, упавшая между двумя ямами. Худая какая-то. Старик говорит:

— Пусть мы будем по лесине скакать по очереди. Вы в меня четыре стрелы, каждый по две, пустите. Если убьете меня, то умру я. Не убьете — тогда найдем мы самоедских парней, сыповей чахоточного.

Прыгнул старик на лесину. Сыновья четыре стрелы пустили. Стрелы мимо пролетели. Выругал старик ребят своих и сказал:

— Ну, пусть старший сын теперь прыгает.

Прыгнул парень. Старик и брат тоже четыре стрелы пустили. Три стрелы мимо ушли, четвертая погнула кость перерезала. Умер парень. Отец говорит:

— Плакать не буду. Умирай. Ну, младший сын, пробуй прыгать.

Младший сын прыгнул. Две стрелы старика мимо пролетели. Теперь пошли старик и парень.

Куда-то идя, к середине зимы пришли они в очень большой лес. Посреди самой густой чащи была маленькая лайда. На лайде пахли десять чумов. Пришли они в тихий день и услышали шаманский бубен. Лежали тут старик и парень. Вечером перестали шаманить. Когда заря потухла, пришла одна женщина начерпать воды. Отец говорит:

— Я поймаю ее.

Поймал ее старик. Она хотела кричать, он ей рукой рот закрыл. Сказал старик:

— Это моя дочь, которую я шаману отдал.

Спрашивает старик женщину:

— Шаман для чего шаманил?

— Уж пять дней, как к нам двое молодых людей пришли, — говорит женщина, — сыновья чахоточного. Шаман узнает, живы они будут или нет впрямь, это вышаманивает.

— Ну, что видел шаман?

— Ничего не видел.

— В каком чуме спят сыновья чахоточного?

— Наверняка не скажу. В каком попало чуме они ночуют.

— Этой ночью я убью этих парней. Всех в чуме перебью, может быть, в темноте.

64. Сыновья Лакуны

(Вариант 3)

Старик Лакуна был. Жена его умерла раньше, но было у него два взрослых сына. Очень стар был Лакуна. Четыре ремня, привязанные за чумовые шесты, поддерживали его, чтобы он не упал.

Однажды говорит старик Лакуна:

— Моя смерть близко. Слышу я голос снизу из-под земли. Зовет меня моя умершая жена. Вынесите меня из чума, я посмотрю, как вы будете жить.

Вынесли его сыновья. В сторону, откуда выходит солнце, смотрел старик из-под руки и сказал:

— Только одного сына пар от дыхания я там вижу. Другого нет. — Сказал это и потом говорит снова:

— Положите меня в чум и хорошо закройте его деревом. Пришло мое время умирать. Меня похороните и уходите куда попало.

Похоронили отца сыновья и пошли. Через некоторое время один парень оглянулся. Заваленный стволами деревьев чум все еще близко, будто они от него и не уходили.

Потом совсем далеко ушли от чума в сторону леса. Несколько дней шли и нашли большую реку. Пошли вдоль нее вверх по течению. По берегу реки каменный хребет был. Его перешли сыновья Лакуны и нашли за ним большую лайдку, окружен-

ную хребтами. Посреди лайды озеро с большими ярами, из которого и вытекала большая река, по которой они пришли.

Под яром кругом озера стоит много чумов. Немного в стороне, отдельно от других, один маленький чум. Вечером оба нарня зашли в этот чум. В маленьком чуме оказалось только два человека: одна старуха и молодой человек — ее сын. Ноги старухи совсем близко от огня, совсем почернели они.

Когда зашли сыновья Лакуны, угостила их старуха, дав им два сухих гусиных пера, и спрашивает:

— Какие это молодые люди в гости пришли?

— Мы Лакуны-старика сыновья, — ответили гости, — его бог взял, и умер он.

Старуха глядит в огонь и говорит:

— Давно был здесь Лакуна. Все люди его боялись. Какой бы человек ни пришел, его убивал Лакуна-старик. Моя мать старшей сестрой Лакуны была. Боюсь я за вас, что худо вам будет впереди. В других чумах живущие люди могут, увидев вас, убить и съесть. Может быть, и вы их будете есть. Мой муж очень богатый тундровый тунгус был. Много людей с шитыми лицами пришли ночью и убили его. Оленей и другое имущество — все отняли шитые лица. Теперь мы совсем бедные стали. Огонь в нашем чуме через дырявые люки на улице видно.

Сын старухи говорит гостям:

— Люди с шитыми лицами здесь во многих чумах. У них такая хитрость есть. Будут говорить, что надо рыбу промыслить в озере. Скажут, что одному из вас с одним из них прыгать в озеро яра. Когда кто-нибудь из вас нырнет, шитолицый человек ударит под водой своего товарища ножом. Когда утро настанет, будут они вас звать. Я не пойду, буду все время дома сидеть. Что я тебя учил, ты им, пожалуйста, не говори, а то они меня и мать съедят.

Утром пришли в маленький чум два шитолицых человека. Вошли и, стоя в дверях, говорят:

— Ваших гостей обоих мы зовем. Может быть, они не захотят идти, тогда все равно мы их съедем.

Оба сына Лакуны тогда пошли к шитолицым людям. Шитых лиц собралось много, весь народ. Барба шитолицых спрашивает молодых людей:

— Какие люди к нам в гости пришли?

— Добрых житьем людей ищем мы, — говорят сыновья Лакуны. Барба тогда так говорит:

— Мы голодны пыпче, и вы тоже. Рыбу промышлять пе хотите ли? Товарищ вам уже готов. Кто из вас хочет идти?

Посоветовались сыновья Лакуны, кому из них идти. Старший говорит:

— Все равно живы пе будем. Я пойду рыбачить.

Теперь шитые лица выбрали человека рыбачить. Толст так, что головы незаметно. Ноги короткие.

Говорят:

— Этот будет рыбачить с тобой.

На высокий яр вышли оба рыбака и оттуда прыгнули в озеро. Сын Лакуны исчез в воде. Народ весь разопелся по чумам. Только младший сын Лакуны остался на берегу и два рыбака под водой.

Из озера река выходит. Младший сын Лакуны смотрит до полдня на ее исток. Потом пошел туда и лег там в густых тальниках.

Когда два человека нырнули в озеро, пошли от них пузыри. За ними и следил сын Лакуны. Тут вышел из воды старший сын Лакуны. В одной руке у него голова шитолицего. Младший брат спрашивает:

— Как живым остался, что видел в воде, нашел ли там землю?

Старший брат отвечает:

— Твердую землю я там нашел. Человеческие кости навалены на ней, как лес. Под водой шитолицый сказал мне: «Рыбу мы пе будем промышлять, а твой мозг я буду пить». Говорит это и нож в руке держит. Теперь стали мы драться под водой. Все его кости я раскидал, только голову и сердце принес.

Подошли братья к чумам. Поднял старший сын Лакуны голову убитого, показал ее чумам и говорит:

— Моего отца Лакупу все люди боялись. Я так же силен, как и он. Весь ваш шитолицый народ стану истреблять.

Запели опять оба сына Лакуны в чум старухи. Спрашивает старуха:

— Ну, сын Лакуны, как дрался с шитолицымы?

— Все-таки добыл его, — говорит старший брат.

— Этого убив, еще не последнего убил. У шитолицых еще сильный человек есть, — говорит старуха, — теперь шитые лица будут говорить: «Пусть один из вас на лайду пойдет, на коколку, диких промышлять». Когда так пойдет один из вас, у него тоже товарищ будет из шитолицых. Вот на том высоком месте за берегом ты подумаешь, что снег на земле белает, а когда дой-

дешь близко, увидишь, что это человеческие кости лежат. На том месте тебя тоже пожар испытает шитое лицо.

После этого немного спали.

Утром, когда еще темно было, опять два шитых лица приходят.

— Лакуны сыновья! Наш барба вас зовет!

Народ опять весь собрался. Барба говорит:

— Ну, два сына Лакуны! У рыбы и гусей мясо сухое стало. Надо одному из вас на поколку идти, принести дичих. Товарищ уже готов. Вот этот товарищем будет.

Теперь увидели Лакуны сыновья «товарища»: ноги длинные, как дерева, тело совсем маленькое. Говорит ему младший сын Лакуны:

— Как же мы с тобой озеро перейдем?

Отвечает длинноногий шитое лицо:

— Прыгать буду и за озером стану.

— А ну попробуем вместе,— говорит младший брат.

Прыгнул длинноногий шитое лицо. Перескочил озеро и ударился ногами и головой о землю. Лакуны сын на одну версту дальше прыгнул и прямо на ноги встал. Отсюда дошли высокого места. Шитое лицо теперь говорит:

— Теперь я твой мозг есть буду. Видишь белые кости? Это все кости людей, которых я съел.

Стали драться. Одной рукой держатся друг за друга, другой бьются ножами. Убил сын Лакуны шитолицего. Разрезал его тело на куски и разбросал по земле. Только голову себе оставил и вернулся в чум старухи. Здесь его ожидал брат. Говорит младший сын Лакуны:

— Эти шитые лица — очень плохой народ. Лучше убежать нам в землю отца и искать там наших тунгусов, чтобы с ними жить.

— Куда ни уйдем, долго живы не будем,— отвечает старший брат,— все равно пропадем. Лучше убьем ночью шитолицых. Сын старухи нам поможет. А если не захочет, то, перебив шитолицых, и его мы убьем.

Сказав это, спрашивает старший сын Лакуны парня старухи:

— Ну, пойдешь с нами шитолицых испытать? Я прошу тебя нам помочь. Хочешь ты или не захочешь, знай сам. Но не захочешь если, сам будешь убит.

Говорит сын старухи:

— Когда отец ваш, Лакуна, умирал, дал ли он вам завет людей убивать?

Отвечает старший сын Лакуны:

— Ничего мне отец не завещал, только парку железную оставил.

Говорит и младший сын Лакуны:

— Мне тоже ничего не завещал отец. Только дал маленький нож с роговой ручкой и паучил, что если потянуть за конец ножа, то станет он очень длинным. Лука или чего-нибудь другого не оставил.

Сын старухи тогда говорит:

— У меня и лука нет, и большого ножа нет. Есть только маленький ножик.

— В каком чуме последний сильный человек шиголицких живет? — спросили сыновья Лакуны.

Отвечает сын старухи:

— В середине кольца чумов есть большой чум. Там жили три силача. В этом чуме, позади, у стелки, где кладут одеяла, лежит отнятая ими моя сестра. Муж моей сестры носит белую парку.

Тогда так сказал старший сын Лакуны:

— Я ночью па чум этого последнего сильного человека пойду. Мой брат пойдет истреблять парод в чумах с одного края, наш товарищ зайдет с другого конца. Около чума сильного человека мы сойдемся, когда перебьем шиголицких.

Ночью старший сын Лакуны вошел в чум силача¹¹⁹ и убил бывших в нем трех мужчин. Затем еще в двух чумах людей перебил и стал товарищом ждать.

— Почему моих товарищом долго нет? Я уже в трех чумах успел людей перебить.

Трех чумов людей перебил старший сын Лакуны только одним пожаром, перерезав им горла. Сидит теперь он в третьем чуме. Накопец два его товарища зашли в чум. Лиц их не видно, так вымазались в крови.

— Ну как, всех добыли или нет? — спрашивает сын Лакуны.

Отвечают брат и товарищ:

— Как будто всех добыли, как будто ни одного не упустили. Но надо еще посмотреть. Может быть, кто-нибудь в темноте и остался живой.

Когда осмотрели убитых, сказал сын старухи:

— Сильного человека в белой парке, мужа моей сестры, ты упустил. Его тела нет.

Пошли искать следов за оленьей копаницей и нашли дорогу.

Прямо на середине дня ведет дорога бежавшего бегом человека.

Тут сказал младший сын Лакуны своему брату:

— Зачем ты советовал шитолицых добывать? Почему одного человека упустил? Он теперь весте унесет всему народу шитых лиц. Надо нам аргишить в тундру.

Взяв табун шитолицых, сыновья Лакуны вместе со старухой, ее сыном и дочерью сделали один аргиш в сторону тундры. На почевке говорят сыновья Лакуны:

— Однако, мы напрасно идем в тундру. Убежавший человек весте сообщит, и мы все равно живы не будем. Надо нам гнаться по его дороге.

— Значит, делиться будем, — говорит сын старухи. — Вы в лес пойдете, а я куда денусь?

Отвечают сыновья Лакуны:

— Ты не дной. Все время уходи в тундру, а мы в лес обратно пойдём по убежавшего человека дороге. Если мы умрем, о нас плакать некому. Живы будем — к тебе придем.

Тогда говорит сын старухи:

— Как вы пенком пойдете? Лучше учагов возьмите.

— Зачем оленей напрасно мучить? — говорят сыновья Лакуны. — Пусть мы пенком пойдём.

Теперь погнались сыновья Лакуны за убежавшим человеком в белой парке. Три каменных хребта перешли они в сторону леса. За третьим камнем большую реку нашли с густыми зарослями тальника на берегах. Вдоль этой реки, вверх по ее течению, пошли. В земле, в истоке реки, большое озеро нашли. Большое озеро — другого берега не видно. На озере остров — и чумов и дыма на нем, словно лес стоит. На яру, перед островом, сухой ствол наклонился над водой. Конец его едва виден. Суков на стволе нет. Гладок он, как хороший хорей. На берегу озера, под яром, песок. Недалеко от дерева зарылись оба брата в песок. Так лежали три дня.

Через три дня старший сын Лакуны что-то услышал и говорит:

— Ты слышал? Я что-то слышу.

Отвечает младший брат:

— Слышу я тунгусскую песню.

Утром услышали песню, в полдень посмотрели в дыру над собой. Видят: прямо над ними на яр аргиш навьюченных оленей пришел. Все учаги, санок нету. Оди человек, мужчина, есть, с косой. Коса от середины надвое разделена, очень длинная. Аргиш тоже очень длинный. Олени аргиша идут двумя верени-

цами. Впереди одной мужчина, впереди другой женщина. Между обеими веревками один бык идет. По обоим его бокам по бубну висит.

Человек с косою такую песню поет:

До того дерева, где в старину
Играла моя орда, я дошел теперь.
На верху яра земля совсем суха.
Тут остановим мы свой аргиш.
Оленьего мяса, диких мяса и людских тел —
Всего много на моих учаях.

У этого человека кроме жены еще сын и дочь с долгими волосами. Говорит он жене:

— Ставь чум, а я пойду к дереву играть.

Подойди к дереву, снял с себя всю одежду и говорит:

— Если два сына Лакуны меня убьют, то сломаю я это дерево. Если не убьют они меня, то останется дерево целым.

Снял одежду и побежал по дереву к его вершине. На вершине дерева обхватил его руками и ногами и стал вертеться на нем. Копчив играть, оделся и в свой чум ушел. Жена говорит ему:

— Я огонь растапливала. Огонь все время трещит. Что-то, однако, мы найдем. Что-то худое, однако, видел огонь.

Человек на огонь смотрит и говорит:

— Ты, моя родительница, что это? Особо от тебя родившийся я разве? Разве я не из тебя родился? Что ты увидела сверх виденного мною? Даже последний чум среди озера разве не цел? Что же ты видела больше моего? Если Лакуны дети пришли, я почему не видел? От ходящих по земле людей я не умру. Лакуны сыновья пусть придут, меня они не одолеют.

Наступил вечер, время спать. Жена говорит ему:

— Ты что лук не приготовишь? Ведь огонь что-то видал?

— Ничего, — говорит человек, — кто бы ни пришел, меня не одолеет.

Бросил один бакарь на улицу, другой — за костер. Парку положил позади себя у стенки чума.

Лакуны сыновья все слышат:

— Ну, кто из нас первый пойдет?

Старший брат советует:

— В самую полночь пойдем, когда солнце совсем исчезнет. Снаружи из-под плюка буду косу шарить. Накручу ее на руку, ногами в шесты чума упрусь и буду держать его. А ты своим пожом режь ему горло.

Крепко захрапел человек с косой. Старший сын Лакуны тихонечко около чума шарит. Конец косы из-под юбка пацупал и схватил. Младший брат наготове стоит со своим маленьким ножом. Замотал старший брат косу на руку, и совсем близко подошла рука к голове. Младший брат нож растянул. Стал он длинной в сажень. Старший брат изо всех сил потянул за косу и вытащил голову из-под юбка. Младший сын Лакуны ударил своим ножом по горлу и отсек голову. Как обученный бык, бегают и мотается голова. Стал старший брат бороться с ней. Младший брат тело держит. Рвется тело к голове, чтобы соединиться с ней. Пока так боролись, полдень настал. Хотя нет у тела головы, но говорит оно:

— Почему ты, Лакуны сын, меня ночью добыл? Но смотри. Хотя и убил ты меня, но вперед ты много муки найдешь.

Тут старший брат, держа голову, закричал:

— У меня последняя сила кончается. Эта голова так сильна, так сильна! Моя сила не берет.

Младший сын Лакуны говорит:

— Тащи голову к чуму, возьми кусок постели и пихай ее в дыру под головой.

Заткнул старший брат дыру в голове постелью, и голова и тело умерли. Тело все изрезали на мелкие кусочки и натерли этими кусочками шкуры. Жену и детей шитолицего шамана тоже убили. Во время драки чум был изломан. Лакуны сыновья опять его поставили. Затем говорит младший сын Лакуны:

— Давай опять ляжем в песок и зароемся.

Восемь дней так лежали. На девятый от чумов на острове отплыли три ветки. Люди на ветках говорят:

— Наш шаман, видно, пришел. Чум его стоит. Теперь он начнет шаманить. Будет шаманить насчет Лакуны сыновей.

Потом другой говорит:

— Почему это чум как-то пеладно стоит? Может быть, давно убит шаман?

Третий говорит:

— Надо подъехать посмотреть. Как будем возвращаться, ничего не узнав?

Подъехав, вышли на берег, и все трое ушли в чум. Потом обратно вышли на яр.

— Наверное, наш шаман пропал, — говорят, — можно вернуться обратно.

Семи на ветки и поплыли. Когда они выплыли на середину, младший сын Лакуны говорит:

— Надо их добыть.

Из лука шамана стрелял. Попал им всем в шею, и потонули они.

Третий раз зарылись в песок сыновья Лакуны. День прошел. На другой день опять две ветки приплыли. Слышен разговор:

— Три человека ушли к шаману. Наверное, брюхо свое тешат и век лежат в чуме шамана, едят жирное мясо.

Доплыли они до глубокого места. Здесь одип опять говорит:

— Чум как-то пеладно стоит. Однако, не живой наш шаман. Надо верпуться.

Оба человека повернули обратно. Младший сын Лакуны из лука их обоих убил, и они утонули.

Убив людей, стали советоваться. Старший брат вернуться хочет, а младший говорит:

— Надо учагов из табуна шамана выбрать и идти дальше в лес за убежавшим сильным человеком.

Пошли учагами в лес. В лесу до камешного хребта дошли. Здесь сто чумов шитолицых увидели.

В полночь, разделившись, поили с разных кощов по чумам, взяв на себя каждый по пятьдесят чумов.

Всех людей в чумах приковчив, ждет младший брат старшего. Потом стал искать его среди убитых и нашел мертвым. Еще дальше в лес пошел младший сын Лакуны.

— Пусть я умру. Одному мне жить что толку?

За камешным хребтом опять много чумов шитолицых нашел. Ожесточившись, не стал нападать ночью. Пошел среди бела дня и стал стрелять из лука. Врагов — как комара, сам он — одип.

Одип из шитолицых кричит ему:

— Наконец, Лакуны сын, пришел ты, идя по моему следу. Будем силой мериться, посмотрим, кто из нас одолеет. На середине своего пути ты нашего шамана убил. Теперь я с тобой померюсь силой.

Многочисленные, как комары, шитолицы пеходят Лакуны сына. Взмахнул парень своим ножом, удлинился пож и одвим взмахом перебил весь парод. Только остался человек в белой парке. Начали биться два сильных человека. Насилу убил Лакуны сын Белую парку и остался живой.

Стремясь скорее возвратиться, не стал собирать оленей. Все перебил, не оставил даже собаки. Вернулся в тундру. Шел, шел и пришел в чум к сыпу старухи. Рассказал сын старухи, что, когда ушли сыновья Лакуны, пришло к нему много шитолицых. Он им сказал: «Я хочу живым остаться. Это все Лакуны сы-

новья ваших убивали. Меня не трогайте». Тогда шитые лица сказали: «Мы придем за ними, а ты здесь жди их».

Говорит теперь сын Лакуны:

— Что же ты советуешь делать?

— Надо совсем в тундру уходить,— отвечает парень.

— Нет,— отвечает Лакуны сын.— В тундру идти нельзя. Здесь надо ждать шитолицых. Если в тундру мы уйдем, и они туда придут, наш народ будет там убивать. Пусть сюда придут, отдадем их здесь.

Остались жить здесь. Ходят оба диких промыслять. Потом как-то говорит Лакуны сын:

— Может быть, сегодня придут шитые лица. Ты им скажи, что век Лакуны сын не приходил. Наверно, обоих сыновей Лакуны убили ваши в лесу. Все время так говоря, скажи, что оленей хранишь надо, и уйди из чума, меня искать или оленей собирать. Выйдя, луки шитолицых подрежь и тетивы перережь.

Вечером, после охоты, вернулся Лакуны сын к чуму и говорит:

— Эге, товарищ-то мой раньше меня пришел. Видно, как от чума сюда он ходит, оленей собирая.

Когда подошел он к сыну старухи, тот говорит:

— Шитые лица-то пришли. В чуме сидят. Я сказал, что оленей пойду собирать, и вышел к тебе навстречу. Луки их подрезал.

Говорит тогда Лакуны сын:

— Пойди и скажи шитолицым, что Лакуны сын пришел. Если хотят, пусть выйдут сразиться.

Пошел старухи сын. Лакуны сын остался перед чумом ждать и думает: «Среди шитолицых самого сильного как узнаю? Однако, сильный человек впереди пойдет». Подумав так, спрятался.

Из чума несколько людей вышло. Впереди человек с длинными погами и маленькими костями.

Выстрелил Лакуны сын в него, но промахнулся. Шитые лица побежали кругом санок к лукам, взяли их, вернулись и говорят:

— Почему прятаться? Давай теперь сразимся!

Один из шитолицых еще так сказал:

— Твой лук я возьму, и твой костный мозг я согудать буду.

Потянул свой лук шитое лицо и сломал его. Другие тоже потянули свои луки, и тоже сломались они. Тут и перебил их Лакуны сын. Остался только один длиннопогий. Побежал этот человек и кричит:

— Эй, Лакуны сын! Больше я сюда не приду!

После этого совсем убежал этот питолицый.

Лакуны сын и парень старухи вместе с семьей в тундру ушли и стали жить на Дудыпте.

65. Сыновья Лакуны

(Вариант 4)

На берегу реки старик Лакупа живет, рыбу промышляет. Четыре сына у Лакуны-старика: старший — без имени, второй — Хулатута (Красные лыжи), третий — Перому-лу (Медная парка) и младший — Баса-тими (Железозубый). Старухи, матери сыновей, пет. Сам старик Лакуна — слепой. Имя его значит «чахоточный».

Два старших брата со своими женами ушли диких промышлять и оленей с собой угнали. Два младших с отцом остались. Летом ушли старшие братья и обещали вернуться, когда снег выпадет.

Лето прошло. Стало близко то время, когда замерзает вода. Говорит как-то отец:

— Однако, старшие сыновья завтра придут.

Настал вечер. Парку спял старик Лакуна и спину греет перед костром. Когда он спял парку, увидели у него ребята меж лопаток зажившую рану.

— Кто это тебя ранил, отец? — спрашивают сыновья.

— Это еще когда я молодой был, ранили меня шитые лица, — ответил старик и, сидя согнувшись, продолжает спину греть.

Вдруг он вскричал:

— Эй! Что это? Мои сыновья говорят: «Почему мы идем не на лыжах?»

Это услышав, говорит затем старик:

— Однако, пропадем мы. Оба мои сына умрут.

Век старших сыновей пет. Время пришло — снег упал. Когда морозы настали, старик умер. Оба младших сына темную пору прожили в чуме, питаясь с лета заготовленной юколой.

Прошел год. Опять лето настало. Теперь ребята в ветку положили котел, сети и поплыли вниз по реке. Спускаясь по реке, нашли устье другой реки. Проплыв устье этой, другой реки, нашли большое улово. Здесь у каменного мыса метали сети. Добыли порядочно рыбы. Остановились здесь и говорят:

— Тут чум сделаем.

По реке лес есть. Из него сделали вешалы — юколу сушить. Много сделали вешал и сушат юколу. Чум еще не сделали.

Нерому-лу говорит:

— В камне у яра плиты. Соберем их и сделаем из них себе жилище.

Сделали жилище. Нерому-лу что-то работает близ него, а Баса-тими, будучи еще очень молодым, играет на берегу у воды.

Через некоторое время прибегает Баса-тими к брату и говорит:

— На другом берегу два черных зверя видно. Как будто дикие!

— Не шевелись,— говорит Нерому-лу,— пусть они переплывут сюда.

Дикие поплыли через реку. Нерому-лу, в ветку выплыв, одного из них убил, другого упустил. После этого каждый день пошли дикие. Половину убили, половину упустили. Около их жилища красно стало от мяса и крови.

Нерому-лу лук сделал, из рогов диких наковечники выточил. Говорит брату:

— Я стрелы сделал из рогов, а ты что будешь делать?

— Не знаю,— отвечает Баса-тими,— я ничего не умею. Мы же грешны, для чего делать оружие?

Нерому-лу работает, Баса-тими век играет.

Как-то играл он и прибежал к брату:

— По воде много веток пришло, по земле на том берегу много аргишей идет учагом.

Говорит Нерому-лу:

— Лежи в чуме. Может быть, они мимо пройдут.

Отвечает Баса-тими:

— Почему пеладно учишь, брат? Надо звать их сюда. Со многими людьми хорошо, весело будет.

Стал Нерому-лу удерживать брата. Тот рвется, мотается, как молодой олень. Вырвался Баса-тими, побежал к реке, машет руками и кричит:

— Эй! Кто вы, люди? Идите сюда! Мой чум здесь на берегу!

Привязав учагов, переплыли люди. Много людей в ветках переплыли. Все шитые лица.

— Мы голодны, гусей ищем,— говорят шитые лица.

— Еды если вам надо,— говорит Баса-тими,— то еды полно. Диких мяса довольно, рыбы довольно. Когда ворочаться будете, еще с собой мяса возьмите.

Шитые лица все в жилище братьев зашли. Баса-тими много еды приготовил. Когда поели шитые лица, Баса-тими говорит:

— Возьмите много еды с собой. Завтра же аргишите через реку сюда ко мне. Моя земля очень промышленная. Будем жить в одной куче.

Много еды дал шитолицым с собой Баса-тими. Когда они ушли, рассердился на брата Нерому-лу:

— Зачем таких гостей звал? Они нас убьют.

Когда следующее утро настало, на самый берег реки пришли аргиши шитых лиц.

Аргиши увидя, бежит по берегу Баса-тими и машет рукой. Встретился с передовчиками и говорит:

— Вот это место хорошее. Вот здесь чумы делайте.

Помог им чумы сделать и оленей-учагов пустить. Одного учага расседлав, кулаком толкнул. Олень от толчка ушал.

Встали чумы шитолицых на берегу. Один чум далеко от других был поставлен. Хозяин — очень высокий человек, с длинными погами. С ним в чуме две женщины с чистыми лицами.

Так стали тут жить шитые лица, и каждый день с их ребятами играет Баса-тими. Играя пожмаи, ранит ребят шитолицых Баса-тими. Все в крови вечером приходят ребята. Говорит брату Нерому-лу:

— Зачем ранишь ты этих ребят?

Не послушал его Баса-тими и опять ушел в чумы играть. Опять ребят изранил. На другой день опять пошел. Подойдя к одному чуму, на минуту остановился. В чуме говорят шитые лица:

— Зачем это Баса-тими всех наших ребят ранит? Когда-нибудь этому копец будет.

Этот день Баса-тими все время шитых лиц ребят кровенял. Вечером к себе спать ушел и говорит брату:

— У шитых лиц одну добрую девку видел я. Худо будет, если я уйду к ней на ночь?

Не пускает его Нерому-лу:

— Может быть, что-нибудь пехорошо будет. Лучше не иди.

Легли спать. Соц пойдет к Баса-тими. Когда брат захрапел, он без парки побежал к чумам шитолицых. Подойдя к среднему чуму, полез к девке, приподнявшей нюк. Залез и лег с девкой. В этом чуме один мужчина был. Когда Баса-тими улегся с девкой, этот мужчина надел парку и сел. Посидел, и слышалось Баса-тими, что вынимается нож из пожеп. Действи-

тельно, мужчина вынул нож и кознуул им Баса-тими. Баса-тими успел приподнять перед собой девку, и шитое лицо заколол ее вместо него. Затем, бросив девку, вылез под нюк Баса-тими и побежал. Это увидев, шитое лицо вышел на улицу и погнался за ним. Недалеко от жилища братьев стояло тонкое дерево. Баса-тими схватил его за вершину и пригнул к земле. Когда шитое лицо близко подбежал к нему, Баса-тими выпустил дерево из рук. Ствол ударил шитолицега в лоб, и он умер.

Убив этого шитолицега, Баса-тими вернулся. Залез в другой чум и опять лег с девкой. Другой шитолицей опять хотел его ударить пожом. Опять он подставил девку и убежал и, опять пригнув дерево, убил таким образом догонявшего его шитолицега.

Придя в свое жилище, Баса-тими сказал брату:

— Двух комолых диких убил.

Утром удивляются шитые лица: как это у них два человека и две девки пропали? Никто не знает.

Вечером опять ушел Баса-тими к шитым лицам. Снова с девкой спит.

Лежит с девкой и слышит, что мимо этого чума много людей прошло в сторону его жилища. В этом чуме тоже мужчина встал, оделся, лук взял и вышел из чума.

Нанунал Баса-тими около девки женский пож, заколол девку и тоже вышел из чума с ножом в руке. Вышел и говорит сам себе:

— Вышедший из чума шитолицей к моему жилищу пошел.

Побежал за ним бегом Баса-тими. Ближе подошел и остановился, тронув за плечо. Шитое лицо оглянулся. Баса-тими ударил его по горлу пожом. Взял у мертвого лук и стрелы, надел на себя и посмотрел в сторону своего жилища. Видит, что окружили его шитые лица. Так посмотрев, повернулся и пошел к чуму большого шитолицега. Едва он подошел, большой шитолицей из чума вышел. Стали они сражаться из луков. Шитое лицо хочет к жилищу Баса-тими прорваться, Баса-тими дорогу ему загораживает и отгоняет. Так дрались они, пока Баса-тими не погнался шитолицега обратно по аргишной дороге, по которой они пришли. Несмотря на то, что бежит он, все время стреляет из лука Баса-тими. Но все мимо, так как нельзя было остановиться, чтобы хорошенько прицелиться.

По берегу, вверх по реке, Баса-тими гонит шитолицега. Добежали до речки, впадающей здесь в большую реку. Через эту речку прыгнул шитое лицо и на том берегу ненадолго остано-

вился. Тут Баса-тими два раза выстрелил в него. У шитолицего ноги были расставлены. Одна стрела между ногами в землю воткнулась, другая в пяточное сухожилие на ноге лопала.

Стоя на одной ноге, говорит шитое лицо:

— Я на руках пойду. Большие паша чумы есть, до них ты меня не догонишь.

— Я вернусь,— отвечает Баса-тими,— сейчас я еще без бакарей.

Оставил раненого и убежал к своему жилищу. Нерому-лу уже половину остальных шитолицых перебил. Стала биться с другой половиной. Встал Баса-тими рядом с братом, два раза выстрелил и прикончил всех шитолицых. Затем перебил всех женщин шитолицых и ушли к чуму длинноногого. Спрашивают двух нешитолицых женщин:

— Кто вы такие? Ваш вид совсем другой.

Отвечают женщины:

— Мы раньше у тундровых тунгусов были. Наших людей почью шитые лица убили и нас взяли.

Оставили этих женщин в живых. Говорят еще женщины:

— У шитолицых еще самые многолюдные чумы есть в камне. Там также две женщины тундровых людей есть: у одной муж был Красные лыжи, другой мужа имя не помню.

— Это мои два брата,— говорит Нерому-лу.— Они за дикими ушли и потерялись. Это их жены.

Собрали братья оленей шитолицых, взяли обеих женщин и арганили туда, откуда пришли шитые лица.

По дороге десять чумов тундровых тунгусов пашли. Нерому-лу пошел к ним гостевать. Зашел в один чум. В чуме старик оказался с женой и сыном. Старик спрашивает:

— Что вы за люди?

— Мой отец — Лакупа слепой,— отвечает Нерому-лу.

— Такого не знаю,— говорит старик.

— От шитолицых мы двух женщин освободили. Привезли их сюда. Шитолицых перебили,— рассказал Нерому-лу.

Старик говорит:

— У меня давно два сына ушли в камень. Вот уже много лет как их нет.

— У меня два брата тоже ушли в камень диких искать. Их тоже век нет,— отвечает Нерому-лу.

Старик говорит:

— Я к тебе поеду. Может быть, у тебя моих сыпоев жены.

Увез Нерому-лу старика к себе в чум. Старик говорит:

— Это моих сыповей жены.

— Давай,— говорит Нерому-лу,— вместе пойдем в землю шитых лиц.

Старик говорит:

— Ладно. Я с сыном тоже пойду.

Так пошли на шитолщных четыре человека и встали у края камня.

— Отсюда,— говорят,— пешком пойдем.

Пошли. День шли. Вечером остановились ночевать без чума, на пустой земле. Выснались прямо на земле.

Встав, старик говорит:

— Кажется мне, что видел я сон. В этом кампе, в середине, высокая сопка есть. На сопке этой большое дерево есть. Это саму-фа («шапка-дерево»). На вершине этого дерева есть густой пучок ветвей, как шар. На этих ветвях птица тану (сокол) сидит. У шитолицх два шамана. Один шаман этого своего дямады, этого сокола, посадил*. Найдя это дерево, может быть, увидим того сокола. Этого сокола как-нибудь убить надо. Если не убьем, лучше вернуться. Если убьем, то дальше пойдем.

Так сказал старик, и пошли они дальше. Перешли горы и увидели большую сопку. Старик теперь говорит:

— Ну, который-то будет пробовать?

Баса-тими говорит:

— Пусть Нерому-лу идет.

Пошел Нерому-лу. Нашел речку. По ее руслу близко, к самому подножию сопки, подошел. Подойдя, посмотрел на вершину дерева. Видит: сидит сокол, смотрит на их дорогу, глазами водит. Но вниз на него не смотрит.

Подкрался Нерому-лу под самое дерево. На дереве по стволу ветвей совсем нет. Все-таки залез он на него под самые ветви на вершине. Приготовил две стрелы и выстрелил два раза. Одна стрела в шею попала, другая — меж лопаток. Унал с дерева сокол и издох. Добыв сокола, сыркнул Нерому-лу с дерева.

Подошел старик и говорит:

— Убил сокола?

— Насилу убил,— ответил Нерому-лу.

Под деревом стали ночевать. Когда наутро встали, старик говорит:

— Я опять сны видел. Такое видел. Впереди на самом главном кампе маленькая лайда есть. На ней пасется дикая важенка

---

* Тут один из слушателей заметил: «Этот старик тоже что-то знает».

с теленком. Их надо добыть. Это дьямады другого шамана питолицких. Только убив их, дальше пойдем.

Пошли. Нерому-лу все время впереди идет. Старик так сказал:

— Пусть острые глаза впереди пойдут, пусть убьет этих дьяволов.

Вдруг Баса-тими говорит:

— Вижу я лайду. На ней дикая важенка высоко голову подняла.

Спрашивает тогда старик:

— Ну, кто пойдет?

— Пусть брат мой Баса-тими теперь идет,— отвечает Нерому-лу.

— Даром,— говорит Баса-тими,— попробую и я.

Прячась по ямам и в русле речки, близко подкрался к диким. Потом на ноги встал и, поймав теленка за погу, убил его, кольнув в плечо. Мать его, важенку, тоже за погу поймал и, кольнув в плечо, убил.

Старик велел снять с них постели и сказал:

— Здесь почевать будем.

Когда утром встали, говорит старик:

— Опять я видел сон. Такое я видел: этих диких искать две женщины придут. Это будут жены братьев Нерому-лу.

Говорит тогда Нерому-лу:

— Мы с братом под постели диких спрячемся и поймаем их.

— Ладно,— говорит старик,— а я с сыном поблизости в яме спрячусь.

Через некоторое время приехали две женщины верхом на учагах.

Одна из них говорит:

— Шаман питолицких сказал, что на этой лайде мы двух диких увидим. Где же они?

Другая отвечает:

— Воп впереди на лайде, это какие две постели?

Подъехали женщины к постелям, сошли с учагов и подняли постели.

Баса-тими поймал пытавшуюся убежать женщину. Хотела кричать женщина, но он ей другой рукой рот закрыл. Очень испугалась женщина. Насилу сердце бьется.

Нерому-лу другую поймал и говорит:

— Это Красных лыж жена, а другая жена старшего брата.

Подшли старик с сыном. Нерому-лу спрашивает женщины:

— Чум-то ваш где?

Женщины отвечают:

— Чум близко, за этим вот видимым отсюда камнем.

— Что искали, сюда иди? — спрашивает дальше Нерому-лу.

— Шамаи шитолицких велел пригнать с этой лайды двух диких.

— Много ли здесь шитолицких? — спрашивает Нерому-лу.

— Много, много! Полно их на берегу большого озера, — говорят женщины.

— А удалых среди них сколько? — спрашивает Нерому-лу.

Говорят женщины:

— Два заметных среди них человека есть. Один коротконогий с длинной спишой, другой узколицый в песдовой шапке.

— Шамаи-то чумы где? — спрашивает Нерому-лу.

— Чум шамаиов в середине. Оба в одном чуме живут, — говорят женщины.

— А двух заметных чум-то где? — говорит Нерому-лу.

— С самого края их чум. Оба они наии мужья теперь, — ответили женщины.

— Луки свои они где хранят? — спросил Баса-тими.

— Луки у них всегда в чуме, — говорят женщины, — всегда паготове. Ложась спать, кладут их в головы.

Затем женщины рассказали:

— Были недавно пастухи с табулом отправлены. Среди них был один удалый человек большого роста. Этот человек недавно вернулся. Одна нога у него оказалась раненой. Этот раненый человек рассказал, что Баса-тими и Нерому-лу их всех перебили и когда-нибудь, наверное, сюда придут. Сам он говорит: «Я другой раз с Баса-тими воевать не буду. Живым к этим людям не попадусь. Сила ноги перерезана». Два шамаи лечили его, положили железо на жилу. Нога у него поправилась. Когда шамаи ему ногу вылечили, он дальше ушел в камень, в другие чумы. Там он и живет сейчас.

Сказал тогда старик женщинам:

— Постели диких унесите, но не говорите в чумах, что мы пришли. Сами ночью не спите. Когда, придя в чум, вечером стаять будете постели на ночь, мужчины на улицу выйдут. Тогда вы концом железной стрелы надрежьте луки посередине. А теперь скорее поезжайте, чтобы не заметили вашего долгого отсутствия. Работайте, как работали, чтобы мужья ваши чего-нибудь не заметили.

Женщины уехали. Четыре человека лежали на лайде до темноты. Говорит потом Нерому-лу:

— Два удалых шитолицых один чум держат. На этот чум Баса-тими со мной нападет. Отведаем их. Ты же, старик, с сыном отведай шамаков.

Осторожно, таясь, без шороха, подошли к чумам. Открыли дверь чума и стреляли внутрь. Шитое лицо с длинной спиной и другой, в песцовой шапке, выскочили из одеял. Промакнулся Баса-тими по ним, и выскочили они оба из чума. Песцовая шапка натянул лук — сломался. Долгая спина натянул лук — тоже сломался. Побежали оба удалых шитых лица. Баса-тими за Песцовой шапкой погнался, Нерому-лу — за Долгой спиной. Песцовая шапка топор увидел на земле и к нему кинулся. Баса-тими отогнал его от топора и погнал от чумов в пустую землю. Вбежали на высокий камень. Оказался Песцовая шапка над большим яром. Стал он обегать яр. Здесь прямо на бегу два раза выстрелил Баса-тими и перебил Песцовой шапке ногу. Сел на землю Песцовая шапка и говорят:

— Уй! Баса-тими! Твоя сила больше моей. Дай-ка мне лук, я тебя испытаю!

— Нет! Не хочу, лука не дам! — говорит Баса-тими.

— Ну не давай лука, — говорит Песцовая шапка. — Но все равно в лицо ты меня не убьешь. Только когда я закрою глаза, ты убьешь меня в спину. Убив меня, разрежь мою грудь. У меня два сердца, из них одно мохнатое. Это мое сердце ты съешь.

Убил Песцовую шапку Баса-тими и разрежал грудь, нашел два сердца. Но не стал есть, бросил на землю. Вернулся в оставленные чумы. К его приходу из-за озера пришел Нерому-лу и говорит:

— Я Долгую спину тоже убил. Где же наш старик?

На озере на льду чернеют трупы шитолицых. Всех убил старик. Среди убитых сына старика нашли братья, тоже мертвым.

Среди озера талое место есть, в него три гагары прыгнули. Говорит Нерому-лу:

— Аргишим, старика оставим.

Аргишили и остановились на лайде, где убили двинх оленей. Сделали чум. Вечером услышали шорох от шагов идущего человека. Старик, их товарищ, вошел в чум. Спрашивает братьев:

— Где ваши заметные люди?

— Насилу убили, — отвечает Баса-тими.

— А где мой сын?

— Его убитого тело видал, — отвечает Нерому-лу.

— А твои шаманы где?

— Насилу убил их, — отвечает старик. — В талое место они нырнули. Там и убил их и в озере оставил. Только мое дитя погибло.

На другой день аргишили в сторону своих чумов, взяв с собой жесн убитых братьев.

66. Сыновья Лакуны

(Вариант 5)

Есть рыбная река. На ее берегу стоит голомо. В этом голомо старик живет, низовой человек, ася. Двое детей, мальчиков, у него. Глаза-то есть у старика. Теперь летом он тоже, как и мы, рыбу промышлял. Немного добыл рыбы.

Ребята на улице играли, в чум пришли. Говорят:

— У! На спинах оленей сидя, много людей пришло. Вдали их видно.

Теперь отец говорит:

— Ну пусть идут. Но я один в чуме сидеть буду. Вы при- таитесь за пюки вверху у трубы.

Теперь старик один в чуме сидит. У! Теперь парод пришел. Шибко много пароду. В двери пришли. Голомо-то маленькое. Голомо полно. Одни сидят в нем, другие — на улице, только головы просунули в голомо. Это шитые лица — лесные люди. Спрашивают:

— Какой ты человек?

— Я низовой человек, ася.

— Какое у тебя имущество есть?

— Никакого имущества у меня нет.

— Ну какое-то имущество у тебя есть. Его унесем и тебя убьем.

Так они говорят, войны хотят. Старик говорит:

— Что поделаешь. Ну что же, меня убивайте. Все равно долго я не прожил бы, я уже старик стал. Ладно, убивайте, по немного погода убивайте, я сперва шаманить буду.

— Ну, ну, шамань, мы смотреть будем.

Теперь старик одел шаманскую парку и стал шаманить. Бубен взял. Сзади у его парки ремень есть.

— За этот ремень меня держите, — старик говорит. — Те-

перь держите меня. Я играть буду маленько, а потом убивайте.

Теперь шитые лица держат его за ремень. Старик будто танцует. Ноги у него вниз, в землю, стали уходить. Шитые лица говорят:

— Сильно держите, шаман-то вниз пошел.

Теперь много шитых лиц держат за ремень. Даром держат, шаман еще ниже в землю ушел, голова уже скрылась в земле. Еще ниже он ушел, и большая сильная струя воды пошла из дыры в земле. Вода сразу так быстро пошла, что наполнила голому и поднялась до трубы¹²⁰. Шитые лица теперь стали захлебываться. Половина на улицу убежала, половина утонула. Теперь половина померла, половиною-то, испугавшись, ушла.

Шитые лица ушли, и двое ребят спустились вниз. Ждут отца, но его век нет.

На другой день ребята в одной ветке ушли вниз по реке. Эта река в большую реку впадала. Здесь находится большой каменный яр. Здесь, на каменном яру, они стали жить. Одну сеть поставили. Один котел у них, один чайник.

Плавая в ветке, сеть поставили и рыбу поймали.

Теперь здесь сколько-то дней жили и совсем много рыбы поймали. Старший брат юкому делал, младший тут же играл. Оу! Как-то младший брат приходил к старшему и говорит:

— Старший брат! За рекой кто-то пришел к воде. Ноги у него четыре, на голове деревья таскает.

— Оу! Молчи, может быть, это дикий олень пришел.

Два диких оленя, оказывается, пришли. У братьев в ветке копье было. Копьем из ветки убили диких оленей. Дикие олени жирные были. Теперь каждый день убивали диких оленей по десять, и двадцать, и тридцать голов.

Старший брат говорит:

— Оу! В каком жилище жить будем?

Сделали жилище из камней у яра. Часть степ — яр, другие сделали из камней. Из шкур диких оленей сделали спальный мешок. Старинный лук из рогов хора-оленя сделали. Из ножных костей хора стрелы сделали. Половину стрел сделали из деревянных.

Как-то младший брат опять к старшему пришел.

— Оу! Много веток пришло. Целый народ. Будто проходят они мимо нас. Мы одни, я с ребятами играть буду, пусть у меня товарищи будут.

Старший брат говорит:

— Не падо их нам, пусть мимо пройдут.

Но младший брат уже побежал на берег, и кричит, и руками машет:

— Ну идите, идите сюда!

Ну, много веток в одну кучу соединились и сюда пришли. Много людей, и лица все писаные.

Мальчик шутит, кричит. Те говорят:

— У! Промысел ищем, диких оленей ищем. Может быть, плывущих через реку диких оленей пойдем, поэтому в ветках идем.

Мальчик, младший брат, говорит:

— Ну, мясо от нас унесите. Сколько падо. А чумы ваши где?

— Вблизи.

— Ну, с чумами сюда аргшите. Тут на яру становитесь с чумами. Ребята у вас есть?

— Есть.

— Ну, аргшите сюда. Я с ребятами буду играть.

Очень много мяса унесли с собой гости. Целые туши унесли. Парень к старшему брату в жилище пришел:

— У, старший брат! Теперь я много народу пригласил. Сюда аргшить будут.

— У! Зачем напрасно звал их? Шитые лица придут и все равно убьют нас. У меня лук есть, все равно одного убью.

— Зачем нас убивать будут шитые лица? Совсем это хороший народ. Никого они не убьют.

Утром ребята встали. Все время по яру взад и вперед ходят, ждут. У! Шитых лиц аргш пришел. Теперь на яру они остановились. Оленей теперь отпустили. Мальчик, младший брат, тоже помогает шитым лицам оленей отпускать. Развязав паголовник на затылке, по спине ударит оленя — и спину сломает ладонью. Несколько оленей он так убил.

Теперь оленей отпустили, и припаялся младший брат с ребятами шитолицых играть. Совсем странно он играл. Некоторых ребят шитолицых он так колотил, что они плакали. Сам он тоже еще ребенок, босиком ходит. Теперь вечер настал, и домой он вернулся. У! Старший брат его уже спит. Мальчик взял из котла кусочек мяса и в спальном мешке его съел. Съев, говорит:

— У, старший брат! У шитолицых три красивые девушки есть. Я к одной из этих девушек пойду.

— У! Чего болтаешь! Все равно шитые лица тебя убьют.

— За что меня убивать! За какое дело убивать?

Теперь, когда старший брат заснул, мальчик тихонько на улицу вышел. В самую полночь пошел к чумам шитолицых.

У изголовья девушки подлез под шок и забрался в чум. Теперь с этой девушкой спал. У той девушки в чуме товарищ был, шитолицый, большой мужчина. Шитолицый этот теперь тихонько поднялся и сел. Потом тихо падел парку и бакари. Рядом с девушкой был большой ножик. Тот нож взял шитолицый.

Мальчик руку под девушку просунул. Шитолицый ударил его ножом. Мальчик быстро поднял девушку, и шитолицый вместо него заколол девушку. Теперь мальчик выскочил на улицу и побежал обратно. Шитолицый в двери чума выбежал. Мальчик без парки побежал вдоль яра над обрывом.

На самом яру было двадцать тонких деревьев. К ним подбежав, мальчик пригнул и согнул одно из деревьев. Теперь шитолицый подбежал. Мальчик отпустил дерево, оно ударило шитолицего по лбу, и он умер.

И так мальчик две ночи ходил к шитолицым, и они двух своих девушек убили, а он двух из них убил. На третью ночь он опять ушел и лег спать с третьей девушкой.

Так лежит он с ней и слышит, что мимо него проходит много людей.

— У! Много народу в сторону нашего жилища ушло. Будто бы меня не видели и не слышали.

Теперь, когда много людей прошло мимо чума, шитолицый из этого чума тоже встал, оделся и, взяв лук, ушел на улицу. Его шаги тоже слышались в стороне жилища братьев.

Мальчик пошарил около девушки и нашел большой нож. Ударил девушку ножом и, взяв нож с собой, подлез под шок и ушел из чума.

— У! Шитолицые наше жилище окружили и воюют с моим старшим братом.

Позади шитолицых один человек идет, который ушел из того чума, в котором мальчик воевал. Мальчик дорвал этого мужчину с одним ножом в руке и взял за плечо. Этот шитолицый оглянулся, и мальчик ударил его ножом по глазам. Голову отрезал и лук и стрелы взял. Пошел теперь к свосму жилищу.

— У! Старший брат с многими людьми воюет, много шитолицых убили мой брат. Даром что шитолицых много, мой старший брат все равно живой будет! У! Какой это чум стоял в стороне от других чумов шитолицых? Пойду-ка я к нему и посмотрю.

К этому чуму подошел мальчик, и из него вышел очень высокий шитолицый.

— Оу! Какой это мальчик! Меня в этом деле не было. Я в свою землю пойду. Мне войны не надо.

— У! Я все равно тебя не отпущу.

Шитолицый побежал, и мальчик тоже побежал и погнался за ним. Речка, впадающая в большую реку, преградила им путь. Шитолицый прыгнул через реку. Мальчик пустил стрелу. Шитолицый за рекой встал на ноги. В одну ногу попала стрела и отрезала кончик ноги.

— Оу! У меня нога разрезана. Ну, иди сюда и убей меня. Может быть, меня не убьешь. В нашей земле два шамана есть. Эти шаманы эту погу починят. До этого меня убей.

— Ну даром уходи один. Я тебя преследовать не буду.

Шитолицый ушел на четвереньках.

Два парня всех шитолицых убили. Олпей шитолицых взял себе. Осень когда пришла, на этих оленях аргишили. К зиме одного низового человека нашли. У него один сын и одна дочь. Сам-то старик — шаман. Теперь ребята все ему рассказали. Теперь этот человек говорит:

— У меня в прошлом году две дочери украли шитолицые. До сих пор пойти за ними не мог. Только один сын у меня. Боялся я идти. Вас теперь в товарищи приглашаю. Не хотите ли со мной пойти искать моих дочерей?

— Ну пусть, — ребята говорят.

Ну, теперь ушли легким чумом четверо мужчин и одна девушка, чтобы хранил чум. Теперь тот старик землю как будто знал. Все время идет впереди.

Теперь дошли до камня в лесу. Это тот камень, который отсюда виден. Старик сказал:

— Ну пусть чум остается тут.

Теперь пешком пошли. День прошел. Темно стало. Шаман-старик говорит:

— Ночевать будем, устали.

Спали. Утро настало. Теперь шаман говорит:

— У! Я ночью спал да как будто речь слышал. У шитолицых два шамана-то есть. Эти два шамана ночью дорогу охраняют. На самом конце большого камня есть черный сокол¹²¹. Это шитолицего шамана зверь такой. Этого сокола убили бы и тогда дальше бы пошли. Если его увидим, он кричать будет: «Кя, кэ, кэ!» Это его шаман услышит. Тогда надо будет вернуться. Если его убьем, то пойдем дальше.

Пошли дальше. Дошли до камня. В камне самая ямная, с крутыми, обрывистыми берегами река есть. Над этой рекой, на

вершине яра, сидел сокол. Людей он не увидел. Своими круглыми глазами в землю смотрит. Шаман говорит:

— Ну, кто убьет? Кто мастер стрелять?

Младший брат говорит старшему:

— Ну, ты говорил, что мастер стрелять. Срежь ему голову.

Старший брат пустил одну стрелу и соколу голову отрезал. Пошли дальше в другую землю. Теперь спали. Утром встали, и шаман говорит:

— Я речь слышал. Шитолицый шаман говорил. Другой их шаман говорил, что на нашей дороге придет олень-важенка с двумя телятами. Если двух телят поймает, то на том месте будем ночевать.

Теперь дальше пошли. Посередине камня нашли круглую лайду. Тут лежали важенька с двумя телятами.

— Мне попробовать надо, — младший сын Лакупы говорит.

Теперь на лайду он прыгнул. Два диких оленей телепка далеко не ушли. За ноги телят поймал. Мать их ушла. Теперь шаман говорит:

— Ну, теперь шкуры-то спимайте. Пусть две освежеванные туши будут. Теперь здесь ночевать будем. Пусть сыновья Лакупы закроются содранными шкурами, а мы с сыном отдельно лежать будем. Утром внимательно слушайте. Две женщины придут из чумов шитолицых. Будут говорить: «А где тут готовые туши мяса лежат, про которые говорили два шитолицых шамана, что им еду бог Нилу-пгуо приготовил. Если это мясо мы найдем, шаманы сказали, вперед еды полно будет». Может быть, это мои дочери придут, я так думаю. Если они придут, то сделайте так, чтобы они не закричали. Зажмите им рты, если сумеете.

Теперь, закрывшись шкурами, парни залегли на лайде. Утро пришло. Рано утром они услышали разговор:

— А где это, шитолицых два шамана говорили, такая лайда, на которой мясо приготовил Нилу-пгуо?

— У! Вот, однако, приготовленное Нилу-пгуо.

— У! Шитолицых шаманы так шаманы!

Так говорят две женщины. Каждая женщина по оленю ведет, чтобы грузить мясо. Теперь подошли они. Двух телят шкуры подняли женщины. Ребята поднялись и рты их зажали. Теперь женщины испугались и стали рваться. Ребята говорят:

— Что мотаетесь? Тине, тине!

Так теперь сидели, да два человека пришли, девушек отец-шаман с сыном пришли. Шаман говорит:

— А где чум?
— Близко.
— А сколько?
— Десять мер.
— Шамапов сколько?
— Два.
— Сколько самых хороших людей?
— Три. Когда-то один шитолицый пришел с порезанной погой. Другой длинноногий есть человек. Третий — в песцовой парке.

— Кого заметили? Кто сильнее из них?
— Тот, кто хромым пришел. Он выздоровел и самый сильный стал. С двумя шаманами он в одном чуме,— говорят.

Теперь отец-шаман говорит:

— Мы в полночь придем. А вы, как услышите что-нибудь, остерегайтесь.

В полночь четыре человека пришли к чумам шитолицых. Шаман к тем двум шитолицым шаманам в чум зашел. Открылся бой. Теперь с сильными людьми воевали из луков. Простых людей с ходу побили. Ну, уже стало светло. К полудню сына старика шамана шитолицые убили. Два Лакуны сына осталось, и трое шитолицых осталось. До наступления темноты хромого и длинноногого убили. Песцовая шапка (царка?) ушел от них и с глаз исчез. Теперь они думают:

— А где же наш старый шаман?

Ну, людей не видно. Но на озере три гагары плавают, между собой дерутся. Не простые гагары, а белопопые¹²². Трое суток они дерутся; ныряют и дерутся. На третьи сутки на берег вышла одна гагара, отряхнулась, и стал их старик шаман. Две гагары остались в воде мертвые, грудью вверх плавают.

Собрались все четверо и тех двух девушек не убили. Взяли аргиши и оленей шитолицых, взяли хорошие вещи и ушли.

Теперь они вернулись на свою землю, и все.

[Дополнение рассказчика:]

Потомки этих сыновей Лакуны жили на озере Ессей.

67. Старик и его сыновья

На берегу большой реки старик живет, тундровый тунгус. Три у него сына. Старика зовут Нго-бойку (шаман-старичок), одного сына — Хэнка (черный), другого — Сыр (белый), стар-

шего Дёрама-тута (Красные лыжи) — у него на лыжах был красный камос.

Промышляет старик рыбу. Высмотрел старик пушальню, добыл рыбы. Близ пушальни, на виду у голомо, сидит на земле согнувшись. Говорит сам себе:

— Почему это дыхание какое-то слышно? Однако, медведь пришел и поймал меня.

Верно, оказывается, его белый медведь держит. Говорит медведю:

— Не трогай меня, медведь. Давай играть.

Медведь сел на задние лапы. За одну переднюю лапу поймал старик медведя и стал кружить. У медведя закружилась голова. Тут тихонько достал старик пожику, ткнул им в грудь медведя, побегал к ветке и быстро выехал на середину реки. Отсюда посмотрел на медведя. Тот, обливаясь кровью, упал. Унес старик медведя в голомо и ел его мясо. Поел и опять пошел пушальню смотреть. Сидит в ветке у пушальни и посмотрел на берег. Видит: черный медведь пришел. Кричит ему старик:

— Ну, медведь, иди на воде играть! Кто сильнее окажется? Поплывем вперегонки до того яра!

Поплыли медведь и старик на ветке. Обгоняя медведя, старик ткнул его пальмой в бок и олять унес в голомо и ел.

Через некоторое время опять ушел пушальню смотреть и видит: пестрый медведь пришел. Кричит ему:

— Медведь, иди сюда играть! Тут через ручей прыгать будем. Кто дальше прыгнет?

Старик далеко прыгнул. Медведь за ним. Тогда его старик рогагиной в грудь ткнул. Унес тоже этого медведя в голомо, поел и лег спать.

У старшего сына жена есть. Старший сын попросился на другое утро ехать диких промышлять. Уехал сын вместе со своей женой.

Прошло время, ждет его старик, но сына век нет. Младшие сыновья играют на яру над рекой. Увидели, что сверху по реке много веток с людьми идет. Убежали ребята в голомо.

— Эй, отец, по воде много веток идет. Наши сердца боятся.

Спрятал старик детей в вершине голомо под постелями. Затем вошли к старику много шитолицыных и уселись в голомо.

— Какие вы люди? — спрашивает старик.

— Мы шитолицыные люди, — говорят пришедшие.

Спрашивает старик:

— Нет ли у вас вестей о моем сыне Красные лыжи, ушедшем за дикими?

Тут сказал один шитолицый другому:

— Разве у убитого нами с женой человека камос на лыжах был не красный?

Закричал старик:

— Этот, этот!

— Ну, теперь и тебя мы будем добывать,— говорят шитые лица.

— Почему, друзья? — говорит старик.— У меня вины нет.

— Даром что вины нет,— говорят шитые лица,— наверно, тебе сына жалко.

— Не жалко, не жалею,— сказал старик.

— Даром что не жалеешь, все равно убьем,— говорят шитые лица.

— Я шаман,— говорит тогда старик,— пусть я буду шаманить.

Говорит тут большой шитолицый:

— Я шаманов не знаю. Тебя вот только увидали. Шаманы!

Одел старик теперь шаманскую парку, взял бубен и бьет в него. Шаманит старик, а два шитолицых его за пояс держат. Вдруг старик в землю ушел, оборвав ремень, за который он был привязан при камлапии к шестам чума. Из дыры в земле, в которую он ушел, стала вода литься. Заполнила вода всю дыру и побежала в голомо. Половина шитолицых утопула. Только трое из них остались. Их барба двери голомо открыл, и они выскочили на улицу. Побежали к веткам, и все трое уплыли.

Ребята выглянули. Видят: все ушли. Вылезли, смотрят: много мертвецов лежит. Брюхо у них полно воды. Отца нет.

— Куда мы пойдем? — говорят.

— Надо вверх идти,— сказал старший брат,— там у отца голомо было на красном яру.

Пошли вдоль реки. Нашли землянку. Проспали ночь. Утром младший брат говорит:

— Дикие пришли!

Действительно, десять очень больших диких оленей за рекой вышли и поплыли через реку прямо к землянке. Старший брат сел в ветку и всех их убил. Принесли мясо в землянку и опять спали. На другой день двадцать диких пришло. Опять всех их убил. У землянки много жирного мяса стало. Теперь

все время в землянке стали лежать ребята. Посмотрели как-то на улицу, увидели: много веток идет с людьми. Оставили люди ветки и к ним приплы.

— Какие вы ребята? — спрашивают люди, шитые лица.

— Век мы здесь, — ответили братья.

— Отец-то кто?

— Отца не знаем.

— Моих людей половина не знаете ли где?

— Не знаем. А ваш чум где?

— Там есть, вверху.

— Мы пойдем вместе с вами в ваши чумы. У нас много добыто диких. Вместе есть будем, — говорят братья.

— Ладно.

— Тогда мясо паше увезите с собой.

Перетаскали братья вместе с шитолицыми мясо на ветки и ушли вместе с ними в чумы. Переночевали здесь. На другой день прямо от реки в сторону леса пошли и дошли больших чумов шитолицы. У шитолицы в чумах три девки есть. Младший брат говорит старшему, лежа в чуме:

— У шитолицых девок лица очень красивы. Пойду я к ним спать.

— Однако, убьют тебя шитые лица. Ум у них худой.

— Не убьют!

Ночью пошел младший брат к девке спать. С улицы пальма кольнула через нюк в парня, но попала в девку и убила ее. Парень схватил копьё за конец и выбежал на улицу с ним. Ударил здесь шитолицего пальмой в сердце и ушел в свой чум спать.

Утром говорят шитые лица:

— Девку-то кто убил? На улице человека-то кто убил?

Младший брат гостевал по чумам и вечером говорит брату:

— В другом чуме тоже хорошая девка есть.

Ночью ушел к пей.

Опять ночью сквозь нюк пальма ударила. Опять над парнем прошла и девку убила. Парень парку надел, женский ножик схватил и выбежал на улицу. Видит: стоит шитое лицо и тычет пальмой в чум. Ударив ножом в бок, убил и этого шитолицего.

Утром шитые лица опять режут:

— Кто двух людей убил?

Вечером младший брат говорит брату:

— Есть у шитолицых девка с очень красивым телом. Я пой-

ду к пей, а ты готовь лук и пожи. Однако, все шитые лица этой почью придут.

Лежит младший брат с девкой и говорит:

— Что это я шаги слышу? Много людей идет.

Выглянул на улицу и видит: все шитые лица с луками к этому чуму идут.

Парень схватил большой нож девки, парку надел и на улицу ушел. Подошел сзади к одному шитолицему в расшитой бисером одежде и попросил у него лук двух братьев убивать.

Тот повернулся к нему. Парень ударил его ножом в грудь и взял лук бисерного ¹²³.

Тут стали два брата драться с шитыми лицами из луков. Три дня дрались и всех шитолицых убили. Потом стали чумы просматривать. Когда младший брат подошел к одному чуму, из него выскочил один шитолицый и побежал по дороге аргина. Младший брат погнался за ним. Догнал до реки. Шитое лицо прыгнул через реку. Парень в это время пустил в него две стрелы. Ногу разрезал ими и руку.

Закричал шитое лицо:

— Э, парень! Не успел я приготовиться! Здесь на яру был у меня лук сирята. Насилу я до лука не дошел!

Убил его парень и вернулся. Сидит с братом и говорит:

— Из шитолицых одну девку мы оставим. Женщин всех убьем, а эту девку я возьму.

Взяли эту девку и век здесь в чуме живут и играют.

Это старая наша сказка.

68. Медведи и старик

Тундровый тунгус есть, старик. У него пятеро детей: три сына, две дочери. В чуме на реке живут. Олень один есть.

Вода талая стала, пошел старик на реку промышлять. Три волосяных пуцальни у него. Метал их. Немного посидел, рыбы нет. Вернулся домой старик. В чум зашел, чай пил. Говорит потом:

— Может быть, рыба понала!

Ушел опять старик к речке. Видит: у пуцальни белый медведь сидит. Перебирает, смотрит ее.

— Ук! — крикнул старик и кусок плавника схватил. Медведь тоже палку схватил. Говорит старик:

— Уходи прочь! Что со мной играешь, почему надо мной шутишь? Дурак я, что ли? Прочь, прочь! Пушальню порвешь!

Медведь вытащил пушальню на берег. Оба ухватились за поплавки пушальни, тащут в разные стороны, палками машут. Говорит старик:

— Ты разве не играю? Почему у бедного человека промысел портишь?

Старик на ветке на воде был. Медведь, потянул пушальню, вытащил старика вместе с веткой на берег. На земле старик табак шюхает и говорит:

— Прочь, прочь! Пошто на земле даже не отпускаешь? У меня сейчас Христос-бог есть. От него ты уйдешь? Я умру, что ли?

Медведь не выпускает пушальни. Схватил старика зубами за шею, трясет.

— Ну, ешь меня. Я сидеть буду,— говорит старик.

Не стал медведь есть старика. Говорит старик:

— Я крещеный человек! Солицу буду молиться. Солнце! Меня медведь съест хочет. Это, по-твоему, ладно?

Медведь все-таки его не пускает. Говорит опять старик:

— Я, когда молодой был, в ветке быстро ходил. Ты сильный? Давай померимся, кто сильнее. Я отстану — ты меня съешь. Ты отстанешь — я тебя убью.

Медведь это услышал и поплыл. Старик в ветке быстро поплыл. Говорит:

— Беда будет потом. Обгоняет меня.

Есть у старика пальма. Есть железный крест. В воде омут был. Здесь рядом поплыли.

Думает старик: «Уйдет медведь в омут». Говорит:

— Ну, живей!

Вскочил старик на берег и, когда медведь подплыл, ударил его пальмой. Снял старик с медведя шкуру, в чум его увез и съел.

Ночь прошла. Наутро старик опять к пушальням ушел. Видит: черный медведь пришел, пушальни смотрит. Закричал старик:

— Почему пушальни рвешь? У тебя на земле еды много. Я же у матери воды еду прощу. Почему ты такой?

Медведь пушальню не выпускает. Ухватились они за поплавки и разорвали пушальню.

— Ты не бог, а дурак,— говорит старик.— Ребенок ты, что ли?

Сам старик в ветке, медведь на берегу. Говорит дальше старик:

— Меня убить хочешь? Убей!

Медведь, как человек, па дыбы встал. Старик все говорит:

— Меня надо? У меня Микольский есть. Ныпче меня убить хочешь? Давай плясать.

Стали плясать. Медведь пляшет и поет:

— Онтипо! Моптипо! Хокой, хокой!

Старик поет:

— Хэйро, хэйро!

Целый день плясали. Медведь устал. Голову опустил, глаза закрыл. Думает старик: «Э! Сердце его близко. Ножом одолею ли?»

Кольцул ножом и, в ветку сев, быстро отпилыл.

Медведь, за ним бросившись, чуть за парку не поймал. Но умер медведь. Увез старик медведя в чум.

У старшего сына старика шапка красным расписана. Зовут его Красная шапка¹²⁴. У другого бакари красные, зовут его Красные бакари¹²⁵.

Говорят сыновья:

— Отец! Мы чего-то боимся.

— Оленя храните почью, если боитесь,— говорит старик.

— Сам храни,— говорят сыновья.

Ночью старик сам оленя караулил. День настал. Встали сыновья. Красная шапка говорит, другой говорит:

— Отец! Что почью нашел?

— Ничего не нашел,— отвечает старик.— Только аргишить надо. Медведь в этих местах очень плохой.

Сыновья следы увидели отца. Видно, что ночью он ходил в лес. Говорят сыновья:

— Что делал отец в лесу? Посмотрим!

Пошли в лес по дороге отца. Нашли огород с пастороженным луком па дикого. В воротах огорода что-то лежит. Дикий, что ли? Нога у него в крови. На боку шкура в крови. Шкура железная.

— Что это? — говорят сыновья.— Как стрелой его добыли? Кожа железная. Этот дикий — сохатый, оказывается!

Вернулись сыновья в чум:

— Отец! Что это? Какой стрелой добыл такого дикого?

— Не знаю! — старик говорит.— Ну, аргишим, оставим его.

Пешком аргишили. К многим тундровым тунгусам присоединились.

Спрашивает старик.

— У вас шаман есть?

— Есть, — говорят, — молодой шаман.

— Давай, — говорит старик, — обо мне шамань. Пусть расскажет, что со мной было. Сам не скажу.

Шаманил молодой шаман и говорит:

— Медведей ты добывал. В пуцальнях двух медведей добыл. У в лесу живущих шитолицых, у их большого шамана, ты зверя добыл. Железного сохатого добыл.

— Так, так. Мое дело, — сказал старик.

— Не на тебе грех, — говорит молодой шаман, — хоть ты и добыл. Сами они тебя искали.

Весною пришли к старику вести: большой шаман шитолицых умер. Кровь на боку была. Теперь все.

69. Сын медведя

Живут два тунгуса с шитыми лицами. Но, несмотря на то что они шитолицые тунгусы, все время живут они с тундровыми тунгусами. Самых настоящих шитолицых они давно бросили. Оба тунгуса — братья, от одной матери рождены. Один из них чуть постарше.

У старшего двое детей: одна девочка и один мальчик. От самого большого камня близко они сидели. Диких промыслили. Долго живя здесь, дикого истребили в этих местах. Младший брат говорит:

— Вблизи дикого мы совсем кончали. Там, далеко, в насилу видных отсюда местах, дикий, однако, еще есть.

Отвечает старший брат:

— Так далеко идти худо. Поблизости надо искать.

— Я пойду, — говорит младший брат. — Настоящий хороший учуг есть у нас. Когда солнце заходить будет, вернусь. При слабом свете зари вернусь.

Теперь ушел младший брат. Двух учагов взял с собой. Оди учуг очень хорош — ростом прямо с амбар. Из дома поехал на плохом, на хорошем вертуться хочет. На полпути остановился. Видит: очень еще далеко земля. Солнце уже немного подпилось. Поехал на хорошем учуге и дошел той земли, к которой ехал. В самом камне, в крутой долине, реку нашел. В своей вершине река падвое разделилась. На слиянии этих двух рек лайда. На

лайде десять диких порозов. Зайдя с верховьев реки из ущелья, закричал. Дикие побежали по удобному для них месту близко, мимо него. В двух выстрелил из лука.

Снял с одного шкуру. Стал снимать с другого. Стал перетаскивать тушу дикого на удобное место. Взял его за рога, приподнял и услышал, как два лука щелкнули. Побежал он, увернувшись от одной стрелы. Но другая стрела перебила ему жилу на поге.

Вышли тогда из засады два шитолицых. Один длинноногий — Ходукундамату. Другой топкий, как трава, человек — Нётараку. Говорит им младший брат:

— Эй, друзья! У меня ноги пет. Как пойду? Почему меня украдкой убили? Почему честно не убили? Добейте меня здесь. Дайте мне лук, он близко. Даром я на землю сию, отдаю вас.

— Нет,— отвечают шитые лица,— зачем лук дадим? — И, повернувшись, ушли пешком эти два человека.

Из стрел сделал себе колодку на погу младший брат. Насилу дополз до учага. Захватил лук и стрелы. Залез на учага. Рапую погу на седло закинул и поехал домой. Едет тихо. Скоро как пойдет? Диких бросил. Темно стало.

Хороший учаг сам по следу к чуму идет. Оленья копаница уже близко стала. Вдруг встал учаг. Услышал младший брат крик в своем чуме. Бросил учага и упал на землю. Видит: его старший брат голый пробегает. Между лопаток стрела торчит. Только древко видно. Железный наконечник весь в мясе. За ним два шитолицых гонятся. Один — топкий, как трава, другой — длинноногий.

Лежа в яме на земле, схватил младший брат лук. Близко пробежал его брат.

— За ним идущие пусть ближе подойдут!

Выстрелил один раз. Длинноногому прямо в переносье попал. Выстрелил в другого. Но промахнулся, видно, в темноте. Услышал, как стрела на землю упала. Парка Нётараку — из белого песка. Видно, что живой убегает оп.

Насилу на руках дополз младший брат до чума. В нем ни одного человека нет. Его жены нет, брата жены и детей нет. Тел даже пет. Прилег младший брат на одеяло и заснул. Три дня спал. На третий день проснувшись, услышал шаги на улице. Приоткрыл дверь и посмотрел. Видит: пришел опять одетый в белую парку Нётараку. Лицо у него прострелено. С ним другой шитолицый, с косой¹²⁶. Лежа в чуме, говорит младший брат:

— Нётараку! Зайди в чум и добей меня. Очень я мучаюсь.

— Нельзя. Зайдя в чум, сам погибну в нем,— ответил Нётараку и ушел.

От рапы в ноге почему пропадет человек? Так сидит голодный. Слышит, скрипит что-то в опрокинутом котле. Толкнул его младший брат поленом. Опрокинулся котел, и увидел под ним он мальчика, сына своего старшего брата.

Так стал с мальчиком в чуме лежать. Как-то говорит мальчик дяде:

— Сядь!

Дядя не отвечает. Умер.

Куда пойдет одинокий ребенок? Жил в чуме, питался остатками еды в котле. Как-то услышал, что кто-то опять пришел к чуму. Открыл дверь. Оказывается, медведь пришел.

Зашел медведь в чум, взял труп дяди и унес на улицу. Вырыл в земле могилу, положил в нее труп и закопал. Затем опять в чум пришел и скулит, как собака. Ребенок, испугавшись, отбегает, прячется. Медведь очень велик. Задние ноги у дверей, сам через весь чум протянулся. Доймал ребенка, вынес на улицу и понес прочь от чума. До берлоги дойдя, в нее запихал мальчика.

Берлога большая, как чум. В ней много медведей ревет. Принесший мальчика медведь один раз взревел. Все медведи замолчали.

Стал жить здесь мальчик, никуда не выходя. Привнесший его медведь все время у дверей лежит. Медведи приносят мясо дикого, только без ребер, и другую еду.

Так десять лет прожил здесь мальчик. Вырос сам с чум. С медведями на улицу выходил, смеялся, играл, дружил.

Говорит как-то старый медведь другим:

— Что делать мне с ребенком? Очень большой холод настанет. Какую ему парку дам? Надо шить.

Ушел этот медведь. Где-то черную-черную парку достал и привес. Парень оделся в нее и, как медведь, стал.

Еще несколько лет прошло. Уходить стал парень в лес и подолгу смотрел молча на солнце. Это замечал старый медведь. Думает про себя: «Однако, о чем-то он думает?»

Так решив, спросил старый медведь парня:

— Ну, тулгус. О чем ты думаешь?

Отвечает парень:

— Век дума у меня. Были у меня отец, мать, сестра. Куда они ушли? Эту землю искать буду.

Медведь думает: «Как же парень уйдет?» Говорит ему:

— Можешь идти. Но невинных людей не убивай. Твоего отца убил Пётраку. Его ищи. Если же невинных людей убьешь, то сам погибнешь. Я это узнаю и тебя убью. Силы у тебя столько же, сколько у меня. Но как ты пойдешь пешком? Но я тоже что-то имею. У меня тоже олени есть, дочери есть, санки есть, разное имущество есть. Подожди меня, я искать пойду.

Теперь ушел медведь. День прошел. Все спали. На другой день в полдень приходит и говорит:

— Ну, все готово. Чум-то готов. Иди.

Вышел парень. Видит: к берлоге подошло семь аргишей. Вместо оленей все медведи. Семь женщин — лица людские, парки медвежьи. Одна санка лишняя есть — мужская. Четыре медведя в песь запряжено. Подошел парень к санке и остановился. Старик медведь спрашивает:

— Почему не садишься?

— Есть у меня речь, — говорит парень. — Видел я у тебя лыжи. Ты что, оцепь жалеешь их?

— Сына просьбе как буду перечить? — отвечает старый медведь. — Возьми лыжи.

Теперь уехал парень с семьей аргишами. Все время аргишил, не стоял. Ночь ехал, день ехал, наконец остановился. Думает: «Из этих семи женщин которая же моя жена? Все хороши, все одинаковые!»

Пустили «олепей», чум сделали. Все женщины в чум зашли. Зашел сам в чум. Сбивает снег поленом с бакари и смотрит: одна женщина с верхней стороны у двери сидит. За шесты черная парка засунута, такая же, как у него самого. У других женщин этого нет.

— Это моя жена, — решил парень и сел около нее и с ней потом лег спать.

После этого еще день аргишили. Опять чум сделали. Но своих четырех медведей он не отпустил и поехал дальше. Долго ехал. Ночь, за сей день и опять ночь и день ехал. Через три дня четыре медведя упали на землю. Пошел тогда на лыжах. Так идя, семь чумов нашел.

Бывшие перед чумами люди убежали, увидев нашего человека. Только перед средним чумом остался один что-то работающий человек. Не переставая работать, спросил человек:

— Кто ты?

— Если ум есть у тебя, так слушай, — говорит парень. — Отца у меня нет, матери нет. А ты кто?

— Давно, говорят, сына одного тулгууса медведь унес. Однако, это ты и есть, — говорит работающий человек.

— Верно! Нётараку где сейчас?

— Тря дня тому назад Нётараку здесь был, в карты играл. След его видно, — ответил человек.

— У тебя олени сильные. Дай мне оленей, — говорит парень.

Одного оленя только дал работавший человек. Запряг его парень в чужую же санку и спросил:

— Этот олень силен?

— Сильный!

— Ну, если сильный, то скоро догоню, — говорит парень.

Погнал хорсеем оленя. Олень рванулся, зарылся в снег и упал. Говорит парень:

— Олень сильный! Но, однако, у тебя сила у самого есть? Дай-ка один раз поборемся.

— Ладно, один раз поборемся, — говорит работавший человек. Поднял хозяин оленя парня вверх и говорит:

— Ну, силы-то только. Чуть от земли отделил.

Обхватил тогда парень этого человека, сдавил, и умер тот. После этого парень опять пешком на лыжах ушел.

Так идя, еще в шести чумах из-за плохих оленей ссорился и задавил еще шесть человек.

Так людей добывая, пешком шел парень. Долго шел и дошел до большой реки. Над водой высокий крутой яр стоит. Вышел на него парень и не находит спуска с него вперед. Вдали же, за водой, виднеется красная сопка.

— Что это за река? — говорит парень. — Если ее обходить, моя дорога очень кривой будет. Надо прямо идти.

Прямо с яра прыгнул парень в воду и скрылся в ней с головой.

Теперь речь сказки ¹²⁷ прямо в яр ушла. Парня не видно, с головой скрылся. У сопки, на той стороне реки, маленькая речка есть, впадающая в нее. В устье этой речки что-то забурлило, показалась голова. Вышел парень на берег и пошел вдоль речки. Парка сухая. Дошел до истока реки. Здесь оказалось еще семь женщин. Около женщин пещера. Женщины около пещеры дрова рубят. Говорят:

— Зачем пришел? Какой человек? Есть ли у него толк? Толку-то нет у него. Ничего мы ему не скажем!

— Что это за проклятые бабы! — сказал парень и перебил их всех кулаком. Стал искать вход в пещеру. Найдя, зашел.

Пещера высокая, как чум. В ней старый медведь оказался. Говорит парню:

— Зачем вернулся? Какое дело есть? Что натворил?

— Дела нет, — отвечает парень.

— Как дела нет! — говорит медведь. — Я не говорил разве, невинных людей не убивать? А ты выполнил? Греха у тебя нет? Нётараку пашел? Теперь я рассержусь!

Старик медведь сидит. Дерется с парнем. Тут две женщины зашли и говорят:

— Эй! Медведя съел! Зачем сердиться? Ты надеешься победить? Однако, не победишь!

Это услышав, парень выпустил медведя. Спал здесь несколько дней. Потом разбудил его медведь и говорит:

— Вставай, парень! Перед тобой далекий путь.

Парень встал, поел. Старик медведь говорит:

— Теперь ты далеко пойдешь Нётараку искать. Его голова черная была. Теперь, однако, белая. Других людей сейчас, однако, не найдешь, а Нётараку найдешь.

— Куда пойду? — говорит парень. — Да все равно! Найду и убью!

— Двух белых оленей возьми, — говорит старик медведь.

На двух этих оленях поехал парень по ровной тундре. Старое чумище пашел. Нюк совсем изодрап, несколько только шестов стоит. Около чума торчат воткнувшиеся в землю стрелы. Недалеко река.

— Эй! Это, однако, моего отца чум! — сказал сын медведя. В верхней стороне чума лук оказался. Его и много стрел взял сын медведя.

После этого решил в свой чум, где жену оставил, уехать. Приехал туда. Пока его не было, у его жены мальчик родился.

Теперь аргишили. Все время в сторону леса аргишили. Черный камень перешли. За ним остановились. Медведя сын поехал диких искать, думая, что, может быть, и шитые лица попадутся. Семью с сыном оставил. Сын уже вырос. Ростом аргишина полтора стал.

Уйдя в сторону леса, дошел до очень большого и густого леса. Противоположную сторону его даже не видно.

Дойдя до этого леса, сапку с оленями оставил и пешком пошел, взяв с собой лук со стрелами.

Нашел большую дорогу. Пошел по ней в лес. Шел, шел, немного темно стало. Туман опустился, сильный туман. Нашел в тумане оленью копилицу. На озере, на льду, пляшут тунгусы.

Все озеро усыпано ими. Подойдя к озеру, нашел Норка-пё (т. е. «Медведя сын») один брошенный сокуй и надел его на себя. Войдя в толпу веселящихся людей, тронул одного из них за плечо и спросил:

— Барбы-то чум который?

— Вот прямо. Самый средний чум, — ответил тунгус.

Заметил этот чум Норка-пё и вернулся. В темноте на копанце сидел. Когда настало время спать ложиться, решил идти. Думает: «Однако, спят, полночь настала».

Взяв лук и палму, подошел к чуму, на который указал ему тунгус. Открыл дверь — ничего не видно, все спят. Стал бить палмой направо и налево. Перебил всех. В другой чум зашел — половину перебил, остальные закричали. Люди в других чумах услышали крик, луки схватили. Много людей оказалось живых на улице. Среди них Нётараку с луком. Как ушел из чума — черт его знает!

Три дня бился со всеми этими людьми Норка-пё. Перебил их всех, остался один Нётараку.

К этому времени у Норка-пё все стрелы кончились. Побежал Норка-пё и набежал на сашку в яме. Подбежал близко к сашке. Из-за сашки кто-то выстрелил и пересек Нётараку жилу на ноге. Оказалось, пришел сын Норка-пё и выручил своего отца.

Вернулся Норка-пё с сыном к чумам шитолицых. Говорит Норка-пё:

— Убитых людей оленей возьмем ли?

Сын отвечает:

— Возьмем! Взять надо!

Нашел Норка-пё здесь свою мать, сестру и вдову дяди. Взял их всех с собой, угнали оленей и стали возвращаться в тундру. Сын все время ночью оленей караулит. Волки приходили — всех их перебил. Перешли еще хребет в сторону тундры и остановились. Говорит сыну Норка-пё:

— Где мы себе товарищей найдем? У меня товарищи медведи были. Ты к ним пойдешь или куда-нибудь в другое место?

Отвечает сын:

— Вроде нас люди есть ли еще или их всех перебили?

— Поди сам поищи, — говорит Норка-пё.

Поехал парень искать на сашке. Ушел в сторону тундры. На самом краю леса нашел пять чумов. Живут в них тундровые тунгусы.

— Ты что за человек? — спрашивают парня.

— У меня отец есть, — отвечает парень. — Отца имя как говорить стану? Человек и человек.

— Это не важно, что человек. Почему мы тебя не знаем, тебя не видали здесь раньше? — говорят эти тунгусы.

— Моего отца медведь кормил. У него он и вырос. От дочери медведя и я родился. Такой я человек. Наш аргиш придет, вы не бойтесь, — сказал парень и вернулся домой.

Отец спрашивает:

— Ну, что пашел?

— Пять чумов нашел, пять мужчин. Эти люди смиренные. Туда уйдем, — ответил парень.

— Не знаю, не знаю, — говорит отец, — может быть, опять в какое-нибудь дело попадем.

— Что может быть худого? Ну, пусть буду я у них гостевать, а париться не будем, — говорит сын.

— Так ладно, — ответил отец.

Подаргишили они к этим чумам близко и встали. Все время здесь стояли. Несколько лет так жили.

Однажды оди человек приехал. Два запряженных в санку оленя, как остановили их, сразу упали. Вошел этот человек в чум Норка-нё. Спрашивает старик:

— Откуда пришел, что за дело есть? Олени твои упали от быстрой езды. Наверное, педаром пришел.

— Как педаром! — ответил приехавший.

— Ну, что скажешь?

— Целый народ перебили шитые лица. Ночью пришли. Я олепей сторожил. Крик в чумах услышав, я уехал в пустую землю. Твой чум искал. Мои чумы шитые лица, однако, совсем разорили. Товарища дай мне, или худо это? — говорит приехавший.

— Не знаю, — говорит старик. — Ну, спроси моего сына. Сильнее его людей нет. Однако, его душа в пустой земле не останется.

Согласился сын и уехал с приехавшим человеком. Нашли они разоренные чумы. Собаки и то живой нет. Спрашивает сын Норка-нё (Норка-лё-нё):

— Что будем делать? Поседем мы дальше искать? Или здесь остановимся сперва и чум сделаем?

Решили прямо ехать дальше. Едут на санках и доехали до самого большого камня. От камня сюда много дымов увидели. Тут легли спать, дожидаясь вечера, когда те заснут.

— Может быть, среди них силачи окажутся, тогда днем мы не справимся с ними, — так решили.

В полночь пошли. Норка-нё-нё говорит:

— Чумов много. Ты с дальней стороны заходи, я с ближней пойду. Пойдем по чумам.

Так пошли. Норка-нё-нё перебил людей сперва в маленьком крайнем чуме, затем в другом опять всех истребил, затем в середине чум добыл. За ним еще в четырех чумах перебил народ. Еще пять чумов осталось. К ним подойдя, увидел, что его товарищ бьется с двумя шитолицыми. Стрелы летают. Побежал помогать.

Но не успел дойти, как убили шитые лица его товарища. Прямо в горло стрелы попали. Теперь стал биться с этими шитолицыми Норка-нё-нё. Один шитолицый — тоненький человек, другой с косой. Пока сражались они, настал полдень. Потом стало солнце закатываться. Выстрелил тут Норка-нё-нё и попал в голову большому шитолицему с косой. Потом перебил тетиву лука тоненького шитолицего. Быстро побежал от него пешком тоненький шитолицый. Парень не стал его гонять. Подумал: «Стал бы гоняться за ним, убил бы его — это перед богом был бы грех».

Взял он табуз шитолицых, одну девку и вернулся домой. Одну только девку привез, украденную раньше шитолицыми у тундровых тунгусов. Пришел к отцу и рассказал, что товарища у него убили.

— Эй! Это, однако, слабый человек был. Что поделаешь?

С этой девкой стал жить Норка-нё-нё. Годы проходили. Теперь все.

70. Сыновья охотника на медведей

(Вариант 1)

Жили два человека тундровых тунгуса. Один из них пошел двух медведей и говорит другому:

— Пойдем их добывать.

Другой ответил:

— Как-то боюсь.

— Ну! — говорит первый человек. — Тогда я один пойду и если добуду этих медведей, то тебя все равно убью потом.

Разделились эти люди. Ушли с чумами в разные стороны. На другой день первый человек пошел с сыном добывать медведей. Добыл их и говорит сыну:

— Упеса весть в чум.

Поехал парнишка на учаге. Что-то быстро идет учаг. Оглянулся и видит: медведь за ним, совсем близко от него, бежит. Парень погнался учага. Слышит, как отец кричит:

— Сыи! Не бойся, я приду!

Оглянулся потом парень и видит, что с двумя уже медведями вступил в бой отец и задавили медведя отца. Поехал поспешно парень, сбился с дороги и попал в чум соседа, с которым они разделились накануне. Перечевал здесь и поехал в свой чум. Приехал и видит, что семья его тоже заедена медведями. Младший брат был у него, совсем исчез. Мать напел — ее всю растерзали. Половину съели, половину на высокое место близ чума положили. Думает парень: «Почему это котел у реки брошен? Надо его унести». Поднял этот котел. Под ним его брат оказался, живой.

Аргишили ребята с соседом. Добывает диких сосед. Старший парень оленей хранит. Младший съятает соседа за отца. Говорит однажды старший брат младшему:

— Я вашу родню убить хочу. Если бы они от нас тот раз не уходили, наши настоящие отец и мать живы бы были.

— Зачем убивать?! — кричит младший брат. — Это наш отец. Я ему скажу!

— Эй! Смотри не говори! — сказал старший брат.

Старший брат век оленей хранит, всегда находится в табу-не. Маленький у женщины в чуме играет. Старший ждет ушедшего за дикими приемного отца.

Приехал приемный отец. Диких добыл.

— Сколько добыл, отец? — спрашивает старший брат.

— Двух добыл.

— Отпускай оленей, отец! Я развяжу сапку, — говорит старший брат.

Стал отец оленей распрягать. У парня пальма есть. Веревки, которыми было привязано мясо к сапке, развязывает. Отец отвернулся к оленям. Парень ударил его тогда пальмой. Вскричал старик:

— Эй, парень! Что ты? Однако, пропал я!

— Почему ты отделился тогда от нас? Слова отца я никогда не забуду.

Умер приемный отец. Парень пошел с пальмой к чуму, чтобы

жепу отца убить, боясь, что она будет жалеть своего мужа. Говорит ей:

— Твоего мужа я убил. Жалеешь ли его?

— Не убивай меня,— говорит жепщина.— Будем жить вместе. Буду я хранить вас. Ты оленей хорошо ловишь.

Аргишили, бросив труп на земле непохороненным.

Старший брат диких добывал, маленький — куронаток. Так и жили и аргишили, пока снег не стал таять. Стала вода теплая, гуся прилетели. К этому времени нашли они пять чумов. Люди — не тундровые тунгусы, а шитые лица. К этим чумам присоединились ребята.

Спрашивают эти пять человек ребят:

— Что вы за люди?

— Наши отцы тоже шитые лица были. Один от болезни умер, другого медведь задавил,— говорит старший брат.

На самом деле их отец не шитолицый был. Так сказал он, хитря что-то.

— Ну, раз вы из наших, то вместе жить будем,— говорят шитые лица.— Будем вас воспитывать.

Пять человек шитолицых — удалые люди. Находят гусей, диких. Кормят ими ребят.

Так прошло лето, осень настала. Ребята хорошо живут, оленей пасут. Как-то ночью, находясь в табуне, говорит старший брат:

— Я шитолицых добывать буду.

— Ты и приемного отца убил зря, и здесь хочешь убивать. Я им скажу, что ты их хочешь убить,— ответил младший брат.

День настал. Младший брат оленей собрал. Устал, лег спать и заснул. Старший брат, видя это, пошел гостевать в чумы шитолицых. Мужчины — шитые лица были все на охоте. В чумах остались только женщины. Гостевал старший брат в чумах и всех пятерых женщин по очереди убил.

Теперь ждет в ближнем к своему чуму возвращения мужчин. Приехал хозяин этого чума, привез дикого. Парень к нему на улицу вышел и говорит:

— Что ты долго? Я тебя все время жду.

— Диких добывал. Возьми этого, твой пай,— отвечает шитое лицо и отпускает олепей. Парень улучил время и заколол его пальмой. Закрыв мертвеца шкурой, думает: «Однако, из другого чума скоро придет».

Стал ждать в другом чуме. Наконец пришел этот шитолицый. Спрашивает парень:

— Сколько добыл?

— Два. Пай-то свой унеси.

— Я твоих оленей пуцу,— говорит парень. Схватил пальму, пряча ее за оленями, подошел и заколол шитолицего.

После этого таким же образом еще двух убил. Остался один. Думает парень: «Этого как добуду? Удалий. Учага себе из табуна за ногу ловит».

Сел в чуме удалого с луком. Настала ночь. Приехал удалий шитолицый. В чуме темно. Парень думает: «Как в чум войдет, убью».

Зашел шитое лицо в чум. Сильно натянул парень лук, видя через огонь вошедшего. Шитое лицо прямо на стрелу пошел. Выстрелил парень. Услышал свист стрелы шитое лицо и выскочил из чума. Парень за ним. Выскочил из чума и видит, что лежит шитое лицо на спине. Стрела в сердце.

Собрал парень всех оленей, мясо и другой живот, и аргшили в тундру.

В тундре нашел десять чумов. Стоят на берегу за большой рекой. На этом берегу еще два чума есть. У этих двух чумов и остановился.

В одном из этих чумов старик живет, кузнец¹²⁸. Делает наконечники стрел, лезвия пальм. Огонь на улице топят. Сам старик — шитолицый. Рядом с ним в чуме его брат живет. В десяти же других чумах за рекой тундровые тунгусы живут, нешитолицые.

У старика ребят много. Играют около него:

— Эй, дедушка! Что делаешь?

— Стрелы делаю, кому надо,— отвечает старик.

Стал жить парень вместе со своей семьей около этих людей. Младший брат парня как-то спрашивает кузнеца:

— Как железо делаешь?

— А тебе что надо? — спрашивает старик.

— Стрелы надо мне,— говорит мальчик.

Старик выдернул из огня раскаленное железо и ударил им мальчика по голове. Кость не проломил, а только обжег. Мальчик убежал в чум. Сел около женщины и говорит:

— Эй! Мне голову старик ранил!

— Я же тебе говорила,— сказала женщина,— сиди около меня. Вот и вышло худо. Хорошо это?

Пришел в чум старший брат:

— Мой брат почему такой? Что случилось?

— Старик меня по лицу ударил,— ответил мальчик.

Легли спать. Наутро парень к старику пошел.

— Старик! Какое железо куешь? — Взял пальму и спрашивает: — Это что такое?

Отвечает старик:

— Если тебе надо, возьми.

Парень отрубил голову старику. Бывшие здесь ребята из чумов тундровых тушгусов говорят:

— Парень, ты пропал. Тебя убьет брат старика. Уходи от шитых лиц почью к нам за реку. Перезжай на ветке, а остальные ветки мы ломаем, и он тебя не поймает.

Ночью ушлыл парень в ветке за реку и увел ветку старика. Остальные ветки ребята изрезали ножами.

В полночь старик, брат кузнеца, заглянул в чум парня. Шея у него очень длинная. Видит, что парня нет, и ушел к реке. Кричит:

— Меня перевезите! Я рыбы добывать буду очень много. У меня нет вестей о пяти моих сыновьях. Теперь у меня брат погиб. Я к вам париться буду, рыбу промышленять.

Говорит ему в ответ уехавший парень:

— Верно ты говоришь. Ну перезжай!

Подъехал к нему парень в своей ветке и подогнал ветку старика.

Говорит старик:

— Ий! Очень хороший ты сынок за то, что помог мне. Очень удалый!

Взял старик свою ветку и говорит:

— Парень, попробуй мою ветку.

Парень сел к нему в ветку. Говорит старик:

— Подвинься.

Парень подвинулся, и старик сел позади него. Парень оказался между ногами у старика. Вынул старик нож. Парень, гребя, поднял левую руку. Старик ткнул его ножом под руку и бросил тело в воду. Затем подъехал к берегу и пошел в свой чум к жене и ребятам.

Младший брат убитого говорит, увидев это:

— Моего брата лук где?

Взял лук и одну стрелу и лег в яме на берегу. Старик пошел мимо него. Ногами натянул лук мальчик и выстрелил. Попала стрела старику в бок, и упал он с берега в воду.

Убив старика, мальчик дождался ребят из десяти чумов тундровых тушгусов. Когда те пришли, он к ним присоединился. Эти многочисленные люди его выкормили. Вырос большой. Но

ум у него тоже плохой был пемпого. Так прошло несколько лет. Потом он отделился от товарищей и аргишил в лес.

Переехал самый большой камень и опять шитолицычх пашел. Найдя их, к ним присоединился. С ними вместе промышлял.

У питых лиц барба есть, силач. Диких ищет — пешком догоняет их и по пять штук сразу добывает. Говорит парень:

— Этот человек сильный. Пойдем мы вместе с ним диких добывать.

Пошли вдвоем. Один табуп диких нашли. Говорит парень:

— Дикий на плохой земле, на лайде. Ты зайди с той стороны и кричи. Они тогда ко мпе, к яру, придут.

Шитое лицо ушел. Обошел диких и кричит там. Дикие быстро, как птицы, помчались и побежали вблизи от парня. Он же ни разу не выстрелил. Шитое лицо издали еще говорит:

— Почему ни разу не выстрелил? Ну ладно! Я за пими пешком погонюсь.

Побежал шитое лицо за дикими и подошел близко к парню. Пробежал щель в скале, где тот лежал. Парень выстрелил двумя стрелами. Одна мимо пролетела, другая порвала шитолицемужу жилу на поге. Шитое лицо сел и сказал:

— Со мной копчепо. По почему ты хитрил? Почему не говорил раньше, что меня отвезать хочешь? Раньше сказал бы ты это мне — был бы уж ты мертв. У меня в чумах сильных людей больше нет. Моих людей не истребляй. Ну а со мной сейчас все кончено.

Не стал добывать его парень и в чумы ушел. Всех оленей и весь живот отобрал. Другие шитые лица ему ничего не говорят, только смотрят. Между собой толкуют:

— Однако, наш барба пропал. Другого такого человека, мастера диких добывать, нет.

Некоторые говорят:

— Мы на этого человека напали бы, да силы мало. Этот парень, когда оленей ловит, очень легок на ногу. Такого не уьем.

Парень ушел в тундру. Шитолицычх павсегда бросил. В тундре самодей пашел. У них гостевал вместе с женщиной.

Когда в чум свой вернулись, говорит старуха:

— У одного там человека девка есть. Ее тебе в жены взять худо?

— Хочешь, возьми, — говорит парень.

Старуха ушла. Девку сватает. Спрашивает:

— Девки цена-то сколько?

— Не знаем,— говорят те.— Цены не знаем. Как говорить будем? Твой сын просит ее или нет? Мы не знаем. Как говорить пять оленей даст, пять волков, пять нюков.

Отдали такую цену. Парень взял эту девку и в этой земле стал кочевать. Навеки здесь остался. Теперь все.

71. Сыновья охотника на медведей

(Вариант 2)

Два тунгуса соединились в одно стойбище: один — тундровый тунгус, другой — шитолицый. У шитолицего жены нет, два только маленьких сына. У тунгуса жена, дочь этого шитолицего. Промышляют оба. Тунгус диких оленей добывает, шитолицый — медведей. Оленей мало у них, но оба удалые. Один диких оленей сразу добывает, другой медведей сразу добывает. Говорит зятю шитолицый тунгус:

— Это диких оленей ты как добываешь?

— Как добываю? Бегаю за ним, близко приду — тогда и добываю. А ты медведей как добываешь?

— Медведя силой я убиваю, дерусь с ним. Деремся когда, его силы немного меньше моей оказывается, вот так их и добываю.

Говорит зятю шитолицый:

— Надо идти с тобой на диких вместе.

— Ладно, пойдем, посмотришь, как я промышляю.

Пошли. Нашли десять диких оленей. Тунгус пешком пошел. Побежал, ближе стал к диким оленям. Тогда сильно побежал, дикие олени сразу близко стали. Так к ним приблизился и всех, десять примерно, диких оленей из лука застрелил. Вот теперь над зятем смеется старик.

— Вот, зять, твой промысел оказывается нашего лучше, не надо драться, а только бегать. Ну, завтра пойдем, мой промысел посмотришь.

Настал завтрашний день. Люди встали. Шитолицый вместе с зятем на промысел ушел. Пришли к реке с узкой обрывистой долиной. Говорит шитолицый:

— Ну, зять! Вот яма, в которой я промышляю. Стану здесь и буду кричать — он и придет.

У! Шитолицый пошел вниз, подошел к берегу реки и кричит:

— Медведь! Иди сюда!

Кричал шитолицый, а потом зятю говорит:

— Сперва один придет, потом два придут, потом три, но если их всего семь придет, у меня силы не хватит.

Ну, медведь пришел. Сперва один, потом другой, потом два опять пришли, четыре их стало, потом пятый и шестой пришли. Неизвестно, еще сколько их. Ну, как будем теперь? Этот шитолицый очень удалый. Бьется, бьется с ними. Но вот седьмой медведь пришел. Все семь медведей вместе дрались с шитолицым. Испугался тунгус:

— У! Совсем он силы теряет. Я же такого промысла не знаю, как помогать буду?

Убежал этот тунгус в чум. Шитолицый глядит ему вслед:

— У! Зять убежал, будто чужой он человек. Меня он бросил. Теперь моя душа-то только.

Зять прибежал домой и говорит жене:

— Отца чум хорошенько укрепи. Пусть останутся два парня в нем. Нам убежать надо. Я очень испугался.

Ну, отца чум укрепила жена. Потом убежал зять с женой. Два парня два дня ожидают отца. Третий день настал, отца все время нет. Старший сын плачет:

— У! Брат! Теперь мы живые будем? Отец, верно, пропал.

Поехали оба парнишки верхом на одном олене к отцу. Потом его дорогу нашли, по ней поехали.

— У! Отец шесть медведей убил!

Шестого медведя далее отец лежит. Пришли к отцу.

— Ну как, отец, живой ты?

— Ну, как-нибудь на учага меня потихоньку подымите.

Кое-как подняли ребята отца на оленя. Кое-как доехал отец до чума. Говорит теперь старик:

— Эй! Зять-то меня бросил почему-то. Теперь я живой не буду. Брюхо у меня все разодрано, все мясо там выдрано. Зять-то, оказывается, нехороший человек был. Сперва я думал, что он хороший человек. Ну, парни, пока я живой, будем говорить. С зятем не деритесь, он в своей орде удалый был. Пожалуй-ста, не деритесь. Сейчас вам лет очень мало. Он вас обоих убьет.

Потом на улицу вышли оба парня. Играют вдвоем на улице около чума. По которой дороге отца привезли, смотрят. Старший-то говорит:

— По нашей дороге медведь идет. Надо отцу сказать.

Сказали отцу. Отец говорит:

— Ну, ребята, уходите. Учаг у нас есть. На нем подите, идите по дороге зятя. Сейчас моя душа еще пемного жива. Положите около меня лук. Мне па улицу выйти силы нет.

Положили около отца лук.

— Ну, дверь-то откройте.

Открыли дверь. Прямо в сторону медведя она. День теплый был, весна. Старший брат младшего на олене ремнями привязал, чтобы не упал. Теперь побежали по дороге зятя. Все время двоя ребят по дороге зятя идут, идут. Солнце перевалило за полдень. Младший брат говорит:

— У! Брат! Медведь по нашей дороге идет. Ну, брат, сильно оленя гони. Однако, нас догонит. Очень быстро идет.

Ну, гонят, ну, гонят, очень скоро идут, прямо летят. Но медведь тоже очень скоро идет, к ним очень близко пришел.

— Беда, брат, однако, мы пропали.

Потом хребет видно стало. На самом хребте зять стоит, чум видно стало.

— Брат! Кричи! Зять совсем близко стал!

Ну, кричат:

— Эй, зять! Мы пропали! Однако, нас не достанешь, медведь нас гонит!

Так кричат они, пока слово их не оставило и к тому тунгусу, зятю, не ушло. Ну, зять на улицу вышел, лук держит, на нем одна стрела. Глазами с трудом видно двух ребят. Все время они плачут, все время кричат. Тунгус один раз выстрелил, ушел в чум и в одеяло лег. У! Медведь почему так сделал? Повалился вперед, стрела прямо в горло ему попала.

Ну, дошли до зятя ребята. Едят у него в чуме. Говорит зять:

— Ну, как будем делать? Медведя есть будем?

Ребята говорят:

— Нет, пожалуйста, не ешь! Этот медведь отца оставил, съев половину его тела. Теперь он поганый стал. Не ешь его.

Ну, не стали есть. Это дело так коптилось. Ну, три или четыре года так живут с зятем. Старший брат диких стал добывать по одному, младший так болтается, еще никакого промысла не знает. Оу! Как-то оба парня играли. Старший говорит:

— Брат! Слушай меня. Я отца душу опять видел, опять пришла. Зять убить хочу.

— У! Айнэй! Как убивать станешь? Жить-то живем хоро-

шо. Еду хорошую едим. Сестра нам одежду хорошо делает, в дырах нас на мороз не пускает.

— Нет, но моему уму, убить надо.

Целую неделю так спорили. Младший говорит:

— Мимо выстрелишь, он нас прикопчит.

— Ну, что поделаешь. Отца душе его надо тоже.

— Ну, брат, не надо!

— Пет, я убивать буду.

— Как его убьешь? Сам видишь, удалый он все-таки. Однако, мы только сами в беду попадем.

— Ну, брат, мне все-таки попробовать надо. Необходимо мне попытаться. Отец, когда живой был, оп нам как мать был. Оттого у меня ум совсем шевелится.

— Беда долго ты говоришь. Ну что поделаешь, ну, про-буй.

Зять ушел промышлять диких оленей. Уехал на санке. Когда он приезжал, диких оленей добыв, всегда останавливался на одном месте, где была кровь на снегу. Парень в этом месте в снег зарылся. Вечер наступил. Зять приехал, диких оленей добыв.

— Ну, оленей-то пустите,— говорит.— Два парня здесь ли?

— Не знаю,— жена говорит,— куропатов гоняют, что ли.

— Это почему у меня сердце боится? — сказал зять и пустил оленей.

Шитолицего сын теперь выстрелил. Зять сразу подпрыгнул, увертываясь от стрелы, и стрела только перерезала ему пяточное сухожилие. Сел на том месте, где упал, ревет, кричит. Рана болит у него. Говорит он:

— Ну, парель. Твой ум совсем для меня чужой. Ничего не думал я, что ты так сделаешь, не думал. Оттого ты меня так отведал. Ну, парень! Ты не рапец. Слушай меня. Лук дай мне, я сидя тебя попробую.

— Ну ладно,— старший брат говорит,— дам тебе лук.

Тут младший брат остановил его за руку:

— Эй! Лук-то куда даешь. Дал бы лук, от одной стрелы бы его погиб. Еще пока лук давал бы, он тебя руками бы задушил.

— Теперь я умер,— зять говорит.— Чем пойду? Нога испорчена! Ну, парень, если будешь в меня прямо стрелять, я очень мотаться буду, увертываться. Я лучше отвернусь, а ты в спину мне стреляй.

Теперь выстрелил ему парень в спину, и так убили зятя.

— Ну, теперь как будем жить? К своему народу, к шитолицым, пойдем или куда-нибудь еще пойдем?

— Ну как иначе? Однако, к шптолицым пойдём. К родне зятя уйдём, все равно живыми не будем.

Аргишили теперь братья к шптолицым. Пришли в свою землю. В земле шптолицых у них родни много. Как не пойдут к родне — отец умер, зятя убили. Парились к своей родне. Родственники говорят им:

— Никуда не ходите, только еду ешьте на одном месте.

Больше никуда они не ходят, только ветер когда дует, слышат его. Конец-то здесь, рассказ весь. Так их родня никуда и не пустила.

72. Война с тунгусами

Это не сказка, это старая жизнь. Два бедных старичка были. Один из них шаман. У шамана в чуме много людей. Другой старик даже два чума держит — девок у него много. У шамана-старика три парня. Ночью средний сын шамана пошел в чум к девкам. Пришел к девке и к пей в одеяло залез, спит вместе с ней. Долго спал он, не крепко спал, через некоторое время девка говорит:

— Товарищ, ты что-нибудь слышал? Я как будто слышала, в вашем чуме люди кричат, будто давят их. Не пришла ли война? Кажется мне, что будто войско¹²⁹ пришло и в твоём чуме людей убивают. Как будто там все время кричат «Дя! Дя!», как будто убивают их.

— Оу! Ну, я пойду. Я как уйду, ты людей буди.

Парень ушел тут же. Он ушел, девка будит отца:

— Как долго спишь! Не надо спать. Как будто в другом чуме убивают людей. Кажется, тунгусы убивали, так мне слышалось.

Оу! Старик проснулся. Он не очень старый. Быстро обулся. Оу! Лук-то схватил. Прибежал к другому чуму. Куда там — давно весь чум перебит!

«Как это к моему чуму не пришли? — думает старик. — Ну! Люди-то все перебиты, что ли? Нет, как будто войны конца нет еще».

Ну, в это время уже темного снегу было. Ищет он кругом чума дорогу. Ну, по снегу дорога будто ушла. Многих тунгусов дорога будто. Дорогу эту увидав, по ней пошел, пошел старик. Кроме дороги тунгусов из чума будто еще одна дорога идет, од-

ного человека дорога. Месяц светит, дороги хорошо видно. Шел, шел по ним, озеро пашел. Что слышно? Гуси уже давно улетели. Лебедь ли, что ли, кричит:

— Эюей! Юй! Юй!

— Да, как будто лебедь. На этом озере шамана из другого чума увидел. Стоит он с луком, а тело его все утыкано тунгусскими стрелами. Тунгусов дорога прямо за озеро ушла. Закричал тут пришедший старик:

— Эй, товарищ! Что это с тобой?

— Эй! Не крикнул бы ты, я бы все из своей кожи вытащил. Но теперь мои дядяды испугались твоего крика и улетели. Ну ладно! Что поделаешь, умирать буду. Теперь ты мое тело мертвое похоронишь и пойдешь по дороге тунгусов. Дойдешь до тунгусских чумов, только глазами на них смотри, не пробуй их достать. К тунгусам этим, пришедшим к нам, иной народ придет. Ты на это только глазами смотри.

Так сказал шаман и замолчал. Шаман умер. Старик ему ледовку сделал и положил его. Сам теперь за тунгусами пошел. Дошел до края леса, остановился. Видит: здесь, на краю леса, чумы тунгусов были. Отсюда тунгусы дальше в лес ушли. Дальше в лес пошел старик. Тунгусов чумы видно стало наконец. На берегу озера много тунгусов стоит. Как будто они аргишить хотят, оленей ловят. Но шаман говорил — глазами только гляди. Старик только смотрит. Никогда раньше тунгусов не видел.

— Оу! Откуда-то со стороны один олень-пороз пришел. Олень только пороз, по какой это пороз! Какой это пороз — тело его, по-моему, все из железа. Рога очень большие, острые, как ножи. Беда как быстро летит, бежит в сторону тунгусов! Ну беда как идет. Набежит на тунгуса, рогами его колет, опять найдет тунгуса, опять колет, опять колет. Стреляют они стрелами, но ничего сделать не могут. Всю кучу тунгусов, всех их убили.

Тунгусов никого не осталось. Вместе с жепцинами всех убили этот олень-пороз. Потом, перебив тунгусов, этот пороз неизвестно куда убежал, павсегда исчез. Тогда старик к убитым тунгусам в чумы ушел. Всех тунгусских оленей погнал в сторону своего чума. Все, что было у тунгусов на санках, — среди них богатые тоже были, — всю хорошую еду, все взял старик и табуи весь угнал домой.

Домой пришел старик и пемпого аргишил. Стал на новом месте и ночью не спал. У! В самую полночь два тунгуса пришли. Одеты они в белые песцовые парки, крадутся на четве-

реньках, на снегу их совсем не видно. Когда тунгусы пришли на расстояние полета стрелы, старик тихоенько распорол нюк и из дыры два раза выстрелил из лука. Обоих тунгусов застрелил. Хоть называют его стариком, но очень удалый он, никого не пустит живым.

Двух тунгусов убив, старик по их дороге пошел. Оу! Много тунгусов, очень много чумов. Хоть много чумов, прямо пошел он к тунгусам. Оу! Все тунгусы луки подняли. Ну, стали сражаться, стрелять. С одной стороны — один, с другой стороны — как комаров людей все равно. Как их одолеет один старик? Как его оставят живым столько стрел? Всех тунгусов он убил, никого не оставил.

— Ну ладно! Домой надо возвращаться. Я один только, товарищей нет. Были бы товарищи, я ушел бы в сторону Норильских озер. Но нынче я один, поэтому на свою землю надо возвращаться.

Табун этих тунгусов опять угнал старик. Очень тяжело ему стало такой большой табун пасти. У старика только старуха есть да три девки. Пришел в свою землю и говорит:

— Моих товарищей всех убили тунгусы. Я две кучи тунгусов убил, но боюсь я все-таки, будучи один, и воротился назад. Шаман вместе с сыновьями пропал, все пропали. Ну, ныпче куда пойдем?

В той куче, куда старик пришел, барба-то есть. Говорит он:

— Ну, не надо идти самим. Будем тунгусов сами ждать. В другой раз на тунгусов идти не надо. Пусть сами к нам придут.

Теперь тунгусов ждали. Несколько лет прошло — тунгусы все не идут. Не идут, да для чего мы сами в их сторону пойдем? Надо перестать воевать. Теперь наши люди с тунгусами ссориться перестали, тунгусы век не идут. Теперь рассказа то только.

73. Похищение женщины

(Вариант 1)

Был один молодой сомату. У него была очень молодая жена. Детей не было. В камне, в лесу, один живя, промышляет диких. Оленей было пятьдесят голов. Ходя за промыслом, в самый ка-

мень в лесу зашел. В этом кампе стоял. Очень много диких и чибукунов добывал. Здесь, в кампе, три недели дневал. Дожили до первого снега.

— Сломай все кости диких и вытопи из них жир,— сказал сомату жене,— тогда груз легче будет, надо в тундру аргишить.

Оставив жену в чуме, сам ушел на промысел. Через некоторое время послышался женские лай собаки. Полдень. Она сидит в чуме и молотком кости ломает. Что-то есть. Посмотрела в двери, видит: из леса тунгус идет. Лоб весь расшитый, высокий, ноги очень длинные. Подошел к двери и что-то говорит. Женщина отвечает:

— Тебя я не понимаю.

Так оба друг друга не понимают. Как будет звать она язык совсем лесного человека?

Шитое лицо схватил одной рукой женщину и попес. Земля в это время была пестрая. Частью покрыта снегом, частью черная. Шитое лицо ни разу не ступил на снег. Все время шел по чистому камню, унес женщину, и скрылся.

Вечером муж, возвратясь, кричит на улице:

— Эй! Что-нибудь приготовь. Диких добыл!

Заглянул в чум — ни одного человека нет. Думает: «Однако, оленей собирать ушла». Около оленей кричал. Тоже нет. Кругом в темноте искал — совсем нет.

Ночь искал, день искал — даже дороги нет. Неделю искал. Думает: «Мука! Где найду? Однако, не найду». Оленей совсем замучил. День и ночь ездил. Решил в свою землю вернуться. Плачет, кричит — горло совсем узкое стало. Стал возвращаться в тундру. Перешел камень, вышел на лайду в своей земле. Аргиш сам ведет.

На лайде большие озера увидел. В них один тунгус рыбу промышляет пушальнями. Этой, тундровой земли тунгус. Два матерых быка у него запряжено.

— Здорово! — сомату говорит.

— Ты кто, сомату?

— Да, я промышлял здесь.

— Аргиши почему сам ведешь?

— Жена потерялась. Не знаю, медведь утащил, что ли?

Искал, устал и вернулся.

— Ты где ночуешь?

— Все время в пустой земле без чума.

— В моем чуме будешь почевать?

— Нет, поеду дальше, ближе к своей земле.

— Почему не хочешь? Будешь почевать у меня, что-то скажу тебе.

Такая речь поймала ум сомату. «Что-то услышу»,— думает. И согласился почевать. Вместе с тунгусом приехал в его чум. Близко оказалось до шестового чума. Спрашивает сомату:

— У тебя жена есть?

— Нет. Только старуха мать.

Оленей пустил сомату и остался почевать. В чуме только худенькая старуха оказалась. Чай пили, матерого чира строгали, юколу и варку ели.

— Сыт, хватит,— говорит сомату.

— У тебя жены нет, почему скоро говоришь — хватит? Ешь еще.

Опять наливает, опять наливает. Перестав пить чай, говорит тунгус:

— Выйдем на улицу.

Вышли оба. Тунгус два очень тугих лука взял. Один сомату подал, другой себе оставил и сказал:

— Вот узкая туркучанка. Ты с одного конца стой, а я с другого стану. Будем друг в друга стрелять. Хорошо цель, в самое сердце, я тоже так буду. Не думай: «Как это в товарища стрелять?» В меня не попадешь. Если у тебя кости легкие окажутся, что-то скажу. Хорошо стрелять будешь — не совру.

Луки настоящие, тугие. Оба выстрелили. Сомату оглянулся. Видит, сзади него в снег попали две стрелы. Тунгус сказал:

— Насилу меня отпустил (т. е. чуть не убил).

У него стрела подол парки сзади пробила.

— Ну, товарищ,— говорит тунгус.— Ты чуть меня не убил. Жену твою я ведь видел.

— Когда?

— В лесу шитые лица есть. Одну женщипу-сомату, я видел, как они песли. Эти люди век воруют женщин. Оба мы должны идти и ночью ее вызволить. Можно?

Сомату поклонился и говорит:

— Можно, свою жену как искать не можно?

— Я вижу, что ты мастер стрелять, когда, выстрелив из данного мной лука, ты мне парку пробил и от моих стрел увернулся.

Аргишили оба в лес легким чумом. Большой аргиш здесь, у озера, оставили. Тунгус сказал:

— Своей жены санку захвати. Этих шитых лиц, их землю я знаю. Зимой с ними живу. Далеко-то далеко.

— Мне женская санка па что? Очепь тяжелая,— говорит сомату.

— Пустая она, почему тяжелой будет? Я для дела ее хотел увезти. Мудреный замысел есть у меня,— сказал тунгус.— Я первый уйду к шитым лицам. Буду говорить, к пим приди: «Ты меня, шитое лицо, по видел, когда женщину-сомату упосил? Я тебя видел. Твою дорогу хочю гонять, думал — где найду жену? Твою дорогу гоняя, я два чума сомату побил, чтобы жену добыть. Одну девку старую нашел. Это моей жены салка»,— скажу. Тогда шитые лица к нам придут. А ты, мать, когда шитые лица к нам придут, ты надевай парку, бакари и шапку такие же, как у женщины-сомату, и выходи па улицу. Тебя шитые лица за женщину, увезенную мною от сомату, примут.

— Ладно,— сказал сомату.

Теперь аргишили в самый лес. Всю осень аргишили, все время, когда солнца нет, аргишили. Снег совсем глубокий за камнем, по брюхо. Накопец говорит тунгус:

— Земля их близко стала. Три аргиша осталось.

Сделали еще два аргиша через камень и через лайду. Один аргиш до места остался. Тунгус говорит:

— Здесь остаповимся, только пол-аргиша сделаем к амбарам шитых лиц. Посмотреть надо, есть ли свежая дорога.

Шесть или восемь амбаров увидели. К амбарам из леса дорога идет, укатапная, как лед. Все время, видно, шитые лица к своим амбарам ездят. По этой дороге немного в сторону леса проехали. Дорога глубиной в рост человека, ветру на ней нет. Немного в стороне от нее встали. Говорит тунгус:

— Совсем близко, мать, шитые лица. Полдня езды. Делай чум, какой делают сомату. Белый занавес повесь вдоль задней стороны чума. Кругом занавеса степки чума тоже белыми сделай. Пусть шитолицым покажется, что это большой чум. За пологом пусть сомату спрячется с луком. Зайдет в дверь шитое лицо — стреляй. Не зайдут, не стреляй. Только когда совсем зайдет — стреляй. Среди шитых лиц очень ловких два человека есть. Я сейчас па одной санке уеду к шитым лицам и так им скажу: «Я в дело попал. Видел, как ты женщину упос, твой ум гонял и в двух чумах всех сомату из лука убил. Девку взял, привез. У моей и твоей женщины отцы будто братьями были. Все время говорит мне моя женщина: „К той девке унеси, которая у шитых лиц есть. Родню видеть хочю“. Сейчас опа мне па парки, па бакари не чинит. Говорит: „Родню увижу, тогда все дыры почию. Без этого работать не стану“. Поэтому я ее

к вам и привез близко». Может быть, я и приведу сюда твою жену, будто в гости. Как вы услышите приехавших разговор, пусть мать на улицу выйдет в одежде сомату, чтобы ее шитые лица увидели.

Сказав это, уехал тунгус. Двух плохощьких оленей запрягши, уехал. Еще полдень не настал, как чумы увидел. На берегу большого озера по яру много чумов, сорок или пятьдесят. Олени, собравшиеся на озере, лежат, их очень много. Думает тунгус: «Как узнаю, в каком из этих многих чумов сомату-женщина находится?» Оставил среди оленей на озере свою санку и пешком ушел, чтобы люди его не видали. Людей много на озере играет. Один да не смотрит на него, все играют. Одного молодого человека поймал тунгус за спину. Человек не перестает мотаться, кричит:

— На что меня поймал? Кто поймал? Напрасно поймал!

— Где здесь сомату-женщина? Я ее еще не видел, — говорит тунгус.

— Ровдужный чум не видишь? В нем сомату-женщина.

На тунгуса не смотрит это шитое лицо. Только к товарищам тянется. Чтобы люди его как-нибудь не заметили, так спросил тунгус. Теперь в чум ушел. В чуме два шитолицых. У одного ноги очень длинные. Близ этого шитолицего женщины-сомату сидит согнувшись. Когда тунгус вошел, лежащий шитое лицо бросил женщипу себе за спину.

— Зачем боишься, прячешь? — говорит тунгус. — Что плохого, если я ее увижу?

— Нарочно это я. А ты кто? — спрашивает шитое лицо.

— Я тундровый человек.

— Зачем пришел?

— Я в дело попал. Когда вода замерзала, ты меня не видал, женщину уносы. После тебя я два чума добыл. Девки не нашел, взял старую бабу. Она твоей сестра. Шить не хочет. Сестру увидит, станет работать. Оттого привез я ее к тебе близко. Говорит мне моя женщина: «У моей сестры муж или два мужа. Пусть они вместе с ней приходят гостевать».

(Шитые лица, говорят, двое с одной женщиной жили.)

Отвечают шитые лица:

— Чего в этом плохого? Гостить станем. Верно говоришь — сестру увидев, у ней ум хорошим станет. Нам прав сомату-женщип знаком. Ты теперь нам будто родня. У родни надо погостить. Эй! Люди! Оленей поймайте.

Тунгус говорит на языке сомату женщино:

— Скоро все по-другому будет. Твой муж у меня в чуме. Ты сейчас будь веселой, чтобы они не передумали.

Шитые лица, не поняв языка сомату, спрашивают:

— Что говорил?

— Нет, это я на своем языке просто так говорил. Тихонько ничего не сказал.

Оленей поймали. Шитые лица оба на одной санке. Шитые лица лук и стрелы в санку положили. Тунгус думает: «Почему лук и стрелы тащат?» Но сказать — беда будет. Пусть по-своему делают. У обоих шитолицых еще пальмы за спиной. Тунгус с женщиной едет. Шитые лица вместе на другой санке. Ближе к чуму подъехали. Тунгус, вперед глядя, говорит:

— Оборачиваться не буду, будто не говорю. Зайдешь в чум, снег сбивай и сразу отходи от двери. Выйдет женщина снег сбивать с санок, ты с ней не говори, иди прямо в чум.

Подъехали. Шитое лицо с длинными ногами говорит другому:

— Товарищ, лук-то пусть готов будет.

Луки на край санки положили. Подъехали к чуму. Видят: женщина в одежде сомату выходит снег с санок сметать, мужчина пет. Привезенная женщина-сомату ушла в чум (тунгус ее торопил). Говорит тунгус:

— Ну! Шитые лица, смотрите на мою жену!

— Сомату-женщина видом хороша, — говорят шитые лица.

Тунгус стал оленей распрягать, с лямками возится, руки греет, узлы развязывает. Шитые лица не дождались его, пошли в чум. Тунгус чуть-чуть на них смотрит. Видит: один шитое лицо оборачивается.

«Однако, что-то думают, сюда смотрят», — думает тунгус.

Шитые лица за дверь взялись и входят. Тут тунгус с себя живо сокуй сбросил и у луков шитолицых перерезал тетивы ножом. Лук свой схватил.

Оба шитолицых зашли в чум, и оба назад выскочили. У переднего под ложечку стрела воизилась. Конец у спины торчит. Тунгус два раза выстрелил в другого — и два раза легкий шитое лицо увернулся. Стали оба стрелять в него — тунгус и выскочивший из чума сомату. В глубокий снег шитое лицо уйти не может, дорогу ему загородил тунгус. Приблизился к тунгусу шитое лицо. Тунгус два раза стрелял и разрезал ему жилу на ноге. Шитое лицо раненую ногу руками схватил и лег. Лежит на спине. В него стреляют, он увертывается. Яму в снегу выкопал и под снег залез. Немного далее показался он в яме в сне-

гу, выкопанной олесями. Опять стреляли двое. Сомату в руку попал, жилу порвал. Тут шитое лицо перестал передвигаться. Только крутится на месте. За сажень от него стреляют, все-таки увертывается. Кричит шитое лицо:

— Эй! Силы-то только! Дайте лук мне, я вас попробую. Это ничего, что рука ранена. Ногой натяну лук.

Те двое не хотят дать лук. Говорит сомату:

— Стрелы в него не попадают. Руками схватить надо и ножом заколоть.

— Нет, нет. Так может быть худо,— говорит тунгус.

— Что худого? — сказал сомату.

Подошел близко. Шитое лицо за спиной нож держал. Бросил нож и отсек им сомату ухо. Чуть голову не свес.

— Какой такой мудреный человек! — говорит тунгус.

Защели оба с разных сторон и выстрелили. У шитолицаго глаза разделились. Полилась кровь, как вода.

Сомату бересту снял и залепил ею свою рану. Так теперь взяли женщину.

— Только ухо потеряли,— говорит тунгус,— это не беда.

— У шитолицых еще людей много осталось. Их всех перебить худо? — говорит сомату.

— Это худо. Такой многочисленный народ как перебьем? Слишком много их. Ловкие удалые люди там тоже еще есть. Не только два этих человека были у них. Лучше веритья в тундру.

Тогда стали возвращаться.

— Если погонятся, тогда будем драться.

Ночь и день аргишили в тундру. Шитые лица ни разу не появились.

Дошли до своей земли, до озера, где тунгус встретил сомату и где санки оставили. Говорит тунгус:

— Ну, товарищ, я отделиться хочу.

Отвечает сомату:

— Если шитые лица придут, ты что сделаешь один? Иди лучше к нам, пас, сомату, много.

— Это моя родная земля. Рыбные озера здесь есть. Рыбой они каждый год полны. В чужой земле, не зная ее, я все время голодный буду,— отвечает тунгус.

— Отделившись один, в случае прихода шитых лиц как живой будешь? — говорит сомату.

— Я думаю,— говорит тунгус,— может быть, придут, а может быть, не придут.

Сомату собрался аргиштить. Тунгус согнувшись на санке сидит, ничего не говорит. Сказал тогда сомату:

— Почему ничего не говоришь? Плохое задумал, что ли?

— Если бы я что-нибудь против тебя худое думал, то не помогал бы тебе. И сейчас ты мой товарищ. Одна просьба есть у меня. Дай мне свою железную парку. Я один остаюсь. Может быть, это железо мне поможет,— сказал тунгус.

Отвечает сомату:

— Товарищ, пожалуйста, возьми. Ты мне помог. Без тебя бы я жены не нашел. Мне не жалко. Что попросишь, все дам. Теперь разделились. Сомату в тундру ушел. Тунгус остался на озере. Когда аргиш сомату отошел, тунгус привстал на санке и кричит:

— Остановись! Есть что сказать.

— Что скажешь?

— Когда замерзнет опять осенью земля, ты сюда легкой санкой приходи. Мос озеро ты знаешь. Может быть, шитые лица по снегу придут, тогда ты узнаешь что-нибудь про них,— говорит тунгус.

Отвечает сомату:

— Я тоже это думал. Осенью приеду узнать, что делают шитые лица.

Сомату аргишил восемь дней. Потом два дня дневал. В один день добыл пять диких, в другой — четыре. Затем опять аргишил пять дней. Остановился дневать и вперед уехал чум искать. Ничего не увидел. После этого опять день дневал и снова аргишил два дня. Опять остановился промыслять, трех диких убил. После этого пять дней аргишил и нашел аргишную дорогу. По этой дороге поехал и дошел до своих людей, сомату-старика нашел и своих товарищей. С ними жила лето, промыслял. На поколках добывал диких, по тундре за ними гонялись. Наконец вода замерзла.

Тогда сомату сходку собрал:

— Мне в лес надо ехать, в самый лес. Там у меня товарищ остался. Дайте мне легких людей с собой. Может быть, мой товарищ в лесу пронадает.

Посоветовались. У молодых людей имен нет. С четырьмя молодыми людьми ушел в лес сомату.

Совсем замерзало. Чум тунгуса видно стало. Будто целый стоит. Увидав чум, подъехали и зашли. В нем только старуха плачет:

— Чего плачешь?

— У сына душа-то насилу держится.

Тут тунгуса увидели. Насилу сидит в одеяле.

— Ты что, живой?

Тунгус почти не может говорить. Мать насилу его понимает и переводит.

— Душа моя близко. В самое то время, когда снег упал, лесные люди пришли. Днем и ночью с ними бился. Их всех перебил. Но одна стрела мне в брюхо попала. Надо мне оставить наказ.

— Что скажешь?

— Мать-старуха без меня муку найдет. Ее кормить надо. Если бы ей все готово было б, моему уму легче будет. Пусть под твоей рукой будет моя мать.

— Можно,— отвечает сомату.— Куда я брошу старуху? Умрет, ледовку сделаю. Ты умрешь, тебе ледовку сделаю.

— Олпей оставляю матери.

— Мы ей запрягать будем.

— У матери братья где-то есть. Если они не захотят с пей жить, не отправляй ее к ним. Как ты, они ее храпить не будут. Я тебе жепу вернул. Другие не находили своих жеп. Ты теперь моей матери пособи.

Это сказав, умер тунгус. Сомату увез старуху в свою землю. Век свой у сомату прожила старуха. В лес больше не ходили. Можно кончить.

74. Похищение женщины

(Вариант 2)

Один самодиян ушел в горы диких промыслять. Жена у него, недавно лишь взятая, очень молодая. Перед горами, к северу от них, много диких видел. Оставив жену в чуме, муж ушел диких промыслять. Уже в темпоте домой верпулся. Подошел к чуму, видит: на улице жепы пет. Не знает, в чуме сидит, что ли. Развязал ремень, которым были привязаны туши диких к санке, и пошел в чум. В чуме жены тоже пет. Стал осматриваться. Заметно, где сидела жеп. Но самой пет. Куда потерялась? Огни тоже не видно. Пересмотрел все в чуме, все кули и одеяла — пет. Прошел по табуву, искал среди оленей — пет. Стал дорогу искать. В темпоте не нашел. Дорогу жены упустил. Так прошла ночь. За почь снег выпал и к утру все следы закрыл. Хоть

засветилась заря, все-таки ни одного следа не нашел. Так прожил в чуме три дня. Сидел в чуме.

Вдруг собака залаяла. Тихонько посмотрел в двери. Против двери озеро было. Видит: по берегу озера едет к чуму человек на учаге. Вышел к этому человеку, рассмотрел его. Молодой бедный тунгус.

Теперь сидят в чуме два человека. Самодин говорит:

— Я жену потерял. К твоему чуму об этом какие-нибудь вести не приходили?

Отвечает тунгус:

— Нет, никаких вестей не слышал. В чуме у меня только жена, товарищей нет.— Потом добавил тунгус: — Сказать мне нечего. Хочу твою удачу с помощью лука испробовать. Буду смотреть, насколько ты удал, который из нас победит.

Самодин не хочет состязаться. Тогда тунгус говорит:

— Напрасно не хочешь силу на луках попробовать. Может быть, я что-нибудь тогда и сказал бы. Но ты не хочешь. Тогда я ни одного слова не промолвлю.

Говорит тогда самодин:

— Пусть так. Отведай меня, хоть такой привычки нет у меня.

— На расстоянии пяти сажен будем пробовать,— говорят тогда тунгус.

Вышли они из чума, выпуши стрелы. У стрелы самодина древко оловом обделано, у тунгуса — мамонтовой костью. Оба выстрелили друг в друга, и оба увернулись от стрел. Тут тунгус свой лук на землю бросил, сам на землю упал и очень смеялся. Перестал смеяться и говорит:

— Ну, идем в чум сидеть.

Зашли в чум, уселись и закусили. Поев, тунгус сказал:

— От гор сюда большое озеро есть. В него я пушальни метал. Стал их высматривать. Очень тихий день был. Когда я пушальни смотрел, вдруг послышался говор. Немного разобрал. Как будто женщина говорит: «Почему меня держишь?» Потом она по-самоедски заговорила. Я, этого языка не зная, не мог понять, что она говорит. Вот о пойманной женщине вести. Ты завтра аргиши. Соединись со мной, и опять аргишить будем. В камень дороги я все знаю. Там, в лесу, очень плохие люди есть, шитые лица.

На другой день самодин аргишил к тунгусу и с ним парился. Вместе аргишили дальше. В камне реку нашли. Очень ямная, ущелистая местность. Здесь дорогу нашли. Далее в горах

много дорог нашли. Около дороги снег глубокий. Тут чум поставили.

— Теперь я по этой дороге поеду. Там много худых людей есть. К этим пестролицым я поеду. Завтра, незадолго до темноты, я приеду. Ты, пока еще светло будет, хорошенько приготовь свой лук. Если я к сказанному времени не вернусь, тогда ты со всем чумом возвращайся к своему отцу. Моих двух детей унеси с собой. Если я вовремя не вернусь, это будет значить, что многочисленные люди в лесу меня убили. Тогда моя жена и двое детей в твоих руках останутся. Храпи их.

Запряг затем этот бедный человек двух оленей, важенку и быка. Пилой им рога спилил и уехал. Всю ночь ехал по дороге. Когда малеько стала занимать заря, увидал у берега большого озера много чумов. На льду озера пляшет, веселится много людей. Тогда свернул тунгус в лес, так что не видно стало чумов, и глубоким снегом, по которому насили шли олени, объехал озеро. Подъехал к чумам. Увидел, что на самом берегу стоит очень большой чум. Близ этого чума поставил оленей отдыхать и тихонько пошел к чуму. Взявшись за дверь большого чума, осторожно посмотрел в чум.

Увидел одного высокого мужчину. Этот мужчина, увидя пришедшего человека, откинулся назад. Косы заплетены у него, очень длинные. Ноги длинные, как деревья. Около него увидел тунгус женские самоедские бакари. Но хорошенько не успел их разглядеть, потому что большой человек прикрыл их кокулем.

Зашел тунгус в чум и сел у порога. Остро посмотрел на него через огонь длинноногий человек с косой:

— Какой ты человек?

— Ты меня не знаешь. Я от своих друзей слышал, что ты в тундру ходил и самоедскую женщину привез. Из-за этого и пришел,— говорит тунгус.

— Что ищешь у меня? — спрашивает большой человек.

— У меня жена тоже самоедка. Давно в самоедской земле я ее взял. Она мне и говорит: «Слышала, что недавно в другой чум наша женщина пришла. Есть такие вести. Она мне подругой будет. Сходи посмотри»,— говорит тунгус.

— Таких вестей нет. Нет таких вестей! — ответил шитое лицо.

— Мой чум очень близко,— говорит тунгус.— Раз так, я к веселящимся людям пойду на улицу.

Вышел и стал играть с веселящимися людьми.

Поиграл и говорит:

— Что у меня спина заболела. А почему это ваш хозяин не играет?

Один из шитолицыых отвечает:

— У хозяина в чуме самоедская женщина есть. Век ее сторожит.

— Эх! — говорит тунгус. — Моя жена все время на меня сердится, услыша вести о подруге. Хорошо было бы, если бы самоедская женщина в моем чуме погостила. Сестру увидев, моя жена будет себя хорошо вести.

Говорит тогда шитое лицо:

— Давай вместе пойдем в большой чум.

— Как звать-то тебя? — спросил тунгус.

— Мое имя — Кубаса (Бисерный), — ответил шитое лицо. — Товарищ, с которым я играл, тоже Кубаса. Мы оба — работники ¹³⁰ нашего хозяина. Вместе с ним мы ходили в самоедскую землю.

— Имеющая плохое настроение женщина, подругу увидев, лучше станет, — говорит гость, бедный тунгус.

Зашли в чум и сели у огня чума большого шитолицего. Гость, бедный тунгус, все время говорит:

— Увидит подругу моя жена — переменится к лучшему. Не увидит, может быть, убежит в пустую землю.

Большой шитое лицо теперь спокойно на огонь смотрит и говорит:

— Эти два Кубаса пусть едут к тебе гостевать. Самоедскую женщину пусть уведут к тебе. Пусть держат ее за руки. Придя в твой чум, пусть сразу вернутся. Скоро не придут — ты в дело попадешь.

— Зачем будем напрасно время тянуть? — говорит бедный тунгус. — Вернемся скоро.

Теперь достали два Кубаса из-под изголовья в верхней стороне чума самоедскую женщину. Все время плачет женщина. Подвел тунгус свою туркучанку. Два Кубаса вынесли женщину. Один за руки держит, другой — за голову. Говорит бедный тунгус:

— У меня плохие олени. Хозяин же велел скоро обернуться. У вас, наверно, есть сильные олени. Надо на сильных оленях поехать, чтобы скоро обернуться.

Два Кубаса запрягли тут в сапку трех хозяйских яловых бангай. На эту сапку сели два Кубаса и женщина. Тунгус впереди один поехал. Вечер стал. Тунгус по своей дороге пошел по самому густому лесу. У его оленей рога спилены, быстро идут.

Кубаса с жепщиной отстают. Три человека, три олея в сапке — трудно им в глубоком снегу и по густому лесу быстро ехать по узкой дороге. Боковой олень сошел у них с дороги, запутался в деревьях.

Говорит тунгус:

— Лес мешать будет. Скоро не дойдем. Скоро не дойдем, попадем, может быть, в дело к большому хозяину. Женщину лучше на мою санку положите, тогда скорее уедем.

Один Кубаса говорит:

— Надо отдать. Пусть баба на туркучанке едет, Куда денется? Все равно впереди нас пойдет.

Помогли жепщину на санку к тунгусу. Он ее рукой толкнул. Женщина подумала: «Этот человек, видно, что-то знает. Пусть я перестану плакать, буду молчать».

Теперь поехал тунгус по своей дороге. Сильно погнал олепей хореем. Теперь его два худеньких олея очень быстро пошли. В темноте сзади оставил двух Кубаса. Так быстро бедный тунгус ехал, что рано вечером пришел к чуму. Чум увидев, остановился бедный тунгус у его дверей и говорит:

— Ну, самодип! Где ты? Надо лук готовить, гостей встречать.

Женщина в чум зашла. Жена бедного тунгуса перед этим еще огонь закрыла, а теперь его совсем водой залила. Протянула ремеш через чум сзади и на пем шкуру повесила. Здесь сидел самодип с луком.

В темноте, уже ночью, пришли к чуму два Кубаса. Бедный тунгус, оставшись на улице, смеется:

— Эй, два товарища! Почему отстали? Может быть, вас долго не будет, хозяин рассердится!

— Зачем ты лукаво говорил, что чум близко? Шибко далеко пришлось ехать,— говорят два Кубаса, хлопывая снег с парок.

Зашли два Кубаса в чум. Тунгус на улице быстро лук приготавливал и позади привязанных олепей спрягался с луком. Один Кубаса в чум вошел, другой только за дверь держится, чтобы войти.

Самодип выстрелил в вошедшего — попал в грудь. Тунгус в держащего дверь выстрелил — попал меж лопаток.

Оба Кубаса в одну кучу свалились.

После этого чай пили. Перестали чай пить и аргишили по своей дороге. Три дня очень быстро аргишили. Третий аргиш прошли и стояли.

Бедный тунгус на санке сидит, в чум не заходит. Его жена говорит:

— Чего век на санке сидишь?

Запел тунгус в чум, сел и упал, словно больной. Говорит:

— Как у меня голова болит! Задумываюсь я с тех пор, как у питых лиц гостевал. Теперь они меня узпали и, наверно, убьют меня. К твоему народу я париться хочу. Но, не имея там родни, погибну и у них я, одинокий человек.

Самодий говорит:

— Не думай худого. Возьми за услугу мою жену. Ты ее освободил от плохих людей. Теперь возьми ее, но не думай худого.

Бедный тунгус засмеялся, сидя у огня:

— Зачем такую плохую речь ты сказал? Мне надо только твою железную парку.

Тут иганасан снял свою парку. Под ней оказалась кольчуга. Снял ее, обошел кругом двери, поклонился тунгусу и отдал ему кольчугу.

Говорит тунгус:

— Товарищ! Доехал я своей родины. Ты в свою землю иди, я в своей останусь. Кольчугу ты мне дал. Если худые люди меня и убьют, ты не в ответе.

После этого самодий пришел к своему народу и рассказал все это им. Теперь вести конец.

НГАНАСАНСКИЕ СЛОВА И ВЫРАЖЕНИЯ,
УПОТРЕБЛЕННЫЕ РАССКАЗЧИКАМИ
И ЗАМЕНЕННЫЕ РУССКИМИ ЭКВИВАЛЕНТАМИ

- 1 сирю-ма
- 2 нгормида-нго нидя
- 3 нгапо лянса
- 4 нгоа нидя
- 5 молоко нсемянку
- 6 коу хяйбу
- 7 сырада корутне
- 8 самака тихулегго
- 9 сити хютта мэ
- 10 тымыши мона копду коу нянту-
та. Моуна черада бодасуда
уху нилкуни комару.
- 11 сату кору
- 12 лутин тувака
- 13 биляка
- 14 котуда нидя
- 15 нгормида нидя
- 16 коу нянту
- 17 коу конта
- 18 дюо-ма
- 19 торн-фа
- 20 торн
- 21 котуда
- 22 кантагата
- 23 конта
- 24 дядыкюдера
- 25 моу-нямы
- 26 колая
- 27 дярума-моучера
- 28 моу ма или сату ма
- 29 дёрты
- 30 ася

- 31 кула
- 32 дэянгуйко
- 33 дэйбаро
- 34 дяма
- 35 кула коптуа чисеонтэ дямадатэ
дямтэбятэ; кула коптуа маа-
дэма исподя мануакуня хо-
луоптээм
- 36 кула-нямы
- 37 либо
- 38 дяма
- 39 мупси
- 40 идийэ кандэа
- 41 ходзэй
- 42 нси
- 43 нибюся
- 44 дяптумуоси
- 45 дяпту нганасана
- 46 тарухале фути
- 47 танса
- 48 нюку
- 49 кади
- 50 бана нербы
- 51 котура или хедирба-пгуо
- 52 тонсага
- 53 нси
- 54 толэ
- 55 дялы бяпэ
- 56 апы дялы
- 57 аба
- 58 исэро
- 59 баса

60 маталыр ма
61 исидэ
62 кодобу
63 няяку
64 ссыяку
65 хето
66 коча
67 дуонкары
68 Нью-нямы сому тэйчу
69 нго снэ
70 бакуву
71 снэ
72 куонка
73 бедэ барба
74 колы дясы
75 толы нгуо
76 баби дясы
77 маталыр ма
78 нямы
79 сеймнкайму
80 батю
81 казаркунгэ
82 мою намэча конама
83 комсейка
84 сюаруня
85 соннэ
86 танса
87 быда-нгуо
88 ня-нганаса
89 ася
90 кога нгуо
91 барба
92 та-досы
93 та-лямы
94 найба мою
95 нинаба

96 нгуо дюрумэ
97 оа
98 десыма
99 битида
100 лафа
101 фэрбу
102 барба
103 сюкчи мою
104 сюкчи тонсага
105 пицига ма
106 фа-морию
107 тонкага
108 тирэ
109 хоро сочема ася
110 Чанап Кюршамин
111 хэлэп
112 сыра-ду
113 аныка нганаса
114 саты
115 палыма
116 лаку
117 чешынта
118 хоро-черелвку
119 тапгудя
120 мунси
121 тану
122 укудьяры
123 кубаса
124 тодыку-сому
125 тодыку-файму
126 хоно
127 дюрумэ намта
128 дитуру
129 соуру
130 тацдя

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ РУССКИХ И ИГНАСАНСКИХ ТЕРМИНОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

А б л а к а п (долг.) — олень-самец одного-двух лет. Русское его название — лопчак, игап.— дейбаку.

А в а м с к и е л ю д и — игнасань. Авамская волость (с 1824 г.— управа) представляла вплоть до революции ядро игнасанского народа. Членов этой волости (управы) называли авамскими «самоедами». Само название «авамский» происходит от названия р. Авам, в устье которой еще в XVII в. было поставлено зимовье, в котором предки авамских игнасан платили ясак. Кроме авамских с конца XVII — начала XIX в. были еще вадеевские «самоеды» и с середины XIX в.— «долгань-самоеды».

А р г и ш — вереница грузовых санок, запряженных оленями. Повода оленей, ведущих каждые последующие санки, привязаны к предыдущим. Повода оленей, ведущих первые грузовые санки, привязаны к санкам, на которых едет женщина, ведущая весь аргиш. В каждые санки впряжено по два оленя. В аргише бывает от трех до девяти санок. У эвенков и долган аргиши — это также вереница навьюченных оленей, причем повод последующего оленя привязан к седлу предыдущего, а повод переднего привязан к седлу оленя, на котором едет ведущая аргиш женщина. Аргишем называется также дневной переход при перекочевках, т. е. расстояние, которое аргиши груженых санок или навьюченных оленей проходят за день (10—20 км).

А р г и ш и т ь — перекочевывать с места на место или вообще ехать с аргишами нагруженных санок.

А р г и ш и н а я с а н к а (игап. кунсобнэ) — санки для перевозки домашнего скота, запасов пищи при перекочевках (см. также санка, глухая санка). (На Севере слово «санки» употребляется только для обозначения множественного числа, а в единственном числе говорят «санка» и склоняют это слово.)

А с я (ед. ч.), **а д я** (мн. ч.) — игап. тунгус, долган, иногда даже якут.

Б а й — название эвенцкого рода (фратрии).

Б а й - б а р б а (игап.) — букв. «баев князь», глава рода Бай.

Б а й к а (нащеп) — деталь конструкция санок. В байки вставляются верхние концы копыльев, между ними настлается сиденье, тонкие передние концы баек вставлены в вырезы в концах полозьев.

Б а к а р и (игап. ф а й м у) — зимняя обувь из камасов (см.), род меховых сапог до паха. Жепские игнасанские бакари короче, чем вя-

кие другие бакари, и достигают только до колен. Особенность нганасанских (и энецких) бакарей в том, что они всегда белого цвета и не имеют выемки в подъеме, а образуют совершенно прямую линию от концов пальцев к колену.

Б а л а г а н — жилище в форме усеченной пирамиды из плах, засыпанных землей. Было типично в прошлом для якутов.

Б а н г а й — самка оленя, не телившаяся в данном году или вообще ни разу. Бангай последнего разряда обычно наиболее быстрые и сильные ездовые олени и поэтому очень ценятся.

Б а р б а (нган.) — выборный «князь», глава племени.

Б а р у с и (нган.) — мифическое существо, обычно одноногое, однорукое, одноглазое; см. также **дьявол**.

Б а с а (нган.) — букв. «железо»; в переносном смысле женские нагрудные украшения нганасанских и энецких женщин и девушек из меди в форме полумесяца.

Б а х и (нган.) — дикий олень.

Б о б о (нган.) — место в чуме по обе стороны очага, направо и налево от входа. Поэтому в чуме всегда два бобо, одно против другого, разделенные очагом.

Б о г — этим русским словом переводится нганасанское слово **нгуо**, которое означает также небо и которым обозначается довольно многочисленная категория сверхъестественных существ, весьма далеких от канонического образа христианского бога.

Б о д ы р б о (нган.) — покойник, мертвец, ледовка (см.). **Б о д ы р б о - м о у** — земля мертвецов.

Б о л ь ш а я а р г и ш н а я д о р о г а — след, дорога, образованная несколькими **аргишами** (см.), например целым перекочевавшим стойбищем.

Б о л ь ш и е — в контексте «большие чумы», «большие люди»; имеет смысл «главные», «многочисленные».

Б о п к о, также **банка** (нган.) — букв. «яма»; в переносном смысле «ямный житель», «обитатель землячки», также оstieg.

Б у б е н (нган. **фендир**) — во всех случаях имеется в виду шаманский бубен, т. е. большой (50—70 см в поперечнике), у нганасан и энецков яйцевидной формы.

Б у р д у к — похлебка из муки или просто мука.

Б ы к (нган. **куобта**) — кастрированный олень-самец; самая обычная категория ездовых оленей.

Б ы с т е р — быстрое течение посреди реки, то, что на Волге называется стрежень.

В д е л о п о п а с т ь см. **дело**.

В а ж е н к а (нган. **нямы**) — самка оленя, уже телившаяся, т. е. не моложе двух лет.

В а р а г и (от рус. «вороги») (нган. **дымады**) — название шаманских духов-помощников, вернее «зверей».

В а р к а — вываренная досуха рыба, в виде кашеобразной массы смешанная с рыбьим жиром.

В е к — всегда, навсегда, долго; в выражениях: «**век нету**» — долго нет, навсегда исчез; «**век идет**» — долго идет и т. д.

В е р х (нган. **котуда-ниде**) — при обозначении сторон света — юго-запад.

В е р х н я я с т о р о н а ч у м а — его юго-западная сторона, налево

от входа. С юго-запада дуют господствующие ветры, поэтому на этой стороне чума помещается семья, имеющая лучшие, самые теплые южки, т. е. обычно наиболее зажиточная семья.

Ветка (нган. пгадуй) — челнок для плавания по воде на одно-двух, долбленный или из трех досок. Приводится в движение одним двуплощастным веслом.

Глухая сакка — сакки с высокими бортами для перевозки запасов мяса, рыбы и домашних вещей. То же, что и аргишпая сакка (см.).

Голова реки — исток реки, ее верховье.

Голомо (нган. сату-ма) — старинный тип жилища конической формы из бревен или плах, засыпанных землей. Пол в голомо несколько ниже уровня почвы, так что это жилище является полуземлянкой. У нганасан в последнее время голомо не встречались, но они упоминаются в преданиях.

Гонять — следовать за чем-нибудь, преследовать что-либо, например: «гонять дорогу» — ехать по следу; «гонять диких» — охотиться на диких оленей, преследуя их на сакках, запряженных домашними оленями; «гонять твой ум» — следовать твоему совету и т. д.

Горло реки — устье реки.

Дело — в выражениях «в дело попал», «дело парсел» и т. д. — попасть в неприятное положение, подвергнуться обвинению, провиниться перед властями и т. д.

Демон — перевод нган. дямады (см.).

Дейба-нгуо (иногда Дэйбару-нгуо) — дословно «Сирота бог», главный покровитель нганасан, их культурный герой, защищающий их от злых сил, давший им огонь. В фольклоре выступает под разными названиями, в разных обликах.

Дорога — всякий след. Аргинная дорога — след прошедшего аргиша (см.), дикого дорога — след дикого оленя и т. д.

Дородно — хорошо; дородный — хороший.

Доспеть — сделать, например: «как доспеешь» — что поделаешь, «доспел» — сделал, вышолвял.

Дьявол — этим словом охватывается широкая категория сверхъестественных существ. Основным нганасанским эквивалентом этого слова является баруси (см.), но дьяволами называют и демонов — помощников шамала (см. вариги), людоедов — ситэ (см.) и др. Иногда дьяволами называются те же существа, которые в других случаях называются богом (см.).

Дямады см. вариги.

Дяптобуо (нган.) — место промысла гусей.

Живот — имущество.

Заневодить — окружить, охватить. Выражение образовалось по аналогии с окружением стада диких оленей при охоте на них с помощью невода (см.).

Заструга — гребень твердого снега в тундре. Обычно заструги надуваются юго-западным («верховым») ветром и расположены параллельно на небольшом расстоянии друг от друга. При быстрой езде полозья санок все время постукивают о заструги.

Земля далеко — выражение, означающее, что тот пункт, куда едут, находится далеко, на большом расстоянии.

Камас (камыс, камус) — шкура с ног оленя, лося. Из оленьих ка-

масов изготовлялись зимняя обувь, бакари (см.), унты (у долган) и т. д. Камасами подклеивали также лыжи.

Камени — горы, горная цепь. Так как наиболее значительные горы находятся к югу от п-ва Таймыр, то выражения «в камню», «в камень» имеют в виду обычно именно эти горы. «У края камня» — значит у подножия гор.

Карасипские самоеды — название лесных энцев по станку Карасипо на Еписее, где они платили ясак в XVIII в. Первоначально это были лишь роды Муггади и Ючи, к середине XVIII в. к ним присоединился и род Бай.

Койка (нган.) — идол из дерева, металла или камня, шайтан.

Кокора — ствол дерева с корнем, употребляемый для изготовления полозьев. Кокоры часто валяются на берегах рек среди плавника.

Кокуль — спальный мешок из оленьих шкур. Его называют также одеялом.

Копаница — территория вокруг чума, на которой оленями вскопан снег в поисках ягеля. Если путник достиг копаницы, значит, недалеко чум.

Копыл — деревянное соединение полоза санок с сиденьем. Санки имеют от 4 до 14 копыльев; варты — 4—6 копыльев.

Корольки — бусы.

Кость — в выражениях «кость большая», «кость маленькая» — сложение, конституция.

Котуда-ниде см. верх.

Котура (нган.) — самоубийство.

Кровь иная — выражение, которым хотят сказать, что у данного человека кровь не такая, как у всех других людей. В нганасавском фольклоре это намек на то, что этот человек кого-то перед этим убил.

Кружать — блуждать, сбившись с пути.

Кумняй (нган.) — один из основных шестов чума, ставится позади бобо, близ женского места. Каждая женщина-хозяйка имеет свой кумняй. Только к ним можно привязывать койка (см.).

Куча — группа совместно кочующих хозяйств (чумов), стоябище из нескольких чумов.

Лайда (нган. лынта) — в тундре — равнина, окруженная возвышенностями, в лесной зоне — всякая безлесная равнина.

Лед в земле — имеется в виду материковый лед под почвой в тундре.

Ледовка — наземное захоронение, т. е. труп, лежащий на санках, и оставленные с ним вещи; иногда один труп.

Лес (нган. мука) — в качестве обозначения стороны света значит юго-восток, так как граница леса и тундры проходит на Таймыре в направлении с юго-запада на северо-восток. Поехать в сторону леса — значит поехать на юго-восток.

Ловчейка — деревянная или костяная пуговица на конце хорея (см.), предохраняющая оленя от поразений при ударе его хореем.

Лопчак см. аблакан.

Лотю (нган.) — доска, преимущественно доски на полу чума между бобо (см.) и очагом.

Лямка — кожаная ляпка, надеваемая оленю через плечо, посредством которой он тянет санки при помощи поводка (см.).

Маленьким чумом схать, аргшитть (см.) — значит ехать, кочевать лишь с минимумом необходимых вещей, покрышек и шестов чума, грузовых санок и т. д. Можно сказать также «легким аргшитем», «легким чумом» и просто «налегке». Выражение маленьким чумом означает также «в небольшом числе».

Малица — длинная повседневная ненепкая одежда из оленьих шкур шерстью внутрь, с капюшоном, крытая снаружи сукном или другой материей или просто украшенная. Малица не имеет разреза спереди и одевается через голову. В малице работают и сидят в чуме. В дорогу поверх нее надевается еще сокуй (см.). Нганасаны и тундровые энци малицы не носили.

Манщик — олень, которого охотник на длинном ремне или с петлей на рогах подпускает к стаду диких оленей. В первом случае манщик отвлекает внимание и успокаивает диких оленей, тогда как охотник, спрячась за другим оленем, приближается к ним. Малицы с петлей на рогах вступает в бой с диким оленем-самцом и удерживает последнего, запутавшегося рогами в петле, до прихода охотника.

Маталир-ма (нган.) — коническое сооружение из стволов над лежащим на санках покойником; древний способ погребения у нганасан.

Маут — аркан, сплетенный из четырех ремней, для ловли домашних оленей. Длина маута — 15—20 м.

Мах — мера длины, расстояние между концами пальцев распростертых рук.

Метать — в выражении «метать пушальня» — ставить сети на рыбу; «метал петли на ушканов», т. е. ставил петли на зайцев, и т. п.

Моридэ, моричи (нган.), моррэдэ (энец.) — охотник на диких оленей, бродящий в определенном районе.

Мупкаси — нганасанское название энецкого рода муггади.

Наголовник — оленья узда с поводом.

Наготово — совсем, совершенно.

Наем — плата за работу.

Нарочно — шути, иронично, без серьезных намерений.

Нарта — низкие узкие сани со сравнительно широкими полозьями. В отличие от санок отдельные части нарты (полозья, копылья, сиденье) связываются ремнями, а не скрепляются системой вазов. Нганасаны сейчас нарты почти не употребляют, но рассказывают, что их предки сажали на нартах.

Наша люди, пал человек — так переводится самоназвание нганасан — ня-нганаса, букв. «свой (или родственник) человек».

Нгуо см. бог.

Невод — сеть для ловли диких оленей, сплетенная из ровдужных ремней. Нганасаны теперь знают слово «невод» и в обычном его значении сетевой снасти для ловли рыбы.

Неводить — окружить диких оленей при загоне их в сети («невод»), вообще охотиться на диких оленей, загоняя их в сети.

Нижняя земля — так по-русски называют землю мертвых (нган. бодырбо-моу).

Низ — в качестве названия стороны света значит северо-восток или восток (по направлению течения главных водных магистралей Таймыра — р. Хатанги с Хетой и Таймыра).

Нюк — покрышка на чум, шитая из нескольких оленьих шкур с подстриженной шерстью или из ровдуги (см.).

Ня — самоназвание нганасан; ня-пгапаса — нганасан, ня-ны — нганасанка, ня-танса — нганасанский народ.

Огород — изгородь, забор.

Огород на диких — старинный способ охоты на дикого оленя. Делают длинные изгороди. В нескольких воротах изгородей помещается лук, настроенный таким образом, что он стреляет, как только кто-нибудь заденет протянутую поперек ворот нитку из оленьих сухожилий.

Одеяло см. кокуль.

Одындра — шкура оленя, убитого летом.

Олочп — легкая летняя обувь из ровдуги (см.).

Опускать — снимать, сдирать шкуру (оленя, песца и т. д.).

Орда — народ, племя, род (в зависимости от контекста).

Остро — в выражении «говорит остро» — резко, невежливо, полемически.

Острый — в выражении «острый человек» — ловкий, смелый, боевой.

Палить (об огне) — трещать, вспыхивать, потрескивать. Потрескивание огня считается вещам предзнаменованием.

Пальма — эвенкийское копьё — массивный, длинный и широкий, заточенный с одной стороны нож, насаженный на рукоять длиной около 1,5 м.

Парить, париться — присоединяться, объединяться, например: «он парился к ним» — он присоединился к ним, «олени парились» — олени (двух табунов, двух хозяев) соединились, смешались и т. д.

Парка (нган. лу) — одежда из оленьих шкур в виде короткого (до колен) пальто мехом наружу. Спереди полы парки завязываются специальными завязками, пришитыми к бортам. Таковы парки эвенков, долган и северных якутов. Женские парки нганасан и энцев такого же типа, но состоят из двух частей — верхней, из тонких, в основном белых, шкур мехом наружу, украшенных красным и черным орнаментом, и нижней, с более длинным и густым мехом, обращенным внутрь. Мужские парки нганасан и энцев отличаются от женских тем, что не имеют разреза спереди и поэтому надеваются через голову; кроме того, они слабжевы капопоном, выкраенным вместе с частью свинки. Они отчасти напоминают венецкие малицы, но короче и легче последних, а отчасти — одежду эскимосов. Есть в мужских парках нганасан детали, сближающие их со старинной одеждой эвенков и юкатир.

Парус — покрывка из материи, ровдуги (см.), закрывающая груз на парте или чум, чтобы предохранить нюки (см.) от дождя.

Пешня — род острого четырехгранного лома с деревянной рукоятью для долбления льда.

Поводок — постромка, посредством которой олени тянут санки и парты.

Поганая земля (нган. найба-моу) — это наша земля в противоположность «верхней земле» (небу), «нижней земле» (в которой живут мертвецы). Не совсем ясно, почему нганасаны усвоили такой термин в отношении земли. Едва ли здесь не сказывается какое-либо внешнее влияние.

Поколка (нган. футуда) — место охоты на диких оленей при переправе их через реки и озера. Здесь обычно жили осенью нганасаны, подкарауливая свою добычу. Поколкой называется и сама эта охота,

когда плывущих диких оленей кололи с веток (см.) специальными копытами (нган. фонка).

Понести — увезти, повезти.

Пороз (нган. куру) — олень-самец, производитель в отличие от кастрированного быка (см.).

Порса — зиленая и высушенная рыба, измельченная в порошок и в таком виде завасаемая на зиму.

Постель (нган. куху) — шкура взрослого оленя, снятая зимой, т. е. с наиболее длинной и густой шерстью.

Пояс — деталь оленьей упряжки (в легковых санках) — очень широкий ремень поперек спины оленя.

Простой — пустой, например: «простая земля» — пустая, незаселенная земля; «уйти в простую землю» — уйти в безлюдную тундру, уйти куда глаза глядят.

Пуцальня (нган. быгур) — сеть из пряжи для ловли рыбы. Пуцально ставят на поплавках и якорях и 2—3 раза в день проверяют ее. Вероятно, сети-пуцальни появились у нганасан только после прихода русских.

Пыж — шкура с теленка оленя, убитого осенью.

Резать — пересечь, переехать лаиду (см.), хребет, реку и т. д.; «резать говорку» — перебить речь собеседника или оратора.

Ровдуга — выделанная оленья шкура, род грубой замши.

Сагудать (согудать) — есть мясо или рыбу сырыми.

Самодии (ед. ч.), самоди (мн. ч.) — так нганасаны произносили слова «самоед», «самоеды», как они называли себя и энецов (хантайских и карасинских «самоедов»).

Санка (нган. канта) — высокие оленьи сани, в отличие от парт не связанные, а с системой пазов. Санки бывают легковые разных типов и грузовые — аргишные, они же жежские, для перевозки чума, веток и т. д. Санки нганасан в общем таких же типов, как и у энецов и ненцев. У последних, впрочем, имеется свой тип грузовых санок с ящиком и нет нганасано-энецких аргишных (жежских) санок (см. также аргинная санка).

Седло — имеются в виду оленьи седла для людей и выюнные. У нганасан выюнных седел сейчас нет да и седел для людей очень мало.

Сигэ (нган.) — мифический великан-людоед. В фольклор нганасан образ сигэ пришел, видимо, из энецкого фольклора, хотя сами нганасаны считают, что сигэ живут у ненцев.

Согудать см. сагудать.

Сокуй (нган. фиэ, или хиэ) — зимняя глухая одежда с капюшоном из оленьих шкур мехом наружу, одеваемая мужчинами поверх парки и малицы. На капюшоне нганасанского и энецкого сокуя имеется султан — сунгук (см.) из белой оленьей шкуры. Сокуй носят только вне чума; входят в чум, сокуй снимают. «Сокуй с рогом» — значит сокуй с сунгуком, т. е. нганасанский или энецкий сокуй.

Сомату (самату) — самоназвание и нганасанское название энецов быв. Хантайской управы, иначе называемых маду (эны) и маято (ненцы).

Сомату-барба (нган.) — «сомату-князь», глава племени сомату (см.).

Строганица — наструганная сырая мороженая рыба — одно из любимых кушаний нганасан.

Строгать — есть строганипу (см.). Иногда «строгают» и мороженое мясо.

Сунгуку (нган.) — султан («пишка», «рог») на кашышоне соку и (см.). Сунгуку — принадлежность именно «самоёдского», т. е. нганасанского или энецкого, сокуя.

Сынг (нган.) — противоположная входу, т. е. северо-западная, сторона чума. Подучила свое название от отверстия (сиэ) для вентиляции, находящегося здесь у подожья чума.

Сынга-инде (нган.) — сторона сынга (см.), т. е. северо-запад (см. также тундра).

Сыру-пэ (нган.) — вдова.

Сыру-пэ-батуру — букв. «вдовы сирота», воспитанник вдовы.

Талан — счастье, удача.

Тарагайка — самка оленя одного-двух лет, еще не телвившаяся.

Темная пора — время полярной ночи, когда солнце не поднимается над горизонтом; на территории нганасан это декабрь — январь.

Тори (нган.) — очаг, в настоящее время лист железа на двух подкладках.

Тори-фа (нган.) — подкладка под тори (см.). Всегда расположены с северо-запада на юго-восток.

Труба — так называют суженую верхнюю часть чума, из которой выходит дым очага.

Тунгус — так мы переводим нганасанское слово ася (адя), означающее эвенков и долган.

Тундра (нган. дянгур) — как обозначение стороны света значит северо-запад. Ехать в сторону тундры — ехать на северо-запад.

Туркучапка — род сапок (см.), переходный тип между партой и санками.

Тяжи — меховые (из оленьих шкур) чулки, надеваемые под бакари (см.).

Улово — глубокий залив на берегу реки, обычно место хорошей добычи рыбы.

Учаг — верховой олень.

Удкан (нган. нёму) — заяц.

Хантайские — русское название тундровых энциев, сомату по Хантайскому зимовью на Енисее, где они в XVII—XVIII вв. платили ясак.

Хедирба-нгуо (нган.) — «бог», заставляющий человека сходить с ума, жаждать крови, драк, убийств.

Хорей — шест длиной 5—6 м, которым подгоняют оленей, когда едут на санках. Утолщенный нижний конец хорей, противоположный лозчейке (см.), имеет обычно железный наконечник в виде копыя.

Хоро-сочема (нган.) — букв. «пнитое лицо», т. е. татуированное лицо; нганасанское название для их южных соседей.

Хосн-фа (нган.) — палочка, которой ударяют по бубну шамана во время камлания, чтобы обратить на себя внимание шамана, спросить его о чем-либо или сказать что-либо.

Чаига — ножная кость оленя с костным мозгом.

Чибукун — снежный баран.

Чир — крупная вкусная рыба из сиговых.

Чум (нган. ма) — жилище нганасан конической формы из 30—40

местов, покрытых блоками (см.) из оленьих шкур. Диаметр чума по полу — 4—6 м.

Чумище — место, где стоял чум или несколько чумов. «Оставить на чумище» — оставить на покинутом стойбище.

Шайтан см. койка.

Шапка — у нганасан имеются только женские шапки (пгап. саму). У мужчин шапкой (говоря по-русски) называют капюшон парки или сокуя.

Ширкать — сидеть налегке и без дела, голять зря оленей.

Штотелидо см. хоро-сочема.

Щерба — суп, павар в котле после варки мяса или рыбы.

Юкола — распластанная, надрезанная (но не разрезанная) вяленая на солнце рыба.

Юрак, юраки — по-нганасански, по-энецки и на русском языке в районе Присисейского севера — снег, певцы.

Ямная речка — речка, текущая как бы в яме, имеющая русло, глубоко врезавшееся в местность, и крутые берега.

СВЕДЕНИЯ О РАССКАЗЧИКАХ

Кокары Игатыси, 1913 г. рожд., из бедной семьи вадеевских нганасан. Осиротев, в 1936—1937 гг. переселился из Вадеевского кочевого совета в Таймырский. В 1938 г. содержал своим трудом малолетних братьев и сестер. Красивый, энергичный и живой молодой человек. Всего от него записано (осенью 1938 г.) 14 текстов. В его репертуаре преобладали фантастические и русские сказки, бытовые рассказы, сказки о животных. Знал также ситаби. Рассказывал охотно, стараясь передать все содержание возможно точнее, хотя относился к рассказываемому иногда скептически. В 1938 г. подал заявление в партию. Впоследствии был председателем Таймырского кочевого совета, а потом и секретарем парторганизации колхоза. Умер около 1950 г.

Кокары Хэлиптэ, 1898 г. рожд. По происхождению вадеевский нганасан, но уже около 1920 г. его отец, Борю, со всей семьей переселился к таймырским нганасанам, где Хэлиптэ чуть ли не в течение восьми лет отработывал себе жену, дочь богача Мандола Турдагина. Мать Хэлиптэ была известная шаманка, но семья отца была бедной. В 1926 г. Борю вместе с Хэлиптэ имел только 30 оленей. Хэлиптэ был признанным знатоком дорумэ и хорошим рассказчиком. Всего от него записано (в 1935 и 1938 гг.) 11 текстов. Репертуар его включал много преданий оленецкого типа и исторических преданий, но он был также силен и во всех остальных жанрах. Обремененный большой семьей, он до вступления в колхоз постоянно нуждался и считался малопрактичным хозяином, хотя его уважали за трудолюбие, ум и честность. Умер в 40-х годах.

Костеркин Дюфадэ, 1886 г. рожд., зажиточный середняк (в 1926 г. имел 160 оленей), самый «большой» шаман-нганасан в 20—30-х годах нашего столетия. В 1927 г. это был на вид крепкий и даже красивый человек, но имевший одну странность. Его глаза как будто не могли стоять на месте, зрачки все время бегали, словно два маятника. От своих трех жен, живших вместе с ним, имел много детей, и вся его семья состояла из 15 человек. Он знал много разных фольклорных произведений, но мне так и не пришлось заняться с ним ни в 1926—1927 гг., ни в 1935 г., когда я его встречал второй раз. Короткие записи от него сделал лишь А. П. Лекаренко в 1927 г. Деятельность Дюфадэ в качестве шамана подробно описана А. А. Поповым в его книге «Тавгийцы» (Л., 1936). Умер в 1936 г. и был пышно похоронен своими многочисленными родственниками и почитателями.

Нгомде Пере, 1893 г. рожд., до коллективизации зажиточный середняк (в 1926 г. имел около 200 оленей) и один из наиболее видных представителей прежней племенной верхушки авамских нганасан. Общеизвестный оратор и «человек, имеющий ум». От него записано всего 18 текстов. В его репертуаре находились почти все жанры фольклора, за исключением ситаби и преданий оленецкого типа. Преобладали предания о сверхъестественных существах, сказки о Дяйку, русские сказки и исторические предания. Благодаря хорошему знанию русского языка помогал при записи текстов и от других лиц. Умер в 40-х годах.

Нгомде Семен (его настоящее имя — Того, «малое» имя — Тынка), 1878 г. рожд., шаман, отец нескольких взрослых сыновей. Крепкий, коренастый старик. В 1926 г. имел 40 оленей. Считался хорошим знатоком дюрумэ, но от него пришлось записать лишь три предания оленецкого типа в 1938 г. Рассказчик хороший, рассказывая, прибегал к мимике и жестулятици. В его рассказах очень заметны анахронизмы как следствие, очевидно, включения в текст шаманистических представлений, и при этом самых модернизированных из них, вставленных в очень архаичный первоначальный текст. Умер в 40-х годах.

Нгомде Соунтэ, 1910 г. рожд., пастух-оленеvod. В 1926 г. его семья имела 30 оленей. От него записано в 1938 г. только одно, но очень хорошее и полное предание о сыновьях Лакуны. Молодой, жизнерадостный человек, сам предложивший рассказать это предание. Он хотел рассказать и еще, но потом так и не пришлось с ним завязаться.

Порбин Камсё, 1898 г. рожд. Маленький ворчливый и слабосильный человек. В 1926 г. имел 35 оленей. Рассказчик плохой и случайный. Вероятно, слышал рассказанные им тексты от своей жены Кумнему, 1908 г. рожд., по происхождению вадевской нганасанки. Она и сама рассказала нам два дюрумэ. Это была энергичная и умная женщина, фактическая хозяйка в семье Камсё. Оба они умерли в начале 50-х годов.

Порбин Като, 1892 г. рожд. В 1926 г. это был самый богатый нганасан, имевший более 4000 оленей. От него А. П. Лекарню записал один очень оригинальный, но, к сожалению, неоконченный текст о сыновьях Лакуны. Умер в 1927 г., простудившись на охоте за дикими оленями.

Порбин Лотэрю, 1884 г. рожд. В 1926 г. имел 50 оленей. Общеизвестный знаток дюрумэ и хороший рассказчик. От него в 1935 и 1938 гг. записано 12 текстов. Его специальность — фантастические сказки, рассказы о сверхъестественных существах, русские сказки и сказки о Дяйку, но знал и другие жанры, в частности прекрасные тексты оленецкого типа. Особенность рассказов Лотэрю — это его некоторая склонность к натуралистическим подробностям, вплоть до скабрезности. Рассказывает охотно и с увлечением. Умер в 1954 г.

Порбин Номонтэ, 1883 г. рожд., середняк, в 1926 г. вместе с отцом имел 140 оленей. Сам Номонтэ и его отец Дяйтобу были общепризнанными знатоками фольклора. От Номонтэ записано 10 текстов. Больше всего от него записано сказок о Дяйку, русских сказок и преданий оленецкого типа. Рассказывал Номонтэ хорошо, подробно и любил долать из своих рассказов морализирующие выводы. Умер в 1936 г.

Порбин Подемнтэ (Фолемнтэ), 1919 г. рожд., комсомолец, скромный и застенчивый молодой человек. Сын Порбина Номонтэ (см. выше). От него записано в 1938 г. 11 текстов. В его репертуаре преобла-

дали предания оленекского типа, но представлены произведения почти всех остальных жанров. Рассказывал без внешних эффектов, но подробно и точно, хотя иногда затруднялся вспомнить некоторые собственные имена. Умер в 1958 г.

Турдагин Атакай, 1910 г. рожд., сын известного шамана Монсеку, или Ивана Горнока. В 1926 г. его отец имел 65 оленей. Деятельный, веселый, хитроватый человек, с большим даром природного юмора. От него всего записано четыре дюрумэ. Он не является знатоком и известным исполнителем фольклора и мог в основном пересказывать лишь отрывки мифов и преданий, слышанных от своего отца. Но в этой области он знал много интересного и являлся очень ценным и толковым информатором по разным вопросам этнографии иганасаев.

Турдагин (Горнок) Ламбаку, 1914 г. рожд., сын Сусо, или Михаила Горюка, брата Горюков Монсеку (Ивана) и Игандуо (Монтуку). По происхождению из бедняков. В 1926 г. его отец имел 37 оленей. Энергичный, умный человек, с философским складом ума, один из лучших охотников и оленеводов, часто возглавлявший производственные бригады. Признанный знаток исторических преданий и мифологии. Знает также ситаби. Всего с его слов сделано 20 записей.

Турдагин Надюй, 1890 г. рожд., в 1926 г. имел 45 оленей. Сам Надюй и оба его сына были хорошие охотники. Надюй сам пришел рассказывать, но, рассказав три предания, кажется, почти исчерпал свой репертуар. От него записаны два предания оленекского типа и один бытовой рассказ. Предание о Кабюмэ-фату, рассказанное им, размером около 1,3 авт. листа, является самым большим иганасаевским текстом в наших записях. Как рассказчик он был мало известен (о окружающие иганасаевы даже удивились его намерению рассказывать мне дюрумэ), но рассказывал он чрезвычайно добросовестно и обстоятельно.

Турдагин (Горнок) Игандуо (он же Монтуку), 1879 г. рожд., имел в 1926 г. 100 оленей. Младший брат известного иганасаевского шамана Турдагина Монсеку (Ивана Горнока). В молодости это был высокий, сильный, но, как говорили окружающие энцы, «совсем диккий» человек, но затем туберкулез сломил его здоровье. Сыновья его уехали в Авамский район, и он в 1948 г. жил с дочерью, незамужней женщиной лет 35, на пенсию, выплачиваемую ему колхозом. От Монтуку нами записано 60 текстов. Он не считался известным рассказчиком, но хранил в своей памяти довольно много, правда большей частью небольших по объему, преданий. В его рассказах представлены все жанры, за исключением ситаби и сказок о Дийку. Больше всего он знал преданий о сверхъестественных существах и шаманах. Вероятно, с одной стороны, на репертуаре Монтуку сказалось влияние его старшего брата, шамана Монсеку, а с другой — имело значение изживавшие шаманистических представлений, благодаря чему им рассказывались предания, считавшиеся ранее священными и не подлежащие рассказыванию при посторонних. Монтуку большую часть своей жизни провел среди энцев и в общении с нендами (он был самый западный иганасаев) и хорошо говорил по-энецки и по-ненецки. Поэтому в записанных от него текстах много энецких и ненецких по происхождению преданий, и даже типично иганасаевские сюжеты испытали влияние энецкого фольклора. Умер в 1950 г.

Турдагин Недя, 1932 г. рожд., сын Турдагина Салопта (см. ниже). Энергичный, живой молодой человек, грамотец, но вследствие бо-

лезни (туберкулез бедра) не имеет возможности принимать деятельного участия в производственной жизни колхоза. В 1959—1960 гг., больше года, провел на лечении в санатории Тагарское на юге Красноярского края. Любитель поиграть в шахматы. Не является знатоком фольклора, но пересказывает кое-что слышанное от отца, а также от матери, приемной дочери Нгомде Нере (см. выше). Всего от Неди сделано восемь записей.

Турдагги Салонтэ, 1904 г. рожд., по происхождению из Авамского кочевого совета. Он племянник, а по иганасанскому счету родства младший брат председателя этого кочевого совета, известного общественного деятеля и первого иганасана-коммуниста Турдаггина Коидюэ. С 1934 г. Салонтэ поселился в семье Нгомде Нере (см. выше), своего тестя по второму браку, в Таймырском кочевом совете и здесь вступил в колхоз. В 1926 г. имел 20 оленей. Это был человек высокого роста, красавец, силач, гордившийся своим происхождением от богатыря Сойму, героя распространённого у иганасан предания, и общепризнанный исполнитель ситаби. Всего от него записано шесть текстов. Он не особенно любил рассказывать дюрумэ, считая их второстепенным, низким по сравнению с ситаби жанром, но все, что он рассказывал, было очень хорошо рассказано. Был председателем правления колхоза. Умер в 1948 г.

Турдагги Юре, 1918 г. рожд., сын Турдаггина Надюя (см. выше). Хороший охотник, оленевод, но вместе с тем впечатлительный, с эмоциональным характером человек. Не является знатоком фольклора, но рассказал пять дюрумэ, слышанных им в детстве и юношестве.

Турдаггина Мария, 1944 г. рожд., хорошо грамотная, культурная девушка. В 1958—1960 гг. училась в школе колхозных кадров в Дудинке. По происхождению из очень бедной семьи, имевшей в 1926 г. лишь 23 оленя. Всего рассказала три дюрумэ, слышанных от отца и матери. Рассказывала очень добросовестно и старательно.

Чуанчар Китэ, 1890 г. рожд., в 1926 г. имел 40 оленей. Маленький, болезненный, скромный человек. Считался хорошим рассказчиком. От него записаны в 1938 г. два предания о сверхъестественных существах. Рассказывал хорошо, добросовестно и подробно. Умер около 1940 г.

Чуанчар Комбюмэ, 1883 г. рожд., в 1938 г. председатель Таймырского кочевого совета. В 1926 г. имел 80 оленей. Рассказчик случайный. Все, что он мог при всем своем желании рассказать,— это краткое предание о своем роде Чуанчар. Умер в середине 40-х годов.

Чуанчар Мундуйко, 1914 г. рожд., сын Чуанчара Комбюмэ. Его мать первым браком была замужем за Нгомде Секу, и ее сыном был также Нгомде Нере (см. выше), на которого Мундуйко очень походил. Трудолюбивый, доброжелательный, скромный человек, один из лучших кузнецов у иганасан. Считался знатоком дюрумэ, которых он нам рассказал всего семь, но можно было записать и больше, если бы Мундуйко с утра до вечера не был занят работой. Умер в 1961 г. от рака пищевода.

Чуанчар Сундамтэ, 1877 г. рожд. По социальному положению в прошлом бедняк. В 1926 г. имел 20 оленей. Этот маленький, но крепкий старичок играл довольно значительную роль в общественной жизни своего Авамского кочевого совета. Всего от него записано 15 текстов. Он считался хорошим знатоком дюрумэ, и в записях от него представлены самые разнообразные жанры иганасанского фольклора, главным образом исторического и космогонического характера, а также русские сказки, сказки о Дяйку и сказки о животных. Умер около 1940 г.

Чуанчар Хенделю, 1925 г. рожд. Внук последнего «князя» авамских нганасан Чуанчара Дяптодуси. Отец Хенделю, Томкале, имел около 600 оленей. Хорошо грамотный человек, Хенделю одно время заведовал звероводческой фермой колхоза. Много общался с русскими и жил среди них и поэтому к обычаям и образу жизни своих соплеменников относился несколько свысока. Любитель сыграть в шахматы, посмотреть кинофильм. Хенделю не является знатоком фольклора. То, что он рассказывал, — семь дюрумэ — Хенделю слышал главным образом от своего дедушки Дяптодуси.

Яроцкий Дюдумо («Дедюмо»), 1924 г. рожд. По происхождению из закиточной семьи. Его дед, Лоптерю, имел вместе со своим младшим братом Танурэ (см. ниже) около 500 оленей. Его отец, Боопта, был хорошим рассказчиком, но Дюдумо не унаследовал всех познаний своего отца. От него записаны всего четыре предания. Знает он, конечно, больше, в частности рассказы о Дяйку, как он мне сообщил. Это деловой, серьезный и вместе с тем общительный и услужливый человек, активный участник общественной жизни своего колхоза, хороший охотник и оленевод. Он был также хорошим информатором по разным вопросам этнографии нганасан.

Яроцкий Танурэ, 1878 г. рожд, в прошлом середняк, имел вместе со своим старшим братом, Лоптерю, около 500 оленей, но потом смерть брата, сына и стихийные бедствия подорвали его хозяйство, и только вступление в колхоз поправило его дела. Он считался знающим как дюрумэ, так и ситаби. Весто от него в 1938 г. записано пять текстов, но это далеко не весь его репертуар. Рассказывал он очень старательно, дополняя слова мимикой и жестикуляцией. Умер около 1940 г.

Примечание. Из перечисленных 26 рассказчиков 18 жили на территории Таймырского сельсовета, семь (Костеркин Дюфада, Порбин Като, Турдагян Атакай, Турдагян Ламбаку, Турдагян Мария, Чуанчар Супамита, Чуанчар Хенделю) — на территории Авамского (Турдагян Атакай, Турдагян Ламбаку и Чуанчар Хенделю потом тоже перешли в Таймырский, где и производились от них записи) и один (Турдагян Нгандуо) жил на территории Авамского, а затем переселился к эвцам в Долгало-Неведский сельсовет Усть-Евсейского района. Таймырский и Авамский сельсоветы находились в Авамском районе, а затем первый из них перешел в Хатангский, а второй — в Дудинский районы того же Таймырского национального округа.

КОММЕНТАРИИ *

- № 1. Турдагин Салоптэ. 27. IX. 1938, р. Волчья.
№ 2. Турдагин Неда. 8. VIII. 1961, пос. Усть-Боганяда.
Оба эти текста представляют вариации одного и того же мифа; первый записан у отца, второй, через 23 года, — у сына.

Во втором варианте точно названы два главных персонажа мифологии нганасан — Моу-нямы (Земли мать) и Дэйба-нгуо (Сирота бог). В первом они тоже фактически являются главными действующими лицами, но по именам не названы. Вероятно, это объясняется тем, что тогда нганасаны еще не решались сообщать посторонним лицам настоящие имена своих сверхъестественных существ.

Следует отметить и некоторые различия обоих вариантов. В первом Дэйба-нгуо (он же Белый человек, он же Ледяной бог и т. д.) является мужем Моу-нямы. Во втором этот элемент отношений между Дэйба-нгуо и Моу-нямы отсутствует. По другим рассказам Дэйба-нгуо считается то мужем, то братом Моу-нямы.

В нганасанской мифологии имеется некая Сырада-нянту (Подземного льда мать) и ее семь или десять сыновей Сырада-нянту (Подземного льда парни), которых иногда называют и Сырада-бойку (Подземного льда старики). Их не следует смешивать с героем этих мифов Дэйба-нгуо (Сырута-нгуо, или Сырю-нганаса и т. д.), хотя несомненно, что какая-то связь между этими различными персонажами мифологии нганасан все же существовала и отразилась в их названиях и сходной характеристике внешнего облика. Но Дэйба-нгуо (Сырута-нгуо, Сыранку-нганаса и т. д.) является положительным героем, покровителем нганасан, их культурным героем, своего рода нганасанским Прометеем (ср. концовку варианта Неда Турдагина), тогда как Сырада — это отрицательные существа, приносящие нганасанам смерть, голод и вообще зло.

Главное отличие варианта Неда от варианта его отца, Салоптэ, — это путешествие Дэйба-нгуо за огнем (солнечными лучами). Эта вставка в миф имеет явно модернизированный характер и кое в чем походит на некоторые традиционные эпизоды русских сказок. Здесь фигурируют город, царь, чудесная лошадь, русский ле-

* В начале каждого комментария указывается фамилия рассказчика, дата и место записи.

карь. Тут же мы имеем брак Дэйба-нгуо и дочери солнца. Это, по-видимому, Дялы-нямы (Дня мать) — важный персонаж мифологии нганасан. Однако в целом этот эпизод с солнцем и его семьей тоже очень модернизован. Основным и, вероятно, древнейшим олицетворением солнца является Коу-нямы (Солнца мать), а не старик — хозяин солнца, как это имеет место в тексте Неди Турдагина. Достоинство текста Неди, как мы указали, заключается в том, что он дает основные имена сверхъестественных существ, которые отсутствуют в рассказе его отца, и вводит дополнительные эпизоды.

В тексте Неди имеется Ниудумы моу-нямы (Жизни земля мать), которая дала Дэйба-нгуо, а через него и людям оленей. Вообще, Ниудумы-нямы — это мать диких оленей. А так как дикие олени были древнейшим основным источником существования нганасан, то поэтому она и называлась «Жизни матерью». Мать воды и рыб заменена у Неди хозяйком и хозяйкой рыб — это тоже явная модернизация.

Характерно, что в исходном и, видимо, очень древнем варианте мифа об устройстве земли и появлении людей, каким является вариант Салоптэ, как, впрочем, и в варианте Неди, действие разворачивается сперва в ледяной пустыне, а не на воде, залившей землю, т. е. отсутствует сюжет потопа, с чего часто начинаются подобные мифы, в том числе и нганасанские (см. ниже). Очевидно, этот «ледяной» вариант мифа (отражающий реальный факт паличия вечного материкового льда под почвой на территории обитания нганасан) сложился именно здесь, на Крайнем Севере, у древнейшего его населения, вошедшего затем в состав нганасанской народности.

Следует отметить некоторые неясности. Сыном Белого человека (Дэйба-нгуо) является в тексте Салоптэ сверла комолый, а затем приобретающий рога олень, запрягающий землю от нападений летающего рогатого бога-олени. То есть в процессе творения земли и жизни на ней происходит борьба двух начал, олицетворенных оленями, разумеется дикими, так как появление домашних оленей в этом «ледяном» мифе первоначально, конечно, исключено. Но кто такие эти два оленя, мы можем только гадать. Очень возможно, что в олене, сыне Белого человека, мы тоже имеем одно из олицетворений Дэйба-нгуо, который рисуется нганасанами в образе человека с оленьими рогами. Осмысление Белого человека как Дэйба-нгуо в таком случае является позднейшим. Возможно, конечно, что комолый олень был первоначально тотемическим образом зверя-человека, покровителя и, может быть, предка нганасан. Не случайно нганасаны рассказывают о том, что они родились, произошли из шерсти шкуры дикого оленя.

Другой — враждебный летающий олень, олицетворяющий злые, вредные по отношению к людям и живой природе силы, которыми в первую очередь являются для нганасан «коча», т. е. болезни. Надо сказать, что нганасаны отождествляют болезни и богов, т. е. «коча» и «нгуо», и, говоря по-русски, называют богов болезнями и болезни — богами. Возможно также, что с этой борьбой двух оленей связано и представление нганасан о том, что демоны (дымады) шаманы сражаются друг с другом в образе олень-самцов*.

* П. Третьяков, Туруханский край, СПб., 1869, стр. 426.

Так или иначе, в текстах Саломто и Неди мы находим, как нам кажется, один из основных и наиболее развернутых вариантов старых представлений иганасан о происхождении земли и жизни на ней, а в варианте Саломто — также объяснение происхождения некоторых явлений природы.

- № 3. Турдагин Нгандуо (Монтуку). 8. IX. 1948, пос. Воронцово.
В этом мифе сказались влияния православия. Из христианского пантеона заимствован образ св. Николая (Циколия бога). Но основным творцом жизни на земле является традиционный образ Моу-нямы (Земли матери).
Хробрт Койка-моу (по-эпедки Каха-ма, букв. «Шайтанов земля») находится на правом берегу Енисея, недалеко от пос. Караул. В прошлом это было священное место эпцев.
- № 4. Чуанчар Мупдуйко. 4. VIII. 1959, пос. Усть-Боганида.
Миф об утке, принесшей землю из-под воды, широко распространен на севере Сибири. Здесь представлено два иганасанских варианта этого мифа.
- № 5. Турдагин Атакай. 31. VIII. 1957, пос. Усть-Боганида.
Этот маленький и довольно бессвязный этимологический миф интересен тем, что в нем выступают некоторые главные персонажи иганасанского пантеона — Солица мать (Коу-нямы), Сирота бог (Дэйба-нгуо) и девять подземных ледяных парней (или стариков) (Сырада). Задача мифа помимо показа роли утки в создании земли объяснить также роль клюва ггары в борьбе с болезнями. Надо сказать, что клюв ггары настолько остер, что из него делали даже лапонецники стрел. Культурный герой иганасан Дэйба-нгуо оказывается инициатором лечения путем прокалывания больного места острым ггарьим клювом.
- № 6. Чуанчар Суцдамтэ. 6. VI. 1927, р. Сониэ.
Эта запись интересна, хотя бы своей примитивностью и наивным детерминизмом, мифа страдает тем недостатком, что мы не знаем имени действующего в нем божества. Вероятно, речь идет о Моу-нямы или, вероятнее всего, о Дэйба-нгуо (Сироте бога) — главном покровителе и культурном герое иганасан.
- № 7. Турдагин Нгандуо (Монтуку). 3. XI. 1948, пос. Воронцово.
Изложение и понимание этого мифа затруднено тем, что в русском языке слова «огонь» и «бог» мужского рода, а в иганасанском грамматический род отсутствует. Но огонь, мать огня, является для иганасан существом женского рода, как и Моу-нямы.
Из этого маленького мифа мы узнаем еще некоторые подробности устройства земли, совершаемого Моу-нямы. Легко заметить ряд противоречий с предыдущим текстом, но таково раннее мифотворчество. Даже из уст одного рассказчика мы узнаем разные версии мироздания. Эти противоречия надо исследовать, по ним приходится мяться.
- № 8. Турдагин Нгандуо (Монтуку). 3. XI. 1948, пос. Воронцово.
Последние фразы рассказчика являются ответом на наш вопрос, почему при наличии Туйнямы (Огня матери) пришлось послать за огнем к «Миколке богу». Вероятно, здесь имеется в виду эпизод с путешествием Дэйба-нгуо за огнем к Коу-нямы (Солица матери), приведенный выше в мифе Неди Турдагина о Дэйба-нгуо.

- № 9. Турдагин Атакай. 7. IX. 1957, пос. Усть-Боганида.

Как объяснил рассказчик, им имелись в виду реки Моховая и Гольчиха.

Это очень интересный миф, к сожалению сообщенный нам только в отрывках. Мы не знаем, например, судьбы человека, по видимому предка нганасан, поселившегося в верховьях реки. Но так или иначе, здесь перед нами еще одна концепция происхождения людей непосредственно от Матери земли.

При всей фрагментарности текста в нем имеются очень архаичные элементы — охота на диких оленей на поволоке, женщина, таскающая в санках колыбель, и др.

- № 10. Костеркин Дюфадэ. 6. VI. 1927, р. Сонитэ. Запись А. П. Лекаренко.

Этот миф о происхождении людей, вернее, нганасан интересен тем, что Дэйба-нгуо рисуется здесь их первопредком. Вероятно, речь шла не обо всех нганасанах, а лишь об их западных родах Нгамтусо, исконной землей которого была Пясина, и Нгомде, переселившемся с Пясины на Таймыр. Предки остальных нганасан считаются пришедшими с востока (см. ниже). Конечно, приурочение мифа к определенным родам очень условно. Древняя основа его, конечно, не была связана ни с определенной территорией, ни с определенными родами (фратриями).

Странно, что в этом мифе дикие олени происходят от домашних. Следовало бы ожидать обратного, т. е. приручения диких оленей. Но, может быть, в этом мифе первоначальные отношения предков людей и оленей мыслились не в виде связи, какая существует между людьми и их домашними животными, а как покой симбиоз людей с их тотемами из животного мира, т. е. миф отражает эту, очень раннюю стадию человеческой идолологии.

- № 11. Турдагин Юре. 27. VIII. 1957, пос. Усть-Боганида.

Сопоставляя это предание с другими, можно думать, что оно относится главным образом к роду Лианчера (к которому принадлежит и рассказчик). Этот род эвенкийского происхождения. Ниже, в разделе исторических преданий, мы тоже найдем текст, в котором героя предания, эвенка, воспитал медведь.

- № 12. Турдагин Ламбаку. 3. VIII. 1959, пос. Усть-Боганида.

Мифы о вороне, как известно, очень распространены на северо-востоке Азии и северо-западе Америки. Имеются они и у нганасан, но в небольшом количестве. Данный текст интересен тем, что он имеет явно тотемический характер. Лебедь — это не просто лебедь, а воспитанный лебедями человек (ср. этот сюжет в «Советской этнографии», № 3, 1962, стр. 178—182). Человек-лебедь женится на дочери поронов — отражение существовавшего экзогамных родов (фратрий) с тотемическими названиями.

Любопытно, что на Таймыре действительно жили рядом род Лебедей (род Лодоседа у энецов) и род Воронов (род Нгамтусо у нганасан), причем этот последний род тоже был эвенцкого происхождения.

- № 13. Чунанчар Хенделю. 7. IX. 1957, пос. Усть-Боганида.

Здесь мы имеем вариант мифа об отношениях воронов и лебедей. Этот вариант мифа значительно беднее предыдущего по содержанию, но рассказан более живо.

Выражение «у поперечноглазых на чумищах» (нарю сейма мадыгита) имеет в виду оставленные людские стойбища.

Дяма — суд из вареной крови — это древнее традиционное блюдо нганасан.

№ 14. Турдагипа Мария. 2. IX. 1959, г. Дудинка.

Эта сказочка-миф нами приведена, чтобы показать и этот вид мифологического творчества нганасан. Трудно сказать, как такие рассказы вошли в фольклор нганасан и в каком отношении они стоят к основным мифологическим сюжетам и верованиям нганасан. Но их существование, как видим, вполне реально.

№ 15. Турдагип Юре. 25. VII. 1959, пос. Усть-Боганяда.

Это нганасанский вариант широко распространенного в Сибири сюжета о происхождении комаров из искр, вылетавших при сожжении нечистого существа.

№ 16. Турдагин Нгандуо (Монтуку). 8. X. 1948, пос. Воронцово.

По словам рассказчика, Линанчера шамана зовут еще ва пчо (нганасанский шаман), а Нгамтусо шамана — сомату нго (энецкий шаман). Это лишь косвенное подтверждение того обстоятельства, что род Нгамтусо (Костеркины) считается у нганасан энецкого происхождения.

Сюжет о полете шамана с гусями на зимовку очень распространен. Мы его записывали у энецов, ессейских якутов, эленков. В данном, нганасанском варианте его полет связан не только с желанием показать свою силу, но и с желанием обеспечить удачную охоту своему роду. Интересны также подробности пребывания шаманов в земле Матери гусей. Неясно, что это за река Гусей матери, хотя сам этот образ вполне укладывается в традиционную схему представлений нганасан о сверхъестественных существах. Наряду с Матерью гусей существовала и Мать собак и Мать рыб (она же Мать воды) и др.

№ 17. Турдагин Нгандуо (Монтуку). 25. XI. 1948, пос. Воронцово.

Как известно, многие народы Сибири считают, что на луне виден шаман с бубном. Этот миф должен объяснить, как шаман попал на луну. В отличие от других вариантов этот рассказ связывает приход шамана на луну с тем обстоятельством, что по фазам луны женщины народов Севера вычисляют время родов и т. п.

№ 18. Турдагин Ламбаку. 28. VII. 1959, пос. Усть-Боганяда.

Этот рассказ на первый взгляд является историческим преданием о набеге негцев на энецов. Но оно усложнено тем, что главный герой его, несмотря на свой человеческий облик и образ жизни, является не кем иным, как главным сверхъестественным покровителем нганасан Дэйба-нгуо. Трудно себе представить, как мог возникнуть такой сюжет мифологической сказки. Но, вероятно, такой характер образ Дэйба-нгуо принял в связи с тем, что он считался культурным героем нганасан, даже их предком, и поэтому легко мог быть наделен чисто человеческими чертами, свойствами и наружностью. Образ Дэйба-нгуо нуждается в специальном изучении во всех его вариациях и перевоплощениях. Популярный шуточный герой (трикстер) нганасан Дяйку тоже, вероятно, связан с Дэйба-нгуо.

№ 19. Турдагипа Мария. 11. VII. 1959, г. Дудинка.

Эта мифологическая сказка, по нашему мнению, позднего про-

исхождения, связанная уже с шаманистическим культом. Рассказчица сперва колебалась по поводу того, кто ходил к «счастью богу» — женщина или мальчик.

Нилы-нгуо сперва был божеством диких оленей; назывался он тогда Нилы-нямы (Жизни мать). Такое название объясняется тем, что дикие олени были основой существования нганасан в прошлом. Перевод словосочетания Нилы-нгуо как «Счастья бог» был предложен самой рассказчицей, прекрасно владеющей русским языком. Нам, однако, кажется, что правильнее был бы перевод «Жизни бог».

Как видим, в этом тексте дикие олени даже не упоминаются. Речь идет о домашних оленях, рыбе, сирге. Все это играло большую роль в жизни нганасан и более близкое к нам время, во всяком случае после того, как они перестали быть пешими охотниками на диких оленей. Но одна древняя деталь в этом тексте сохранилась. Костер в чуме Нилы-нгуо горит в яме. Так, по словам нганасан, устраивались костры их предками и так устроены костры в земле мертвых (бодырбо-моу).

№ 20. Турдагин Нгандуо (Монтуку). 18—19. XI. 1948, пос. Воронцово.

Это тоже поздний миф, проликутый шаманистическим миро-созерцанием. Женщина (девushка), мать шаманов, — это известная нам Моу-нямы, ее брат — Дэйба-нгуо. Три волосатых бога считаются у нганасан русскими богами. Как видим, главные сверхъестественные существа нганасанского пантеона являются здесь второстепенными, подчиненными персонажами. Поэтому этот рассказ интересен, в частности, для ознакомления с процессом трансформации более ранних верований под влиянием других, более сложных и казавшихся людям родового общества более изобретательными.

«Пасторожки», при помощи которых жадные боги запирали от голодавших людей рыб и зверей, их добычу, по-нганасански называются моу-хэопты, по-энепки — дя-сару, по-пенеcki — я-ни-ски. Все эти три варианта означают «земли запор».

Вследствие того что боги запирали от людей их добычу, люди голодали и умирали, а их истощенные тела доставались на съедение богам.

Почему всегда доброжелательный к людям Дэйба-нгуо ведет здесь себя довольно двусмысленно, для нас неясно. Создается впечатление, что это произошло лишь под влиянием желания выпить.

№ 21. Порбин Полепты. 20.X.1938, р. Хэбала, приток Таймыры.

Покончив самоубийством, Кыха-лу стал, очевидно, невидим для людей, и его разговор они принимали за потрескивание огня. Но ночью Кыха-лу имел возможность говорить с человеком во сне. В этом предании очень заметно выступают неожиданные переходы от мира людей к миру сверхъестественных существ и вообще стирается всякая грань между ними. Интересно, что сверхъестественным существом, а затем «шайтаном» (идолом) человек становится, покопив самоубийством.

№ 22. Турдагин Салотэ. 2.I.1935, верховья р. Пайтурмы, притока Дудыты.

В этом рассказе ценно описание земли мертвых (бодырбо-моу) и пути в нее. Хотя героиня этого произведения является шаманой, во легко себе представить этот сюжет и без них.

Как и в других аналогичных произведениях такого рода у нганасан, здесь имеется такая ситуация, когда живые люди являются для мертвецов сверхъестественными существами, которых могут видеть и слышать лишь мертвецы-шаманы.

Действия живого человека в земле мертвых уподоблены действиям коча (болзани) в земле живых людей. Болезнь схватывает человека, и тот заболевает. В земле мертвых живой человек схватывает мертведа, и последний тоже заболевает. Мертвецы называют живых людей богами, т. е. игуо, потому что коча (болезни) тоже называются нганасанами игуо (богами).

Как и в других рассказах нганасан этого типа, совершенно незаметно происходит переход из реального мира живых людей в потусторонний мир мертвецов. Чумы с умирающей и умершей девушками как бы являлись этапами этого перехода в землю мертвых.

№ 23. Порбин Номонт. 3.I.1935, верховья р. Пайтурмы, притока Дудышты.

Этот рассказ целиком проникнут шаманистической идеологией. Цель его — объяснить (и оправдать) получение шаманами платы за свои камлания как в виде оленей, так и в виде девушек, которых они брали себе в жены.

Вместо с этим рассказ дает представление и о том, как рисовалось шаманами их путешествие в загробный мир за душой умершего. Как видим, душа представлялась вполне материально и отождествлялась с сердцем.

Любопытно начало этого предания, где покойник сравнивается с диким оленем. Тут, вероятно, мы имеем отражение каких-то очень древних представлений.

№ 24. Турдагин Нгадую (Монтуку). 25.IX.1948, пос. Воронцово.

Далее рассказчик объяснил, что «семь ледяных девок (сяйба кондарбо сыради копту) имеют отца Сыради-барба (Подземного льда хозяина). Другое его имя — Моу-баруси (Земли дьявол). Это он у нас, людей, души ворует. А душа (батитю) сидит в сердце».

Таким образом, здесь мы имеем несколько иную концепцию обитателей подземного льда по сравнению с обычной. Вместо Сыради-нямы (Подземного льда матери) имеем Подземного льда хозяина, но зато вместо семи (или девяти) Сыради-нянту (Подземного льда нарней) — семь Подземного льда девушек.

В целом же этот рассказ представляет более архаичный вариант предыдущего. В нем меньше влияние шаманизма и больше древних черт в характеристике «нижней земли», т. е. подземного мира и его обитателей. Но в обоих случаях фигурирует река (вода), являющаяся препятствием на пути в землю мертвых.

№ 25. Нгомде Нере. 2.I.1935, верховья р. Пайтурмы, притока Дудышты. Лотурапта Чунанчар был «князем» (барба) авамских нганасан в начале XIX в.

Оспа до революции часто поражала нганасан, как и другие народы Севера. Не удивительно, что эпидемии оспы и опустошения, которые они производили, часто упоминаются в произведениях устного народного творчества нганасан.

Идея о том, что умерший, а затем воскресший человек становится большим шаманом, свойственна не только фольклору наро-

дов Сибири, но в отношении кетов встретилаcь нам даже в одном документе середины XVIII в. Следует указать, что из рода Чуванчара по традиции должен был избираться «князь» авамских иганасан. Что же касается шаманов, то некоторые иганасаны утверждали, что в этом роде шаманов не бывало. Приведенное предание, таким образом, идет вразрез с этим заявлением. Ниже, в варианте этого рассказа, шаман действительно оказывается уже не из рода Чуванчара, а из родственного последнему рода Нивонде.

№ 26. Чуванчар Хенделю. 20.VIII.1957, пос. Усть-Боганида.

Здесь мы имеем развернутый вариант предыдущего рассказа. Мы находим в нем больше бытовых подробностей, чем в первом, и некоторые сведения по шаманизму иганасан; в частности, мы узнаем о тех приемах, при помощи которых шаманы повышали свой авторитет в глазах верующих. Этой цели служила, например, посылка рукавицы в качестве целебного амулета.

Дялтодуси Чуванчар, от которого Хенделю слушал этот рассказ, был последним «князем» (барба) авамских иганасан, хорошо знавшим традиции и обычаи своего народа.

Хотя в тексте, в одном месте, упоминаются отдельно коча (болезни) и нгуо (боги), в заключение рассказчик подчеркнул (в ответ на наш вопрос), что боги и болезни — это одно и то же. В тексте выражение «от разных болезней (коча), от разных богов (нгуо)» представляет риторический прием: повторение разных названий одного и того же явления должно усилить впечатление.

№ 27. Чуванчар Мулдукю. 4.VIII.1949, пос. Усть-Боганида.

В этом любопытном рассказе Сырада-нямы (Подземного льда мать), отрицательный персонаж иганасанского пантеона, отождествляется с Моу-пямы (Земли матерью), главным положительным сверхъестественным существом, творцом жизни на земле. Ошибка ли это или один из вариантов мифологии иганасан — сказать трудно. Выше мы видели, что главный покровитель иганасан Дэйбангуо представлялся белым человеком, живущим в ледяном чуме, т. е. едва ли не отождествлялся с Сырада-нянту (Подземного льда парнем), тоже отрицательным персонажем мифологии.

Упоминаемых в этом рассказе Дюфаде Костеркина, Дялтобу Порбяна и его сына Номонтэ автор этих строк знал лично. От последнего записано много текстов, в том числе и помещенных в данном сборнике.

Конец рассказа несколько неясен. Сырада-пямы отказывается дать шапку Нью-пямы, которую просят для лечения больной женщины, потому что собираются ее сама носить. Но почему она будет носить эту шапку с тех пор, когда Нью-пямы поседает, непонятно. Кстати, под названием Нью-пямы здесь явно подразумевается Моу-пямы, если только Дюфаде и Ауда не выдумали это новое божество.

№ 28. Турдагин Нгандуо (Монтуку). 20.IX.1948, пос. Воропцово.

Вообще это очень интересный миф, но явно относительно позднего происхождения. Вместо Матери диких оленей, она же Мать жизни (Шиль-нямы), мы имеем здесь Отца диких оленей; вместо Матери лоды (она же Мать рыб) здесь фигурирует Хозяин моря и Отец рыб. Может быть, дело в том, что этот и другие такие же, позднего характера, мифы, в которых уже нет преобладания древ-

пей матриархальной идеологии, привнесены проникшими в среду нганасан эвенками, которыми были, в частности, тидырисы — предки рода Линанчера.

В мифе не получив развития эпизод с возвращением одной жены поднявшегося на небо Отца диких оленей обратно на землю. Возможно, в ней и ее детей мы имеем предков людей, обитателей нашей, средней земли. В таком случае получается, что люди и дикие олени, согласно этому нганасанскому мифу, одного происхождения.

№ 29. Турдагин Нгандуо (Монтуку). 8.XI.1948, пос. Воронцово.

В этой мифологической сказке мать мертвеца, сама тоже находящаяся в земле мертвых, затем превращается в Моу-нямы, главное сверхъестественное существо нганасанского пантеона. Интересно здесь описание жизни в земле мертвых, эпизод с ударом по котлу, после чего героиня рассказа опять возвращается на среднюю землю живых людей, постепенное превращение ее мертвого мужа в живого человека и т. д. Отказав дать Матери земли поцеловать своих детей, героиня становится причиной гибели своего племени и в конце концов находит приют лишь у русских, на которых заклятье Матери земли, видимо, не действует.

В целом здесь мы имеем поздний по своему содержанию рассказ, правда, с использованием старых мифологических образов, но с явной морализирующей тенденцией показать необходимость выполнять пожелания старших родственников, в том числе и умерших.

В какой степени приведенные в данном тексте эпизоды мифологического характера, например упомянутое выше превращение умершей старухи в Моу-нямы, отражают основную религиозную концепцию нганасан, сказать трудно. Скорее всего здесь мы имеем пример сужения и персонализации древнего образа Моу-нямы, который первоначально вряд ли был связан с какой-либо умершей женщиной.

Возможно, что такие предания складывались о матерях — прародительницах родов и только в данном случае для усиления остроты сюжета такая мать — прародительница рода была отождествлена с образом Моу-нямы.

Сам же сюжет — живой человек становится супругом мертвого — вероятно, достаточно древнего происхождения. Ниже он нам еще встретится.

Следует объяснить, что мертвец («ледовка»), ставший мужем героини, вышел из маталир-ма, т. е. из конического сооружения над лежащим на санках покойником. Это древний способ захоронения у нганасан и эвцев в полосе леса. Нганасаны словом «ледовка» называли и самого мертвеца, в сооружение, в котором он был захоронен.

Эпизод с важенькой имеет явную морализирующую тенденцию: надо хорошо обращаться с оленями. Земля Зирга, о которой говорится важенька, — это бодырбо-моу (земля мертвых), но что это за название, нам неизвестно. Оно нам встретилось только в этом случае.

№ 30. Турдагин Нгандуо (Монтуку). 27.X.1948, пос. Воронцово.

В этом рассказе мы также имеем брак мертвеца с живым чело-

веком. Но в данном случае все кончается благополучно благодаря вмешательству родных жены мертвеца.

Кроме сведений о личных отношениях в среде нганасан, о силе привязанности девушки к своему умершему другу в этом рассказе интересен эпизод с борьбой шаманов в образе самцов-олений. Об этом упоминал еще Третьяков в середине прошлого столетия (П. Третьяков, Туруханский край, СПб., 1869, стр. 426). Это сообщение Третьякова использовал известный английский ученый Фрейзер в своем труде «Золотая ветвь». Но слово «пороз», которым на енисейском Севере в пределах бывшего Туруханского края называют самцов-олений, Фрейзер перевел словом «вепрь», вследствие чего у него получилось, что нганасавские шаманы имеют духов-вепрей (кабанов), которых посылают сражаться. А надо сказать, что вплоть до 30-х годов нашего века нганасаны не имели никакого представления о свиньях, домашних и диких.

Сражение, борьба шаманов в образе оленей имеет место и в энецком фольклоре (см. «Труды Института этнографии», т. XVI, 1961, стр. 83).

№ 31. Турдагина Мария. 2.IX.1959, г. Дудинка.

В этом рассказе есть нечто общее с мифологической сказкой «В земле мертвецов» (см. выше). Здесь мы также получаем некоторые дополнительные сведения о том, как нганасаны представляли себе жизнь в земле мертвых. Ценна деталь, что в чумах мертвецов были две двери — одна обычная и другая в переднем углу, против первой, за очагом. Кстати сказать, такая дополнительная дверь имеется у нганасан и теперь, но только у летних чумов.

Интересен эпизод с чайками, которого нет в тексте «В земле мертвецов». У энецов есть мифологическая сказка, в которой чайки вместе с лебедями и воронами фигурируют в качестве каких-то полулюдей, полуптиц («Труды Института этнографии», т. XVI, 1961, стр. 38 и далее). Может быть, все такие детали в фольклоре энецов и нганасан восходят к древним тотемическим представлениям предков этих народов.

№ 32. Нгомде Пере. 13.X.1938, устье р. Логаты.

Перед нами здесь мифологическая сказка, должная объяснить, почему люди тонут в воде. Конечно, странно и нелогично, что общество оленеводов и охотников, живущих в чумах, имевших шаманов, до этого случая не знало смерти в воде.

Рассказ этот явно позднего происхождения. Об этом свидетельствует и характер общества, отмеченный выше, и то обстоятельство, что вместо Матери воды (Быда-нямы) здесь уже имеется старик, бог воды, и т. п.

Эта мифологическая сказка была очень популярна среди нганасан, может быть, потому, что она хорошо отображала их старый быт, занятия и действительные и воображаемые опасности, которые их подстерегали в тундре.

Баруси, как мы знаем, — это один из видов сверхъестественных существ, известных фольклору и верованиям нганасан. Эпизод с нохищением мяса, сушащегося на вешалах, очень популярен у нганасан. Иногда эта история рассказывается как событие, случившееся совсем недавно с отцом или дедом рассказчика или другого известного нам лица.

23 августа 1957 г. Хейделю Чунавчар сделал такие добавления и пояснения к этому преданию.

«Чина-Барангуй догнал баруси у урочища Саттара-бонка (Песцовая поря) на реке Таймыре. Чина-Барангуй, пожалел еду для баруси, потом пропал. Баруси еда, его юкола — черви, а этот захотел человеческой еды. Эту историю о Чина-Барангуйе и баруси у Саттара-бонка рассказал шаман во время камлания. Настоящее название этого места — Баруси-бонка (Баруси поря). Когда шаман кончил об этом рассказывать, он тихо был в бубен, а Нере ударил по обечайке бубла и сказал: „Так, так, было такое“. Будто шаман этого не знал раньше, а узнал только сейчас, став „дурным“ во время камлания. Шаман тогда же ночью туда ушел, оставался все еще „дурным“. Шаман залез в „дыру“ на Саттара-бонка, так что видны были только концы его ног. Нере оттуда его вытащил и сказал, что такое действительно было, что баруси искал еду, и рассказал, как баруси хотел красть еду у нганасан.

„Дыра“ эта была видна еще в прошлом году, как свежая. Но ничего в ней не нашли. Может быть, ночью баруси ушел, услышав о приходе людей. Около Саттара-бонка всегда находят много кремней. Кремни там другой породы, как русские кремни. Мы берем их брать, чтобы за нами не пошел баруси. Около Саттара-бонка также много старых ледовок, много, как лес, захоронено старинных людей».

№ 33. Пгомде Нере. 14.X.1938, устье р. Логаты.

В этом рассказе достойно внимания совпадение его с таким же преданием у эсеевских якутов. С другой стороны, в этом нганасанском варианте предания интересно неожиданное превращение людей в демонов болезней. Люди «верхней земли» являются демонами болезней для людей «нижней земли», так же как обычно этим являются демоны «нижней земли» для людей «верхней». В этом предании вообще стирается грань между обоими мирами и трудно понять, который из двух фигурирующих в нем миров является реальным. Неожиданный переход от реального к фантастическому — одна из любопытнейших особенностей фольклора нганасан.

Вместе с этим следует отметить поздний характер этого рассказа. Любопытно, что в нем на оленях ездят верхом, по-эвенкийски, а не в сапках, по-нганасански.

Очевидно, этот рассказ или заимствован у эвенков, или свидетельствует о наличии эвенкийского компонента в составе нганасан.

В целом это типичное повествование о пребывании в земле мертвых с той лишь разницей, что эта земля мертвых — эвенкийская.

Идея о превращении человека, побывавшего в земле мертвых, в духа болезни, точнее, в «болезни бога» (коча нгуо) в предыдущих рассказах не встречалась. Поэтому трудно судить, насколько это типично.

№ 34. Пгомде Нере. 5.X.1938, устье р. Логаты.

Нганасанский моричэ соответствует энецкому моррэдэ — одинокому охотнику, который охотится с помощью оленя-самца с петлей на рогах.

Этого оленя охотник выпускает к стаду диких оленей. Когда дикий самец вступает в бой с этим прирученным оленем, он запутывается своими рогами в петле на рогах выпущенного к стаду оленя и становится добычей охотника. Бывают еще олени-маньчики. Такого оленя охотник выпускает на длинном ремне к диким оленям, а сам скрывается за вторым оленем и так постепенно приближается к диким. В фольклоре нганасан п энецев охотник-моррэдэ иногда протivoоставляется пещим охотникам, аборигенам Севера.

Такой охотник-морича, или моррэдэ, типичен для энецкого фольклора. Вероятно, п этот рассказ энецкого происхождения.

Дядуру — это обычные персонажи нганасанских сказок, которых обманывают или популярный плут и обманщик Дийку, представляющий, по всей вероятности, одну из вариаций древнего образа Дэйба-нгуо, или другие герои нганасанского фольклора, как в данном случае Форуда.

Имя Санэр значит «пещорец». В нганасанский фольклор Санэр попал тоже из энецкого. Нганасаны иногда произносят это слово «сапар» и переводят его «круг».

Необычно обрисован в этой сказке образ баруси. Она показана здесь добрым, услужливым существом, не помнящим и даже не понимающим зла. Впрочем, такая трактовка образа баруси встречается и в других сказках.

№ 35. Турдагян Нгандуо (Монтуку). 3.X.1948, пос. Воронцово.

Наименование Лахарэнга-нгуоу пам переводили по-разному: «рот на животе», «глаза на плечах». Другое название этих мифических людей — Нгойбуо-ачу («безголовые»).

Данный рассказ увязывает безголовых людей с мифом о появлении у людей домашних оленей. При этом безголовые люди сами имеют оленей, но препятствуют тому, чтобы приемыш отца и матери оленей Войку-батуру (едва ли это не еще одно перевоплощение Дэйба-нгуо) доставил оленей на землю людям. Может быть, в этом сюжете отразилась первоначальная ситуация, сложившаяся после прихода самоедов-оленоводов на Север, когда местные аборигены напали на них. Но было бы ближе к исторической действительности, если бы эти аборигены были показаны как пещие люди. По всей вероятности, до прихода оленеводов на Север там жили пещие охотники на диких северных оленей.

№ 36. Турдагян Нгандуо (Монтуку). 10.XI.1948, пос. Воронцово.

Рассказы о мифических безголовых людях довольно часты в фольклоре народов Севера. Обычно в них видят аборигенов тундры, одетых в глухую одежду с капюшоном, отчего они производят впечатление безголовых. Образ безголовых людей пропик из фольклора и в «Сказание о человеках незасеяемых», и в известиях иностранцев о народах Северной Азии, собиравшиеся в XV—XVII вв.

В этой мифологической сказке описан быт, очень близкий к традиционному быту нганасан, хотя герои его являются энци-моррэдэ и безголовые люди. Любопытно, что безголовые люди якобы ездил верхом на олених. Верховую езду на оленях на Крайний Север принесли эвенки. Может быть, они в данном случае фигурируют в образе безголовых людей?

№ 37. Чунанчар Китэ. 25.X.1938, р. Волка.

Этот рассказ дает представление о некоторых сторонах верований народов Севера. Не все здесь понятно. Превращение стада диких оленей в налима, а затем в жемчужину, олицетворяющую какое-то божество, то ли Мать воды (Бы-нямы), то ли саму Мать земли (Моу-нямы), происходит в каком-то странном мистическом транс, мало свойственном простым, реалистическим образам ранних мифологических рассказов нганасан. Вероятно, здесь мы имеем тагантиную переработку первоначального, сравнительно простого мифа под влиянием более уточненной шаманистической мистики. Мы считаем, что рассказчик ошибся, назвав жемчужину — божество баруса (см. выше). Здесь нужно было другое слово — нгуо или нямы (т. е. бог или мать). По-видимому, этот рассказ энедского происхождения. Слово «тала» значит «олениный», т. е. богат. Хунс-тала значит «Чужой олениный». Имя Боро мы перевести не можем.

№ 38. Турдагви Атакай. 5.VIII.1957, пос. Усть-Богачица.

Банка (бокка) значит по-нганасански «яма», «землянка», а также «житель землянки», «ямный житель». Таким образом, здесь речь идет о каких-то древних обитателях подземных или полуподземных жилищ на Таймыре.

Кто мог быть этими людьми? Очевидно, какие-то обитатели севера Сибири, жившие здесь до тунгусских и до самодийских оленеводов. Вероятно, это были люди, не говорившие на алтайских или уральских языках, к которым принадлежат тунгусские и самодийские языки, т. е. какие-то так называемые палеоазиаты, не имевшие домашних оленей и жившие охотой на диких оленей. Рассказчик, конечно, впадает в явный анахронизм, приписывая банку охоту на пещра при помощи клепцы и пастей. Эти способы охоты были принесены в Сибирь лишь русскими. Очень интересны детали этого рассказа об охоте на «водяного лоса» (моржа? тюленя?), об одежде с пришитым к ней одеялом, о сходстве этих легендарных банка с чукчами.

№ 39. Порбин Лотарю. 15.X.1938, устье р. Логаты.

По всей вероятности, мы имеем здесь переплетение какого-то древнего легендарного сюжета с более поздним, вызванным появлением на севере Сибири бородатых русских. Изба, сени с медведями (ездовые собаки?), помещенье с мамонтовыми клыками (дрова, а может быть, и указание на добычу русскими мамонтовых бивней и моржового «зуба») — все очень похоже на быт русских промышленных людей XVII в. Мнение Окладникова по этому вопросу см.: А. П. Окладников, Русские полярные мореходы XVII в. у берегов Таймыра, М.—Л., 1948, стр. 152, сноска 3.

№ 40. Нгомде Нере. 20.IV.1927, р. Пайгурма. Запись А. П. Лекаренко.

Это самая ранняя запись основного нганасанского предания о происхождении нганасан, о приходе их предков с востока и о столкновениях с эвдами и ненцами. Концовка повествует о подчинении нганасан русским и прекращении вследствие этого межплеменных столкновений. Под нганасанами («нашими людьми») здесь имеются, вероятно, и виду лишь тавги, т. е. предки родов Чуанчара и Нинонде у авамских нганасан.

№ 41. Чуанчар Сулдамптэ. 24.IV.1927, ст. Летовье.

Этот вариант рассказа нганасан о своем происхождении интересен тем, что в нем говорится о каком-то парде на востоке, от

которого якобы когда-то отделились предки нганасан. Видимо, речь идет о юкагирах. Конечно, не следует это сообщение понимать буквально, но, по-видимому, нганасаны, как показывает данный рассказ, осознавали свое родство с каким-то народом на восток от Таймыра.

№ 42. Турдагин Нгавдуо (Монтуку). 1.XI.1948, пос. Воронцово.

По-видимому, нещды слышали этот рассказ от эцев или пгана-сан, а через нашего рассказчика он опять вернулся в ту среду, где возник.

В описании чукчей есть правдоподобные черты, например: палатная черз плечо веревка, показывающая чукотскую манеру ношения плетеного ремня (маута), ловкость, с которой чукча ориентируется во льдах. Но интересно, что и в этом рассказе упоминаются какие-то родственники нганасан, живущие близ чукчей. Очевидно, все же это юкагиры, если только не эскимосы.

Хорошо здесь показаны первобытная взаимопомощь и гостеприимство, свойственные людям доклассового общества. Но наличие домашних оленей разрушает эти отношения и, как показывает эпилог рассказа, создает богатство, имущественное неравенство, свойственное уже и патриархально-родовому строю.

№ 43. Турдагин Нгавдуо (Монтуку). 8.IX.1948, пос. Воронцово.

Кто были эти чукчи, трудно сказать. Или действительно какая-то группа чукчей когда-то проникла на Таймыр, или под названием чукчи имеется в виду какая-то другая этническая группа. Для прошлого исследователи отмечали склонность чукчей к самоубийству. Здесь также схвачена эта деталь.

Начало этого рассказа надо понимать так: Лодоседа — это род тундровых эцев, которых считают аборигенами района устья Енисея, потомками древних охотников-моржода. Следовательно, действие рассказа относится к тому времени, когда другие современные эцедкие роды еще не проникли к устью Енисея, а тагга, предки нганасан, не распространились на запад, на Пясину.

№ 44. Пгомде Нере. 2.X.1938, устье р. Логаты.

Это типичный вариант широко распространенного у нганасан рассказа о приходе их предков с востока. Большая река, которую они порепили, — это, по-видимому, Хатанга. По всей вероятности, в этом предании имеются в виду не все нганасаны, а часть их, так называемые тагга, предки родов (фратрий) Чунанчара и Нивонде. Еще в первой половине XVII в. большая часть таггов, предки рода Нипопде, жила к востоку от Хатанги, в низовьях Анабара.

№ 45. Чунанчар Сундамтэ. 8.VI.1927, р. Сопята. Запись А. П. Лекаренко.

В этом предании соединены в один связанный рассказ четыре отдельных предания: 1) о происхождении людей, 2) о происхождении народа нганасан, 3) о богатырях Тими-хоти и Иния Ватуру, 4) о двенадцати (или семи) казаках.

Последние три помещены в сборнике «Легенды и сказки нганасанов» (Красноярск, 1938). См. также ниже текст «Война с юраками». Данный рассказ по второму и четвертому преданиям, названным выше, содержит в себе больше подробностей. По третьему названному выше преданию он представляет собой более краткий, в общем, вариант, но также с некоторыми новыми подробностями.

Примечательно, что среди родов предков нганасан здесь не упоминается род Нгамтусо (Костеркины), который считается по происхождению с «Тазовской стороны» появившимся у нганасан позже, хотя известно, что предки рода Нгамтусо, кураки («вороны»), уже были на Таймыре в начале XVII в.

Начало предания едва ли не заимствовано через русских из библейского рассказа.

№ 46. Нгомде Нере. 17.X.1938, устье р. Логаты.

Предание это в несколько сатирической форме рисует типичное межплеменное столкновение уже после того, как нганасаны сложились в качестве особой самодийской народности. Оно очень популярно у нганасан. Здравое народное сознание не понимало и не одобряло вооруженных столкновений, происходивших под руководством родового и племенного знати. Отсюда и иронический, гротескный налет на всем этом рассказе.

№ 47. Турдагин Нгандуо (Монтуку). 28.IX.1948, пос. Воронцово.

Другой вариант этого предания см. в издании «Легенды и сказки нганасанов» (Красноярск, 1938, стр. 58—64). Энецкая версия этого предания помещена в издании «Мифологические сказки и исторические предания энецов» (М., 1964, стр. 89—94).

Как мы уже указывали в последнем из упомянутых изданий, военные походы энецов в низовья Енисея действительно бывали, например в 1679 г., когда подверглись нападению не только энци, но и русские промышленные люди. Вероятно, эпизод с убийством русского старичка, едущего на собаках по Енисею, фигурирующий в данном тексте, имел не только памфлетическую задачу — показать жестокость зачинщиков и участников таких набегов, но отразил и действительно имевшие место события. Вместе с тем вся эта сценка проникнута глубоким сочувствием к миролюбивому и доброжелательному трудовому русскому народу, свидетельствуя о тех отношениях дружбы, которые сложились в низовьях Енисея между его коренными обитателями и русскими крестьянами, поселявшимися здесь.

По энецкой версии, бой между энциами, с одной стороны, и энциами и нганасанами — с другой, происходил около оз. Туоруотэ. Сиговое озеро, которое названо в качестве места столкновения в данном рассказе, находится рядом с оз. Туоруотэ, несколько западнее его. Правда, рассказчик несколько путался в местоположении Сигового озера. То он говорил, что оно находилось к западу от Енисея, против Дудинки, за хребтом Бэгычэму (Бугуча), то он смешивал его с Боганидским (Вакулату, т. е. «Осетровое») озером, между Дудинкой и Юрильском. В энецкой версии этого предания эпизод с попыткой захвата выехавших вперед разведчиков тоже связывается с хребтом Бэгычэму (Бугуча).

№ 48. Турдагин Нгандуо (Монтуку). 23.IX.1948, пос. Воронцово.

Рассказ о Соиму-сыне очень популярен среди нганасан. Один его вариант нами был опубликован в «Легендах и сказках нганасанов» (Красноярск, 1938). Надо сказать, что оба эти варианта значительно различаются, и трудно сказать, какой из них ближе к первоначальному.

Предания о Соиму хорошо отражают суровые нравы эпохи становления патриархально-родового строя. Вместе с тем следует от-

метить, что иганасаны, как мы видели, осуждают бессмысленную жестокость Сойму-сына по отношению к людям, невиновным в убийстве его родителей и жены.

По-видимому, история о Сойму-сыне отражает какие-то эпизоды из истории иганасанского рода Линанчера. В нем действительно были люди, считавшие себя его потомками.

№ 49. Чуванчар Комбюма. 23.X.1938, р. Большая Волчьа.

Род Чуванчара имеет также название Фало, т. е. «Камень». Эта легенда объясняет происхождение названия Фало. Но возможно, что это название рода Чуванчара происходит от иганасана данного рода по имени Фало, жившего в конце XVII в. В настоящее время название Фало употребляется иногда и в качестве названия всего рода Чуванчара. Вероятно, в конечном счете название Фало свидетельствует об эвенкийском происхождении рода Чуванчара.

№ 50. Кокары Игати. 11.X.1938, устье р. Логаты.

Рассказчик сам вадосевский иганасан, и здесь он рассказывает о происхождении некоторых родов вадосевских иганасан.

Что название рода Кокары значит «Журавль» — это верно. Но объяснение, которое здесь дано, представляет собой обычную народную этимологию. Вероятно, родовое название «журавль» у иганасан представляет пережиток древних тотемических названий родов.

№ 51. Чуванчар Хенделю. 17.VIII.1957, пос. Усть-Боганида.

Это предание Хенделю Чуванчар не рассказал, а написал. Это первое предание, написанное иганасаном. Часть рода Чуванчар действительно ведет свое происхождение от некоего Степана Курсыма, или Курсымина (см. «Легенды и сказки иганасанов», Красноярск, 1938).

Сам сюжет о мальчике, на которого свалили вину за неудачную охоту, очень распространен в фольклоре эвенков. Также распространен у эвенков, даже в Забайкалье, сюжет о бое лося со своей тенью. Этот же эпизод имеется и в напечатанном варианте предания о Степане Курсымине, упомянутом выше.

№ 52. Турдагин Надюй. 4.X.1938, устье р. Логаты.

Это предание представляет наиболее полный вариант очень популярного среди иганасан фольклорного сюжета о приходе одинокого татуированного гостя и его убийстве.

Самое замечательное в этом иганасанском предании, как и во всем цикле иганасанских легенд о столкновениях с «шитоидцами», это его несомненная связь с так называемым Оленекским хосунским эпосом, носителями которого в настоящее время являются северные якуты — оленеводы бассейнов Олеспка, Атабара, Хатанги и низовий Лены, по которым, в противоположность мнению Г. В. Ксефонтова, мы никоим образом не можем считать якутским по происхождению. Без сомнения, этот эпос сложился в среде охотников за дикими оленями, живших на указанной выше территории (включая и Восточный Таймыр) еще до появления здесь якутов. Считаю нужным пояснить некоторые детали. Кабюма поставил группу связанных друг с другом оленей перед чумом, чтобы создать своему противнику лишнее препятствие, когда он начнет выбираться из чума. Когда в иганасанских рассказах говорится, что у кого-то «кровь иная» или «стала илой», это намек на то, что

данный человек кого-то убил. Совершенное когда-либо убийство, по мнению нганасан, накладывает свой отпечаток на выражение лица убийцы, меняет его кровь, психологию и т. д. Все это якобы позволяет узнать, что человек когда-либо совершил убийство. Складывающаяся пальма — это, вероятно, сабля. По объяснению рассказчика, найденная в лесу вторая дорога, ответвлявшаяся от той, по которой пошел Кабюмэ-сын с товарищами, — дорога шитолицего с пятью полосками на переносье, убившего Кабюмэ-отца. К нему присоединился и убежавший удалый питолиций в белой парке. По этой дороге Кабюмэ-сын и его товарищи не пошли.

Выражение «держи шкатулку» связано с передачей дел после выборов князя в XIX — начале XX в. В специальной коробке (шкатулке) хранились архив и касса племени.

Отметим противоречие. Сперва Кабюмэ-сын хотел похоронить своего товарища в захоронении, сделанном из стволов деревьев, а затем все же похоронил в земле. Здесь дело в том, что способ захоронения определялся у нганасан местными условиями. В лесу они сооружали над покойником коническое сооружение (маталирма) из бревен, в тундре летом хоронили в земле, а зимой оставляли прямо на сайках.

В этом произведении нганасанского фольклора сочетаются архаичные и новейшие черты. Древним является сам сюжет встречи жителей тундры с лесными эвенками. Но то, что эти жители тундры сами являются якобы эвенками, живут отдельными семьями, а не родовыми коллективами, имеют оленей, упоминают «невидимого бога» и т. д., — все это представляет изменения, внесенные в рассказ, вероятно, недавно.

Любопытен эпизод с приходом пешего эвенка. Потом, как мы видели, оказывается, что у этого эвенка все же имеются олени. Может быть, здесь мы имеем своего рода контаминацию двух разных сюжетов: прихода охотника из какого-то другого народа, не имевшего оленей (это могло быть даже воспоминание о каких-то древних пеших охотниках или навеяно позже встречами с русскими и коми промышленными людьми в XVII в.), и столкновения между собой двух оленеводческих групп (таежных эвенков и тундровых жителей, представлявших отунгушенных аборигенов — палеоазиатов). Вероятнее всего, что в тундровых эвенках надо видеть тавгов или тидирисов — предков части современных нганасан, которые к приходу русских в Сибирь уже испытывали большое эвенкийское влияние и собственно эвенков — обитателей тайги за горами к югу от территории нганасан.

№ 53. Порбин Полемишэ. 13.X.1938, устье р. Логаты.

Это предание (вариант начала Кабюмэ фату, см. выше) интересно тем, что в нем совершенно четко представлены две этнические группы, вошедшие в состав нганасан, — тунгусы и самодийцы (в лице сомату). Особенно характерно, что здесь фигурирует именно энец, а не нганасан. Если встать на точку зрения, что нганасаны образовались из слияния тундровых тунгусов и самодийцев, в частности энцев (мы отыскаемся в данном случае от первоначального палеоазиатского субстрата в составе этих племен), то это совершенно понятно. В эпоху, к которой относится действие предания, нганасан как народности еще не существовало и образовавшие

их составные этнические элементы существовали еще как самостоятельными, отдельные, хотя соседние и дружественные племена. Но из этого предания (как и из легенды о Кабюмэ фату) чувствуется и то, что фабула о приходе татуированного гостя отражает в себе и еще какие-то древние этнические знакомства предков иганасан помимо эвенков. Нижние санки с привязанной к ним собакой, волосатость шитолдшего врага — все это не эвенкийские черты (по крайней мере не позднейших эвенков).

№ 54. Игомде Семен. 27.X.1938, верховья р. Большой Волчьей.

Тут оба действующих лица — «тунгусы». Трудно решить, который вариант древнее, этот или предыдущий. Но если считать, что сближение северных тунгусов с самодийцами произошло позже знакомства с южными эвенками, то этому варианту надо отдать предпочтение и рассматривать его как исходный, а поделку одного из действующих лиц в энциклопедии считать позднейшей интерполяцией, вызванной новыми межплеменными отношениями. Но, с другой стороны, как показывает приводимое ниже предание «Случай после охоты на гусей», возможно, что в первоначальном варианте оставленного топора не было, а он появился тоже позже, вместе с энцием.

Характерно, что добыча уродливого дикого оленя считается плохой приметой, которая сразу заставляет вспомнить о постоянной в те времена опасности нападения со стороны врагов.

Упоминание об избе представляет собой явный анахронизм. Рассказчик отождествлял героев рассказа с современными ему долганами, которые научились у русских строить избы, и ввел эту деталь в повествование.

№ 55. Турдагин Салопа. 27.IX.1938, р. Большая Волчья.

Приведенная в конце предания мораль, связывающая героев его с современными долганами, без сомнения, является самой позднейшей интерпретацией. В этом варианте интересно утверждение, что пришелец говорит на другом языке. Но, может быть, рассказчик здесь тоже имел в виду разницу между якутским в своей основе языком долгаи и собственно эвенкийским языком эвенков, живущих в горах к югу от Таймыра и еще дальше на юг. Дело в том, что по-русски рассказчик все время называл своего героя, тундрового тунгуса, долганом. Но это тоже, конечно, позднее осмысление сюжета, так как якутоязычные долганы появились по соседству с иганасанами лишь в XVIII в.

№ 56. Яроцкий Танура. 30.IX.1938, устье р. Логаты.

В этом рассказе обстановка уже вполне модернизирована. Рассказывается о семье современных долгаи, к которым пришел татуированный человек. Может быть, в данном случае было бы правильное переводить слово «ася» не тунгус, а долгаи.

Из архаичных элементов рассказа здесь сохранено лишь наличие у убитого врага двух сердец, причем очень своеобразно объясняется способ, каким это второе сердце толкает его обладателя совершать убийства.

№ 57. Кокары Нгатэсв. 1.X.1938, устье р. Логаты.

Герой этих рассказов о госте с собаками, по всей вероятности, все тот же, известный нам Кабюмэ фату. Интересно, что в этом варианте у него сын, который ходит в красных бакарих. Ниже мы

встретим старика Лакуну, у которого сын ходит на красных лыжах. Про самого Лакуну иганасаны сообщают, что это был в молодости большой разбойник, «убивший много шитолицых». Таким образом, Кабюмэ фату как бы является Лакуной в молодости, а, следовательно, цикл об убийстве гостя как будто должен предшествовать циклу о сыновьях Лакуны (см. ниже).

Название «Платоличера» дословно означает «Платона род» (фратрия). Кто такой этот Платон, нам неизвестно. Видимо, рассказчик улаживает героя рассказа с предком какой-то группы (патронимии) современных долган, потому что сами иганасаны, за редкими исключениями, не имели православных имен. Произошло это, вероятно, потому, что сами иганасаны не осознают сейчас себя тундровыми тунгусами, а долганы для них действительно тундровые тунгусы. Возможно также, что этот цикл преданий бытовал и среди долган и был приурочен ими к одной из своих патронимий.

№ 58. Порбия Камсэ 8.X.1938, устье р. Логаты.

В этом варианте гибнут оба — и хозяин чума, тундровый тунгус, и пришелец, гость — татуированный лесной тунгус. Данный текст интересен еще тем, что он сообщает имя героя. Правда, оно произносилось невнятно. Слышалось Ипюса и Инюема.

№ 59. Порбин Иолемптэ. 14.X.1938, устье р. Логаты.

Оелоко — это имя популярного персонажа долганских и якутских сказок, соответствующее иганасанскому Дийку, энецкому Дия, иенецкому Ёмба, юкагирскому Дебегену. Сказки об Оелоко (Дийку) носят совсем другой характер, и в данном случае это имя является, очевидно, позднейшей вставкой.

Маленькая светлая пальма, по описанию рассказчика, представляла нечто вроде сабли.

№ 60. Нгомде Семен. 26.X.1938, верховья р. Большой Волчьей.

В этом предании мы опять встречаем, как и в предыдущих, две праздующие стороны — лесных эвенков с татуированными лицами и северных, тундровых (точнее было бы сказать лесотундровых) людей. Характерно, что в этой «очень старой иганасанской сказке» героями опять-таки являются «тунгусы». Интересный вопрос встает в связи с присутствием в тексте предания «русского лекаря» Нюхоя.

Этот персонаж предания превратился, очевидно, в русского лекаря позднее, когда появились в тундре вести о могуществе русских врачей. Раньше несомненно это был тоже шаман, но другого племени, представители которого могли встречаться предкам иганасан среди эвенков. Характерно то, что Нюхой был «работником» эвенков, т. е. можно предполагать, что отдельные представители этого неизвестного племени были в рабстве у эвенков.

Работник Нюхой иганасанского предания соответствует работнику хосупа Чампарэ в преданиях Оленского хосупного эпоса, которого там называют Нючча, т. е. «русский». По-эвенски якут — нёка*. Я сам это слово записал у томпонского эвенка — пюхо. Таким образом, и лекарь Нюхой, иганасан, и работник Нючча Оленского эпоса первоначально, видимо, были якутами. Но в одном

* В. И. Левин, Краткий эвенко-русский словарь, М.—Л., 1936, стр. 82.

случае иганасаны, сохранив первоначальную эвенскую форму названия (мы знаем, что тавги были тунгусоязычным народом и, вероятнее всего, их язык был близок эвенскому), но забыв уже этот язык, истолковали его от слова «внучать» по-русски. В другом случае якуты, тоже не понимавшие слово «нёка» (нүхө), сблизили его с названием «нучча» (русский) и тоже получили «русского работника». Таким образом можно считать, что предание иганасан и Оленекский хосунный эпос первоначально рассказывались, вероятно, на языке, близком эвенскому, и что оформление эпоса произошло уже в эпоху, когда якуты проникали в тунгусскую среду Крайнего Севера еще только в скромной роли рабов — «работников», хотя более высокая культура якутов производила свое впечатление и скромный «работник» одновременно оказался могущественным шаманом.

Эпизод с отражением лица врага в воде встречается и в эвенкийском фольклоре в рассказах о «чапгитах» (разбойниках). Если исходить из преданий эвенков, то, судя по ним, у эвенков был период, может быть связанный с разложением материнского родового строя, когда образовывались отряды мужчины — бродяг, отправлявшихся в набеги на чужие племена и роды. Эти походы одновременно были и охотничьими предприятиями. Но так как места, обильные диким оленем, были по большей части на севере, в местностях, занятых другими племенами, в частности предками иганасан, то определить, где кончалась охотничья экспедиция и начинался набег на чужеземцев, было почти невозможно. Этот период военно-охотничьих набегов эвенков на север и отражен в вышеприведенных и других иганасанских преданиях, но не с точки зрения участников этих походов, а с точки зрения объектов этих набегов.

Странное поведение Дюнто вечером, когда произошло нападение на его чум, объясняется тем, что, видя ребенка в разнык углы чума, Дюнто, по объяснению рассказчика, создавал впечатление для стоящего снаружи врага, что в страхе мечется по всему чуму. Этим самым он хотел отвлечь Песцовую парку от своего истинного намерения выскочить в двери. Последний называет Дюнто «пасти делающим человеком», потому что в последнее время охота на песцов с помощью пастей была одним из важнейших занятий жителей тундры. Но для далекого прошлого это, конечно, анахронизм, так как система охоты пастями на севере Сибири была введена русскими.

№ 61. Яроккий Тапуре. З.Х.1938, устье р. Логаты.

В этом предании есть многое, связывающее его также с преданием о Кабюме фату и с фрагментом об оставленном топоре. Но объяснению иганасан, старший сын, наклонясь над водой, увидел в ней отражение лица врага, выглядывающего из-за яра над озером. Поэтому он принял меры, чтобы татуированный человек потерял след аргша его семьи.

№ 62. Чунанчар Мундуйко. 18.VIII.1957, пос. Усть-Боганида.

Этим текстом начинается серия преданий о старике Лакуне и его сыновьях. Как увидим ниже, старик Лакуна и его сыновья очень популярны в историческом фольклоре иганасан, связанном с Оленекским хосунным эпосом. Но само имя Лакуна и тот сюжет,

который лег в основу данного текста, насколько известно нам, встречаются только в фольклоре нганасан. Интересен эпизод с «шиттолицкими» тунгусами, живущими на острове. В связи с этим заметим, что у долган есть представление о том, что какие-то их предки жили на острове, где-то на востоке или юго-востоке.

Мы должны объяснить, почему шаман-тунгус умирает только тогда, когда в его рану засунута шкура, на которой сидела женщина. Предполагается, что нечистота женщины убила силу шамана.

Упоминаемый в самом начале некий Боримэ — сын рассказчика, которому в 1957 г. было 5 лет.

№ 63. Порбия Като. 8.IV.1927, р. Сонитэ. Запись А. П. Лекаренко.

К сожалению, этот чрезвычайно интересный вариант предания о сыновьях Лакуны А. П. Лекаренко записан не до конца. В нем кроме ряда подробностей, отсутствующих в других вариантах, интересно, что Лакуна и его сыновья прямо отождествляются с предками нганасан. Это указание можно понимать только таким образом, что потомки племени, в котором сложилось предание о Лакуне и его сыновьях, сейчас являются нганасанами и это настоящее состояние их прослеживается в прошлое. Из особенностей этого предания отметим последнюю часть его, где не сыновья Лакуны идут по следам своих врагов, а, как и в предыдущем варианте, мстители, «шиттолицы» звенки преследуют их. Такое положение фактически имеет место и в других вариантах, но более или менее тщательно затушевано, очевидно, в угоду самолюбию посетителей эмоса. Что же касается звенка, свойственника Лакуны, то в его лице мы имеем какую-то группу звенков, сближающуюся с племенем, олицетворяемым Лакуной. Понимание нганасанских преданий в этом отношении затруднено тем, что для обозначения северных тунгусов, предки которых вошли в состав нганасан и которые по происхождению представляют не тунгусское племя, и для южных тунгусов они употребляют одно и то же слово «ася». Только по дальнейшему изложению и по эпитету «шиттолицкий» или «тундровый» можно узнать, о ком же идет речь в таких случаях. Вполне допустимо также, что резкой грани между северными отунгусскими племенами и настоящими «шиттолицкими» тунгусами не существовало и что были племена, переходные по своим этническим признакам.

Веги, по которым сыновья Лакуны нашли чумы, состоят из палок с посаженными на них, один за другим, кусками дерева. Такие линии («дороги») веж служили для того, чтобы вспугнутой стаде диких оленей направить прямо к речной переправе, где его ожидали охотники.

№ 64. Нгомде Соуптэ. 27.IX.1938, р. Большая Волчья.

По словам рассказчика, Лакуна был ася («тунгус»). Был он большим разбойником, убивал своих и чужих и поэтому жил в стороне от всех (ср. предания о Кабюмэ фату).

К этой легенде Кокары Хэлиптэ 8.X.1938 добавил: «Старик жил на берегу большой реки в голомо. Промышлял рыбу. Был он ася (тунгус). Жена у него умерла раньше. Были у него два близнеца-мальчика. Имя этих детей — Два близнеца (Ситти дяка). Старика имя — Лакуна».

Предание о сыновьях Лакуны — одно из популярнейших у иганасан. Нам предлагали рассказать это предание почти все иганасаны, к которым мы обращались при сборе фольклора.

По объяснению рассказчика, Лакуна значит «кашляющий», «чахоточный». По-эвенкийски «лекин» — «чахотка». Оставив тело своего отца в чуме и завалив последний бревнами, сыновья Лакуны фактически соорудили маталыр-ма — древнее погребальное сооружение иганасан.

Выражение «с длинными ногами и маленькими костями» означает «длинноногий, но тонкого сложения человек». Перед чумами иганасан всегда стоят веревцы (аргиши) грузовых санок. Поэтому «шитолицым», когда они вышли из чума, пришлось обегать их.

Дудыпта в настоящее время — это правый приток Пясины, текущий в общем как раз по границе леса и тундры. В прошлом считалось, что Дудыпта впадает в Авам, а последний — в Пясины.

Этой записью мы заканчиваем те варианты преданий о сыновьях Лакуны, в которых имеются эпизоды с состязаниями в прыжках, нырянии и где рассказывается об острове, на жителей которого нападают сыновья Лакуны. Ниже приводятся предания о сыновьях Лакуны несколько иного характера.

№ 65. Порбип Полемига. 8.X.1938, устье р. Логаты.

Охотник и рыбак Лакуна, в землю которого приходят охотиться на диких оленей эвенки, очевидно, олицетворяет в данном случае древнее население лесотундры. Обратим внимание на то, что Лакуна живет оседло, в голомо, оленей у него нет, для его сыновей обычна ходьба на лыжах. Характерно сходство этого предания с рассказываемыми якутами Ессей и Оленека преданиями об Урэпе. Сыновья Лакуны в данном случае как бы представляют врагов Урэла — маятов, по главе с Юнгкэбилем (Ункаулем) нападающих на Урэна и его народ с севера. Урэп и его народ в якутско-эвенкийских преданиях соответствуют «шитолицым» эвенкам иганасанских легенд.

В отличие от предыдущих текстов здесь «шитолицы» эвенки приходят сперва в землю Лакуны и его сыновей, а не наоборот. В этом предании нет также состязаний в прыжках и нырянии и эпизода по берегу против острова, населенного эвенками.

№ 66. Чуналчар Мудуйко. 28.VIII.1957, пос. Усть-Боганида.

Этот вариант очень близок к предыдущему, по приход «шитолицы» в голомо, камлание и вода из-под земли связывают эту запись со следующей.

Упоминаемый здесь бог Нилу-пгуо, т. е. «жизни бог», это, собственно говоря, бог диких оленей. Так как дикие олени были основным источником существования, жизни, то он и назывался «Жизни богом». По-видимому, это было существо женского пола.

Любопытно упоминание об оз. Ессей. Здесь еще в XVII в. жило эвенкийское племя, потомки которого образовали племя вадесвских иганасан.

№ 67. Кокары Нгатэси. 1.X.1938, устье р. Логаты.

Как видим, эта запись представляет сочетание двух предыдущих вариантов преданий о сыновьях Лакуны с эпизодами, в которых большую роль играют медведи. Так почти незаметно мы

перейдем от Лакуны и его сыновей к преданиям о людях и медведях.

№ 68. Нгомде Семен. 27.X.1938, верховья р. Большой Волчьей.

Это предание, несомненно, также связано с циклом о Лакуне. В старике нетрудно узнать старика Лакуну, как и его сына Красные лыжи. Поскольку иганасаны в настоящее время лыж не употребляют, то красные лыжи превратились в красные бакари. К сожалению, предание сильно модернизировано и содержит в себе ряд анахронизмов, характерных для рассказчиков-шаманов, каковым был и Семен Нгомде. Так, например, старик, герой рассказа, восклицает, что у него «Христос-бог есть». Эту деталь Семен явно ввел для того, чтобы сделать свой рассказ более правдоподобным, так как к началу XX в. эвенки уже были крещены. Поэтому введено и упоминание о кресте, о св. Николае («Микольский») и т. п. Но здесь концы с концами явно не сведены. Герой, после того как он восклицает: «Я крещеный человек!» — вдруг заявляет, что он будет молиться солдцу. Очевидно, и в других местах детали, навеянные христианизацией, сменили какие-то другие, архаичные образы. Во всем этом чувствуется желание шамана блеснуть своей теологической образованностью, хотя сам он, как и все иганасаны, не был крещен и о христианстве имел самое смутное представление. Вообще, весь рассказ этот пропитан шаманистической идеологией, и даже столкновение с «шитолицынями» сведено к столкновению двух шаманов.

Этой записью мы заканчиваем наш цикл о Лакуне и его сыновьях. Вместе с тем мы теперь уже в середине цикла рассказов с участием медведей.

№ 69. Кокары Хэлинта. 6.X.1938, устье р. Логаты.

Это иганасанское предание разворачивает свои действия целиком в эвенкийской среде. Интересны медведи в качестве дружественного самостоятельного народа. Здесь мы, очевидно, имеем дело с древнейшими зоолатрическими представлениями северных племен.

Характерно также, что самодийцы появились в этом предании как олениводы, у которых герой выпрашивает оленей. Поскольку и отец с дядей «сына медведя», и их праг Нётараку — все являются татуированными эвенками, то данное предание, по всей вероятности, является чисто эвенкийской эпопеей о межродовых столкновениях. К иганасанам оно попало, очевидно, от эвенкийского компонента, вошедшего в их состав. Поясним некоторые детали. Иганасаны спят обнаженными. Поэтому отец героя, на которого напали во сне, бежал голым. Это показывало, что на него напали внезапно и он должен был бежать не одевшись. То, что Нётараку приходил «играть в карты», представляет явный анахронизм. По объяснению рассказчика, все семь человек, убитых сыном медведя, были не эвенки, а «самоеды». Но какие, иганасаны или энцы, этого он объяснить не мог. Столкновение с каждым из этих людей повторяло подробности первого. Мы их опускаем.

Выражение «речь сказки.. прямо на яр ушла» означает, что рассказ оставляет сына медведя и ведется независимо от него, как бы рассказывая то, что видно с яра.

«Отца имя как говорить стану?» — здесь дело в том, что игана-

саны не могли по старым обычаям назвать имя отца или вообще человека старшего по возрасту.

№ 70. Кокары Халипта. 7.X.1938, устье р. Логаты.

Это предание интересно тем, что рисует бытовую сторону отношений разных племен: тундровые и лесные эвенки живут рядом, вместе охотятся и т. д. В качестве агрессивного элемента в этом предании в отличие от большинства других выступают тундровые эвенки. Интересен эвенок-кузнец. Этот образ обычен для преданий о хосунах, рассказываемых северными якутами-оленоводами. Как мы указывали, очень вероятно, что некоторые племена тунгусов лесотундры, в том числе часть предков нганасан, с железом познакомились именно через посредство южных эвенков.

Типична концовка. Герой родится с самодийцами, и на этом заканчивается самостоятельное существование его семьи, заполненное вооруженными столкновениями с соседями. В этом эпизоде нельзя не усмотреть намек на действительную судьбу части северо-западных эвенкийских племен, в конце концов превратившихся в самодийцев-нганасан. Бессмысленная, на наш взгляд, жестокость героев предания лежит, очевидно, в пережитках традиций кровной мести и межплеменных столкновений.

Это предание также имеет свои варианты, из которых нами записаны еще два. Поясним детали.

Каждый из возвращавшихся охотников давал часть своей добычи соседу. Этот древний обычай соблюдался до последнего времени.

То, что эвенки, охотники на диких оленей, ездили на санках, несомненно представляет анахронизм.

Женщина, которая жила в чуме с сыновьями охотника на медведей и которая в конце концов женила младшего из них, это вдова убитого приемного отца.

Старик, брат убитого кузнеца, был отцом пяти убитых охотников.

«Дикий на плохой земле», т. е. на неудобной для охоты.

Каких «самодеев» нашел в конце концов сын охотника на медведя, нганасан или энцев, этого рассказчик не мог объяснить.

№ 71. Турдагин Нгандуо (Моптуку). 3.X.1948, пос. Воронцово.

В этом рассказе, как, впрочем, и во многих других фольклорных произведениях нганасан, мы опять имеем тундровых людей, в которых можно видеть отунгусеиных налеозазнатов, и лесных татуированных эвенков. Опять показана совместная жизнь представителей обеих этих этнических групп, не обходящаяся, правда, без ссоры и столкновений. Видимо, такие мирные и враждебные контакты жителей тундры и жителей лесов были частым явлением и поэтому отразились в фольклоре. Здесь тоже чувствуется особое отношение к медведям: с одной стороны, с них охотятся, а с другой — злоупотребляющий такого рода промыслом охотник гибнет. Любопытно, что еще Миддендорфу нганасаны рассказывали, что медведи представляют как бы особый народ, вступающий в организованную борьбу с охотниками.

№ 72. Турдагин Нгандуо (Моптуку). 2.X.1948, пос. Воронцово.

По-видимому, это предание связано с происхождением рода Лианчера, с их предками тидарисами, кочевавшими у Норильских

озер. Нападения эвенков, очевидно, вынудили тидирисов, тоже являвшихся эвенками, но вступившими в брачные и другие отношения с самодийцами, отойти дальше на север, в тундру, где они были окончательно ассимилированы самодийцами. Истребление стойбища эвенков шаманским зверем оленем и другие детали этого рассказа навеяны проникновением к нганасанам шаманистической идеологии, хотя первоначально образ защитника-оленя, так же как образ воспитателя-медведя (см. выше), мог быть связан с тотемическими или зоолатрическими представлениями.

№ 73. Лотарю Порбин. 14.X.1938, устье р. Логаты.

Похищение самодийских женщин Таймыра лесными эвенками нашло свое отражение даже в русских исторических документах. Так, в статье Д. И. Андреева «Буляни» («Советская этнография», 1937, № 2—3, стр. 112) на основании документальных данных сообщается, что в 1626 г. в районе озер Воеволи и верховьев Оленека русские служилые люди нашли у эвенков пленную «тидирискую», т. е. нганасанскую, девушку. Нам лично в районе Чиринды эвенки рассказывали, что их предки делали набеги на «Ламу», т. е. на Таймыр, и похищали там женщин. Таким образом, вышеприведенное предание имело свои основания в реальной жизни еще лет триста назад. В этом предании опять-таки интересны взаимоотношения племен. Мы видим оленевода-энца, которому помогает и у которого в свою очередь тоже просит помощи бедный рыболов, тундровый эвенк, против общего врага — «лесных эвенков». В предании хорошо проступают причины, сближающие энцев и тундровых эвенков. Оленеводы тундры, энцы, чувствуют себя беспомощными в непривычной для них лесной обстановке, в незнакомой местности.

С другой стороны, тундровым эвенкам необходима помощь оленных, многочисленных и обладающих лучшими видами военного снаряжения (хотя бы те же кольчуги) энцев, для того чтобы не стать легкой добычей многочисленных (это обстоятельство во всех преданиях явно подчеркивается) и воинственных таежных эвенкийских племен.

№ 74. Яроцкий Танурз. 30.IX.1938, устье р. Логаты.

В этом варианте предания энец называется по-русски просто «самодий». Поэтому нельзя сказать точно, кто это — энец или нганасан.

Обращаем внимание на подчеркиваемую все время в тексте бедность «тунгуса». Это обстоятельство несомненно толкало северных эвенков, или эвенос, живших в бассейне Хеты, Котуя, Анабара и Оленека, на сближение и ассимиляцию с оленными самодийцами.

Это предание является одним из распространеннейших у нганасан. В сборнике «Легенды и сказки нганасанов» (Красноярск, 1938) нами опубликованы и другие его варианты. Можно было бы записать и еще несколько вариантов, так как предание знают почти все нганасаны.

Отметим еще, что отделанная мамонтовой костью стрела эвенка и отделанная оловом стрела «самодина» свидетельствуют не только о различии в имущественном положении и не случайны. Может быть, здесь дело в том, что северные эвенки употребляли

еще костяные наконечники стрел в то время, когда самопйцы уже знали металлические.

Подчеркиваемое этим и другими текстами различие между тундровыми и лесными эвенками, очевидно, отражает разное происхождение этих этнографических групп. Мы уже указывали, что в тундровых эвенках можно видеть отупгушенных палеоазиатов. В настоящее время нганасаны считают, что это долганы, но несомненно, что такое объяснение возникло позже, едва ли раньше конца XIX — начала XX в.

Слово «тандя» означает не только работника, но и солдата, воица. Название Кубаса (бисерный), очевидно, имеет в виду расшитую бисером одежду этих эвенков.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ РАНЕЕ В СЕРИИ
«СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ ВОСТОКА»

1. Медноволосая девушка (калмыцкие народные сказки), 1964.
2. Сказки Мадагаскара, 1965.
3. Сказки народов Дагестана, 1965.
4. Сказки мамприси, 1966.
5. Турецкие народные сказки, 1967.
6. Проданный сон (туркменские народные сказки), 1969.
7. Курдские народные сказки, 1970.
8. Сказки и мифы Океании, 1970.
9. Сказки народов Вьетнама, 1970.
10. Сказки Центральной Индии, 1971.
11. Аварские народные сказки, 1972.
12. Афганские сказки и легенды, 1972.
13. Тувиноские народные сказки, 1972.
14. Грузинские народные предания и легенды, 1973.
15. Осетинские народные сказки, 1973.
16. Продолжи хитрецов, 1973.
17. Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки, 1974.
18. Абхазские народные сказки, 1975.
19. Книга о судах и судьях, 1975.
20. Сказки и мифы народов Филиппин, 1975.

ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ В СЕРИИ

1. Сказки народов Африки.
2. Сказки народов Бирмы.
3. Сказки народов Памира.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	5
Введение	7

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

1. Миф о мироздании	39
2. Миф о Дэйба-нгуо	44
3. Сотворение земли	49
4. Как утка принесла землю	50
5. Землю паладиншая утка	51
6. О сотворении земли	51
7. Устроение земли	52
8. Получение огня	53
9. Первые люди	53
10. Происхождение людей	54
11. О происхождении людей	55
12. Ворон и лебедь	56
13. Мать воронов	57
14. Тепло	57
15. Комары	58
16. Полет в землю Гусей матери	59
17. Шамап на луне	61
18. Дянгу	62
19. У отца счастья	66
20. Боги промыслов	69
21. Происхождение идолов	79
22. В земле мертвецов	81
23. Воскрешение девушки	92
24. Семь ледяных девушек	95
25. Воскресший человек	98
26. В голодный год	101
27. Сырада-нямы	105
28. Отцы рыб и диких оленей	106
29. Невестка Моу-нямы	109
30. Жена мертвеца	116
31. Чайки	118
32. Чина-Барангуй	121
33. Отец болезней	126

34. Моричэ-барба и баруси	130
35. Безголовые люди	135
36. Моррэда и безголовые люди	137
37. Озеро смерти	141

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ

38. О древних людях на Таймыре	149
39. Волосатые люди	150
40. О приходе авамских иганасан	153
41. О происхождении авамских самоедов	154
42. В земле чукчей	156
43. О чукчах	159
44. Приход авамских иганасан	160
45. История авамских иганасан	161
46. Сядач Саугуды	165
47. Война с юраками	167
48. Сын Союму	173
49. О роде Чуанчера	179
50. О родах Кокары и Кулчик	180
51. О Степане Курсамине	180
52. Кабюэ фату	182
53. Оставленный топор (Вариант 1)	198
54. Оставленный топор (Вариант 2)	202
55. Гость с собаками (Вариант 1)	203
56. Гость с собаками (Вариант 2)	205
57. Гость с собаками (Вариант 3)	207
58. Гость с собакой (Вариант 4)	209
59. Гость с собакой (Вариант 5)	210
60. Дюпто	211
61. Случай после охоты на гусей (Вариант эпизода из «Дюпто»)	215
62. Сыновья Лакуны (Вариант 1)	217
63. Сыновья Лакуны (Вариант 2)	225
64. Сыновья Лакуны (Вариант 3)	231
65. Сыновья Лакуны (Вариант 4)	241
66. Сыновья Лакуны (Вариант 5)	250
67. Старик и его сыновья	256
68. Медведи и старик	260
69. Сын медведя	263
70. Сыновья охотника на медведей (Вариант 1)	271
71. Сыновья охотника на медведей (Вариант 2)	277
72. Война с тунгусами	281
73. Похищение женщины (Вариант 1)	283
74. Похищение женщины (Вариант 2)	291
Иганасанские слова и выражения, употребленные рассказчиками и замененные русскими эквивалентами	297
Словарь местных русских и иганасанских терминов и выражений	299
Сведения о рассказчиках	308
Комментарии	313

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СКАЗКИ
И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ
ИГНАСАН

*Утверждено к печати
редколлегией серии «Сказки и мифы
народов Востока»*

Редактор И. Л. Елсвич
Младший редактор И. И. Исаева
Художник Л. С. Эрман
Художественный редактор
И. Р. Баскин
Технический редактор
Л. Ш. Береславская
Корректоры В. А. Захарова и Л. И. Пясьман

Сдано в набор 18/VII 1975 г. Подписано
к печати 17/III 1976 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Бум. № 1. Печ. л. 21,5. Усл. п. л. 19,99.
Уч.-изд. л. 20,89. Тираж 75 000 экз.
Изд. № 2390. Зав. № 4746. Цена 1 р. 32 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16

Мифологические сказки и исторические предания
М 68 нганасан. Запись и подготовка текстов, введение и
комментарии Б. О. Долгих. М., Главная редакция во-
сточной литературы издательства «Наука», 1976.

344 с. («Сказки и мифы народов Востока»).

Широкая публикация повествовательного фольклора нган-
сан — коренных жителей Таймырского национального округа. Со-
провождается предисловием и примечаниями.

Рассчитана на взрослого читателя.

М $\frac{70304-070}{013(02)-76}$ 204-76

С